

Роман Глушков Холодная кровь

S.T.A.L.K.E.R. –

Текст предоставлен издательством <http://www.litres.ru>
«Глушков Роман Холодная кровь»: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26265-6

Аннотация

Майор Константин Куприянов, специальный оперативник-интродер военно-разведывательного Ведомства, проник в Зону не ради поиска артефактов и острых ощущений. Выполняя приказ командования, он идет по следу похищенного ракетного комплекса "Пурга-Д", переправленного через периметр Зоны бандой контрабандистов в погонах. Задача майора – не допустить, чтобы новейшее оружие попало в руки военизированной секты "Монолит", намеревающейся с его помощью уничтожить Небесного Паука – загадочную неприступную цитадель. Планируя операцию, Куприянов не представляет, в какую коварную ловушку заведет его рейд по Зоне, которая вознамерилась столкнуть интродера с самым жестоким врагом – его собственным кровавым прошлым...

Роман Глушков Холодная кровь

«Он стоял у порога тайны, где прахом рассыпаются наши расчеты, где река времени исчезает в песках вечности, где гибель формулы заключена в пробирке, где царят хаос и древняя ночь и сквозь сон мы слышим в эфире хохот».

«Но я не ушел – и, должно быть, правильно сделал, потому что вы никогда не сможете уйти от того, от чего вам хотелось бы уйти больше всего на свете».

Роберт Пенн Уоррен «Вся королевская рать»

Глава 1

Кордон не зря считается визитной карточкой Зоны, которую она нахально тычет в нос

каждому пересекшему периметр зеленому сталкеру. Дескать, вот она какая – Зона, – а здесь то, что она может предложить вам для ознакомления из своих образцов. Будьте осторожны: прямо перед вами – коварная аномалия. (Не видите? Уж поверьте – она там точно есть. А не верите, так проверьте. Или слабо?) В ближайшей ложбине – парочка не слишком ценных артефактов, а вон там, возле заброшенной фермы, – злобные, тупые и вечно голодные мутанты. Но это далеко не весь ассортимент Зоны. Хотите ознакомиться с ним поподробнее? Никаких проблем, пойдете дальше. А пропала охота – проваливайте восвояси, пока еще есть возможность. Однако если примете предложение, непременно останетесь довольны. Полный спектр экстремальных развлечений ожидает вас, как только вы минуете последний блокпост и, покинув Кордон, окажетесь в настоящем «бизнесе». С этого мгновения разорвать контракт будет гораздо сложнее, а в качестве неустойки по нему Зона может затребовать вашу жизнь. Таковы правила. Вас сюда никто не звал, но раз уж вы все-таки явились, извольте подчиняться...

Майор Константин Куприянов, он же оперативник-интродер Вedomства, работающий под кодовым именем Кальтер, был не единожды бит сухой-жизнью и, взглянув на «визитку» Зоны, сразу понял, с какой паскудной тварью ему предстоит иметь дело. Однако, в отличие от прочих искателей приключений, что подписывали с нею контракт на добровольной основе, у майора не было выбора. В этой сделке он являлся всего лишь исполнителем приказов своего командования. А оно не давало Кальтеру права отвергать сотрудничество с Зоной на основе личной неприязни к ней. И потому интродер, осмотрев Кордон в бинокль с первого же попавшегося на пути холма, лишь раздосадованно скрипнул зубами и отправился на юго-запад, к месту встречи с осведомителем.

Тяжелые серые тучи ползли над головой Кальтера так низко, что казалось, до них можно дотянуться рукой. Вечно пасмурное, свинцовое небо Зоны походило на дополнительный саркофаг, сооруженный могучими силами природы поверх основного над Четвертым реактором ЧАЭС и прилегающей к нему территорией. Мать-природа явно не доверяла в этом вопросе своему нерадивому дитяти – строителю первого Саркофага – человеку, вот и перестраховывалась. Да и как тут доверять – ведь не кто иной, как человек построил в этих местах ядерную электростанцию и позволил четверть века назад взорваться одному из ее реакторов. Последствия того взрыва до сих пор будоражат не только Европу, но и весь мир, пристально следящий за тем, что творится в Зоне.

Где-то за тучами скрывалось солнце – желанный, но редкий гость в этих местах. Сегодня оно точно не появится. Скорее, наоборот, к полудню разразится дождь. Сухая трава и желтеющие, готовые вот-вот облететь листья деревьев шелестели на ветру, и Кальтеру почему-то не верилось, что когда-то они были зелеными. Майор скорее поверил бы, что местная флора вырастает уже сухой и пожухлой, поскольку так и не сумел представить, как в Зоне на деревьях набухают почки, а из земли пробивается изумрудная молодая травка. Если что и рождается в изобилии на этой проклятой радиоактивной земле, так только аномалии. И кто вообще додумался присвоить им этот термин? Цветы, сочные луга, обычные, а не мутировавшие в монстров, животные и птицы – вот они-то и являются для Зоны аномальными. А смертельно опасные очаги паранормальной энергии – это по тутошним меркам норма.

Так же, как тотальное запустение, разруха и «постоянно переменчивый», холодный ветер, порой меняющий свое направление по несколько раз в минуту. Майор не хотел себе в этом признаваться, но он боялся местного ветра, поскольку тот был не просто незнакомым – он был *чужим*. Даже сухие и горячие ветры Ближнего Востока и Средней Азии, где Кальтеру часто приходилось бывать по долгу службы, были для него куда роднее, чем та воздушная стихия, которая дышала сейчас интродеру в лицо. И если бы дело заключалось только в специфических, по большей части тревожных запахах Зоны. Нет, в действительности все было гораздо сложнее. Кальтер не мог объяснить, что вызывает в нем эту «антиветренную» реакцию отторжения. Вероятно, вместе с обычными запахами в здешнем воздухе витали флюиды тех самых аномалий и мутантов, которые готовились заключить вторгнувшегося сюда интродера в свои смертоносные объятия.

Отвратительный коктейль жутких ароматов: постоянного страха смерти, ненависти, неизвестности и всеобщего увядания. Зона преподнесла Кальтеру грязную, покрытую

ржавчиной чашу, наполненную до краев этим дурно пахнущим напитком, и майору предстояло осушить ее до дна. Что поделаешь – судьба, а над ней майор был не властен. За него все решало могучее Ведомство, и если оно приказывало Кальтеру «Пей!», он давился, но выпивал выставленное ему пойло до последней капли. Так было и так есть. А будет ли дальше, никому не ведомо. Доживем – узнаем...

Четверть века назад на месте южного сектора нынешнего Кордона, через который и проник в Зону Кальтер, находился советский колхоз, и, судя по всему, довольно богатый. Обширные, давным-давно заросшие травой угодья; полуразрушенные фермы, сушилки, зернотоки, мехмастерские и гаражи; брошенная повсюду, насквозь проржавевшая техника... Прошагав перелесками пару километров, майор даже наткнулся на маленькую фабрику, предназначение которой сегодня определить уже не представлялось возможным. Поначалу Кальтер хотел туда завернуть, чтобы забраться на крышу двухэтажного цеха и получше изучить окрестности, но, подойдя поближе, обнаружил, что фабрика обитаема. Десяток вооруженных типов в потертых кожаных куртках расположились там на привал или охраняли какой-то ценный груз. Но явно не тот, который интересовал вторгшегося в Зону майора.

Интрuder схоронился в кустах и, включив микрофон направленного действия, нацелил его на притаившуюся за облупленными стенами компанию. Но вскоре прекратил разведку и, обойдя фабрику стороной, продолжил свой путь. Кальтеру хватило и короткого радиопрослушивания, чтобы понять, на кого он наткнулся. Специфический жаргон, на котором изъяснялись промышленяющие в Зоне бандитские шайки, позволял демаскировать эту публику даже в темноте – тоже, так сказать, визитная карточка одного из здешних стайных хищников.

Чтобы попасть в поселок, где проживал разыскиваемый Кальтером осведомитель, майору требовалось пересечь единственную в округе неширокую асфальтированную дорогу, по которой периодически курсировали армейские патрули. В отличие от бандитов, интрuder мог сделать это в открытую – выданные ему документы военного наблюдателя были подлинными. Однако показываясь раньше времени на глаза солдатам местного миротворческого контингента, Кальтер мог привлечь внимание людей, которых Стратег промаркировал ему в качестве «помехи». Что вынудило бы их насторожиться и перенести намеченную где-то в Зоне нелегальную сделку по продаже оружия. Поэтому интрuder решил перейти дорогу так, как его учили еще в детстве: прежде чем ступить на проезжую часть, внимательно посмотреть налево-направо во избежание эксцессов. Впрочем, в этих местах они могли подстергать пешехода даже на абсолютно пустынной дороге.

Последнюю сотню метров до препятствия Кальтеру пришлось двигаться по открытой местности, и когда он, крадучись, преодолел уже половину этого расстояния, на дороге вдруг нарисовался проклятый патруль. Солдаты неторопливо следовали в направлении второго – внутреннего – блокпоста, что располагался километром севернее, неподалеку от обвалившегося железнодорожного моста, некогда переброшенного через эту же дорогу. Военных сопровождали трое гражданских в защитных куртках-ветровках с капюшонами и в напыленных на лица простеньких респираторах. Сборная команда из еще не оперившихся сталкеров и армейцев могла показаться интрuderу странной, если бы его не уведомили, что на Кордоне подобное в порядке вещей. Почти у каждого обитателя Зоны, будь он хоть отъявленным бандюком, хоть рядовым солдатом-первогодком, имелся здесь свой маленький бизнес. Даже военные сталкеры, кадровые бойцы армейского спецназа, плевали на инструкции и втихую подторговывали собранными артефактами. Ну а простая мотопехота, которой запрещалось соваться в глубь зараженных территорий, зарабатывала себе на дембель, что называется, не отходя от казарм. Например, препровождая новоиспеченных сталкеров через Кордон, дабы те не нарвались преждевременно на бандитов или мутантов, и попутно читая салагам краткий инструктаж относительно поведения в Зоне.

Именно на такую группу и наткнулся подбирающийся к дороге интрuder. Его и патруль разделяло еще довольно приличное расстояние, но майор предпочел не рисковать. Заметив нежелательных свидетелей, он метнулся к первому же оказавшемуся на пути укрытию: стоящему в кювете ржавому трактору «Беларусь», покрышки которого давно истлели и превратились в лохмотья. Под ним вполне могла оказаться аномалия, но, к счастью, Кальтеру подфартило, и даже радиацией от трактора фонило не слишком сильно. Юркнув под тракторное

днище, майор притаился за массивной ступицей заднего колеса и стал практически частью нависшей над ним груды железного хлама. Благо расцветка камуфлированного майорского комбинезона была разработана лабораторией Ведомства специально для условий Зоны и позволяла незаметно прятаться хоть на мусорных свалках, хоть в поле, хоть на голых камнях. Тем более что играть в подобные прятки интродеру приходилось уже два десятка лет, и то, что он был до сих пор жив, являлось прямым доказательством его умения обманывать «водящих». А ведь бывало, в их роли выступали такие же мастера своего дела, как сам Кальтер. Чего стоили одни только пакистанские «черные аисты», с которыми майор столкнулся в прошлом году под Пешаваром...

Майор находился в Зоне считанные часы и только вникал в правила здешней жизни. «Не спеши и осмотри!» – гласило одно из них. Известный в Ведомстве ветеран спецотдела «Мизантроп», полевой оперативник Кальтер бывал в местах не менее отвратительных. Однако там, по крайней мере, ему противостояли обычные, а не «аномальные» враги, поведение коих было в целом предсказуемо. Здесь же нельзя было предсказать даже свой следующий шаг, не говоря об остальных местных причудах. Поэтому Кальтер старался не суетиться, пускай его и поджигало время. Иррациональные порядки Зоны требовали от майора вдумчивого их постижения, поскольку, свято блюдя конспирацию, Ведомство не предусмотрело для него проводника. Оно полагало, что «мизантроп» и сам во всем разберется. Но даже недолго походив по Кордону, Кальтер начал в этом сомневаться. Только куда деваться – приказ есть приказ, и это правило главенствовало над теми, которые интродеру еще предстояло постичь.

Пока что единственным врагом, с которым ему пришлось схватиться не на жизнь, а на смерть, являлась не в меру агрессивная фауна. Как любой из «мизантропов», майор предпочитал изучать незнакомого противника в бою, хотя без крайней необходимости Кальтер в схватку, естественно, не лез. Драться с мутантами интродер не намеревался, но порой чуткие твари сами раскрывали его маскировку и желали познакомиться с ним поближе.

Легче всего оказалось отделаться от стаи слепых псов, встретившихся Кальтеру сразу у внешнего проволочного ограждения. Полдюжины уродливых зверюг шархнулись в сторону, едва услышали щелчок взводимого винтовочного затвора. Майору даже не пришлось стрелять. Ход мысли безглазых собачек сработал в правильном направлении – кто-то из сталкеров явно научил эту стаю облезлых хищников уму-разуму, лишний раз подтвердив постулат дедушки Павлова об условных рефлексах.

Однако на этом короткая разминка закончилась, уступив место нескончаемому турниру, где главным и единственным призом для Кальтера стала его собственная жизнь, ценимая Ведомством, сказать по правде, куда выше, нежели самим «мизантропом».

Жирная бочкообразная тварь на длинных и тонких, будто у гигантского кузнечика, лапах, прозванная сталкерами псевдоплотью, не собиралась лакомиться майором, но ему все равно пришлось ее пристрелить. Что-то или кто-то вспугнул мутанта, и он галопом несясь прямо на притаившегося в высокой траве интродера. И если бы он не уложил монстра из своей компактной «ВМК-3.0», оснащенной интегрированным глушителем и multifunctionальной подствольной ракетницей, псевдоплоть налетела бы на Кальтера, переломав ему ребра и оттоптав почки.

А с псевдособаками, что ошивались возле оккупированной бандитами фабрики и учуяли крадущегося в кустах человека, вышел конфуз, едва не закончившийся для майора плачевно. Ничтоже сумняшеся, он решил отделаться от псевдопсов при помощи «Паникера» – специального репеллента, разработанного лабораторией Ведомства для быстрого и эффективного отпугивания хищных животных. Кальтер не стал проверять, испугаются ли щелканья затвора эти свирепые, клыкастые и, в отличие от первой встреченной им стаи, глазастые твари. Равно как и стрелять по ним интродер тоже поначалу отказался. Пальба из автоматической винтовки, даже имеющей хороший глушитель, вблизи бандитского лагеря обязательно долетела бы до ушей двуногих хищников со стрелковым оружием.

Завидев, как бегущая псевдособачья свора разворачивается и направляется к нему, Кальтер выхватил из разгрузочного жилета нужный экспресс-распылитель и «чихнул» из него навстречу приближающемуся зверью. После чего все же вскинул для острастки «ВМК» – а вдруг взятая майором в командировку химия не подействует?

Как в воду глядел. Поначалу все вроде бы шло гладко. Учувя неуловимый для человеческого носа «Паникер», псевдособаки шарахнулись в стороны и заматались по округе. «Отлично, – мысленно резюмировал майор полевое тестирование экспериментального репеллента. – По крайней мере, хотя бы одна из новых разработок наших «толстолобиков» окупил потраченные на нее бюджетные деньги».

Но не успел Кальтер убрать распылитель назад, в «разгрузку», как псевдособаки вновь сбились в дружную стаю и рванули к уже празднующему победу человеку. Если бы не лежащее неподалеку, вывороченное из земли с корнем дерево, вряд ли бы майор вышел без единой царапины из схватки с разъяренной сворой четвероногих мутантов. Кинувшись наутек, он вскочил на поваленный древесный ствол и, поспешно вскарабкавшись на недостижимую для псевдособак высоту, мысленно возблагодарил ту стихию, что уронила здесь этот могучий ясень. А также себя – за то, что всегда добросовестно относился к беговой и скалолазной подготовке (впрочем, недобросовестных бегунов и скалолазов в «Мизантропе» и не водилось).

Интрuder присмотрелся, не привлекла ли погоня внимание бандитов на фабрике. А затем, убедившись, что нет, методично расстрелял одиночными выстрелами мечущихся под деревом и исходящих слюной мутантов. После чего зарекся впредь забыть о нелетальных средствах самообороны и не подпускать к себе на близкое расстояние аномальных обитателей Зоны. Хотя уже через минуту понял, что дал себе глупую клятву – разве можно было в Зоне вообще от чего-то зарекаться?

С обнаружением очагов повышенной радиоактивности и аномалий – этих зловердных всплесков неизвестной энергии – у интудера вроде бы проблем не возникало. Опасная радиация улавливалась активным дозиметром. Ну а идущий в комплекте к сталкерскому ПДА – гибриду противоударного КПК и портативного радара – детектор аномалий фиксировал ближайшие их очаги, извещая о них назойливым вибросигналом («бипер» майор по вполне очевидным причинам сразу же отключил). Вдобавок вскоре Кальтер научился выявлять некоторые энергетические ловушки на глазок – они выдавали себя либо исходящим от них маревом, либо электрическими всполохами, либо фосфоресцирующим свечением.

Но насколько бы точно ни был настроен детектор и каким бы острым зрением ни обладал сам Кальтер, все равно пару раз он чуть было не проморгал эту угрозу. Еще до встречи с псевдособаками майор едва не влетел в «вихрь», приняв тот за его безобидную атмосферную разновидность. Просто в этот момент Кальтер смотрел на другую находящуюся поблизости аномалию – более заметный, в отличие от «вихря», «трамплин» – и полагал, что детектор сигнализирует именно о нем. Едва не угодив впросак (и это еще мягко сказано!), интудер вынес из происшествия два немаловажных урока. Первый: стал меньше полагаться на детектор – как и всякая электроника, тот тоже не был застрахован от сбоев. И второй: переложил сталкерское правило «Не спеши и осмотрись» на мотив прилипчивой песенки и мусолил его в голове до тех пор, пока оно, фигурально выражаясь, не отпечаталось у майора на подкорке.

Однако и эта ежесекундная бдительность помогала не всегда. Перестреляв псевдособак, Кальтер соскочил с дерева и чуть было не прижег себе макушку «жгучим пухом», что свисал с ветки поваленного ясеня. Не узнай интудер заранее, как выглядит эта аномалия, мимикрирующая под обычную плакучую растительность, и его победа над стаей мутантов была бы сильно омрачена. Не сказать хуже – полностью аннулирована.

Только теперь майор по-настоящему пожалел о допущенной оплошности. А именно: о не взятом им с собой проверенном сталкерском средстве исследования впереди лежащего пути – мешочке с железными болтами. Прокол был из разряда тех, которые интудерам уровня Кальтера допускать просто позорно. «Еще я всякий хлам в карманах не таскал! – презрительно подумал он, изучив собранные для него Стратегом оперативные материалы о Зоне. – Перебьюсь как-нибудь без болтов, чай, не вчера родился! На кой черт мне, спрашивается, глаза, уши и куча всякой дорогостоящей электроники?»

Зоне оставалось лишь посмеяться над самоуверенностью Кальтера. Порой ему казалось, что он даже слышит ехидное хихиканье этой твари, чей неизменно хмурый лик вроде бы не предполагал наличия у нее чувства юмора. А может, это было вовсе не хихиканье, а *чужой* ветер, завывающий в остовах раскуроченной техники и руинах окрестных ферм?..

После этой череды досадных случаев, каждый из которых мог легко завершиться

летальным исходом, Кальтер стал вдвойне осторожным. По личному опыту интродер знал: рано или поздно он обязательно столкнется с проблемой, решить которую нахрапом у него не выйдет. Зона щедра на сюрпризы, и на один приятный, как, например, найденный драгоценный артефакт, всегда приходится полсотни смертельно опасных.

Встреченный Кальтером армейский патруль сам по себе таковой опасностью, естественно, не являлся. Но он поневоле доставил майору целую уйму других трудностей. Миновав ржавую «Беларусь» и затаившегося под ней в кювете интродера, солдаты и сталкеры прошагали еще полсотни метров и поравнялись с будкой автобусной остановки, сохранившейся здесь с былых времен. Аналогичная постройка на противоположной обочине была разрушена до основания, и уцелевшая будка являлась единственным в округе удобным укрытием от дождя, что как раз начинал накрапывать над южным Кордоном.

Дождик был мелкий и в целом безобидный, поэтому командир патруля, глянув на небо, приказал солдатам продолжать движение по маршруту. Однако сталкеры не пожелали мокнуть и, коротко посоветовавшись, решили пересидеть непогоду в будке. Тем более что идти до второго блокпоста оставалось всего ничего, и проводники новичкам в принципе уже не требовались. На том и разошлись: военные двинули на север, а сталкерская троица уселась под навесом и, запалив таблетку сухого горючего, взялась разогревать на ней по очереди банки с консервами. Кальтер заметил, что все новички вооружены пистолетами, которые парни предусмотрительно повынимали из карманов, дабы все время держать оружие наготове.

Приникший к земле майор мысленно выругался: вот дерьмо – теперь, чтобы выйти из поля зрения сталкеров и миновать-таки злополучную дорогу, придется преодолевать по-пластунски довольно приличное расстояние. Можно, конечно, отринуть конспирацию и преодолеть преграду прямо здесь, в открытую. А любопытные вопросы этой троицы, которые она наверняка захочет задать первому встреченному ею сталкеру, попросту проигнорировать. Однако не стоило забывать, что рассевшимся в будке новичкам вскоре придется пересекать второй блокпост, где они могут проболтаться солдатам о необщительном скитальце в странном комбинезоне. Так что раскрывать свое присутствие интродер был не вправе.

Кальтер уже начал выползать из-под трактора, как вдруг заметил неподалеку какое-то движение. Желая выяснить, кто еще помимо троицы сталкеров бродит по округе, майор снова затаился и, аккуратно выглянув из-за колеса, присмотрелся получше.

Сначала интродеру почудилось, что бредущий по кювету параллельно дороге человек тоже обнаружил его и для пущей незаметности присел на корточки. Но едва он возобновил движение, Кальтер сразу же понял, что если этот субъект когда-то и был человеком, то теперь он не является таковым даже формально, поскольку давно внесен в сетевые сталкерские справочники под именем снорк. С обязательной пометкой: разумный и крайне опасный мутант.

Сильные и невероятно прыгучие снорки повадками больше походили на шимпанзе: передвигались зигзагообразными скачками, опираясь на четыре конечности, а набрасываясь на жертву, не кусали ее, а забивали до смерти сокрушительными ударами. При этом сами совершенно не чувствовали боли, отчего не беспокоились о самосохранении и всегда были покрыты с ног до головы незаживающими ранами.

Но самая любопытная особенность снорков, над которой до сих пор ломают голову исследователи Зоны, кроется в другом. Этот злобный мутант почему-то жутко стесняется своего лица, вернее, морды, и всячески ее прячет, обожая использовать для этого старые противогазные маски, которые можно без проблем отыскать во всех уголках Зоны. Именно поэтому издали или в полумраке кажется, что голова у снорка абсолютно лысая, глаза – размером с олимпийскую медаль, а вместо носа у него – полуметровый хобот; в действительности – обрывок противогазного шланга. Иными словами, мутант он и есть мутант, как физически, так и умственно.

При виде прыгучего монстра Кальтер не впал в подобное заблуждение, ибо перед заброской в Зону прошел курс теоретического «мутантоведения». И потому майор решил, что если будет лежать в укрытии и не шевелиться, то снорк его не заметит и в скором времени уйдет. Или не уйдет, а надумает поохотиться на сидящую в будке троицу неопытных сталкеров. Они же понятия не имели о нависшей над ними угрозе, уплетая за обе щеки разогретые консервы и запивая их баночным пивом. Какая безалаберность, мысленно обругал их интродер,

уже наученный на горьком опыте, чем чревата в Зоне излишняя самоуверенность. Неужто не осознают, куда приперлись, или надеются на близость блокпоста и думают, что здесь безопасно? Нет бы, прежде чем садиться обедать, сначала выставить наблюдателя. Снорк и не думал таиться, поэтому явно был замечен с дороги. Но парни не смотрели по сторонам, хотя солдаты наверняка проинструктировали их насчет элементарных мер предосторожности в этих диких местах.

Майор не собирался выручать компанию неосторожных сталкеров. У него имелись свои приказы, ради выполнения которых он не мешкая был готов принести в жертву хоть всех сталкеров Зоны, вместе взятых. Страдай Кальтер приступами благородства, ему не только не поручили бы эту работу, но и вообще не приняли бы в Ведомство. Интродеры спецотдела «Мизантроп» – не разменный товар, наподобие большинства полевых оперативников, коими командование без сожаления готово было пожертвовать, если того требовала ситуация. На подготовку каждого «мизантропа» тратятся огромные средства, а степень риска интродеров перед предстоящим заданием просчитывается до процента. И если Кальтер начнет всякий раз в подобных случаях изображать из себя самоотверженного героя, он поставит под угрозу не только собственную драгоценную жизнь, но и, как бы высокопарно это ни звучало, безопасность своей страны. Чувство ответственности за нее было привито майору столь же крепко, как и навыки выживания. И потому интродер всегда и везде шел исключительно на тот риск, который был санкционирован его непосредственным командиром – Стратегом. Иного риска Кальтер не признавал.

Затаив дыхание, майор неотрывно следил за снорком. А тот, в свою очередь, замер и насторожился, прислушиваясь к голосам, доносившимся из будки. Кальтер уже мысленно пожелал безалаберным сталкерам удачи, как вдруг проклятый мутант повернул голову в его сторону и вылупил на трактор сквозь стеклянные кругляши противогазной маски.

Услышать майора тварь однозначно не могла. С момента ее обнаружения интродер не произвел ни звука, а уши снорка были к тому же скрыты под резиновой маской. Увидеть – тоже сомнительно. Обладая ты хоть орлиным зрением, но, глядя на мир через замызганные и треснутые стекла противогаза, вряд ли разглядишь что-нибудь дальше собственной вытянутой руки. Значит, снорк учуял затаившегося «мизантропа» либо при помощи обоняния, унюхав того через гофрированный шланг, либо еще каким-нибудь неведомым человеку шестым, седьмым или восьмым чувством. И разумный мутант имел достаточно мозгов, чтобы сообразить: гораздо проще расправиться с одиноким сталкером, нежели с целой группой этих двуногих особей.

Каковы снорки в бою, Кальтер знал только по имеющимся в архиве Ведомства нечетким видеозаписям, отснятым в Зоне сталкерами-видеолюбителями. Однако майор и представить себе не мог, насколько в действительности проворны эти уродливые носители рваных противогазов. Не успел он подобрать лежащую рядом винтовку, как снорк одним прыжком наполовину сократил разделявшее их расстояние, а вторым сиганул на капот трактора. Ржавые рессоры натужно скрипнули, а капотная крышка с грохотом промялась, отчего Кальтеру на миг почудилось, что старенькая «Беларусь» вот-вот завалится набок. Но, к счастью, трактор устоял, лишь получил от прыгуна лишнюю парочку вмятин.

Несмотря на худосочный вид снорка, весу в нем было не меньше центнера, а злобы – наверное, будто у целой стаи псевдособак. Майор схватил винтовку, однако хитрый монстр не зря запрыгнул на трактор. Снорк явно предвидел, что в него будут стрелять – тоже, видать, имел кое-какой боевой опыт, – поэтому, перед тем как набрасываться на жертву, выбрал себе идеальный плацдарм для атаки. Поразить сидящее на тракторе чудовище из-под днища Кальтер не мог, и ему, по-любому, пришлось бы высовываться. Вот только с какой стороны безопаснее это сделать?

Отстреливаться на все четыре стороны интродер в принципе сумел бы, но только не от такого молниеносного противника. Менять стрелковую позицию, лежа в замкнутом пространстве, было крайне трудно, и майор, переключив предохранитель «ВМК» на огонь очередями, решил сыграть с врагом на опережение. Выкатившись наружу в межсоевой просвет, Кальтер вскинул винтовку, собираясь всадить в рассеявшегося на капоте снорка дюжину пуль. Но, как выяснилось, тот уже покинул свою позицию и соскочил с «Беларуси» на землю. А пока интродер целился в дождливое небо, мутант успел за секунду поднырнуть под трактор, схватил

Кальтера за шкуру и рывком втащил его обратно – туда, где человек был стеснен в движениях. Вдобавок «ВМК» зацепилась ремнем за тракторную подножку и вырвалась из рук майора, едва не переломав ему пальцы.

Кальтер не стал пытаться заполучить обратно утраченное оружие. Волочимый snorkом, будто мешок с картошкой, майор выхватил из ножен, носимых им на левом предплечье, легкий обоюдоострый кинжал. И когда тварь выволокла жертву из-под днища с противоположной стороны, интродер извернулся и по самую рукоять вонзил клинок противнику в бедро. А затем с силой распластал ляжку мутанта так, словно взрезал огромный кабачок.

Густая и вонючая, перемешанная с гноем кровь обагрила Кальтеру руки, однако snorkу все было нипочем. «И впрямь не чувствует боли», – бегло отметил про себя интродер, после чего нанес мутанту еще несколько глубоких ран в промежности и нижней части живота. И опять без толку. Человек от таких ранений очоурился бы за считанные секунды. Но snorkу смерть от обескровливания, похоже, не грозила, ибо жизнь в нем поддерживалась за счет неведомых науке потусторонних сил.

Возможно, изловчись Кальтер и подрежь монстру сухожилия, тот оказался бы в конечном итоге обездвижен. Но интродеру никак не удавалось попасть кинжалом по мельтешущим лодыжкам адского прыгуна. Ухватиться за них тоже не получалось: покрытые липкой сукровицей, они постоянно выскользали у майора из рук. И тогда он вцепился в то, во что смог, – болтающийся у него перед лицом гофрированный противогазный шланг. Тот самый хобот, который видят у snorkа многие чересчур впечатлительные сталкеры...

Интродер не стал перекрывать мутанту кислород, поскольку сомневался, что тварь вообще дышит воздухом. Вместо этого Кальтер рванул что есть мочи за шланг и сорвал противогаз с морды человекообразного чудовища. Щелкнула гнилая резина, и маска, лопнув напополам, превратилась в бесполезные ошметки. Майор сделал это совершенно не задумываясь – просто вошел в раж или подсознательно припомнил возникшее у него еще на инструктаже желание выяснить, что же именно скрывают под масками «стеснительные» snorkи. Но как бы то ни было, эта контратака интродера оказалась куда более эффективной, нежели бестолковое свежевание ножом плоти мутанта.

Как и большинство хищников, snork предпочитал охотиться, не издавая ни звука. Но когда брыкающаяся жертва заставила его взглянуть на мир не через стекла противогаза, а напрямую, тварь взревела так, что в сравнении с ее ревом рыканье тигра звучало бы попросту жалко. Как выяснилось, враг был совершенно не готов биться «с открытым забралом». Snork отшвырнул майора в сторону и закрыл лицо испещренными язвами, но вполне человеческими ладонями. С трудом верилось, но snork и впрямь «комплексовал» насчет своей внешности, ведь не бледный же дневной свет, в конце концов, его ослепил? Тем более что сегодняшняя дождливая погода этому отнюдь не способствовала.

Рева во все горло и продолжая прятать от жертвы уродливую физиономию, snork стал быстро пятиться в ту сторону, откуда пришел. Однако Кальтер не намеревался отпускать мутанта, а особенно теперь, когда отвоевал у него преимущество. Не потому, что майор остервенел и жаждал любой ценой убить врага. Поощаждать snorkа было бы стратегической ошибкой, допускать которую интродер был не вправе. Кто знает, что взбредет в голову разумной твари после того, как snork убежит и отыщет себе новый противогаз. А вдруг мутант вознамерится выследить обидчика и поквитаться с ним за понесенное унижение, когда Кальтер успеет об этом благополучно забыть? Нет, он не допустит, чтобы у него над головой маячил такой дамоклов меч. У майора хватает иных забот, и лишняя угроза в лице мстительного монстра ему и подавно не нужна.

Вскочив на ноги, Кальтер прыжком настиг snorkа, ухватил того за облезлую шевелюру и мощным ударом рассек согбенному чудовищу горло до самого позвоночника. После чего обхватил вражью голову руками и ломанул ее вбок с такой силой, что шейные хрящи мутанта не выдержали и лопнули. Не разжимая хватки, интродер бросился наземь и, увлекая за собой противника, совершил классический борцовский переворот. От усиленного падением рывка и без того почти отчлененная голова snorkа оторвалась окончательно. Поэтому, когда Кальтер завершил прием, тело агонизирующего монстра осталось лежать справа от майора, а отброшенная в сторону голова – слева.

Что ни говори, а давненько Кальтер не видел, как от волнения у него трясутся руки. В который раз за утро Зона продемонстрировала, насколько майор ее недооценивал. Думал, что заграничные командировки – вот настоящая работа для «мизантропа», – а здесь, практически в родных пенатах, все пройдет без проблем, в стиле «пришел – увидел – победил»? Как бы не так! Если даже Кордон чуть было не прикончил опытного интродера, что же будет дальше, когда он углубится в настоящие дебри? А ведь Кальтеру предстояло не только в предельно короткий срок адаптироваться к местным реалиям, но еще и выполнить порученное Ведомством задание. Нет, на сей раз Стратег определенно просчитался, и эта командировка окажется гораздо сложнее, чем заверяли башковитые ведомственные аналитики.

Но не время сокрушаться по этому поводу. Пора уматывать с поля скоротечного боя, пока засевшие в будке сталкеры не сообразили, что к чему. Кальтер подобрал винтовку и пополз прочь от этого места, пользуясь протоптанной снорком тропинкой, дабы шевеление травы не выдало крадущегося интродера. А дующий ему в затылок *чужой* ветер, казалось, издевательски смеялся над ним и, волоча по небу низкие свинцовые тучи, намекал Кальтеру, что он имеет все шансы больше никогда не полюбоваться солнцем...

– Ты видел?! Нет, скажи, ты это видел?! – заладил перевозбужденный Санек Брынза, тыча стволом пистолета туда, где только что происходила не то драка, не то еще какая аномальная хренотень. Кто и почему устроил возню в зарослях сухой травы за остановочной будкой, сталкеры толком разглядеть не успели. Они выбежали на обочину с оружием на изготовку уже тогда, когда разыгравшиеся в кювете страсти сошли на нет.

– Видел, видел! – огрызнулся Колян Патлатый, целясь из ПМ туда же, куда показывал товарищ. – И хорош орать, а то сейчас все псевдотвари сюда сбегутся! – После чего обратился к третьему, самому старшему участнику их новорожденного сталкерского альянса: – Кеша, а ты что-нибудь засек?

– Не-а, – лаконично процедил Кеша по прозвищу Лесовоз. Потом, приглядевшись, добавил: – Зато все слышал. Кажись, собаки возле трактора кого-то покопали. Но точно не сталкера. Слыхали, как эта тварь редела?

– Пойдем, глянем? – неуверенно предложил Патлатый.

– Да ну, рехнулся, что ли! – Брынза воспринял инициативу напарника в штыки. – А вдруг эти мутанты все еще там, в траве, прячутся? Только нас и ждут! И вообще, зря мы от патруля отстали. Я сразу сказал, что лучше до блокпоста с вояками дотопать!

– Какого хрена ты тогда вообще в Зону приперся, если стремишься всякого шороха? – презрительно бросил ему Лесовоз. Потом махнул рукой в сторону «Беларуси»: – Айда, Колян, заценим обстановку. Слышал, что сержант говорил? Живет где-то у Янтарного Озера один ученый кекс, который скупает собачьи хвосты, кабаньи копыта и глаза псевдоплоти по цене хороших артефактов. Пойдем посмотрим, может, там для него и впрямь что-нибудь завалялось. Только по сторонам посматривать не забывай, лады?

Держа пистолеты наготове, Колян и Кеша начали неторопливо спускаться в кювет. Санек боязливо потоптался на месте, но предпочел все же присоединиться к товарищам. Стараясь ступать тихо, сталкерская тройка добрела до трактора и принялась с опаской озираться по сторонам. Быстро обнаружив примятую траву и валявшееся на ней обезглавленное тело, охотники за хвостами и копытами тут же окружили останки, все еще продолжая целиться в них. Ну а как иначе? Если верить местным байкам, в Зоне оживший мертвец – не редкость. Поэтому где гарантии, что этот жмурик не вскочит и не нападет на доверчивых сталкеров?

– Матерь божья, а кровищи, кровищи-то сколько! – безглаголиво поморщился Брынза, вытирая о траву испачканный в крови монстра ботинок. – А мы, дураки, прозевали такую драку!

– Мужики, да ведь это же снорк! – присвистнул от удивления Лесовоз. – Зуб даю, что он! Все сходится: вон башка валяется, а вон – противогаз рваный!

– Ни хрена себе! – крикнул Патлатый, тоже опознавший по характерным приметам одного из самых одиозных мутантов Зоны. – А еще говорят, будто на Кордоне снорки не водятся! Выходит, вранье это все?

– Выходит, вранье, – подытожил Кеша, оглядываясь и проверяя, не затаилась ли поблизости еще одна такая тварюга. – Меня больше волнует другое: что за чудовище порвало

нашего снарка вместе с противогоазом и куда эта паскудина потом смылась.

– Кровосос? – неуверенно предположил Колян.

Лесовоз помотал головой: дескать, сомнительно – здесь определенно побывал некто более крупный и зубастый.

Иных версий больше никто не предложил. Компания погрузилась в гнетущее молчание; были слышны только шелест ветра в пожухлой траве, лай своры собак за перелеском, потрескивание неподалеку электрической аномалии да стук дождевых капель по ржавой кабине «Беларуси».

– Мужики, а это... – первым нарушил тишину трусоватый Брынза. – Ну, короче... я хотел спросить: кто-нибудь знает, что надо от снарка на продажу отрезать? У него же это... ни хвоста, ни рогов, ни копыт... Да и глаз, кажется, тоже нет.

– Что обычно от снарка такие олухи, как ты, отрезают, и куда потом это добро запихивают, я тебе, Брынза, попозже наедине шепну, – криво усмехнулся Кеша. – Хотя к тому времени ты и сам об этом догадаешься... А пока я вам, мужики, вот что скажу: не теми пушками мы с вами затоварились. Надо срочно искать себе что-нибудь помощнее этих дешевых пугачей. Гораздо мощнее...

Глава 2

Всяк, кто был хорошо знаком с Сидоровичем, прижимистым торговцем с южного Кордона, знал, что, хоть старик и спекулирует водкой, сам он к бутылке прикладывается редко. Зато если приложился, значит, от всей души и до «мальчишков кровавых в глазах», как охарактеризовал однажды состояние пьяного Сидоровича ныне покойный сталкер Борька Годун. И как только из погребообразного бункера, в котором практически безвылазно обитал кордонный торгаш, начинали доноситься «Дывлюсь я на нэбо» или «Черный ворон», что были слышны, пожалуй, даже на ближайшем армейском блокпосту, сталкеры в поселке начинали морщиться и материться сквозь зубы. «Трындец, братва, лавочка закрывается, – говорили они при этом. – Старый хрыч сегодня разговелся. Поэтому, кто не успел сдать хабар или затариться патронами, тот опоздал. И торчать здесь вам, неудачникам, теперь пару дней, пока Сидорович не проспится и вновь не станет адекватно воспринимать реальность».

Сталкеры ворчали, однако не обижались: ну отметил человек какой-то праздник, перебрал, с кем не бывает... Самые нетерпеливые отправлялись дальше, сбывать хабар мелким перекупщикам, а остальные охотники за артефактами горестно вздыхали и оставались дожидаться открытия лавочки, рассаживались вокруг костров, чтобы послушать сталкерские байки да вывести из организма излишек радиации. В смысле заняться на досуге тем же, чем занимался у себя в бункере Сидорович, – приговорить бутылочку-другую популярной в Зоне водки «Казак». Она была намного дешевле противорадиационного антидота, а помогала, по слухам, ничуть не хуже. Разве что обладала побочным эффектом жестокого похмелья, но ведь опять же неизвестно, как сказывается на организме прием всей этой заграничной химии. Вот почему многие сталкеры предпочитали гробить себе печень старыми проверенными средствами, нежели «подсаживаться» на фармацевтические препараты, что стоили дорого, а блевать от них тянуло так же, как и с перепоя. А коли нет разницы, зачем переплачивать?..

Сталкеры Волк, Шустрый и несколько их товарищей, коим Сидорович «отстегивал» за охрану своего популярного торгово-обменного пункта, по личному опыту знали: когда торгаш запирается у себя в погребе и пьянствует, его лучше не беспокоить. Все равно не откроет, а если и откроет, ничего путного из этого не выйдет. Мало того, с залитыми шарами может еще и из обрез пальнуть – прецедент имелся. Правда, стрелок из пьяного Сидоровича аховый – это ж надо умудриться промазать, даже стреляя картечью практически в упор! – и никто тогда не погиб, но зачем лишний раз искушать судьбу, когда ты и без того искушаешь ее в Зоне на каждом шагу? В общем, сталкерская братия относилась к редким загулам старика толерантно, благо его пьянство дольше трех дней обычно и не продолжалось.

Вот и вчера, когда над южным Кордоном вновь раздалось хриплое фальшивое пение Сидоровича, Шустрый – именно он караулил барыгу на этой неделе, дав Волку возможность отлучиться на поиск артефактов, – решил воспользоваться моментом и заняться более приятной

работенкой. Пока хозяин забаррикадировался в бункере и празднует, ему вполне достаточно и одного охранника. А Шустрому и прочим было бы нелишне пробежаться по округе и посмотреть, остались ли еще артефакты или их подчистую выбрали захожие сталкеры и ошивающиеся на Кордоне бандиты. Вернее, это они считали себя бандитами, в то время как Шустрый называл их менее авторитетными эпитетами: распальцованная шелупонь, соплежуи либо и вовсе лаконично – мразь.

Настоящими бандитами были те, кто присылал сюда на разбой этих малолеток, в чьих безмозглых головах гулял ветер тюремной романтики, а лексикон состоял из дворового жаргона, в котором истинной блатной «фени» было ровно столько же, сколько и в современном приклатненном шансоне. Даже не кот заплакал, а так – мышь прослезилась. «Пацаны-ы-ы, я маслину схвати-и-и-ил! Дыранули меня, пацаны-ы-ы!» – корчась от боли, верещал под кустом какой-нибудь малахольный беспредельщик, получив в задницу сталкерскую пулю. И повезло ему, если «пацаны» действительно приходили на помощь подстреленному корешу, успевая спасти его от разъяренных сталкеров. Если же первыми до него добирались Шустрый и его товарищи, бедолагу непременно шпиговали еще одной «маслиной» – в лоб, дабы не мучился. Таково оно, хваленое сталкерское милосердие к тем, кто открыто пренебрегает здешними законами. Эту Зону топчут иными ботинками, и не всякому они оказываются по размеру...

Однако едва спозаранку Шустрый намылился на промысел, как двери бункера Сидоровича с грохотом распахнулись, и все планы сталкера пошли прахом. Несмотря на вчерашнюю пьянку, хозяин открыл-таки лавочку и вроде бы намеревался работать по обычному расписанию, а значит, оставлять подопечного без охраны было недопустимо. Невероятно, но факт – Сидорович собирался вести бизнес, находясь в изрядном похмелье! Что за причина заставила торговца поступиться принципами, Шустрый не ведал, но, надо полагать, она была достаточно веская.

«Что ж, Волк, удачной тебе охоты, – подумал сталкер, мысленно напутствуя ушедшего в глубь Зоны напарника. – Надеюсь, ты притащишь уйму артефактов и завтра мне не придется переживать об этой обломившейся вылазке. Проклятый Сидорович! И какого хрена тебе сегодня не спится, Шаляпин недоделанный?»

Загадка эта настолько сильно свербела у Шустрого в голове, что он не выдержал и спустился к торговцу в его подземное обиталище. Хмурый и невыспавшийся Сидорович сидел на стуле перед зажатой в слесарные тиски разобранной автоматической винтовкой «Энфилд» и ковырялся отверткой в ее спусковом механизме. Старик возился с купленным им за бесценок у какого-то проходимца неисправным оружием уже третью неделю, пытаясь собственноручно довести винтовку до ума, чтобы спихнуть ее по тройной цене кому-нибудь из «зеленых» сталкеров. Только-только пересекший периметр молодняк был падок на подобные «крутые пушки» и еще не знал, что в Баре «Сто рентген» тот же новый, промасленный «Энфилд» можно купить гораздо дешевле (впрочем, дотуда еще следовало добраться, что удавалось далеко не каждому новоиспеченному сталкеру). Чем Сидорович и пользовался, сбавливая втридорога закордонным олухам всякий хлам, попадающий время от времени в загребушие руки барыги.

– Жду покупателя на это барахло, – раскрыл он любопытному Шустрому причину своего неожиданного бодрствования. После чего жадно отхлебнул из стоящей рядом, на верстаке, трехлитровой банки с огуречным рассолом. – Не сегодня завтра клиент должен пожаловать, а товар не готов. Хорошие бабки наклеиваются, вот и надо ствол малость подшаманить. Этот денежный хмырь наверняка вздумает сначала его проверить и на окрестных слепых псов поохотиться, а пушка, не дай бог, возьми и заклинь! Мало того, что сделка медным тазом накроется, так еще и позору не оберешься.

– Что за хмырь? – осведомился Шустрый. – Чьих он будет?

– Ничьих, – огрызнулся Сидорович, недовольный и своей головной болью, и тем, что его отвлекают от работы. – Обычный одиночка, который дальше Свалки еще не забредал. Полмесяца в Зоне, но парень пронырливый и успел уже где-то парочку дорогих артефактов надыбать типа «Золотых рыбок» и «Маминых бус»... А их и многие матерые сталкеры в глаза не видели. Говорит, будто в развалинах одной фермы нашел. Но, сдается мне, врет – скорее всего, труп какого-нибудь бедолаги обобрал, который на кровососов напоролся. Помните, тебе однажды тоже так подфартило... В смысле – хабар найти, а не с монстрами поцапаться.

– Да, было дело, – признался Шустрый. – Смачный хабар тот бродяга тащил, царство ему небесное. Если бы в аномалию не влетел, загорал бы сегодня где-нибудь на югах... Ладно, старик, как только этот богатенький буратино явится в поселок, мы тебе сразу свистнем. Я пока здесь Леху Шпалу оставляю, а после обеда сам приду подежурю. Только ты это, Шпале стакан на опохмел плесни, а то его после вчерашнего тоже слегка колбасит.

– Лады, плесну, – кивнул Сидорович, желая поскорее избавиться от утреннего визитера – человека хоть и полезного, но в данный момент не слишком желанного. – Но не больше стакана, учти! Так что пусть твоя Шпала даже не думает у меня водяру клянить. Сам понимаешь, мне в дупель пьяная охрана даром не нужна...

Явившийся вслед за Шустрым долговязый прыщавый сталкер Леха («А ведь совсем еще хлопец», – покачав головой, проходя отметил про себя Сидорович) залпом осушил стакан водки, крикнул, передернул плечами и, бросив хозяину «Ежели что, я – снаружи», оставил наконец страдающего мигренью старика в одиночестве.

Он же, в отличие от любителей вышибать клин клином, привык лечить себя с перепоя исключительно огуречным рассолом. Для чего и держал в запасе несколько банок консервированных огурцов так называемой «домашней закрутки». Глотнув в очередной раз кисло-соленой амброзии, торговец отложил отвертку и вернулся к стойке, после чего уселся за нее и, скрестив руки на груди, откинулся на спинку кресла. Задумчивый взгляд Сидоровича уперся в пустую жестяную банку из-под энергетического напитка, оставленную вчера кем-то из посетителей. Ее давно следовало бы выбросить в мусорную корзину, но хозяин был настолько погружен в мрачные раздумья, что совершенно не обращал внимания на захламлявший прилавок мусор. Наоборот, сейчас эта мятая банка с синей этикеткой являлась для Сидоровича чем-то вроде той пресловутой точки сосредоточения, на которую, согласно легенде, кто-то из восточных мудрецов якобы аж несколько лет неотрывно пялился в поисках духовного просветления.

Нет, Сидорович вовсе не стремился постигнуть таким образом смысл бытия. Все, что было необходимо старику, это ненадолго абстрагироваться от реальности и спокойно пораскинуть мозгами над тем, что творилось в Зоне последние три недели. И пусть торговец и так ежедневно, да что там – чуть ли не ежечасно, – размышлял над этим, никаких обнадеживающих мыслей ему на ум не приходило. Даже мало-мальски обнадеживающих. А те, что посещали старика, были сплошь мрачными и безысходными.

Сидорович сомневался, что в своем теперешнем разбитом состоянии он вообще сумеет додуматься до светлых идей. Хватило бы сил просто запустить мысленный процесс, не говоря уже о каком-либо озарении. Но копать в оружейных деталях хозяину хотелось еще меньше, тем паче что в действительности никакого покупателя на «Энфилд» не наклевывалось. Хотя важного гостя Сидорович все-таки ожидал. Поэтому и сочинил сказку о намечающейся сделке, поскольку не имел права сообщать сталкерам о том, что за человек должен появиться в поселке.

Треклятое Ведомство! Столько лет не вспоминало о своем внештатном осведомителе, а потом вдруг спохватилось! И без труда разыскало его даже здесь – в заброшенном поселке, наглухо отрезанном от мира двойным охранным периметром Зоны! По сути, в другой, параллельной реальности, что образовалась более четверти века назад на зараженной территории вокруг Чернобыльской АЭС и продолжала расти и мутировать, словно раковая язва на теле нашей планеты. Уроженец этих земель Сидорович прожил тут всю жизнь и еще отлично помнил свою малую родину такой, какой она была прежде, – утопающей в садах, солнечной и цветущей. Последние десятилетия изуродовали Припять и окрестности так, как это не смогла сделать даже Вторая мировая. А когда похороненный под бетонным Саркофагом Четвертый реактор ЧАЭС вновь дал о себе знать, жизнь в этих местах стала и вовсе сущим адом. Но Сидоровича и это не испугало. Он не покинул родину в восемьдесят шестом, не покинул и нынче, будучи абсолютно уверенным, что теперь-то весь остальной белый свет про него точно забудет.

Свет, может, и забыл – добровольный отшельник Зоны Сидорович этого не знал, поскольку давно утратил связь со всеми родственниками. Но Ведомство, как выяснилось, продолжало помнить о своем законсервированном агенте, завербованном незадолго до первой чернобыльской катастрофы и продолжающем снабжать своих кураторов информацией. После

второго взрыва связь Сидоровича с Ведомством прервалась, но спустя несколько лет оно вновь прислало ему весточку, приказав добывать те или иные интересующие кураторов сведения. С момента возобновления сотрудничества нынешнее порученное агенту задание являлось, пожалуй, самым сложным. Но он справился и теперь вновь поджидал гостей, обязанных со дня на день пожаловать к нему с Большой Земли.

Сидорович полагал, что ему известна истинная причина, которая привела кураторов в нешуточное волнение. Вычислить ее было не так уж сложно. Переполюх в высших эшелонах власти был вызван теми же проблемами, что тревожили и старика-торговца. На первый взгляд данное ему указание выглядело вполне обычным для Ведомства поручением. Однако Сидорович был совершенно уверен, что оно беспокоится не столько по поводу грядущих событий, намечающихся на территории НИИ «Агропром», сколько насчет того, что этим событиям предшествовало.

А конкретно – это касалось недавнего шквала аномальных выбросов Четвертого энергоблока вкупе с массовой бойней, что перед этим разыгралась у стен ЧАЭС. А также появления над Рыжим Лесом Небесного Паука – именно так окрестили сталкеры невесть откуда взявшуюся там титаническую четвероногую конструкцию. Не исключено, что она имела даже внеземное происхождение. Выяснить это окончательно мешала одна-единственная загвоздка: конструкция являла собой не что иное, как мощную высокотехнологичную цитадель, оснащенную такой агрессивной системой защиты, что приблизиться к ней не могли ни люди, ни вертолеты, ни беспилотные зонды. Небесный Паук уничтожал на подступах к себе все живое и технику от научно-исследовательских радиоуправляемых роботов до боевых ракет, коими военные однажды попытались обстрелять недружелюбного гостя. Не принесли никакого успеха удары по нему из пушек Гаусса и облучение электромагнитными импульсами. Оставалось только испробовать на цитадели ядерное оружие, но она пока не давала военным повода учинить над многострадальным Чернобылем очередной Армагеддон.

До Сидоровича доходили слухи, что исследователям Зоны посчастливилось сделать фотографии загадочного объекта – как обычные, так и спутниковые, – но самих снимков торговцу пока никто не показывал. Впрочем, он надеялся, что кто-нибудь из сталкеров-фотоохотников все же пришлет ему по сети на ПДА пару-тройку любопытных кадров. Многие скитальцы, с кем торговец поддерживал хорошие отношения, таскали при себе цифровые камеры, но почему-то до сих пор ни один из них не удосужился переслать Сидоровичу фотографии Небесного Паука. Либо элементарно забыли, либо ждали, когда кордонный барыга сам обратится к фотографам с деловым предложением и конкретной ценой за информационный товар.

«Болваны! – негодовал Сидорович. – Как будто не знают, что едва снимки Паука попадут в Интернет, как они вмиг обесценятся! Так ловили бы момент, олухи, пока я еще могу выложить за них сотню-полторы евро!» То, что мир еще не увидел такие сенсационные кадры, торговец был уверен, поскольку каждый божий день изучал приходящие из-за Кордона в сталкерскую сеть новостные сводки.

Эх, жаль, что при Меченом не оказалось никакой, пусть даже захудалой, фотокамеры! Вот чьи снимки Сидорович мог бы продать каждый по цене хорошего артефакта! Но увы... Хотелось бы торговцу знать, куда подевался этот отчаянный сорвиголова после того, как отключил в Рыжем Лесу психотропный генератор – тот самый «Выжигатель мозгов» – и, открыв таким образом путь в сердце Зоны, рванул вслед за прочими сталкерами через Припять на ЧАЭС, искать легендарный «Монолит» и разгадку своего таинственного прошлого.

Словами не описать, что творилось в окрестностях станции три недели назад. Настоящая гражданская война, иначе не скажешь. В ней схлестнулись сталкерские кланы «Долг» и «Свобода», команды сталкеров-одиночек, наемники, бандиты, а также подразделения военного спецназа при поддержке вертолетов и бронетехники... Все они ринулись на штурм Четвертого реактора, оберегаемого безумными сектантами «Монолита», по пути уничтожая не только их, но и конкурентов. Каждый из сталкеров, кому Меченый открыл дорогу на Припять, стремился любой ценой дорваться первым до самого могущественного артефакта Зоны – легендарного «Исполнителя Желаний» – и завладеть им.

Но при виде разразившейся окрест ЧАЭС кровавой бойни многие, в том числе даже

бывалые сталкеры, дрогнули и отступили. От них Сидорович и выведал вскоре подробности того, что творилось в Чернобыле до тех пор, пока штурмующие не прорвали оборону сектантов и не проникли внутрь АЭС. Что творилось за ее стенами, знали лишь те сталкеры, которым удалось оказаться непосредственно в самой станции. Однако, если кто-то из них и вернулся затем назад, к товарищам, в Зоне о таких «возвращениях» пока не слыхивали. Равно как и о бесследно сгинувшем Меченом.

Зато было доподлинно известно другое. Всех штурмующих, кто не успел проникнуть на станцию либо удрать и найти безопасное укрытие за ее пределами, накрыла череда мощных аномальных выбросов. Вечно хмурое небо Зоны весь день полыхало огнем, воздух содрогался от жутких звуков, а земля ходила ходуном, как при хорошем землетрясении. Буйство стихии докатилось и до Кордона, и Сидорович, переживающий у себя в бункере чересчур затянувшийся катаклизм, поневоле вспомнил слова бабушкиной молитвы. Трясаясь, словно осиновый лист, старик истово взывал к Богу, умоляя его не доводить дело до Апокалипсиса и обещая при первой же возможности пойти в церковь и покаяться в грехах. Сталкеры Волка и Шустрого – точнее, те из них, кто предпочел не соваться в пекло и остался в поселке со своими вожаками, – тоже таились по погребам, обреченно дожидаясь, когда же закончится эта дьявольская вакханалия.

Неведомо, дошли ли мольбы Сидоровича до божьих ушей, но спустя сутки катаклизм все-таки стих. И когда старик со своей охраной отважился высунуться из укрытия, пред ними предстала все та же Зона, какой они знали ее вот уже многие годы. В окрестностях поселка появились новые артефакты и аномалии, вечно голодные мутанты гоняли друг друга по полям и перелескам, а неутихающий ветер гнал по небу привычные тяжелые тучи. Казалось, будто все осталось по-прежнему. Разве что полуразрушенный железнодорожный мост, неподалеку от которого раньше стоял армейский блокпост, рухнул окончательно, а солдат и след простыл – вероятно, всех их перебросили на горячие участки сошедшей с ума Зоны.

Вдобавок отсутствовала связь, но вскоре она была восстановлена. После чего к Сидоровичу начали поступать первые новости с севера. Поначалу сведения шли отрывочные и невразумительные. Но когда дал о себе знать чудом выживший приятель Волка (большую часть штурма он прятался за грудой бетонных блоков, а как только над ЧАЭС завывала предупреждающая о выбросе сирена, сталкер моментально пустился наутек и пересидел катаклизм под трибунами стадиона «Авангард»), обитатели кордонного поселка сумели наконец составить более или менее четкую картину разразившихся в Чернобыле событий.

Штурм полностью захлебнулся, это было очевидно. Более того, похоже, многие из атаковавших Четвертый энергоблок сталкеров переметнулись к сектантам, ибо как еще объяснить их не только восстановившиеся, но и изрядно возросшие силы? Разросшаяся, как никогда, секта в считанные дни отвоевала обратно район ЧАЭС, Припять и Рыжий Лес, а также бывшую базу «Свободы» – Военные Склады и прилегающие к ним территории. Отныне в распоряжении «Монолита» имелась не только парочка трофейных БТРов и танк, но и вертолет, чьи пилоты также решили перейти на сторону не стесненных в средствах сектантов. Потрепанная и донельзя измельчавшая «Свобода» ютилась теперь в Темной Долине, в подземельях лаборатории «Х-18». При необходимости сектанты быстро вышибли бы оттуда анархистов, но сегодня они не представляли для монолитовцев серьезной угрозы.

Прочим соискателям «короля артефактов» повезло чуть больше. Ядро самого дисциплинированного из всех кланов – «Долга» – во главе с отставным генералом Ворониным по-прежнему контролировало Бар «Сто Рентген» и его окрестности. Генерал не участвовал в штурме Саркофага и сумел отговорить от этого большинство своих подчиненных, но полностью избежать раскола клану все равно не удалось. С разгромом «Свободы» долговцы стали второй по могуществу организованной силой в Зоне и, как следствие этого, – первыми врагами для окрепшего «Монолита». Впрочем, сомнительно, чтобы он собирался атаковать Бар в ближайшее время. Генерал Воронин – опытный боевой офицер и бывший военачальник – превратил базу «Долга» в настоящую крепость. Выбить его оттуда ценой малой крови монолитовцам вряд ли удалось бы.

Понеся у Саркофага значительные потери, военные ретировались на свои прежние позиции – к периметру – и возобновили тактику боевого патрулирования посредством

вертолетов и моторизованных взводов армейских сталкеров. Вооруженные до зубов и облаченные в бронированные скафандры, спецназовцы, как и прежде, устраивали локальные карательные рейды, очищая приграничные районы Зоны от монстров и бандитов.

Собственно говоря, этот фактор и вызывал у торговца недоумение. Он был уверен, что в ответ на разгромное поражение у ЧАЭС вояки стянут туда мощную ударную группировку и разнесут обнаглевший «Монолит» в пух и прах. А вместе с ним, под горячую руку, и другие здешние бандформирования. Но военные отреагировали на полученную ими пощечину совершенно неожиданным для Сидоровича образом. Или, если быть точным, вообще не отреагировали, сделав вид, словно никакого штурма и не происходило.

Торговец давал такому поведению армейцев единственно разумное объяснение. Поняв, что сектанты не намерены прорываться к Кордону, а Небесный Паук торчит над лесом и не предпринимает никаких активных действий, армия решила не торопиться и продумать удар возмездия как можно более тщательно. Наверняка через месяц-другой в центре Зоны вспыхнут новые кровопролитные бои. Но пока она жила в привычном для Сидоровича ритме, давая старику возможность вести свой немудреный, но прибыльный бизнес...

Погруженный в невеселые мысли, Сидорович поморщился и помассировал виски. Чертов Небесный Паук! Как будто без него в Зоне мало проблем! Что за хренотень нарисовалась после той приснопамятной череды выбросов над Рыжим Лесом – территорией, контролируемой «Монолитом»? Еще неделю назад торговец считал, что странная четвероногая цитадель возникла здесь по вине сектантов, построивших ее при помощи «Исполнителя Желаний» взамен уничтоженного Меченым психотропного генератора. Но информация, которую старик раскопал для Ведомства, полностью опровергала это умозаключение.

После того как военные прекратили попытки уничтожить Паука, – судя по всему, получив сверху конкретный приказ отставить огонь, – за его разрушение решили взяться сами монолитовцы. Причем взяться более основательно, чем вандалы в погонах, ибо вояки так и не решились стрелять по цели столь ультрасовременным оружием, как «Пурга-Д». А «Монолиту» хватило на это не только духу, но и денег. Правда, этого противозенитного ракетного комплекса у сектантов пока не было, зато вертолет для его переноски уже имелся и находился под усиленной охраной в одном из ангаров на территории ЧАЭС. И если монолитовцам удастся оснастить свою единственную винтокрылую машину «Пургой», их шансы уничтожить Небесного Паука значительно возросли. Какой бы прочной ни являлась его броня, количество установленных на нем орудий косвенно доказывало, что пробить его защиту вполне реально. «Монолиту» следовало лишь дожидаться, когда поставщик переправит в Зону необходимое секте оружие...

Все, баста! Достаточно на сегодня аналитических изысканий! Уж лучше без суеты и спешки составить для курьера список необходимых товаров – куда более полезное занятие, чем глубокие раздумья на похмельную голову!

Желая поскорее избавиться от терзающих его сомнений, Сидорович решительно помотал головой. После чего тут же пожалел об этом, поскольку головная боль моментально запульсировала с удвоенной силой, а к горлу подкатила предательская тошнота. Что ж, самое время хлебнуть рассольчику...

Поискав глазами животворную банку, Сидорович с досадой обнаружил, что забыл ее на верстаке возле подготавливаемой к продаже винтовки. Грузному старику страсть как не хотелось подниматься из кресла, поэтому он решил дотянуться до заветной емкости, не отрывая задницу от сиденья. Сначала Сидоровичу показалось, что все его потуги тщетны: он морщился, сопел и кряхтел, но так и не мог ухватиться пальцами за баночное горло. Однако стоило ему лишь пойти на небольшой риск и слегка отклониться назад (кресло под ерзающим стариком скрипело и готово было вот-вот рассыпаться), как удача сразу улыбнулась торговцу, и он без проблем снял с верстака уже наполовину опорожненную посудину.

– Куда ж ты от меня денешься! – победоносно хохотнул Сидорович, вновь усаживаясь поудобнее и наблюдая, как перекачивается под зеленым стеклом мутный рассол. Затем перехватил банку двумя руками, поднес ее ко рту и...

...И подпрыгнул, будто ужаленный, выронив с таким трудом добытый «артефакт». Банка упала старику на колени, щедро окатила его рассольными брызгами, а затем грохнулась об пол

и, издав резкий «чпок», разбилась. Перемешанная с осколками божественная «амброзия» растеклась по потертому линолеуму большой, разящей чесноком кляксой.

– Етит твою мать!..

Сидорович затруднялся определить, чью конкретно мать он помянул: то ли фигурально выругался в адрес разбитой банки, то ли буквально – в адрес матери стоящего перед ним незнакомца. Именно он напугал старика так, как это не удалось даже ошалелой псевдособаке, что случайно заскочила в бункер торговца пару месяцев назад и затем была убита проморгавшим ее охранником.

Та псевдособака вовсе не намеревалась нападать на старика – очевидно, попросту убегала от более крупного хищника и юркнула в первое попавшееся на пути укрытие. А вот стоящий сейчас перед Сидоровичем человек мог прикончить его в мгновение ока. Незнакомцу стоило лишь выхватить нож и одним молниеносным движением перерезать торговцу горло. А потом скрыться столь же неуловимо, как этот тип сюда и проник. Уж коли ему удалось прошмыгнуть в бункер под носом у Лехи Шпалы, значит, и незаметно выбраться наружу не составит особого труда. «Господи, – испуганно подумал Сидорович, – а ведь действительно правы те, кто утверждает, будто нет в Зоне твари опаснее и злее человека! Куда уж до него в плане коварства аномалиям и мутантам, чьи повадки сталкерами в целом неплохо изучены. Лишь человек был и остается единственным непредсказуемым обитателем этих богом проклятых мест».

Сидорович даже не подумал о том, чтобы позвать охранника или схватить лежащий под прилавком обрез. Во-первых, изрядно растерялся, а во-вторых, нежданный визитер не проявлял признаков агрессии. Это и не позволило инстинкту самосохранения хозяина возобладать над его природной сдержанностью. Торговца и посетителя разделял всего метр засаленной столешницы, и старик невольно подался назад, попытавшись отодвинуться от прилавка вместе с креслом. Раньше такое у Сидоровича вряд ли бы вышло – кресельные ножки не скользили по клеенчатому линолеуму. Однако облитый рассолом пол сразу уподобился катку, и старик, к своему облегчению, сумел отстраниться от зловещего человека на недостижимую для удара ножом дистанцию. Это придало хозяину уверенности и позволило рассмотреть незнакомца получше.

Обычные противорадиационные комбинезоны поголовно делали сталкеров похожими на угловатых широкоплечих крепышей, даже если владелец такого обмундирования был не особо дюжим малым. Про боевые экзоскелеты военных и скафандры ученых и говорить нечего – эта спецодежда и вовсе превращала своих носителей в человекообразных роботов. Разве что в легкой куртке-пыльнике, которые предпочитают носить на первых порах стесненные в деньгах новички, сталкер еще худо-бедно походил на нормального человека, а не на космонавта либо пришельца с другой планеты. Однако одежда нарисовавшегося откуда ни возьмись перед Сидоровичем незнакомца была довольно уникальной и не напоминала ни одно из известных торговцу защитных облачений. Очень редко доводилось ему встречаться со сталкерами, изготовившими себе комбинезоны по индивидуальному заказу – слишком дорого обходились они в производстве; куда дешевле было подобрать что-нибудь из уже существующих образцов. И теперь старику вновь представился случай убедиться, что да, есть в мире одержимые люди, готовые платить бешеные бабки за то, чтобы прогуляться по Зоне, будучи экипированными по последнему слову техники.

Камуфлированный комбинезон незнакомца был сделан из неизвестного Сидоровичу легкого и явно прочного материала и сидел на сухощавом, но крепко сбитом владельце как влитой. Расцветка камуфляжа была подобрана так искусно, что надумай визитер прикорнуть на корточках у стены, он легко сошел бы за грудой строительного мусора. В таком комбинезоне сталкер мог без проблем затеряться в любом уголке Зоны, загроможденной останками покинувшей ее цивилизации настолько, что сегодня найти здесь незахламленную территорию было очень и очень проблематично. Все необходимое сталкерское оборудование, а также иные незнакомые торговцу компактные устройства размещались в разгрузочном жилете визитера с таким расчетом, чтобы он мог быстро дотянуться до любой из необходимых ему вещей. Его дыхательная полумаска, прикрепленная к защитному капюшону, прилегала к лицу идеально – наверняка ее тоже изготовили по индивидуальным лекалам.

И еще: комбинезон незнакомца был заляпан наскоро оттертыми пятнами крови.

Неизвестно чья, но кровь казалась определенно свежей. Уж не Леха ли Шпала оставил на одежде этого типа столь красноречивый автограф? Нет, вряд ли. Крови на визитере было столько, что без яростной борьбы здесь явно не обошлось, но никакой возни и криков снаружи Сидорович не слышал. Стало быть, Шпала наверняка жив и болтается где-то возле бункера. А может, отлучился по нужде. Хотя делать уверенные прогнозы касательно Лехиной судьбы старик, конечно, не стал бы.

Сидорович не видел обуви посетителя, но исходя из того, что тот пробежал по ведущей в бункер бетонной лестнице абсолютно беззвучно (не прокрался, а иначе хозяин засек бы этого скрытного мерзавца – Сидорович отвлекся от входной двери всего-то на десять секунд), подошвы ботинок загадочного субъекта были тонкими и мягкими. Также торговец не мог видеть штурмовую винтовку, висевшую у гостя за спиной. Однако, взглянув на торчащий у него из-за плеча короткий приклад, старик не сумел даже приблизительно определить марку этой пушки. Хотя уж на что-что, а на всевозможное стрелковое оружие Сидорович в Зоне насмотрелся и мог бы сам при желании написать оружейную энциклопедию.

Нож, которого поначалу испугался хозяин, гость предпочитал носить в специальных ножнах на левом предплечье. Холодное оружие загадочного сталкера представляло собой легкий вороненый кинжал с нешироким пятнадцатисантиметровым клинком; аккурат таким, чтобы помещаться в наручном чехле и не препятствовать сгибанию руки – не чета тем грозным боевым ножам, которые обожают большинство искателей артефактов. Незнакомец явно принадлежал к тем ценителям колюще-режущего оружия, которые понимали – важен не размер ножа, а то, насколько удобно он лежит у тебя в руке и как ловко ты им пользуешься. Торговец и не подумал усомниться в умении визитера обращаться со своим кинжалом. Тот, кто способен подобраться незамеченным к жертве на расстояние удара, превосходно знает анатомию кровеносных органов и способы их быстрого поражения. Сидоровичу повезло, что этот бесшумный, как тень, сталкер явился сюда не за его головой, а иначе барыга был бы уже гарантированно мертв.

Молчаливый гость неспешно снял с лица респираторную полумаску, сложил ее пополам и закрепил в специальной плечевой лямке. При этом он опять-таки не произвел ни единого звука. Не раздалось даже шуршания одежды, которое, казалось бы, должно было отчетливо слышаться в полнейшей тишине. Но нет – незнакомец стоял в трех шагах от старика, но, закрой тот глаза, вряд ли он смог бы определить, что в бункере присутствует посторонний. Напрягшийся Сидорович слышал лишь свое сиплое дыхание и жужжание мечущейся под потолком надоедливой мухи. Больше – ничего. Просто мистика какая-то, честное слово...

Наконец хозяин получил возможность взглянуть в лицо посетителю. Но едва старик, прищурившись, попытался выяснить, не встречал ли он когда-нибудь этого человека, как, сам того не желая, тут же отвел взгляд. Недоумевая, почему он вдруг так поступил, Сидорович снова попробовал опознать незнакомца и снова опустил очи долу, будто пристыженный ребенок. «Да что это за чертовщина, в конце-то концов!» – хотел воскликнуть раздраженный торговец, но, разумеется, сдержался и, собрав волю в кулак, предпринял третью попытку рассмотреть ускользающий лик гостя. Ради этого хозяин даже был готов вставить в веки спички, лишь бы те в очередной раз предательски не дрогнули.

К счастью, до садомазохизма дело не дошло, и Сидорович, сосредоточившись, смог-таки побороть свою необъяснимую стеснительность. Как оказалось, ничего особенного в лице незнакомца не было. Смугловатое, но вполне ординарное славянское лицо. Разве только чересчур холодное и невыразительное, но в Зоне суровая физиономия – дело обычное. Хотя нет, что-то особенное и более того – отталкивающее во внешности посетителя все же присутствовало. Вот только что именно, старик затруднялся определить. Складывалось ощущение, будто ему элементарно претило смотреть в глаза этому сталкеру. И причина крылась вовсе не в неуверенности, которую обычно испытывают слабые люди перед сильными. Да и не родился еще на свете человек, что заставил бы вот так, запросто, стушеваться матерого барыгу Сидоровича! Он сам кого угодно вгонит в смятение своим испытывающим непреклонным взором. «Сталкер, помни! Никто не торгуется с Сидоровичем! Это бесполезно и невыгодно для дальнейшего сотрудничества!» – незыблемое правило, которое одним из первых усваивают в Зоне все новоприбывшие искатели артефактов.

Хозяин поморщился – пялиться на посетителя было сродни моральной пытке, – но глаз упорно не отводил. И вскоре понял, что в незнакомце вызывало у него странную, почти инстинктивную неприязнь. Татуировка, покрывающая лицо гостя от вершины лба до шеи! Сложный витиеватый узор, сотканный из тончайших и потому плохо заметных издалека линий. Но если хорошенько присмотреться (занятие не для слабонервных, это точно), вскоре становилось ясно, чем на самом деле объяснялась смуглость этого человека. Именно татуировка раздражала его собеседника, непроизвольно вынуждая того смотреть куда угодно, только не на объект своего раздражения.

А ведь гость явно неспроста покрыл свое лицо вычурным отталкивающим орнаментом. Незнакомец мог в открытую прикончить жертву в многолюдной толпе и потом удрать с места преступления, будучи уверенным, что свидетели не вспомнят точные приметы убийцы. Да мало ли чего еще можно натворить с подобной внешностью – все зависит лишь от воображения... Впрочем, минусов в ней тоже было предостаточно. Попробуй-ка, например, с такой физиономией закадрить на улице девушку и посмотри, что из этого выйдет. Если она снизойдет хотя бы до разговора с тобой, это уже будет невероятным достижением... Хотя у всех сталкеров имеются свои причуды и недостатки. Чего, однако, нельзя с той же уверенностью сказать о человеческих достоинствах. Ими, к сожалению, мог похвастаться отнюдь не каждый обитатель Зоны.

– Чудна Зона при тихой погоде, – заговорил наконец посетитель, проронив странную на первый взгляд фразу. Однако Сидорович не удивился такому приветствию и незамедлительно ответил:

– Не всякая птица долетит до середины Припяти. – И, выдержав паузу, любопытствовал: – Все в порядке?

– Все правильно, – кивнув, подтвердил визитер, после чего поздоровался уже как полагается, правда сделав это холодным дежурным тоном: – Здравствуйте, Сидорович.

– Здравствуйте, э-э-э... – Старик замешкался.

– Называйте меня «майор», – порекомендовал Кальтер. – Просто «майор».

– В таком случае здравия желаю, товарищ майор. – Старик не стал подниматься из кресла и вытягиваться по стойке «смирно», как полагается при отдавании воинской чести старшему по званию. (В далеких шестидесятих годах прошлого столетия Сидорович был демобилизован из Советской Армии в звании старшины. В этом же звании осведомитель до сих пор фигурировал в картотеках Ведомства.) На чем Кальтер, естественно, не настаивал. Никакой субординации между осведомителем и интродером не было, а приветствие торговца являлось всего-навсего обычной шуткой, призванной придать беседе неофициальный настрой. В смысле настолько неофициальный, насколько он вообще был возможен при служебных контактах подобного рода.

– И вам того же, Сидорович, – кратко ответствовал Кальтер, продолжая стоять перед хозяином и не требуя для себя стула.

– Как, кстати, поживает наш общий знакомый – генерал Алтухов? – спросил торговец.

– Прошу прощения, но я не знаком с генералом Алтуховым, – ответил майор. Он не сказал прямо: «У нас не служит и никогда не служил такой генерал», поскольку это была заведомая правда, сиречь стратегическая информация, касающаяся руководящего состава Ведомства. Разглашать такие сведения интродер не собирался. Вместо этого он предпочел тоже правдивый, однако предельно обтекаемый ответ, на основе которого можно было сделать как истинные, так и ложные выводы. У всех есть свои обязательные правила: и у сталкеров, и у полевых оперативников Ведомства.

– Извините, майор, но я тоже должен был вас проверить. – Сидорович замаялся и отвел глаза. После чего сразу же почувствовал облегчение, поскольку и без того чересчур долго пялился на «неудобное» лицо интродера.

– Разумеется, – согласился Кальтер. – Однако кое-кто все же просил передать вам горячий привет. Из Припяти девяносто девятого года. Тот человек сказал, вы меня поймете.

– О, конечно-конечно! – оживился старик. – Безусловно, я вас понимаю. Припять. Зима девяносто девятого. Разве такое можно забыть? Приятно узнать, что мой друг еще жив. Как он поживает?

– Нормально. На здоровье пока не жалуется.

– Что ж, я рад это слышать. Действительно рад. Если увидите его, скажите, что я тоже передаю ему пламенный привет и снова благодарю за крайне своевременную помощь, которую он мне тогда оказал.

– Как только представится случай, непременно передам, – пообещал Кальтер. – Будьте уверены, ваш друг тоже прекрасно помнит о той тяжелой зиме и о всех ваших совместных делах.

– Что с вами стряслось? – поинтересовался Сидорович, указав на небрежно оттертые пятна крови на комбинезоне майора. Занятно: переданный торговцу привет из прошлого был предельно скуп, а на душе старика потеплело так, как она не согревалась уже очень давно. Эта нечаянная радость сумела оттеснить на задний план и похмелье, и сопутствующую ему головную боль, отчего Сидорович даже перестал сожалеть о разбитой банке с целебным рассолом. Какой, однако, приятный сюрприз свалился сегодня старику на голову. Пожалуй, такое надо обязательно отпраздновать. К тому же, заступив с утра на службу, торговец так и так не отгулял положенные ему «похмельные» дни, поэтому имел полное право прикрыть лавочку и продолжить пьянку.

– Угодил в небольшой инцидент возле автобусной остановки, – неохотно ответил майор. – Повезло – удачно отделался. Оказывается, в ваших краях водится гораздо больше агрессивных зверей, чем я предполагал. Некоторые из них до сих пор настолько дикие, что понятия не имеют, кто на этой планете царь природы.

– М-да, возможно, за пределами Зоны мы и впрямь еще царим над природой, – хмыкнул Сидорович. – Понятия не имею, как там обстоят дела, – я очень давно не выбирался из этих мест. Но здесь человек является всего-навсего жалким, ничтожным рабом. Зона терпит нас лишь потому, что мы пока нужны ей. Не знаю, зачем и для чего, – эта истина находится выше моего стариковского разума. Но поверьте: как только Зона перестанет нуждаться в человеке, она вышвырнет нас отсюда, словно пакостливых щенков. Или прихлопнет, как мух!.. Получай, зараза!

Шлеп! – торговец ударил по прилавку мухобойкой и убил-таки назойливую муху, что донимала старика с самого утра. Насекомое опрометчиво село прямо перед бдительным Сидоровичем – видимо, надыхалось под потолком водочных паров и ощутило непреодолимую тяжесть в крыльях. Что цокотуху в итоге и сгубило. Торговец усмехнулся: вот вам еще один наглядный пример вредности алкоголя, уважаемые радетели за здоровый образ жизни...

– О, простите великодушно, товарищ майор, сейчас я дам вам стул, – спохватился хозяин, поднимаясь из кресла. И виновато добавил: – Просто башка раскалывается после вчерашнего, поэтому и торможу, как «Кировец» на спуске.

– Не нужно, – отмахнулся Кальтер. – Я к вам ненадолго. Доложите, что обязаны, и я пойду. Только сначала прикажите своему парню опустить оружие.

– Какому парню? – недоуменно наморщил лоб Сидорович, но в следующую секунду ситуация прояснилась. Интродер стоял перед торговцем, полностью загораживая дверь, поэтому старик и не видел, как по лестнице медленно крадется Леха Шпала со вскинутым «калашом». Леха был молод и не слишком дисциплинирован, но кое-какой боевой опыт имел. Учув, что кто-то проник в бункер без его ведома и разговаривает с Сидоровичем, проштрафившийся и обозленный сталкер не запаниковал, а решил в свою очередь застать коварного посетителя врасплох, будь он даже закадычным другом барыги. Двигался Шпала достаточно тихо, однако не настолько беззвучно, чтобы Кальтер его не рассекретил. Интродер слышал шаги подкованных ботинок охранника еще наверху, а вскоре разглядел его отражение в стеклянной дверце настенного шкафчика, висящего за спиной торговца.

Сидорович обо всех этих в принципе элементарных шпионских трюках не догадывался. Но ничуть не удивился звериному чутью майора, потому как не сомневался: для выполнения особой задачи Ведомство прислало сюда не рядового оперативника, а того, кто не одну собаку съел на подобного рода операциях. Так что этот жуткий майор при необходимости всех псевдособак Зоны сожрет и не поморщится. Что и доказывали свежие пятна крови на его комбинезоне.

– Стоять, не двигаться! – гаркнул Леха еще до того, как Сидорович его увидел. Охранник

замер в паре шагов от стоящего к нему спиной Кальтера, благоразумно предпочитая не приближаться вплотную к нахальному визитеру. – Руки на затылок! Кому говорю, ур-р-род!

– Ты автомат-то с предохранителя сними и перезаряди, – не оборачиваясь, невозмутимо порекомендовал ему Кальтер. Руки он, естественно, не поднял, поскольку прекрасно знал, что молодой сталкер просто хорохорится, отыгрываясь за нанесенную обиду. – И впредь, когда в кусты по нужде отлучаешься, не бросай оружие где попало. – Майор демонстративно уронил под ноги Шпале автоматный патрон, извлеченный интродером из патронника безнадзорного Лехиного «калаша», на который Кальтер наткнулся перед входом в бункер. – Да и за объектом охранения даже со спущенными штанами все равно не мешает приглядывать.

– Че, блин?!. А, с-с-сука! – Вновь пристыженный Леха, однако, последовал совету обидчика, щелкнул автоматным предохранителем и передернул затвор. – Эй, мужик, ты че, не въехал? Я про руки типа пошутил, что ли?!

– А ну угомонись, Леха! – сострожившись, приструнил хлопца Сидорович. – Все в норме, это – свой. Разве Шустрый тебе не сказал, что я жду клиента?

– Ну, сказал, и че? – огрызнулся Шпала. – Какого хрена тогда этот клиент по поселку, словно полтергейст, шарится?

– Чтобы ротозеев вроде тебя уму-разуму поучить, – ответил за майора хозяин. – Ты бы лучше, неблагодарная морда, нашему гостю спасибо за урок сказал, а не автоматом в него тыкал. Ладно, топай отсюда, не мешай – у нас тут серьезный разговор идет.

– Не за что мне, блин, его благодарить, – шмыгнув носом, проворчал Шпала и опустил оружие. – В следующий раз надумает шутки шутить, пристрелю к чертям собачьим, и весь базар! Тоже мне, учителя выискались!

И, подобрав валявшийся на полу патрон, поплелся наверх продолжать нести караульную вахту.

– Мал мала меньше, а все равно сюда прутся, – посетовал Сидорович интродеру, кивнув вслед ушедшему Шпале. – Наслушаются бредней про легкие деньги и бегут за ними в Зону, будто они здесь на деревьях растут. Этому вон сопляку мотоцикл импортный захотелось купить, аж сон, бедняга, из-за него потерял. Оно и понятно: рожей-то парень не вышел, умом – тоже, вот и хочет как-то это дело компенсировать. Жаль, одного не понимает: не на мотоцикл он здесь заработает, а на инвалидную коляску. Или на гроб цинковый. Эх, да что я вам, товарищ майор, об этом толкую! Разве сам я в Лехины годы другим был? Такой же охламон...

– Дайте воды и тряпку, – попросил Кальтер, не намереваясь поддерживать этот пустопорожний разговор «за жизнь». После чего уточнил: – Надо комбинезон почистить, а то все окрестные твари на запах крови за мной потянутся.

Торговец поставил на прилавок пластиковую «полторашку» с водой и достал из корзины чистую ветошь. Майор смочил ее и, повернувшись к свету, взялся оттирать от одежды вонючую кровь снарка. Особого труда это не требовало – комбинезон интродера был сделан из легко чистящегося материала и не впитывал в себя никакую грязь.

– Прошу вас, Сидорович, докладывайте, не ждите, – не отрываясь от работы, поторопил Кальтер примолкнувшего хозяина. – Сами понимаете, время дорого. Мне сообщили, что вам все-таки удалось собрать информацию об интересующей нас сделке. Надеюсь, эти сведения вызывают доверие?

– Безусловно, – подтвердил старик, немного обидевшись. – Разве я когда-нибудь предоставлял вам «липу» или непроверенные слухи?

– Нет, – помотал головой интродер. – За что вас и ценят.

– Что ж, спасибо за доверие, – вмиг оттаял осведомитель. Даже лаконичная похвала от представителя Ведомства была практически равносильна вручению медали «За заслуги перед Отечеством». – Как прикажете: к делу, значит, к делу... – Сидорович плеснул себе полстакана воды, промочил горло, утер губы рукавом и продолжил: – А расклад по выданной вами ориентировке на сегодня такой. Груз из-за Кордона прибывает послезавтра вместе с армейским патрулем, который отправится к бывшему НИИ «Агропром» под видом зачистки местности от мутантов. Патрулем командует капитан Назар Чупренко.

– Капитан Чупренко... – негромко повторил Кальтер, фиксируя в уме фамилию «помехи» и шоркая по испачканному рукаву мокрой тряпкой.

– ...Мой источник также сообщает, – продолжал торговец, – что капитан Чупренко является доверенным лицом полковника Сердобольцева, снятого полгода назад по подозрению в служебных махинациях с должности командира Шестого миротворческого батальона, охраняющего этот сектор периметра. А конкретно, полковника обвиняют в организации схемы по продаже сталкерским кланам оружия зарубежного производства. После отстранения Сердобольцева новые натовские стволы все равно продолжают здесь появляться. Пусть не в прежнем количестве, но несколько крупных партий за последние полгода приходили, это точно. Об одной из них я вам, кстати, сообщал...

– Да, разумеется, – кивнул Кальтер. Просто из вежливости. На самом деле он понятия не имел о том сообщении. Он был привлечен к этому делу лишь в качестве полевого оперативника и пользовался информацией, отфильтрованной для него Стратегом. В данный момент в ней оставалось заполнить только один пробел: вывести точное место встречи продавца и покупателя стратегического товара – противозенитного комплекса «Пурга-Д», похищенного недавно с секретного испытательного полигона под Мурманском. Ведомство лишь приблизительно отследило маршрут, по которому была отправлена уворованная ракетная установка, и перехватить груз в пути не удалось. Пришлось планировать его перехват уже на месте, однако с этим возникла одна существенная загвоздка.

Ведомство подозревало, что в незаконной сделке участвуют представители армейского миротворческого контингента – те самые лица, что когда-то работали и, скорее всего, до сих пор работают на коррупционера Сердобольцева. Поэтому даже скрытное проникновение в Зону оперативного подразделения могло быть в любой момент рассекречено. Наблюдатели из военной разведки и их внештатные помощники фиксировали перемещение крупных сталкерских групп и передавали информацию своему командованию, среди которого наверняка остались верные Сердобольцеву офицеры. Группа новых, но уже отлично экипированных сталкеров – а больше оперативникам Ведомства выдать себя в Зоне было не за кого – неминуемо вызвала бы подозрения в штабе миротворческого контингента, и сделка по продаже «Пурги-Д» гарантированно была бы отсрочена. А то и вовсе отменена, и новейший вертолетный ПРК мог «уплыть» совсем в другое место – куда-нибудь юго-восточнее, где на него также нашелся бы покупатель.

Пришлось Ведомству подключать к операции спецотдел «Мизантроп», хотя работа внутри бывшего советского пространства не входила в сферу интересов данного подразделения. Но сроки поджимали, а оперативники «Мизантропа» как никто другой подходили для заброски в Зону, поскольку всегда и везде работали исключительно в одиночку и без поддержки «центра». Одиноким сталкер, даже оснащенный ультрасовременным вооружением, не привлекал к себе особого внимания – по Зоне постоянно шлялись чокнутые богатые экстремалы, слетающиеся сюда со всего света на экзотическое сафари.

Однако дополнительное преимущество оперативников-интродеров состояло в том, что они вообще могли не показываться никому на глаза до момента выхода на цель. В основном «мизантропов» готовили для работы в странах Средней Азии и Ближнего Востока – местах, обитатели коих, ввиду их особого восточного менталитета, славились тем, что к ним было катастрофически сложно, а зачастую попросту невозможно внедрить шпиона-«крота». Для разведывательно-диверсионной деятельности в том регионе требовались особые методы, и зачастую крайне радикального, прямолинейного толка. Именно они, а не хитросплетение шпионских интриг чаще всего приносили необходимый результат. Поэтому недаром гербом отдела «Мизантроп» служил разрубленный пополам сложносплетенный узел. Тот самый гордиев узел – знаменитая фригийская загадка, с которой безыскусно, но эффективно расправился Александр Македонский, наглядно продемонстрировав, как должен вести политику тот, кто твердо решил править азиатским миром.

Кальтер и его собраты по отделу являлись узкопрофильными специалистами, обученными разрубать узлы, распутывание которых дипломатическим путем было попросту невозможно. «Мизантропов» посылали на юг с конкретными, четко спланированными задачами. Их выполнение никогда не требовало ассимиляции с патологически недоверчивыми аборигенами, а также вступление в контакты с кем бы то ни было. Разумеется, Кальтер неплохо владел арабским и несколькими его расхожими диалектами. Но общаться с представителями

местного населения ему приходилось лишь в особо оговоренных случаях. А чем заканчивались те встречи, майор вспоминать не любил. Он вообще старался по возможности сразу же забывать задания, в которых принимал участие. Так его обучили, и только это помогало Кальтеру на протяжении двух десятков лет сохранять кристально чистый рассудок и до сих пор оставаться одним из лучших оперативников спецотдела «Мизантроп». Даже несмотря на то, что майор пережил на этом посту всех тех, с кем когда-то начинал службу в Ведомстве.

«Старый конь борозды не испортит», – очевидно, именно таким принципом руководствовался Стратег, когда посылал Кальтера в Зону. Что ж, скоро выяснится, насколько дальновидным было командование, доверив это дело ветерану, коему оставались считанные годы до отставки. Однако на сей раз майор был благодарен Стратегу за то, что тот не промаркировал как «помеху» старика-осведомителя и тех сталкеров, с которыми интродер мог случайно столкнуться в Зоне. Что ни говори, а работа на родине имеет больше преимуществ, чем заграничные командировки. В них судьба видевших «мизантропа» информаторов или нечаянных свидетелей в большинстве случаев складывалась незавидно...

– Кто покупатель? – поинтересовался Кальтер, закончив чистку комбинезона и напоследок опрыскав его специальным дезодорантом – нейтрализатором запахов.

– «Монолит», – ответил Сидорович. – Кто конкретно из сектантов прибудет на встречу и на каком транспорте, я, к сожалению, не выяснил. «Монолит» – закрытая организация, не контактирующая с другими сталкерскими группировками, поэтому раздобыть информацию о секте по обычным каналам невозможно. При штурме Четвертого энергоблока монолитовцы отбили у военных несколько единиц бронетехники плюс один боеспособный вертолет. Но вы уже наверняка это выяснили и можете спрогнозировать любой вариант развития послезавтрашних событий.

– «Монолит» воюет со всеми без исключения сталкерами, – заметил Кальтер. – Неужели, к примеру, тот же «Долг» никогда не брал в плен сектантов и не допрашивал их?

– В Зоне очень редко берут пленных, майор, – вздохнул торговец. – В основном потому, что никто не предлагает за них выкуп. Когда сталкеры сбиваются в клан, подавляющая их часть все равно остается индивидуалистами, преследующими лишь свои корыстные цели. Какому искателю, спрашивается, охота отдавать врагам с трудом добытые артефакты, чтобы спасти жизнь тому, кто, возможно, завтра умыкнет у тебя из-под носа ценнейшую находку? Конечно, исключения бывают. Но это скорее частные случаи, характерные лишь для воистину сплоченных товарищеских компаний, каковых в Зоне раз, два и обчелся. Даже альтруисты из «Долга» скорее предпочтут отбить взятых в плен братьев силой, чем пойдут на переговоры с врагом. Хотя насчет этих парней вы, скорее всего, правы. Генерал Воронин – опытный солдат и наверняка требует от своих подчиненных, чтобы они по возможности пымали у пленных стратегическую информацию. Однако я сомневаюсь, что даже должовцам по силам разговорить сектанта из «Монолита».

– Монолитовцы – фанатики? – спросил интродер, по опыту «южной» работы знающий, что представляет собой подобная одержимая публика.

– Да, типа того, – согласился Сидорович. – Такие, как эти ребята, скорее откусят себе язык, чем расколются на допросе. Раньше у меня был надежный контакт в «Долге», причем приближенный к самому генералу. Но, к несчастью, год назад мой информатор погиб, и теперь я почти не в курсе того, что творится внутри этой группировки. Собираю лишь сплетни, но за их правдивость я поручиться, увы, не могу.

– Что вы можете рассказать о НИИ «Агропром»? – задал очередной вопрос Кальтер.

– А что именно вас интересует?

– Припомните все, что вам известно. И желательно поподробнее.

– Без проблем, но это займет некоторое время. Может быть, все-таки присядете?

– Хорошо, так и быть, давайте сюда ваш стул.

– Чаю хотите? На травах. По рецепту Болотного Доктора.

– Пожалуй, тоже не откажусь. Когда еще случай представится? Завтра уже не до чая будет... И еще одна просьба... – Похоже, суровый майор вдруг почувствовал неловкость, или Сидоровичу это лишь померещилось? – Не найдется ли у вас случайно лишнего мешочка с болтами? Если надо, я вам за них заплачу.

– Это за болты, что ли? – расплылся в улыбке старик. – Да полноте, какая оплата! Берите даром вместе с мешочком. Такого добра у меня навалом...

Глава 3

Лезть под землю Кальтеру страсть как не хотелось. Но из всех способов проникновения в исследовательский центр НИИ «Агропром» пробраться туда по подземным коммуникациям было самым оптимальным вариантом. Повышенный риск, который в этом случае брал на себя интродер, компенсировался фактором внезапности. Поэтому Кальтер предпочитал рискнуть и появиться на территории нужного объекта оттуда, откуда майора никто не ждал. Вдобавок, согласно информации Сидоровича, грядущей ночью в Зоне намечался очередной выброс, так что интродеру нужно было в любом случае подыскивать себе укрытие. Институтские катакомбы для этого вполне подходили.

Однако, склонившись над жерлом ведущей в них широкой вертикальной шахты, майор засомневался, а правильно ли он поступает. Сидорович был достаточно осведомлен об «Агропроме», но практически ничего не знал о его подвалах. Единственные точные сведения, коими располагал старик о катакомбах, касались лишь расположения выходов. Плюс факт из разряда обоснованных слухов, что военные те катакомбы не контролируют и вообще не суются в них, заминировав со своей стороны ведущую на поверхность шахту.

Чего боялись оккупировавшие институт вояки? Мутантов, которые якобы обитают в подвалах? Не только их. Стратегической ценностью подземелья НИИ обладали лишь для тех, кто желал пробраться в исследовательский центр, а не наоборот. Второй выход из тоннелей располагался километром севернее, рядом с институтским хозблоком, и армейцы, которые уже не контролировали ту территорию, попросту блокировали ведущий оттуда к ним на базу подземный ход от злоумышленников вроде Кальтера.

Армейских мин интродер не слишком опасался, а вот насчет мутантов и аномалий беспокоился не на шутку. Хлебнул с ними лиха на Кордоне – мало не показалось. «Не спеши и осмотри!» – этот девиз Кальтеру было впору начертать у себя на комбинезоне. Или вытатуировать на лбу, предварительно сведя оттуда часть Символа Аль-Шаддада, который, согласно особой директиве Стратега, вот уже более десяти лет использовался интродерами «Мизантропа» вместо камуфляжной окраски. Руководствуясь местным девизом, Кальтер проделал весь путь от Кордона до института, пройдя за тридцать часов расстояние, которое интродер за пределами Зоны покрыв бы в четыре раза оперативнее. Даже в горах Памира он передвигался намного быстрее. Здесь же – в краю холмов, полей, болот и перелесков – отменный скалолаз и бегун Кальтер плелся к цели со скоростью неторопливо прогуливающегося пенсионера, в то время как сил на эту прогулку уходило несоизмеримо больше, чем она, казалось, того требовала.

Помимо обещанного мешочка с болтами Сидорович всучил майору неисправный автомат «Энфилд», который гостю пришлось в обязательном порядке взять, дабы вписаться в легенду о богатом покупателе и помочь хозяину оправдать появление у него на руках солидной денежной суммы. Деньги были выданы торговцу в качестве оплаты за сбор информации, и Сидорович мог заказать на них с Большой Земли хорошую партию нужного сталкерам товара. По мнению майора, история о продаже винтовки не выдерживала критики, ведь Леха Шпала наверняка заметил, что визитер вооружен гораздо более современной пушкой, нежели подержанный «Энфилд». Но Сидорович лишь отмахнулся и сказал, что для того, чтобы отбрехаться от расспросов, легенда вполне сгодится, а о чем там сталкеры будут судачить у него за спиной, торгаша уже не волновало. Интродер пожал плечами, мол, ваши проблемы, а покинув поселок, утопил небоеспособный «реквизит» в первом попавшемся бочаге, дабы не тащить на себе лишний груз.

А вот болты Кальтеру действительно пригодились. Еще в бункере он, по совету Сидоровича, обвязал вокруг каждого из них короткую тряпочную ленточку, чтобы было проще находить их в густой траве. А отправившись в дальнейший путь, взял за правило постоянно вертеть в пальцах болтик, словно четки, и при любом сомнении швырять тот в подозрительное место, не дожидаясь сигнала детектора. С глазомером у Кальтера был полный порядок, так что

интродер мог проверять свои опасения, не приближаясь чересчур близко к подозрительным местам. В общем, постигал мало-помалу местную науку выживания, приобретая сталкерские привычки – бесполезные за пределами Зоны, но жизненно необходимые здесь.

Не обошлось и без курьезов. Однажды Кальтер решил проверить непонятное завихрение воздуха, на которое не среагировал детектор, и ненароком засветил болтом в спящего среди высокой травы клыкастого кабана-мутанта. Монстру такая бесцеремонность крайне не понравилась, и он решил воздать обидчику по заслугам. Заметив, какую «аномалию» он разбудил, Кальтер не мешкая вскинул винтовку и открыл огонь по несущемуся к нему во весь опор кабану. Пробитый полудюжиной пуль, тот, однако, и не думал останавливаться, а продолжал мчаться на человека стремительной четвероногой торпедой. У интродера не оставалось иного выхода, как уступить противнику дорогу, уйдя перекатом в сторону, и позволить кабану с хрюканьем и визгом проскочить мимо.

Приняв изготовку для стрельбы с колена, майор повторно взял на мушку промахнувшегося мутанта, но стрелять не спешил – понадеялся, что этот сгусток ярости все-таки обессилит от ран и скопытится, сэкономив Кальтеру несколько патронов. Но кабан затормозил, развернулся и, вновь вперив в жертву злобные глазки, рванул к ней с прежней неумной прытью.

Во втором раунде этой маленькой корриды интродер решил изменить правила. Выждав, когда упорный мутант приблизится, Кальтер пальнул в него из подствольной ракетницы дротиком с разрывным наконечником, загодя приготовленным майором как раз для самых неугомонных представителей местной фауны. Пороховой заряд вытолкнул дротик из подствольника, и дротик вонзился кабану аккурат в лоб. После чего разделился на несколько сегментов, подобно пуле «дум-дум», только с гораздо большим поражающим эффектом. Голова монстра разлетелась на кровавые ошметки, но Кальтеру все равно пришлось отскочить вбок, а иначе несущееся на него обезглавленное тело неминуемо сшибло бы майора с ног не хуже мотоцикла. И только пробежав по инерции еще с десятков метров, подстреленный кабан рухнул и, забившись в судорогах, утихомирился.

Майор сглотнул слюну, отстегнул маску, а затем облегченно вздохнул и вытер взмокшее от пота лицо. Хорошенькое сафари выпало на его долю! А если бы в траве спал не один свирепый кабанюка, а хотя бы парочка подобных? Будь это так, Кальтер не стоял бы сейчас на ногах, а лежал в траве с переломанными конечностями, отбитыми внутренностями и разодранной глоткой, дожидаясь, когда по его душу заявятся мутанты-падальщики. Впрочем, здешние хрюшки-терминаторы наверняка и сами не прочь полакомиться человечинной, ибо не верилось, что такая кровожадная зверюга питается лишь кореньями и желудями...

К вечеру своего первого дня пребывания в Зоне Кальтер с оглядкой и на полусогнутых добрался до Свалки. Когда же начали сгущаться сумерки, он лежал на пригорке и обозревал в бинокль знаменитое кладбище техники – место временного пристанища практически всех сталкеров, идущих с Кордона или, наоборот, возвращающихся на него.

Кладбище было одной из старейших достопримечательностей Зоны, поскольку образовалось тут еще четверть века назад, после первого чернобыльского выброса. Именно этот пустырь выбрали ликвидаторы аварии на ЧАЭС для массового складирования радиоактивной техники, поскольку вывозить ее отсюда было попросту недопустимо. Ветры, дожди и снегопады превратили расставленный длинными рядами гражданский и армейский транспорт в ржавый хлам, наподобие того трактора, возле которого майор схлестнулся со снарком. Пространство между рассыпающимися от времени автомобилями зарастало травой и кустарником. И лишь сталкеры, облюбовавшие кладбище техники для стоянок, еще хоть как-то придавали ему, если можно так выразиться, худо-бедно жизнерадостный вид.

Чем оно привлекало искателей артефактов, неизвестно. Неужели только тем, что располагалось неподалеку от самых безопасных путей проникновения на Кордон? Или же скопление автомобильных «динозавров» прошлого века обладало некой энергетикой, притягивающей к себе путников подобно тому, как заманивали древних моряков своими песнями сладкоголосые сирены? Правда, в отличие от жертв сирен, сталкерам везло больше, и они могли покинуть притягательное для них место, когда пожелают. Видимо, духи кладбища были уверены, что в следующий раз скитальцы в любом случае никак не пройдут мимо,

поэтому и отпускали их без проблем.

Сегодня на стоянке было не слишком многолюдно. Однако майор все равно не собирался появляться там в открытую. Как и уходить от технокладбища на ночь глядя. Новичкам-скитальцам вроде Кальтера и днем-то по Зоне ходить опасно, а ночью и подавно. С наступлением темноты даже матерые сталкеры предпочитают хорониться по убежищам, позволяя себе расслабиться после напряженного дня. Нельзя сказать, что майор был вымотан до предела, – многосуточные рейды без сна и отдыха являлись для него нормой. Но испытывать судьбу, дерзнув на ночной переход по Зоне, не проведя в ней и суток, Кальтер, разумеется, не стал. Шансы выжить в таком походе у него были мизерные. Ни Луны, ни звезд на небе не наблюдалось, а полагаться в крошечной тьме на прибор ночного видения – даже такой высокочувствительный, как ведомственный «Ноктюрн», – было чересчур самоуверенно. Разглядеть во мраке при помощи «Ноктюрна» удалось бы, пожалуй, лишь одну из десяти аномалий, а уж соревноваться в зоркости с мутантами можно было, только став одним из них. Короче говоря, ночная Зона являлась тем противником, превосходство которого над Кальтером было неоспоримо без доказательств.

Майор дождался, когда окончательно стемнеет, затем осторожно спустился с холма, прокрался под ограждением из колючей проволоки и подполз под старенький строительный вагончик, в котором сталкеры ночевали и прятались от дождя. Благодаря тому, что сигналы ПДА Кальтера не улавливались радаром других сталкеров, засечь проникшего в лагерь чужака они были не в состоянии. Майор, конечно, мог не рисковать, подбираясь так близко к сталкерской стоянке, и залезть под днище какого-нибудь автобуса. Но «мертвецы» на этом кладбище источали такой радиационный фон, что дозиметр возле них начинал стрекотать без умолку, словно кузнечики, которые давным-давно вымерли в Зоне. Поэтому интродер не стал лишним раз приближаться к облученной технике. А вагончик, судя по всему, появился здесь недавно, поскольку сталкеры без опаски пользовались им как укрытием. Трава под ним была не примята, и это послужило для Кальтера добрым знаком. Значит, какие бы многочисленные группы скитальцев порой ни собирались на стоянке, они всегда умещались в вагончике и никому не выпадал жребий ночевать под ним, где тоже имелись вполне пригодные условия для ночлега.

Стараясь не примять траву, скрывавшую его от сталкеров, жарящих на костре вороны тушки, Кальтер наскоро сжевал несколько «фирменных» ведомственных галет – питательных, но за годы службы осточертевших майору до изжоги. Потом запил свой скромный ужин витаминным напитком и, настроив себя проснуться ровно в четыре часа утра, забылся чутким неглубоким сном. Конечно, было невежливо вот так, без разрешения, пользоваться услугами местной охраны, но поскольку сталкеры о скрытном визитере не знали, значит, и не обиделись.

Разбудили майора предупредительные окрики часовых, заметивших в предрассветных сумерках какую-то опасность. Кальтер мигом продрал глаза и украдкой выглянул из зарослей, слушая, как дощатый пол будки над ним содрогается от топота поднявшихся по тревоге сталкеров. По доносящимся до интродера возгласам и обрывкам фраз, сопровождаемых клацаньем автоматных затворов, он выяснил, что с востока к стоянке движется группа бандитов. Очевидно, они прознали, что сегодня здесь ночует немногочисленная группа скитальцев, и решили напасть на них, когда у уставших часовых начнут слипаться глаза. Поняв, что их выходка сорвалась, бандиты открыли огонь еще на подходе к стоянке и ринулись в атаку, собираясь взять заспанных сталкеров уже не тихой сапой, как планировалось, а нахрапом. Пули засвистели над кладбищем, дырявя стены вагончика и обшарпанные борта стоящей на вечном приколе техники.

Но сталкеры оказались не лыком шиты – как-никак эта территория принадлежала им, и тактика ее обороны была отработана хозяевами на совесть. И наверняка испробована на практике, поскольку подобные нападения на стоянку вряд ли являлись редкостью. Искатели артефактов быстро рассредоточились по распределенным еще с вечера позициям и взялись поливать врагов ответным огнем – методично, без лишних криков и ругани, коими сопровождалась бандитская атака. Поэтому неудивительно, что вскоре она захлебнулась, натолкнувшись на грамотно организованную оборону.

Но упрямые, как тот кабан, что напал вчера на Кальтера, бандиты, однако, не отступили, а

залегли в складках местности и переключились на позиционный бой, либо собираясь взять сталкеров измором, либо попытаться перегруппироваться и атаковать кладбище с другого направления. Второе было наиболее вероятным, поскольку длительные бои в Зоне никогда не велись. Слишком дороги были тут патроны, которые любая позиционная война пожирала в немереных количествах. Да и терпения у местных бандитов для изматывающей схватки вряд ли хватило бы. Не те они были вояки, как, например, их собратья из Средней Азии, способные драться на равных не только с полицией, но и с частями регулярной армии.

Кальтер не намеревался вступать в чужую разборку и решил слиться из опасной зоны, пока в тылу у сталкеров было еще спокойно. Майор не сомневался, что они отобьются, поскольку видел, что хозяева готовы отбить атаку с любого направления. Застать их врасплох любителям легкой наживы уже не удастся, и бандиты наверняка уберутся восвояси еще до того, как окончательно рассветет. Но прятаться на окруженной стоянке под огнем и тех и других майору не хотелось. И пока большинство сталкеров смотрело на восток, интродер вылез из-под вагончика и пополз между рядами ветхой техники к западным воротам кладбища.

Как ни стремился «мизантроп» избежать участия в не касающемся его конфликте, полностью отстраниться от него Кальтеру не удалось.

Отползая от вагончика на достаточное расстояние, интродер поднялся с земли и, пригнувшись, рванул короткими перебежками в выбранном направлении. Майор не мог ретироваться тем же маршрутом, каким пришел. Во-первых, оттуда же десять минут назад явились и бандиты, а во-вторых, если вчера, ползя на стоянку, он спускался с холма, то теперь ему пришлось бы карабкаться вверх по крутому склону, что, естественно, было бы не самым рациональным выбором.

Быстро рассеивающиеся сумерки уже позволяли разглядеть впереди лежащий путь без прибора ночного видения. Поэтому парочку бандитов, что двигалась навстречу интродеру по тому же проходу, Кальтер засек раньше, чем они его. Юркнув между лежащим на днище бесколесным БТРом и измятым «жигуленком», майор хотел перебежать в соседний проход, но оказалось, что и по нему крадутся двое рослых типов в масках и натянутых на головы капюшонах. Спрятаться под днище какого-либо из ближайших стальных «мертвецов» было нереально, а метаться по проходам в поисках подходящего укрытия – слишком поздно. Заходящая сталкерам в тыл четверка бандитов (не исключено, что их было больше – майор не видел, что происходит в других проходах) быстро продвигалась вперед и вскоре должна была поравняться с затаившимся между БТРом и легковушкой Кальтером. Единственным преимуществом интродера было то, что враги пока его не обнаружили, но до этого момента оставались лишь считанные секунды.

– Ша, пацаны!.. – только и успел прокричать первый из ублюдков перед тем, как словил в лоб пулю из «ВМК». Крадущемуся позади него приятелю тоже хватило времени, чтобы выругаться, но не более. Майор не позволил ему ни уклониться, ни открыть ответный огонь, прикончив врага двумя выстрелами в грудь.

Фактор внезапности был потерян, зато левый проход стал свободен для прорыва, чем Кальтер не преминул воспользоваться. Крики приконченных бандитов переполошили их приятелей, крадущихся по другим параллельным проходам. Как и предполагалось, бандитских групп было не две, а около полудюжины. Ближайшая из них – та, что двигалась по соседству с уничтоженной, – начала расстреливать из автоматов ближайшую технику и орать, предупреждая остальных о «борзых фраерах, заваливших Кефана и Зюзю». Кальтера ошибочно приняли за группу сталкеров, заходящих бандитам во фланг. Их скрытное продвижение сорвалось, и все они бросились на подмогу правофланговой группе, что продолжала остервенело палить по технике, полагая, что где-то за ней прячутся убийцы двух невезучих «пацанов». Со стороны лагеря в этом направлении тут же ударили неприцельные очереди. Хозяева стоянки понятия не имели, что вспугнуло заходящих им в тыл бандитов, но живо отреагировали на их появление предупредительным огнем.

А майора и след простыл. Обежав по дуге разъяренных приятелей подстреленных им Кефана и Зюзи, Кальтер поднырнул под колючую проволоку и покинул пределы кладбища. А затем, метнув болт в сторону ближайших кустов и не выявив на пути аномалий, стремительно достиг укрытия. Где затаился и наконец-то позволил себе короткую передышку.

Когда же над Зоной взошло скрытое рваной вуалью туч солнце, Кальтер уже продвигался на северо-запад. Свалка, в отличие от того же Кордона, изобиловала множеством укрытий искусственного происхождения. Они являли собой не только разбросанную повсюду старую технику, но и прочий крупногабаритный мусор. Искореженные металлоконструкции; мятые топливные резервуары; разбитые бетонные блоки едва ли не всех существующих в мире форм и размеров; куски труб, в самые широкие из которых мог проехать даже армейский БТР; железные щиты, коих на Свалке, наверное, хватило бы для постройки целой флотилии нефтяных танкеров; сплетенная в немыслимые узлы строительная арматура; огромные локаторные антенны, пару раз попавшиеся Кальтеру на пути... Все это валялось здесь в полнейшем хаосе, в котором, однако, при желании можно было отыскать некую мрачную гармонию, подходящую для увековечения на эпическом полотне под названием «Закат эры человека».

Это была самая грандиозная свалка, когда-либо виденная майором, и потому он был полностью согласен с тем сталкером, которому пришлось в голову писать ее название с заглавной буквы. Именно так: Свалка. Ни добавить, ни убавить – все предельно ясно. Даже несведущий человек глянет на местную карту и поймет, какого калибра мусор заполняет эту обширную территорию, протянувшуюся вдоль южного Кордона от Темной Долины до «Агропрома».

Лавируя между нагромождениями монументальных «останков цивилизации», многие из которых даже на расстоянии вгоняли в панику дозиметр, Кальтер, «не спеша и осматриваясь», добрался к полудню до ведущей на «Агропром» дороги. Места эти оказались на поверку гораздо оживленнее, нежели представлялось майору по рассказу старика Сидоровича. Похоже, торговец бывал здесь довольно давно и с тех пор в этих краях многое успело измениться.

Сюда, в отличие от Кордона, военные патрули заезжали не регулярно, а время от времени, и потому на Свалке бандитам было намного вольготнее отлавливать возвращающихся с хабаром сталкеров. Стычки, подобные той, невольным участником которой майор стал сегодня утром, здесь не являлись редкостью. Частенько то с одной, то с другой стороны гремела оружейная пальба. Едва заслышав звуки близких выстрелов, Кальтер сразу же бросался искать укрытие и переживал в нем беспокойные минуты. Дважды мимо него прокрадывались компании настороженных людей, но ни разу ему на глаза не попался такой, как он, «единоличник». Да, пересечь Свалку из конца в конец в одиночку очень и очень тяжело. Поэтому даже незнакомые друг с другом сталкеры – а когда подпирала нужда, то, бывало, и члены враждующих кланов – заключали между собой временные альянсы, чтобы отбиться от ошивающихся на Свалке грабителей.

Однако имелся в этом многолюдии (по здешним меркам, разумеется) и свой плюс. Благодаря постоянно снующим по Свалке сталкерско-бандитским группировкам на ней обитало очень мало собак, псевдоплоти, кабанов и прочих неразумных стайных мутантов. А те, что изредка попадались навстречу майору, шарахались от человека, будто от аномалии. Кальтеру это, безусловно, играло на руку, ведь скрыться от бандита или сталкера не в пример легче, чем от чутких монстров Зоны.

Облюбовавшие южный комплекс зданий «Агропрома» военные отвадили от института множество как романтиков с большой дороги, так и обычных искателей артефактов. И пусть в северном хозблоке продолжали отираться то те, то другие – по сравнению со Свалкой район НИИ выглядел безлюдно. Чего нельзя было сказать о мутантах – их поголовье здесь оказалось выше, чем несколькими километрами восточнее. Стаи псевдособак и слепых псов чувствовали себя на окрестных полях полноправными хозяевами и заставили Кальтера изрядно понервничать. Поэтому он решил не отдаляться от асфальтовой дороги, с которой курсировавшие на свой форпост и обратно военные наверняка любили пострелять по пробегавшим мимо четвероногим монстрам.

Догадка оказалась верной – рыскающие по полям мутанты старались держаться подальше от дороги. Придерживаясь этого маршрута, интродер пробрался вдоль огораживающего хозблок бетонного забора и вскоре отыскал по наводке торговца северный вход в катакомбы. И вот теперь Кальтер сидел возле люка и гадал, можно ли полагаться на непроверенную информацию Сидоровича и спускаться туда, куда не всякий охотник за хабаром рискнет сунуться...

Научный центр располагался километром южнее, и его главное трехэтажное здание было различимо отсюда в просветы между деревьев. А вместе с ним и построенные военными деревянные смотровые вышки, на одной из которых Кальтер заметил в бинокль наблюдателя со снайперской винтовкой. Отчетливо различимая конечная цель маршрута вселяла в майора уверенность, а намечающийся этим вечером выброс ненавязчиво подстегивал к поиску убежища. Всего-то дел: пройти километр по темным сырым тоннелям и разминировать выход из них. Мало ли пещер и катакомб облазил в своей жизни «мизантроп», подбираясь к своим ближневосточным и среднеазиатским «помехам»? Подсчитать весь пройденный Кальтером пещерный километраж, так длина тоннелей «Агропрома» покажется интродеру и вовсе спринтерской дистанцией. Не успел разогнаться, и уже финиш... В теории, разумеется. А она, как не раз убеждался на собственном опыте майор, очень редко соответствовала реальному положению вещей.

Майор знал, что вынуждает его колебаться. *Чужой* ветер Зоны, к которому он так и не сумел привыкнуть, пробудил в Кальтере множество ранее незнакомых ему чувств. Причем доля страхов в них была далеко не преобладающей. Интродер привык доверять собственным инстинктам, но те, что просыпались в нем сейчас, являлись для него совершенно чуждыми. И потому он даже не знал, как к ним относиться: с доверием или, наоборот, счесть их проявлением слабости и игнорировать посылаемые ими сигналы. Сквозняк, который дул из люка в лицо Кальтеру, был не чем иным, как концентрированным потоком *чужого* ветра. А он, пролетая через катакомбы, казалось, вбирал в себя весь ужас, что годами копился в их стенах. Оттого даже смехотворная протяженность тоннелей «Агропрома» вгоняла майора в столь нехарактерную для него прежде оторопь.

К счастью, Кальтер еще не потерял самоконтроль и мог усилием воли придушить в себе предательские сомнения. Надо было лишь отринуть посторонние мысли и приступить к работе. И неуверенность исчезнет, поскольку голову интродера сразу займут мысли чисто практического толка. Разбавлять их сомнениями было все равно что пытаться произвести переукладку парашюта после того, как ты выпрыгнул из самолета.

Оглядевшись и убедившись напоследок, что никто за ним не наблюдает, майор перецепил поясную альпинистскую мини-лебедку на живот, пропустил между ногами, приделал к ремню дополнительные лямки, чтобы снять нагрузку с поясницы, и, защелкнув карабин троса на торчащей из стенки шахты арматурине, приступил к спуску.

Пользоваться лестницей из вмурованных в стену скоб Кальтер отказался, ибо на ней, с высокой вероятностью, могла стоять ловушка. Глубина шахты, согласно ультразвуковому дальномеру, была шестнадцать метров, и любой кумекающий в диверсионном ремесле сталкер мог превратить ее в смертоносный капкан для недоброжелателей. Причем даже без применения взрывчатки. Обычная лестничная ступенька, вытащенная из стены, а затем вставленная обратно таким образом, чтобы отломиться, когда человек наступит на нее всем весом, могла гарантированно прикончить того, кто спускался в глубокий колодец. А торчащие под лестницей острые прутья арматуры лишь закрепили бы эту гарантию. Так что интродер предпочел разобраться с проблемой по-своему, поскольку в данной ситуации он больше доверял штатному оборудованию «мизантропа».

Медленно стравливая тонкий, но прочный стальной трос («толстолобики» из лаборатории уверяли, что он без проблем выдерживает вес в тонну, но проверить это на практике Кальтеру так и не представилось возможности), майор преодолел половину разделявшего его и колодезное дно расстояния. После чего застопорил лебедку, достал микрофон, выдвинул на максимальную длину его телескопическую ручку, опустил прибор вниз и провел короткую акустическую разведку.

Капли воды, то и дело падающие с потолка на бетонный пол, да негромкое шуршание на сквозняке зацепившейся за что-то газеты... Вот, пожалуй, и все. По крайней мере, никаких крупных жизненных форм в расположенном внизу помещении не обнаружилось. Разве только они были такими же любителями тишины, как сам Кальтер... Но тут уже придется поверить своему многолетнему опыту и чуткому слуху. Или все-таки спустить для острастки вслед за микрофоном оптический кабель с микрокамерой, подключенной к ПДА в режиме ночного видения? Нет, оставить – время поджимает. Если снаружи кто-то выследил, как майор полез в

шахту, врагу сейчас самое время подкрасться и пристрелить лишнего маневренности интродера. Поэтому необходимо как можно скорее убираться из колодца.

Кальтер продолжил нисхождение, но когда до выхода в катакомбы оставалось всего полметра, майор вновь остановился и застопорил лебедку. Внизу было темно, но «Ноктюрн» превосходно справлялся со своей задачей и позволял оценить обстановку. Однако Кальтер не торопился спускаться на дно тоннеля. Нижняя горловина колодца тоже могла таить нежелательные сюрпризы. По крайней мере, если бы майор решил укрыться в этом подземелье, он не отказал бы себе в удовольствии устроить врагам подлянку именно здесь – на выходе из шахты...

...И потому ничуть не удивился, когда оказался прав. Обнаружить ловушку было несложно, но для этого все равно пришлось прибегнуть к вспомогательным средствам. Перевернувшись на тросе вверх тормашками, майор извлек из кармана аэрозоль для очистки комбинезона и брызнул им в проход. Эта примитивная, но действенная методика позволяла выявить как современную мину с лазерным взрывателем, так и обычную, невидимую в темноте, растяжку. Первую встретить в Зоне было маловероятно – слишком дорогая игрушка для сталкера. Зато вторая, в связи со своей дешевизной, могла встречаться в этих краях повсеместно, и Кальтер даже удивлялся, почему за время скитаний по Зоне он до сих пор не наткнулся ни на одну растяжку.

На выходе из колодца таковых стояло аж сразу три – все параллельно друг другу, словно заградительная решетка. А тот, кто заминировал шахту, вдобавок выкрасил черной краской соединяющую гранаты проволоку. Так что любой нежелательный посетитель, который, спускаясь по лестнице, пользовался бы фонариком, мог проморгать ловушку – черная проволока на фоне царящего внизу крошечного мрака была абсолютно неразличима. В том числе и «Ноктюрном». Но осевшие на проволоке мельчайшие брызги мутного аэрозоля рассекретили ее и позволили интродеру приступить к разминированию.

Перекусив поочередно карманными кусачками все три стальные жилки, Кальтер отметил, что растяжки были установлены изнутри и минер уже никак не мог бы выбраться наверх по колодцу. Работа военных? Не похоже. Они давно не занимаются такой кустарной ерундой, потому что у них в арсенале имеются отличные современные мины. Конечно, не такие продвинутые «игрушки», которые тащил с собой майор, – миниатюрные, но вдвое превосходящие по мощности армейские аналоги взрывные устройства, – но тоже вполне эффективные. И самое главное – простые в установке. Тот же, кто опутывал горловину колодца растяжками, провозился с ними полчаса, не меньше, поскольку минеру пришлось прилаживать к потолку тоннеля специальные кронштейны для размещения в них гранат. И как выяснилось, вся эта канитель была напрасной... Но надо отдать тому умельцу должное – он постарался на совесть. Просто откуда ему было знать, что в заминированное им подземелье будет спускаться интродер-мизантроп, чья параноидальная подозрительность являлась не болезнью, а жизненно необходимым, профессиональным качеством.

Существовало три версии, куда мог подеваться загадочный подрывник: «а» – он все-таки был военным и покинул катакомбы через южный выход; «б» – он покинул катакомбы через третий выход, о котором ни военные, ни Сидорович не знали; «в» – он до сих пор находится в катакомбах. Кальтер исследовал проволоку на ощупь и на запах. Она была выкрашена нитрокраской, которая сохнет достаточно быстро, даже во влажных условиях. Эта краска еще липла к пальцам, а значит, была нанесена на проволоку не более суток назад. Либо, с учетом здешней сырости, – двух суток. Следовательно, версию «в» нужно рассматривать в качестве приоритетной. Катакомбы обитаемы, и тот, кто в них прятался, тоже являлся мизантропом, только уже без кавычек, в полном смысле слова.

Майор перевернулся на тросе в обычное положение, расстопорил лебедку и, спустившись в тоннель, осторожно коснулся ботинками пола. Растяжки вполне могли оказаться отвлекающим маневром, а вот мина под лестницей – главной ловушкой. Поэтому Кальтер спускался по диаметрально противоположной от лестницы стороне колодезной шахты. Проверив пол и не найдя поблизости дополнительных взрывных устройств, майор отстегнул посредством пульта дистанционного управления карабин троса, дождался, когда тот упадет и автоматически скрутится обратно под лебедочный кожух. Потом отцепил маску – пыли во

влажном подземелье не было, – снял со спины винтовку, приготовил болт и осторожно двинулся в глубь уходящего во мрак тоннеля.

Как оказалось, это был всего лишь короткий, примыкающий к выходу коридор – нечто вроде прихожей, что вывела Кальтера в зал, заставленный громоздким оборудованием и напоминающий бойлерную. Идущие вдоль стен трубы и толстые электрические кабели лишь усиливали это сходство. По пути майор наткнулся еще на две растяжки и сильно изъеденное крысами истлевшее тело сталкера. А также рваную упаковку из-под одноразовых шприцев, брошенную тут, судя по всему, совсем недавно.

Спустившись по невысокой железной лесенке в «бойлерную», интродер отключил «Ноктюрн», поскольку обнаружил в дальнем углу помещения источник света. Им оказался прицепленный к трубам и направленный вниз большой армейский фонарь с почти разряженным аккумулятором, освещающий под собой пятачок в несколько квадратных метров. На этом пятачке неподвижно лежали на полу или сидели, прислонившись к стене, шестеро человек. Все они казались издали либо спящими, либо мертвыми. Их вещи были свалены рядом в кучу, но оружие у каждого из членов этой компании находилось под рукой.

Судя по внешнему виду, не проявляющая признаков жизни шестерка больше смахивала на бандитов, чем на сталкеров. Майор припомнил девяностые годы прошлого столетия, когда в мелкокриминальной среде вроде рыночных рэкетиоров и уличных гопников было модно расхаживать в аляповатых спортивных костюмах и кожаных куртках, ставших чуть ли не рабочей униформой сей плечистой, коротко стриженной публики. Занятно, что в Зоне бандиты вспомнили эту, казалось бы, давно забытую моду, одеваясь так, словно прибыли сюда на машине времени прямоком из девяностых. («Эта шпана любит называть себя пацанами! – саркастически заметил насчет них в давешней беседе с майором Сидорович. – У самих хрен в трехлитровую банку давно не влезает, а до сих пор – ишь ты – пацаны! И когда ж они, в конце концов, повзрослеют?...»)

Впрочем, делали они это не только из-за ностальгии по золотым для них денькам. Возродив традицию двадцатилетней давности, здешние гопники стали таким образом на расстоянии отличать «своего брата» от обычных сталкеров, сведя на нет вероятность непредумышленных «межпацанских» конфликтов. А сталкеры, завидев издали любого скитальца в характерном бандитском «прикиде», взяли в привычку без раздумий открывать огонь на поражение. Но это неудобство бандиты могли стерпеть. Куда важнее было то, что если теперь местная братва и стреляла друг в друга, то уже намеренно, а не по ошибке.

Майор подкрался поближе к расположившейся под тусклым фонарем компании и обратил внимание еще на ряд любопытных деталей. Помимо оружия, возле бандитов валялись использованные шприцы, на расстеленной здесь же газете стояла незажженная спиртовка, а у двух членов «криминального секстета» были закатаны рукава. Также у стены валялся моток стальной проволоки и баночка черной нитрокрапки.

Кальтер хмыкнул: ну что ж, вот и разгадка. Собранных им деталей было вполне достаточно, чтобы сложить из них целостную картину. Обычная банда наркоманов, которые подыскивали и обустроили себе безопасное местечко, чтобы ширнуться и заодно переждать выброс. Героин и подобные ему тяжелые наркотики среди сталкеров, да и большинства бандитов тоже, не в чести. Когда тебе каждый день требуется доза, по Зоне много не походишь. Проверено не раз и не два. «Ужаленный» сталкер – потенциальный покойник. И не только потому, что страдает рассеянным вниманием и неадекватно реагирует на внешние раздражители. Давно доказано, что вкупе с радиоактивным аномальное излучение Зоны и непреходящее чувство опасности коверкает психику даже абсолютно здорового человека. Чего уж говорить про наркомана, чья психика и без того пребывает в плачевном состоянии.

И не счесть, сколько таких самоуверенных «торчков» пыталось бросить вызов Зоне, накачиваясь мощнейшими стимуляторами и надеясь под их воздействием преодолеть здешние опасности: чують за километр аномалии, бегать быстрее псевдопсов, драться голыми руками с кровососами, вступать в ментальный поединок с контролером. Не выгорело. Зона, один черт, оказывалась хитрее, быстрее и сильнее, вмиг осаживая любого зарвавшегося наглеца. Поэтому опытные сталкеры и доверяли единственной проверенной временем тактике: «Не спеши и осмотришься». Приверженцев только такого поведения Зона соглашалась терпеть на своей

территории, давая им шанс выжить. Все остальные были обречены на гибель, едва пересекали периметр.

Как долго обитали в Зоне встреченные Кальтером бандиты, неизвестно. Но, похоже, они нашли оптимальный вариант совмещения несовместимого и предавались своей страсти, отгородившись от местных перипетий в неприступном бункере. Конечно, далеко не от всех. Вероятнее всего, этих «пацанов» убила бы внезапно возникшая в их логове аномалия или проползший по потолку цепкий.snork, нежели человек, от вторжения коего пытались оградить себя бандиты. Однако судьба распорядилась иначе, послав им в качестве незваного гостя не.snork, а интродера Ведомства – тоже, по сути, разумного монстра, но все равно несравнимого по проворству и злобе с уникальной фауной Зоны.

Когда Кальтер определил, что «дети подземелья» совершенно невменяемы, он подкрался к ним ближе, затем – еще и еще, пока не остановился возле прислонившегося к стене типа с поникшей на грудь головой и закатанным рукавом. Ушедший в нирвану, бандит еле слышно бормотал под нос какую-то белиберду: то ли читал стихи, то ли о чем-то спорил сам с собой. Кальтер мог бы легко поставить точку в этом споре одним ударом ножа. Но банда обдолбанных в ноль наркоманов не представляла для майора явной угрозы, и он решил не тратить время на то, что вскоре так или иначе за него сделает Зона.

Однако, осмотрев ведущую в глубь катакомб дверь, Кальтер понял, что миновать ее незаметно у него не выйдет. Стальная пуленепробиваемая дверь некогда обладала надежным запорным механизмом, наподобие тех, какими блокируются люки корабельных отсеков. Но сегодня вся эта система вместе с управляющим ею штурвальным колесом не функционировала. То ли ее искорежили ломом, то ли здесь приложил лапу невероятно сильный мутант, но самой двери эти разрушения не коснулись. Разумеется, занявшие подвал бандиты не стали бросать ее нараспашку и заменили сложный замок обычным швеллером. Массивная, не меньше центнера, железная балка упиралась одним концом в штурвальную ось, а другим – в выемку на бетонном полу. А для надежности швеллер был еще и как следует осажен кувалдой, отчего не просто подпирал собой дверь, а накрепко заклинивал ее в проеме не хуже запора. Инструмент, коим воспользовались для этого хозяева «бойлерной», валялся здесь же, в шаге от импровизированного блокиратора.

Майор осмотрел препятствие и определил, что убрать балку по-тихому у него при всем старании не выйдет. Бандиты поработали на совесть, поскольку явно не планировали оставлять этот выход даже в качестве резервного. Чтобы выбить швеллер, по нему следовало нанести как минимум дюжину ударов той же кувалдой. Но ни в коем случае не взрывать. Взрыв мог намертво перекосить тяжелую дверь в проеме, что отрезало бы майора от цели и, не исключено, насторожило бы военных. А удары молотом по швеллеру неминуемо грозили переполошить хозяев. Насколько глубоко ни погрузились те в наркотическую эйфорию, волей-неволей очнешься, когда у тебя под ухом разразится оглушительный набат.

Ирония судьбы: стать жертвой не собственной безалаберности, а наоборот – образцового соблюдения мер предосторожности. Оставь бандиты дверь открытой или хотя бы заблокируй ее не так тщательно, возможно, им посчастливилось бы прожить в Зоне еще какой-то срок. Но, вынудив Кальтера взяться за кувалду, они автоматически подписали свой смертный приговор, включив себя в интродерский список случайных «помех» – немаркированных, если пользоваться терминологией Ведомства.

«ВМК» громко чихнула шесть раз подряд с короткими интервалами, всего за шесть секунд упростив интродеру решение проблемы запертой двери. Шесть выстрелов – шесть трупов... Ничего такого, что причинило бы Кальтеру неудобство или заставило его руку дрогнуть. И ничего, что отложилось бы в памяти майора грузом ненужных воспоминаний...

Глава 4

...Ему доводилось заниматься и более гнусными вещами, чем хладнокровный расстрел невменяемых наркоманов. Майор не раз и не два оказывался в подобной ситуации, но не помнил подробностей ни одной из них. Напрочь забывал еще до того, как остывал ствол его винтовки. Человеческому разуму свойственно ограждать себя от неприятных воспоминаний,

что могли разрушительным образом сказаться на рассудке. Натренированная память Кальтера была способна подвергаться подобному выборочному «форматированию» в любое время и в любой обстановке. А тем более когда он находился в командировке.

Вовремя забыл то, что отвлекает тебя от выполнения поставленной задачи, – значит, увеличил шансы выполнить ее и вернуться живым. Побеждает тот, кто не колеблется. Спецотдел «Мизантроп» проводил отбор своих оперативников, исходя из такого критерия, и майор не был в этом плане исключением. Прежде чем приступить к подготовке, Кальтер – в те годы еще простой лейтенант Костя Куприянов, молодой, но уже успевший повоевать в паре горячих точек, – побывал вместе с другими кандидатами в учебном центре, где тренировались антитеррористические подразделения МВД. Вступительное тестирование будущих «мизантропов» было с подвохом, и почти все претенденты, в том числе и Куприянов, об этом догадывались. Поэтому были готовы к любым неожиданностям. Однако что именно требовалось Ведомству от лейтенанта, он понял лишь тогда, когда очутился на стрелковом полигоне с винтовкой, заряженной боевыми патронами. И понял правильно, став единственным из тридцати соискателей, принятых в тот год на службу в «Мизантроп».

Кандидаты знали о своей будущей службе немного, поскольку все они были отправлены на тесты в приказном порядке. Лейтенант Куприянов немало удивился, когда до него был доведен этот приказ. Никаких особых заслуг за ним не числилось – обычный командир полкового разведвзвода, не рвущийся вперед, но и не отстающий. В общем, типичный исполнитель, добросовестно относящийся к служебным обязанностям. Чем был вызван повышенный интерес к молодому комвзвода со стороны незнакомого ему в ту пору Ведомства, Куприянов понятия не имел. Со временем он, конечно, догадался, что Ведомство следило за ним еще с самой «учебки», внимательно изучив всю подноготную лейтенанта, его психологический портрет и продолжая наблюдать за началом его военной карьеры. И, разумеется, делая на основе этих наблюдений необходимые выводы, понемногу определяющие судьбу будущего «мизантропа».

Информация, которую довели до лейтенанта перед началом отборочных тестов, была предельно скупой и гласила, что ему придется заниматься разведывательно-диверсионной деятельностью в полевых условиях и преимущественно за границей. Куприянов пожал плечами: почему бы и нет? В любом случае такая служба импонировала ему больше, нежели командование солдатами-срочниками и жизнь по обрыдлому гарнизонному распорядку. Инициатива Ведомства оказалась весьма своевременной – еще год-другой, и комвзвода наверняка окончательно разочаровался бы в воинской службе. Что ни говори, а всегда приятно считать себя кем-то особым, избранным из множества других офицеров для опять-таки особой работы. И Куприянов задался целью любой ценой подтвердить, что он достоин оказанного ему доверия, ведь когда еще представится такой случай? Некоторые сослуживцы лейтенанта заваливают командование рапортами о переводе их на службу в специальные подразделения, и все без толку. А он, командир полкового разведвзвода, ни о чем таком не просил, а ему пожалуйста – персональное приглашение. Поэтому кровь из носу, а надо поднапрячься и попытаться счастья, пока окончательно не пропала охота связать свою жизнь с армией.

В чем крылась уникальность молодого лейтенанта и почему он оказался единственным, кому выпала честь пройти этот заковыристый отборочный конкурс? Наверное, в том, что, несмотря на молодость, он уже относился к жизни достаточно трезво и отлично представлял специфику своей будущей службы. Диверсанты не освобождают заложников, не эвакуируют мирных жителей из районов боевых действий и вообще не встают на защиту гражданского населения, если это хоть в малейшей степени препятствует исполнению полученного приказа. Нигде и никогда. Находясь на вражеской территории и утратив из-за ранения боеспособность, диверсант сделает все возможное, чтобы не стать обузой своему напарнику (не товарищу, ибо хладнокровным исполнителям было запрещено связывать себя с кем бы то ни было товарищескими узами). И более того, не имея сил пустить себе пулю в лоб, диверсант может всегда рассчитывать, что напарник без колебаний поможет ему в этом. Надежное плечо товарища по оружию, чувство локтя, боевое братство, один за всех и все за одного – это законы другого мира. Диверсант живет по своему уставу и готов на пути к цели принести в жертву всех своих напарников. Равно как и сам пожертвовать собой, если командир группы отдаст такой

приказ. Зная о том, что никто и никогда не придет ему на помощь, диверсант всегда и везде полагается только на себя. А если и помогает угодившему в беду напарнику, то лишь в случае, когда шанс спасти того целым и невредимым достаточно высок и не подвергает чрезмерному риску жизнь самого спасающего. Куприянов был уверен: все, чему его учили в полковой разведке, в Ведомстве ему придется забыть. Вплоть до полного пересмотра собственного мировоззрения и расстановки в другом порядке приоритета жизненных ценностей.

Никто заранее не знакомил Куприянова со специфическими принципами его будущей службы. До всего этого он дошел своим умом, прежде чем его и прочих кандидатов привезли в учебный центр спецназа МВД на предварительный отбор. А насколько правильными были выводы лейтенанта, как раз и показали те приснопамятные стрельбы. От кандидатов требовалось лишь одно – пройти штурмовую полосу, стреляя по периодически выскакивающим из-за препятствий мишеням. Без каких-либо дополнительных условий. Для бравых парней, что удостоились внимания могучего Ведомства, – плевое дело.

Казалось бы – ординарное испытание, с которым фактически справился каждый из тридцати испытуемых. Все они проходили полосу поодиночке и не видели, как это делают остальные претенденты. Результаты стрельб тоже оглашались в индивидуальном порядке.

Вызванный проверочной комиссией для подведения итогов, Куприянов узнал, что он пришел к финишу восемнадцатым. А по количеству набранных штрафных баллов – так и вовсе последним. Однако после оглашения кандидату результатов теста в глазах лейтенанта читалось не поражение, а напряженное ожидание. Для Куприянова это был момент истины. Догадался он на самом деле или нет, что от него требовалось?

«Вас не огорчают ваши скромные показатели, лейтенант?» – поинтересовался председатель комиссии – пожилой сухопарый полковник с колючим неприятным взором.

«Так точно, огорчают, – ответил Куприянов. – Полагаю, я мог бы постараться и пройти штурмовую полосу быстрее».

«Вы разочарованы вашей скоростью и только? – изобразил недоумение полковник. – А как же результаты вашей стрельбы? Вы набрали такое чудовищное количество штрафных баллов, сколько на этом полигоне на моей памяти еще не набирал никто!»

«Я всего лишь выполнял приказ инструктора», – как ни в чем не бывало пояснил лейтенант.

«Хотите сказать, что это инструктор приказал вам учинять массовый геноцид, стреляя по старикам, женщинам и детям?» – гневно осведомился председатель комиссии.

«Никак нет, – не изменившись в лице, ответил Куприянов, после чего уточнил: – Инструктор приказал мне преодолеть штурмовую полосу и поразить все мишени. Что я и сделал. Инструктор не уточнял, по каким мишеням разрешено стрелять, а по каким запрещено».

«А разве вы сами не могли об этом догадаться?» – продолжал допытываться председатель, не сводя с Куприянова цепкого, пронизывающего взгляда.

«При всем уважении, товарищ полковник, – виноват, но я не понимаю, в чем вы меня обвиняете. – На лице лейтенанта не дрогнул ни единый мускул, а в голосе не было ни капли смятения. – Когда мне приказывают поразить мишень, я стараюсь поразить ее как можно быстрее и точнее. Что при этом нарисовано на мишени, меня совершенно не волнует».

«Записи показывают идентичное время вашей реакции в момент, когда вы стреляли по снайперу в окне высотного здания и по группе детей, что выбежала вам навстречу. Увидев их, вы что же, совершенно ничего не почувствовали?»

«Так точно, товарищ полковник: не почувствовал. Я стрелял по мишеням. Так приказал инструктор, – в который уже раз повторил лейтенант. – Картонная группа детей являлась мишенью. Точно такой же, как вырезанная из картона фигура снайпера».

«Хорошо, тогда давайте предположим, что полигон был настоящим городом, а все ваши мишени – живыми людьми, – хитро прищурился полковник. – И инструктор приказал вам перебить их всех. Ваши действия в такой ситуации?»

«Мои действия в данной ситуации ничем не отличались бы от моих действий на стрельбище, – ответил Куприянов. – Если бы я колебался при выполнении приказов, меня не пригласили бы на это тестирование. Во время выполнения задач, которыми, согласно доведенной до меня информации, мне предстоит заниматься, могут возникнуть любые

непредвиденные эксцессы, аналогичные тем, что моделировались на этом полигоне. Мне будет некогда разбираться, какие из них – случайности, а какие нарочно инспирированы врагом, чтобы ввести меня в замешательство. И если я впаду в замешательство, значит, уловка врага удалась. А это может повлечь за собой провал всей операции. Приказ об уничтожении жителей целого города не отдается без веской причины. Возможно, все они заражены опасной болезнью, распространение которой необходимо пресечь радикальными методами. Возможно, карательная акция направлена на то, чтобы выманить из укрытия какого-нибудь террориста международного масштаба, на чьем счету жертв многократно больше. А возможно, операция являет собой акт показательного возмездия или превентивный удар, направленный на то, чтобы предотвратить готовящуюся вражескую операцию. Только мне – исполнителю – знать эти подробности абсолютно не обязательно. Эмоции и колебание – это слабость, которой стремится воспользоваться враг. Я не собираюсь давать ему такой шанс, потому что не люблю проигрывать. Если, находясь в заграничной командировке, я не буду доверять приказам своего командования, кому в этом случае я вообще должен тогда доверять?»

На лице председателя комиссии появилась многозначительная ухмылка, а ровно через две недели уже старший лейтенант Куприянов спускался по трапу самолета в аэропорту Барнаула, откуда новоиспеченный курсант Ведомства должен был отправиться на второй этап тестирования в учебный центр спецотдела «Мизантроп», расположенный на юге края, в горах, на границе с Казахстаном. Из остальных двадцати девяти кандидатов лишь пятерым удалось остаться в Ведомстве, однако ни с кем из них Куприянов с тех пор не встречался...

Если удары кувалдой по швеллеру и были слышны на южном выходе из катакомб, вряд ли военные придали значение раздававшемуся из-под земли далекому непродолжительному набату. Убрав со своего пути преграду, Кальтер открыл скрипучую дверь, включил «Ноктюрн» и осторожно выглянул из «бойлерной» в неизвестность, которая тут же приняла вид очередной вертикальной шахты с уходящей вниз винтовой лестницей. Правда, неглубоко. Лестница делала один виток и упиралась в другую дверь, расположенную аккурат под той, что майор сейчас открыл. Катакомбы опускались еще на один ярус, и поскольку на этом уровне больше никаких помещений не было, следовательно, искомые майором тоннели пролегли где-то глубже. Хотелось надеяться, что сразу под «бойлерной», – Кальтеру не терпелось поскорее взять верный курс и уже никуда с него не сворачивать.

За дверью оказалась небольшая железная площадка. Поперек нее была установлена еще одна растяжка – сюрприз для тех, кто хотел незаметно подкрасться к двери с обратной стороны и проверить ее на прочность. Интродер ликвидировал бандитскую ловушку, после чего спустился по лестнице на нижний уровень и перебросил болт через порог открытой двери. Затем взял «ВМК» на изготовку и шагнул туда сам.

Похоже, это и был один из нужных Кальтеру тоннелей, и интродер находился в самом его начале. Широкий, но низкий коридор с проложенными вдоль стен, идущими от «бойлерной» кабелями и трубами поворачивал вправо, а где заканчивался, разглядеть не удавалось. Кальтер, крадучись, добрал до первого поворота и увидел, что тоннель продолжает изгибаться в том же направлении. Очевидно, его проходчики наткнулись под землей на скалу и, не мудрствуя лукаво, решили ее обогнуть. А также интродер, к своему великому огорчению, обнаружил еще кое-что: целый «выводок» аномалий, которые по неизвестной причине облюбовали коридор, словно им тут было медом намазано.

Вдоль стен пузырилось несколько клякс зеленого фосфоресцирующего желе, прозванного сталкерами «Киселем». «Кисели» будто расступались, предоставляя почетное место в центре коридора плюющимся молниями мерзавкам по имени «Электра». Те разместились друг за другом рядком и ритмично пульсировали электрическими разрядами, разве что искр при этом не высекали.

Благодаря скоплению светящихся аномалий в тоннеле было достаточно светло, и майор снова отключил «Ноктюрн». Приехали... Путь закрыт, а альтернативного прохода поблизости не наблюдается. Топать по «Киселям» означало вмиг сжечь себе до костей лодыжки. Зеленая пузырящаяся зараза была сравнима по едкости с «царской водкой» – коктейлем из азотной и соляной кислот, растворявшем даже такие кислотостойкие металлы, как золото и платина.

Двигаться через пульсирующие молниями «Электры» было не менее рискованно – все равно что плеснуть ведро воды на высоковольтный трансформатор и надеяться успеть отскочить до того, как тебя шарахнет электротоком. Теоретически шанс избежать превращения в обугленный труп у Кальтера был. Ему следовало лишь рассчитать алгоритм пульсации аномалий и попробовать проскочить в то и дело возникающие между ними «затишья». Но практически все упиралось в то, что «Электры» меняли алгоритм своего мерцания в абсолютно бессистемном порядке. Поэтому ни о каких расчетах в столь непредсказуемом деле нельзя было и заикаться.

Кальтер замер на месте, наблюдая за причудливой игрой света в тоннеле и не решаясь идти на попятную. Руки у майора так и чесались метнуть болт в скопление аномалий – ради чисто познавательного интереса. Однако не стоило особого труда вообразить, какую «электро-кисельную» бурю вызовет в коридоре эта хулиганская выходка. Нет уж, пожалуй, лучше воздержаться от рискованных экспериментов и, не тратя времени, вернуться на поверхность, а затем попытаться проникнуть в исследовательский центр поверху. Пока еще не стемнело и Зона не превратилась для интродера в одну гигантскую ловушку.

Впрочем, стоп, – отставить бегство! Вдоль левой стены коридора, прямо под потолком, шел толстый, покрытый резиновой изоляцией кабель. Он крепился к потолку достаточно прочными скобами, и майор, допрыгнув до кабеля, мог бы ползти по нему, как по канатной переправе. Таким способом Кальтеру, вероятно, удалось бы пробраться над кляксами агрессивного «Киселя». С «Электрами» дело обстояло посложнее, хотя, ежели присмотреться... Их молнии стегали в потолок, стелились по полу, будто дергающийся фосфоресцирующий выюн, но что характерно – до стен добивали редко. И потому не исключено, что в тоннеле рядом с аномалиями все-таки оставалось некоторое безопасное пространство.

Что ж, делать нечего, придется метать болт. Отойдя на безопасное расстояние, Кальтер переложил «индикатор» в левую руку и размашистым броском от колена швырнул болт так, чтобы траектория его полета пролегла практически вплитирку к стене, чуть ниже кабеля. И приготовился к светопредставлению. То-то сейчас начнется парад спецэффектов!..

Но нет: пролетев над двумя «Киселями» и мимо трех «Электр», болт скребанул по стене – лететь параллельно ей в изогнутом коридоре он попросту не мог – и шмякнулся на пол. После чего подпрыгнул и остановился, не докатившись до очередной зеленой кляксы считанные сантиметры. Напрягшийся в ожидании худшего, интродер еще немного постоял, затаив дыхание. А потом, обрета уверенность, подпрыгнул, ухватился за идущий под потолком тоннеля кабель руками и ногами и покарабкался по нему. Перво-наперво Кальтер планировал пробраться в глубь коридора на расстояние полета болта, а дальше – смотря по обстоятельствам.

Стартовый этап своего акробатического маршрута майор преодолел удачно. Полтора десятка метров он карабкался по-обезьяньи, стараясь не глядеть ни вниз, ни влево. «Кисели» плевались пузырями, словно пытаясь дотянуться до обхитрившего их человека. А буквально в шаге от Кальтера яростно сверкали молнии. Они наэлектризовали спертую атмосферу тоннеля настолько, что, казалось, еще немного, и воздух взорвется у интродера прямо в легких. Майор полз вперед и только вперед до тех пор, пока не обнаружил на потолке перед носом загадочную выбоину. Под ней и лежал на полу брошенный Кальтером болт.

Отцепившись от кабеля, интродер спрыгнул на пол и крепко прижался лопатками к стене, боясь отступить от нее и на полшага. Верхотаз даже не стал подбирать болт – слишком близко лежал тот от кипящего зеленого студня. Пришлось достать новый, дабы повторить проверку. На следующем участке маршрута «Киселей» также хватало, и о передвижении бочком вдоль стены не могло идти и речи.

На сей раз болт был брошен удачнее, и интродер покрыл в два раза большее расстояние, чем во время стартовой попытки. Хотелось пить, но не хотелось делать лишних движений, снимая фляжку с пояса и возясь с ней вблизи аномальных очагов электричества, – кто знает, чем это могло быть чревато? Кальтер решил, что утолит жажду, когда достигнет конечной цели, которая была уже отчетливо различима за всполохами аномалий. От места второго привала и до конца коридора оставался примерно сорокаметровый отрезок пути. Интродер намеревался преодолеть его в два приема. Если, конечно, его не поджарит-таки шальной молнией, что редко, но все же шарахали в стену.

Что находилось за приоткрытой дверью, замеченной интродером в конце коридора, точно рассмотреть не удавалось. Либо там находился очередной зал наподобие «бойлерной», либо коридор просто менял направление, поворачивая направо или налево. В дверной проем смутно просматривался облуленный бок какого-то стального резервуара. Ладно, решил Кальтер, разберемся. После чего вновь ухватился за кабель и пополз над «Киселями», стараясь делать это не спеша и аккуратно, чтобы не зацепить «Электры» даже краешком одежды.

Опасность подкралась к майору оттуда, откуда он ждал ее в последнюю очередь, и не имела к проискам Зоны никакого отношения. Кальтеру оставалось проползти до места очередного привала не более пяти метров, когда удерживающая кабель скоба, которую верхолаз только что миновал, вздрогнула, а от потолка возле нее откололось несколько бетонных крошек. Они осыпались в разлитый внизу «Кисель», сразу же забурливший, как вода в стакане после погружения в нее таблетки шипучего аспирина. Интродер вмиг замер, не двигаясь, но скоба снова шевельнулась и наполовину вылезла из крепежных отверстий.

Еще немного, и Кальтер перемахнул бы через едкую зеленую кляксу, однако, зависнув над ней неподвижно, он рисковал вот-вот сорваться в «Кисель». Причем рисковал в такой же степени, как и продолжая ползти вперед, – в этом случае разболтанная скоба вылетела бы незамедлительно. А пока она замерла вместе с человеком, словно играя с ним в игру, кто продержится в таком состоянии дольше.

Новая порция бетонной крошки упала в растревоженную аномалию, а до ушей майора донеслось зловещее поскрипывание. Скоба миллиметр за миллиметром продолжала вылезать из отверстий, но уже в следующее мгновение она могла взять и напрочь отвалиться. Крепление дало слабину, и полагаться на него было нельзя. И на оторванный от потолка кабель – тоже. Он грозил под весом человека тут же провиснуть, после чего Кальтера ждало неминуемое купание в «Киселе», из которого интродер может даже не выбираться – выжить после таких ожогов будет нереально.

До следующей скобы, ближайшей более или менее надежной опоры для верхолаза, еще ползти и ползти. Оставался крайний выход – совершить рискованный соскок как можно дальше назад, в надежде, что хватит сил и времени на то, чтобы допрыгнуть до сухого пространства.

Промедление было смерти подобно, и потому интродер не мешкая приступил к реализации своего плана. Отцепив от кабеля ноги, майор повис на руках и резким движением бросил тело назад, а дождавшись, когда оно наберет максимальный разгон, разжал пальцы. Рывок верхолаза окончательно ослабил скобу, и она рухнула с потолка в «Кисель» вместе с удерживаемым ею кабелем. Но Кальтер в этот момент уже пребывал в коротком свободном полете, так что обрушение фрагмента «обезьяньей тропы» не причинило интродеру вреда. Но опасность угодить в аномалию от этого ничуть не уменьшилась. Соскок вышел неуклюжим, и чем все в конце концов разрешится, майор не мог предсказать вплоть до самого приземления.

Оно тоже выдалось неудачным – утратившего равновесие Кальтера неудержимо поволокло вперед. Не оказавшись по правую руку от него в стене глубокой выбоины (судя по их количеству на стенах, полу и потоке, давным-давно здесь произошла ураганная перестрелка), за которую сумел ухватиться майор, он точно навернулся бы носом в «Кисель». Однако хвала неизвестному стрелку, чей выстрел из подствольного гранатомета пришелся когда-то именно в этот участок коридора! Промазал или нет тот гранатометчик по своей цели, ныне сказать было нельзя. Но кто бы ни стрелял тогда в это место – сталкер, бандит или спецназовец, – сегодня, по прошествии множества лет, он спас жизнь интродеру Ведомства. За что чудом устоявший на ногах Кальтер сразу же мысленно поблагодарил своего неведомого спасителя. А затем обессиленно привалился к стене и, не вытерпев, снял все-таки дрожащими руками с пояса фляжку и смочил пересохшее горло.

Злобная бурлящая аномалия так и не заполучила себе на ужин человека. Зато сотворила другое мерзкое деяние: начисто отрезала майору путь к отступлению. Провисший пролет кабеля окупился в «Кисель» и лишился изрядного фрагмента, а иного способа пройти этот участок коридора не существовало. Разве только когда-нибудь, в один прекрасный день, все эти аномалии возьмут и исчезнут... Но даже если подобное и произойдет, то однозначно не сегодня и не завтра.

Оборванный кабель не оставил интродеру выбора. Кальтер собрался с духом и решил

было преодолеть финальные метры «обезьяньей тропы», как вдруг из двери, к которой он продвигался, раздался раскатистый звериный рык. Ему в ответ сразу же донеслось второе рычание, исторгнутое, судя по всему, глоткой такого же свирепого существа. Перед тем как выйти на финишную прямую, майор собирался проверить крепежную скобу у себя над головой. Но когда услышал сквозь треск и шипение аномалий жуткие звуки, Кальтер оставил эту затею и вновь вжался лопатками в стену. Снимать со спины оружие он, однако, не стал. Какая бы тварь ни показалась сейчас в дверном проеме, между нею и интродером сверкали две «Электры». Выпущенная Кальтером пуля, пройдя сквозь эти всполохи, неминуемо заставит аномалии разрядиться. А они – это не аморфный «Кисель». Даже одна возмущенная «Электра» шарахнет так, что мало не покажется, а если среди ее сестер начнется цепная реакция, то коридор вмиг будет очищен от всех биологических форм жизни, какие скопились в нем с момента последнего электрического шторма.

Кальтер затаил дыхание и прислушался. Рычание повторилось, правда, теперь не так громко. Зато гораздо ближе. Настолько близко, что отчетливо слышалось даже сквозь шумы аномалий. Мутанты – а кому еще, кроме них, оглашать катакомбы криками? – явно передвигались, но звука их шагов чуткие уши интродера не улавливали. Кто бы это мог быть? Снорки? Кровососы? Зомби?

А впрочем, велика ли разница, кого именно скрывает мрак институтских подземелий? За неимением иных путей к свободе Кальтеру в любом случае не избежать столкновения с очередной компанией здешних обитателей. Эти-то твари уж точно не будут сидеть и ждать, когда майор выпустит в башку каждого из них по пуле. И кто бы ни вышел победителем в грядущей схватке, оттягивать ее начало не имеет смысла. Да и глупо прятаться от мутантов среди аномалий. Так или иначе, но для борьбы с первыми у Кальтера имелось куда больше средств, нежели для защиты от вторых.

Какие-то смутные тени промелькнули в дверном проеме на фоне уже замеченного интродером резервуара. Или это всего лишь обман зрения, вызванный всполохами аномалий?.. Кальтер пригляделся: нет, не почудилось – кто-то едва заметный действительно маячит у двери, ожидая, когда жертва покинет коридор. Рассмотреть себя враг, конечно, не позволит – он и без того допустил ошибку, предупредив человека о своем присутствии рычанием. Хотя какая это, к чертовой матери, ошибка? Сильный противник может позволить себе припугнуть слабого, чтобы сделать охоту за ним более увлекательной. Разве интересно просто выпрыгнуть из засады и перегрызть жертве горло? Ходили бы они здесь толпами, тогда, возможно, и да. Но, к сожалению членов местного «общества сталкероловов», подавляющую часть времени им приходилось маяться в темноте от скуки, отлавливая крыс и прочих мелких мутантов.

Резервуар... Первое, на что наткнется Кальтер, переступив порог темного помещения. Подобравшись поближе, майор смог разглядеть эту массивную конструкцию более подробно. Огромная – диаметром около трех метров и неизвестно какой длины, – горизонтально лежащая цистерна. Хотя нет: судя по манометру, что торчал из ее покатога бока, и расположенному там же высокопрочному смотровому окошечку, перед майором – не цистерна, а паровой котел. Ну, да это мелочи. Главное, к нему приварено множество всяких патрубков и лючков, чтобы интродер сумел быстро взобраться на агрегат и занять таким образом удобную для обороны позицию. Нужно лишь успеть пробежать эти несколько шагов, что разделяли котел и вход.

Желая поскорее выбраться из едва не переварившей его заживо утробы коридора, майор вскочил на свою «обезьянью тропу» и взялся преодолевать финишную двадцатиметровку. Он не волновался насчет того, что мутанты захватят его в таком затруднительном положении. Безусловно, разумные обитатели подземелий знакомы с аномалиями и вряд ли суют свои носы в этот тоннель. Единственная подлянка, которую мутанты могут устроить Кальтеру, это швырнуть в коридор какую-нибудь хреновину и активировать «Электры». Но тогда жертва сорвется с кабеля и останется лежать мертвой в недосыгаемости от охотников, а ведь им наверняка страсть как хочется полакомиться свежатиной. Поэтому, если местные мутанты и впрямь разумны, они воздержатся от подобных глупостей.

Соскочив на пол, майор не стал с ходу врываться в «котельную», а решил сначала перевести дух и уселся на корточки в углу. Дотянуться до него через дверь мутанты не могли – сомнительно, что их руки обладали такой устрашающей длиной. Однако злобная парочка

находилась где-то возле входа. Кальтер слышал, как монстры рыкают и фыркают по ту сторону стены, буквально у него за спиной. Иного шума охотники не издавали, хотя, судя по голосам, то и дело перемещались с места на место.

Да, на сей раз противник Кальтера отличался особой хитростью и свирепостью. Майор чувствовал это еще до того, как столкнулся с ним нос к... рылу. Стремительный снарок, что едва не прикончил интродера на Кордоне, тоже был грозен, но тот во время своих гигантских прыжков хотя бы шумел. Значит, в «котельной» хозяйничали не носители рваных противогазов. В загроможденном железным оборудованием помещении снарки вели бы себя не тише, чем резвящиеся шимпанзе в клетке зоопарка. Впрочем, что мешало Зоне подкорректировать видовое разнообразие своей фауны и породить на свет снарка-тихоню? Эволюция мутантов не поддавалась логическому анализу, а протекала она бешеными и непрогнозируемыми темпами. Ученые сбивались с ног, пытаясь угнаться за изменчивой Зоной и выработать в отношении нее хотя бы приблизительную эволюционную концепцию. Куда там! Зона словно издевалась над земной наукой: подбрасывала ей сюрпризы один невероятнее другого и заставляла исследователей, будто слепых котят, тыкаться в поисках отгадок.

Интродер достал из кармана разгрузки похожий на измерительную рулетку черный кругляш с торчащим из него кольцом, потом бочком подкрался к двери, прислушался, а затем вырвал из кругляша предохранительное кольцо и швырнул световую гранату в дверной проем. После чего отступил на шаг назад и зажмурил глаза, для пущей безопасности закрыв их еще и ладонями.

Лаборатория Ведомства не зря назвала эту модель световой гранаты «Сверхновой». Заряженный в нее высокотемпературный воспламеняющийся состав порождал такую яркую вспышку, что она не просто ослепляла на какое-то время врага, а полностью выжигала ему сетчатку глаз. Почти как при ядерном взрыве, только в миниатюре. А эта разновидность «Сверхновой» взрывалась практически беззвучно, хотя те ее модели, что рассчитывались и на оглушающий эффект, были гораздо действеннее. У Кальтера имелись в запасе оба варианта «Сверхновых», но поскольку сейчас он подбирался к логову противника, лишний шум был ему не нужен.

Короткое шипение, похожее на срабатывание парового клапана, известило интродера о том, что в «котельной» зажглось и тут же погасло маленькое, но убийственно ослепительное солнце. И пусть в этот момент майор находился за стеной, он все равно почувствовал волну накатившего на него тепла. Свет от вспышки «Сверхновой» ворвался в двери, отразился от стен коридора и угодил-таки на Кальтера. Но он предвидел такие последствия и потому заранее предпринял необходимые меры безопасности.

Дружный рев мутантов дал понять, что глаза у обитающих во мраке тварей все же имелись и зрение их было подвержено как минимум раздражению. Насколько эффективной выдалась атака майора, трудно сказать, но время для захвата выгодной огневой позиции он отыграл. Включив «Ноктюрн», Кальтер ворвался в зал и без оглядки метнулся к паровому котлу. Затем, используя патрубки и лючки в качестве уступов, быстро вскарабкался на верхушку резервуара, принял изготовку для стрельбы с колена и только после этого произвел оперативную оценку обстановки.

«Котельная» являлась не залом, а скорее очередным тоннелем, гораздо более широким и высоким, чем пройденный Кальтером коридор, и протянулась в длину метров на двести. Помимо отвоеванного майором котла здесь также находилось много другого оборудования: открытые бассейны-резервуары, краны-балки, мощные электродвигатели, насосы, радиаторы и вытяжные турбины, чьи спиралевидные кожухи походили во мраке на раковины огромных аммонитов. Все коммуникации – кабели, трубы и коробчатая вентиляционная система – располагались у правой стены тоннеля. На левой висели раздолбанные электрощиты и кнопочные пульта управления громоздкими агрегатами. У дальней стены предлинного цеха фосфоресцировало несколько «Киселей», но «Электры» почему-то этим помещением брезговали. Впрочем, каковы гарантии, что вместо них тут не прячутся другие, не столь заметные аномалии?

Занятая высота и зоркий «Ноктюрн» позволяли майору держать под контролем почти весь тоннель. Однако рассекреченные Кальтером враги куда-то запропастились, хотя их гневное

рычание не умолкало ни на секунду. И не было бы в этом ничего особенного, скройся мутанты где-нибудь за агрегатами и пугай человека своим рыком оттуда. Интродера настораживало другое. Судя по характеру звуков, монстры продолжали перемещаться по тоннелю. Причем делали это зигзагами, словно видели нацеленную на них винтовку и не давали стрелку взять себя на мушку. А вот майор водил стволом «ВМК» направо-налево, но ни одной цели так и не засек.

Зато теперь отлично понял, с кем имеет дело.

Кровососы! Эти чертовы вампиры Зоны, прожорливые до такой степени, что высасывают у человека без остатка не только кровь, но и все прочие жидкости организма. Насколько сильны, настолько и свирепы. В отличие от снарка, не могут так высоко прыгать, зато быстро бегают и не страдают от «комплекса неполноценности». Но, пожалуй, главный боевой козырь кровососов – их умение становиться невидимыми. (Отчего небось «стеснительные» снарки им всегда завидовали: скрыть свое уродство, превратившись в невидимку, – это вам не противогаз на голову натянуть.) Идеальный камуфляж из всех, что только существуют в природе. Плюс к этому умение беззвучно перемещаться. И если бы вдобавок кровососы еще помалкивали, Кальтер и вовсе решил бы, что они удрали из этого тоннеля. Но они не удрали, а собирались поквитаться с мерзким человеком, что расшвырялся здесь своими сверкающими штуковинами.

Было бы слишком самонадеянно уповать на то, что «Сверхновая» ослепила обитателей катакомб, – что вообще Кальтер знал об органах зрения кровососов? Все, что он сделал, это лишь отыграл у них маленькую фору и теперь готовился с выгодной позиции шпиговать тварей свинцом. У интродера в арсенале имелись бронебойно-зажигательные пули, но майор ограничился стандартными патронами. Во-первых, не факт, что огонь нанесет мутантам дополнительный урон, и, во-вторых, «зажигалки» при попадании взрывались, а Кальтер все еще не терял надежды добраться до «Агропрома» незамеченным.

Будь кровососы теплокровными, как человек, майор быстро рассекретил бы их при помощи инфракрасного тепловизора. Но холодная кожа мутантов, способных вдобавок переходить в режим «стелс», не позволяла отыскать их в темноте этим сканером. Оставив бесплодные попытки рассмотреть цели, Кальтер решил стрелять на звук, тем более что рык монстров доносился уже с довольно близкого расстояния.

Вновь рычание – на сей раз слева, около входа. И вроде бы там же мелькнуло едва уловимое движение... Пребывающий настороже, майор мгновенно всадил туда несколько пуль, стреляя так, чтобы накрыть все секторы вероятного перемещения монстра. И, кажется, попал! Кальтер отчетливо заметил, как в пяти шагах от котла буквально из пустоты возникла и тут же пропала уродливая, но почти человеческая, долговязая фигура. Но главное, майор успел проследить, куда она двигалась! И потому следующая короткая очередь была выпущена им на опережение и в уверенности, что теперь-то количество попаданий непременно повысится.

Действительно, мутант «замерцал» и полностью утратил невидимость. Чем подтвердил версию некоторых ученых о том, что режим «стелс» отнимает у кровососов чересчур много энергии, отчего, получив серьезные ранения, те перестают сливаться с окружающей средой, пока полностью не восстановят силы. Этот отведавший свинца монстр уже не сумел вернуть себе свой камуфляж. Но и Кальтеру, к несчастью, не удалось закрепить достигнутое преимущество. Тварь противно заверещала и шустро ушла из-под огня, сиганув за массивный агрегат, напоминающий небольшую плавильную печь.

«Чертов урод!» – только и успел подумать Кальтер. А потом что-то врезалось в котел с такой силой, что стоящему на одном колене майору пришлось вскочить на ноги, дабы удержать равновесие. Удар пришелся в правый бок бочкообразной емкости и на миг ошеломил стрелка. Это невидимый собрат подстреленного кровососа выгадал момент и атаковал человека, когда тот отвлекся на другую цель. Более того, майор не сомневался, что мутанты действовали сообща, как и положено охотящимся стаей разумным хищникам.

Покидать выгодную позицию Кальтер не собирался, пусть она и не отличалась устойчивостью. Полагая, что за отвлекающим маневром непременно последует атака, интродер развернулся направо и приготовился встретить взбирающегося на котел кровососа очередью в упор. Но тот опять продемонстрировал человеку, что определение «разумный» указывает не только на наличие у мутанта мозга, но и на умение этим мозгом пользоваться. Когда майор

смекнул, какую шутку сыграл с ним кровосос, тот успел бесшумно обежать котел и взобраться на него тем же путем, каким минуту назад туда залез человек.

Кальтер среагировал на шум карабкающегося к нему врага и даже успел развернуться, но все равно – произошло это слишком запоздало. Кровосос ухватил своей ручищей майора за щиколотку и рванул его со всей дури вниз. Устоять на шатком котле после такого рывка было невозможно, и интродер полетел на пол, стараясь не выронить оружие и извернуться в полете так, чтобы как можно удачнее упасть на бетон. Благо, вышибив стрелка с огневой позиции, мутант разжал пальцы и позволил жертве грохнуться об пол без постороннего вмешательства.

Впрочем, это была единственная поблажка, допущенная кровососом в отношении человека. Едва Кальтер, сгруппировавшись, приземлился на пол и, совершив перекат назад, снова встал на ноги, как сбросивший его с котла мутант уже с ревом летел на майора, намереваясь устроить тому тотальное обезвоживание организма вкупе с другим членовредительством. Игры в прятки закончились: «осалив» человека, монстр сбросил с себя камуфляж-невидимку и предстал перед майором в истинном обличье.

Вот кому в Зоне следовало бы постесняться своей физиономии, а не снарку, чья уродливая морда являлась все же более человекообразной. Назвать таковым кровососа было уже нельзя: голый, безволосый и покрытый коростой череп; горящие inferнальным светом глаза; куций, будто отрубленный, нос; и пожалуй, самое мерзкое – отсутствие нижней челюсти, вместо которой висят и шевелятся четыре толстых, длиной с локоть, щупальца. Именно ими кровосос цепляется к телу жертвы, после чего впивается в нее зубами и дарит свой знаменитый «поцелуй взасос». Но перед этим переламывает ей все кости, дабы она была более покладистой. Так что Кальтеру в первую очередь следовало опасаться не оральных ласк кровососа, а его жарких объятий.

Еще не встав как следует на ноги, майор тут же кувырком ушел в сторону, уворачиваясь от «щупальцерылого» чудовища и полагая, что оно не среагирует на финт жертвы и проскочит мимо. Ошибка. Координация у мутанта оказалась намного лучше, чем у человека. Не успел интродер закончить перекачку, как тут же заработал сокрушительный удар в плечо. Угоди лапа кровососа Кальтеру в голову, он неминуемо отправился бы в нокаут и, «зацелованный» до смерти, больше из него не вышел.

Не врежся майор лопатками в стену, то кувыркался бы по полу до тех пор, пока окончательно не забыл, где верх, а где – низ. Пуленепробиваемые пластины комбинезона смягчили удар, однако Кальтер все равно не устоял на ногах и, сползая по стене, плюхнулся задницей на бетон, будто присел отдохнуть. Противник, естественно, не зевал и ринулся добивать строптивного человека.

Ухватив майора за плечи, кровосос, будто невесомого, поднял его и повторно впечатал в стену, чтобы как следует встряхнуть жертву и сбить с нее спесь. Не прижми Кальтер подбородок к груди, точно долбанулся бы затылком о кирпичи. Щупальца мутанта уже торчали во все стороны, словно лепестки багрового плотоядного цветка, а из пасти твари раздавалось омерзительное причмокивание и шипение. Кровосос готовился опутать щупальцами интродеру голову и приступить к трапезе, но сначала монстру следовало обезоружить человека. Сухопарая, но мощная длань кровососа отцепилась от плеча Кальтера и метнулась к его винтовке...

А та уже двигалась ей навстречу, словно майор решил капитулировать и сам вручал оружие победителю. Однако, когда пальцы мутанта сомкнулись на стволе «ВМК», та уже смотрела кровососу точно в пасть – маленькую и наполненную множеством мелких иглообразных зубов. А Кальтер вдобавок пихнул винтовку вперед, и не успела тварь ничего сообразить, как винтовочное дуло уже торчало у нее в пасти и всюду плевалось свинцом.

Выпустив в кровососа почти весь магазин, прижатый к стене Кальтер подтянул колени к груди, уперся ботинками мутанту в живот и, навалившись изо всех сил, оттолкнул от себя врага, чей затылок был снесен начисто, а шея практически перерублена. Однако, несмотря на это, мертвый монстр до последнего цеплялся за жертву и рухнул лишь тогда, когда она ему в этом поспособствовала.

Яростный рык выскочившего из-за плавильни второго кровососа пронесся по тоннелю. Собрат издохшего мутанта опоздал лишь на несколько секунд, но именно они все и решили.

Жертва снова крепко стояла на ногах и была готова сопротивляться.

Подраненная, но не утратившая прыти тварь бросилась на Кальтера в стремительную атаку, но, не добежав до него считанные метры, нарвалась на заряд крупной картечи, выпущенный майором из подствольника. Ураган свинца, что на такой дистанции уложил бы как минимум трех человек, заставил кровососа лишь отпрянуть и ненадолго замешкаться. Крупнокалиберный картечный патрон шарахнул в тоннеле раскатистым грохотом, но сейчас интродеру было не до конспирации. В магазине «ВМК» оставалось очень мало патронов, чтобы задержать кровососа, поэтому пришлось пустить в ход резервное оружие, заблаговременно подготовленное для боя в замкнутом пространстве катакомб.

Ошарашенный картечью мутант быстро пришел в себя, но человек уже не маячил перед ним, а улепетывал в сторону большого и глубокого бассейна. Очевидно, в былые годы этот вделанный в пол открытый резервуар использовался в качестве очистного сооружения. Сегодня он был совершенно сух; лишь на дне его валялся всевозможный хлам, скапливающийся там не иначе как всю последнюю четверть века. Над бассейном возвышался прикрепленный к потолку кран-балка, чей лебедочный механизм был в свое время остановлен в центре направляющего рельса, а крюк болтался над бассейном, словно пребывая в готовности подцепить со дна какой-нибудь мусор. Почему человек рванул именно туда, мутанту было невдомек, но он не собирался позволить жертве удрать чересчур далеко. Нашпигованный картечью, кровосос развернулся и с рычанием пустился вдогонку за убегающим майором.

Кальтер закинул на бегу винтовку за спину и, уйдя в небольшой отрыв от еще не разогнавшегося монстра, достиг резервуарного бортика. А затем, не сбавляя темпа, оттолкнулся от него и сиганул вперед и вверх. Нет, интродер не планировал перепрыгнуть через бассейн – для этого у Кальтера не хватило бы запала. Но дотянуться в прыжке до свисающего над резервуаром лебедочного троса майору удалось без особых усилий. Ухватившись за него в полете (трос этот крепился к крюку через вращающийся блок, и потому фактически майор ухватился не за один трос, а за два), Кальтер повис на кране, раскачиваясь на болтающемся тросе, подобно маятнику. Шустрый прыгун сумел закрепиться достаточно высоко; при желании он мог дотронуться рукой до лебедки, в то время как крюк находился на пару метров ниже его ботинок. Но Кальтер не торопился менять это неудобное положение на более практичное, продолжая висеть на одних руках, защищенных крепкими перчатками, в коих майор полз по «обезьяньей тропе».

Завидев, что вытворила жертва, кровосос победоносно взревел. Набрав скорость, теперь он неся куда быстрее убегающего интродера и готовился наброситься на него, вцепиться когтями и скинуть в бассейн. А уже там, на дне, окончательно разделаться с глупым человеком, решившим, что он может удрать от хозяина этих подземелий.

Толчок, и мутант взмывает в воздух, избрав для прыжка ту же траекторию, что и майор. Кальтер видит несущегося к нему долговязого урода с растопыренными руками и ротовыми щупальцами, с оскаленной пастью и горящими злобными глазками. Интродер знает, что кровосос не промахнется: дистанция для броска просто смехотворная, а весу в твари столько, что она без труда утянет человека за собой вниз. Монстр в этом тоже не сомневается, поэтому и не колеблется. Тем более что жертва к тому же еще и лишилась возможности стрелять...

Однако то, что происходит затем, превращается для кровососа в настоящее откровение. Висевший прямо перед ним человек вдруг разжимает пальцы, но не падает, а всего лишь быстро соскальзывает по тросу, пока не упирается ботинком в блочное колесо крюка. Это останавливает кажущееся неизбежным падение майора и к тому же позволяет качнуть крюк так, что на пути мутанта вообще не остается никаких препятствий. Тварь пролетает мимо, пытаясь из последних сил развернуться в полете, дабы успеть зацепиться хотя бы за трос. Поздно. Пальцы кровососа лишь задевают его, будто струну контрабаса, после чего монстр с ревом уносится на дно бассейна и врезается в груды хлама, разметав его не хуже разорвавшейся гранаты.

Лестницы внутри резервуара нет – видимо, раньше его чистили при помощи съемных стремянок. Вертикальные стальные стенки бассейна не имеют ни выемок, ни выступов и могли бы стать непреодолимой преградой для упавшего в резервуар человека. Впрочем, как выяснилось, и для кровососа тоже. Вскочив на ноги, неистребимая тварь стала, словно

ошалелая, кидаться на стену, но так и не сумела дотянуться до бортика. Снорк – тот смог бы, но не кровосос, чья прыгучесть, в сравнении с носителем рваных противогазов, оставляла желать лучшего.

Однако болтающемуся на кране интродеру рановато было праздновать победу. Осознав безвыходность своего положения, мутант вконец остервенел и взялся метать в Кальтера все, что попадалось ему под руку. И пусть с меткостью у кровососа было не ахти, бросаемые им предметы – обломки труб, куски бетона и детали развалившихся механизмов – имели внушительный вес и летели с бешеной скоростью. При таком усердии монстр рано или поздно добился бы своего и пришиб загнавшего его в западню майора.

Под таким жестоким обстрелом Кальтеру некогда было заниматься верхолазанием, карабкаясь по тросу и стойкам крана на пол. Оседлав блочное устройство крюка, интродер прицепился поясным карабином к тросу, снял винтовку и поменял почти пустой магазин на новый. Затем дождался, пока суесящийся внизу кровосос замрет, чтобы замахнуться для очередного броска, и всадил мутанту в голову три короткие очереди подряд. Лишенный половины черепа, монстр рухнул навзничь и в довершение уронил себе на грудь тяжелый кислородный баллон, которым он собирался запустить в маячившую у него над головой цель.

Когда же хруст костей мутанта и звон откатившегося баллона стихли, по катакомбам пронесся вой – долгий, душераздирающий и протяжный. Вот только завывал это уже не мертвый кровосос. Тот, кто исторг и продолжал исторгать из своей глотки жуткие, походившие на воздушную сирену вопли, находился где-то впереди и, похоже, двигался навстречу Кальтеру.

Майор впился пальцами в стальной трос и почувствовал, как шевелятся под капюшоном его подернутые сединой волосы, а *чужой* ветер гонит на него из мрака волны парализующего страха. Если Зона все-таки была живым существом и обладала голосом, сейчас интродер слышал именно ее крик, потому что представить издающего подобные звуки мутанта Кальтер был не в состоянии...

Говорят, у страха глаза велики. Что ж, возможно, за периметром Зоны так оно обычно и бывает, а здесь – в обители существующей наяву всякой аномальной чертовщины – преувеличить собственные страхи невозможно в принципе. Какой только кошмар ни померещился бы вам с перепугу, будьте уверены – это вы еще мало испугались. Когда же причина вашего страха предстанет перед вами во всем своем жутком великолепии, вы сразу поймете, насколько бедное у вас воображение. Реальные чудовища – существа во сто крат более ужасные, нежели их придуманные образы. И дело не только в их отталкивающей внешности и кровожадности. Реальный монстр пугает вас не своей уродливой мордой или клыками, а тем, что пробуждает в глубине вашей души те страхи, которые копились там всю жизнь. И извлекает он их на свет не по одному, а все разом, как рыболов – садок с пойманной рыбой из реки. Вам же в этом случае остается только посочувствовать и пожелать не сойти с ума, глядя на то, как кошмары тянут к вам свои цепкие руки и обступают вас все плотнее и плотнее, не позволяя вырваться из их плена и вновь вдохнуть полной грудью блаженный воздух забвения...

Майор крался по темным тоннелям к выходу из катакомб и переживал именно такие ощущения. Завывающий и вопящий дикими криками мутант (все-таки это был мутант, а не мистический Глас Зоны, как померещилось Кальтеру вначале) находился где-то впереди, и встреча с ним, судя по всему, была неизбежна. Тварь явно знала о приближении человека и об убитых им кровососах, ведь неспроста же она подала голос в тот момент, когда последний из них испустил дух. Однако бросаться на расправу с интродером крикливый монстр не спешил. Это обстоятельство и тревожило Кальтера. Уж лучше бы чудовище набросилось на него, как все прочие встреченные им мутанты, чем изводило майора своими психическими атаками.

Неужели это и был тот самый одиозный контролер, о котором Кальтеру также доводилось слышать? Наиболее разумный из всех здешних монстров, способный псионическими импульсами своего мозга подчинять себе не только собратьев-мутантов, но и человека, напроочь подавляя его волю и превращая в безмозглую марионетку. А то и попросту выжигая жертве мозги, если в данный момент контролер не нуждался в ее услугах. Поводырь, насильно собирающий вокруг себя паству, готовую ради него на все – стоило лишь повелителю махнуть

рукой и указать конкретную цель. Не он ли, случаем, натравил на майора этих кровососов и теперь оплакивал их гибель, оглашая воплями подземелье?

Судя по тому, как эти вопли воздействовали на тренированную психику Кальтера, его догадка была верна. Рычание снарка и кровососов тоже заставляло интродера нервничать, но оно хотя бы не рассредоточивало его внимание – наоборот, стимулировало выброс адреналина и, как следствие этого, – собранность и повышенную боеготовность. Крики скрывающегося в катакомбах мутанта-псионика дезориентировали майора, вызывая из глубин подсознания смутные образы, вроде бы знакомые и в то же время странные, словно вырванные из давно забытых снов. Кальтеру стоило немалого труда игнорировать эти призраки прошлого и держать себя в руках. Больше всего беспокоило то, что борьба с навязчивыми воспоминаниями отнимала внутренние силы, которые следовало без остатка посвятить работе. Но призраки продолжали неумолимо досажать Кальтеру, и потому сдерживать их было необходимо любой ценой. А иначе...

Что будет иначе, майор боялся даже вообразить. Ни с чем подобным он раньше не сталкивался. В Ведомстве работал целый штат высокопрофессиональных психиатров, владеющих техникой гипноза. Они тщательно обследовали интродера после каждой командировки, пытаясь всевозможными способами выявить в нем зарождающийся психологический надлом и определить, не пора ли майору уходить в отставку. Но он продолжал удивлять штатных мозгоправов своим хладнокровием и самообладанием, которые, согласно психиатрическим экспертизам, за годы службы Кальтера в «Мизантропе» не претерпели ни малейших отклонений. При том, что средняя продолжительность службы интродера в качестве полевого оперативника составляла десять-двенадцать лет. Кто-то из собратьев майора попросту не возвращался из командировки, а кто-то после очередного задания забраковывался суровой медкомиссией. Уйти в отставку по возрасту не смог еще ни один «мизантроп». Кальтер не тешил себя иллюзиями и полагал, что и он в данном плане не станет исключением. Просто ему повезло продержаться на этой работе дольше остальных, только и всего.

Призраки забытого прошлого, атакующие интродера под аккомпанемент завываний контролера, могли как раз и являться симптомом психологической усталости Кальтера. Пока еще терпимой, но все-таки уже имеющей место быть. Устоять против псионического воздействия мутанта-сверхтепелата не способен никто – именно так сказали майору инструкторы перед заброской в Зону. Поэтому неудивительно, что контролер сумел нащупать в бронированной психике интродера слабинку и начал методично бить по ней, надеясь посеять в душе Кальтера панику.

Но майор не отступал. Южная часть катакомб «Агропрома» была уже не такой прямолинейной, как северная. Ряды параллельных тоннелей, залов и переходов между ними позволяли разойтись с контролером и добраться до цели несколькими альтернативными путями. От интродера требовалось лишь внимательно прислушиваться, откуда доносятся вопли мутанта. И если они вдруг начинали приближаться, срочно менять маршрут таким образом, чтобы сохранять между собой и противником безопасную дистанцию. Исходя из характера криков псионика, двигался он не слишком быстро – примерно со скоростью неспешно бредущего человека. Так что удирать от него не составляло для Кальтера большой проблемы.

Опасность крылась в том, что проклятая тварь знала расположение подвалов намного лучше майора и могла загнать его в тупик. Поэтому, едва он определил, что контролер удалился куда-то в западную часть подземного комплекса, интродер тут же припустил в южном направлении, дабы как можно быстрее достичь выхода. Ради этого майор даже пренебрег принципом «не спеши и осмотришься». Нежелание встречаться с контролером вынуждало Кальтера на минуту отринуть сомнения и положиться на удачу.

Видимо, Госпоже Удаче польстило оказанное ей доверие, и она вознаградила майора за его решительность. Свет, падающий в тоннель из южного колодца, известил интродера о том, что он пересек-таки злосчастные катакомбы. Однако радоваться по этому поводу было рано. Обнаружив долгожданный выход, Кальтер тем не менее не бросился к нему, а, напротив, развернулся и двинул по уже пройденному пути назад, чтобы реализовать кое-какую задумку.

В стене длинного коридора, являющего собой этакую финишную прямую перед южным выходом, имелось пять дверей, аналогичных той, которую Кальтер разблокировал в

«бойлерной». Куда ведут четыре из них, майор понятия не имел; знал лишь, что пятая дверь – самая дальняя – отрезает от выхода крайний восточный тоннель, по которому интродер прошел минуту назад. Но не жажда исследования заставила майора вернуться, а желание проверить, в каком состоянии пребывают запоры, коими были оборудованы все ближайшие двери. Не исключено, что кое-какие из них могли уцелеть, хотя их непрезентабельный вид говорил скорее об обратном.

Взявшись за запирающий механизм самой дальней от выхода двери, Кальтер с удовлетворением отметил, что замок легко поддается его усилиям и, мало того, даже смазан автомобильным маслом. Явно перед тем, как заминировать колодец, военные тоже предпочли на всякий случай перекрыть эту дверь, но кто-то – наверняка разумный мутант-контролер – умудрился ее отпереть. Майор вновь тщательно закупорил проход и, не доверяя штатному блокиратору, заблокировал для пущей надежности запор подобранным тут же обрезком толстой арматуры.

На трех из четырех оставшихся дверей замки тоже находились в рабочем состоянии и тоже были открыты. Прислушавшись, откуда доносятся крики контролера, майор оперативно позакрывал пригодные для этого двери. Благо кусков арматуры вокруг валялось предостаточно и другие запирающие механизмы также были заклинены на совесть.

С последней незапертой дверью дела обстояли не так хорошо, как с остальными, поскольку замка на ней не было вообще. Но беглый осмотр крайнего помещения выявил, что запирать его не имеет смысла, поскольку второго выхода из него нет, а само оно, судя по обилию на стенах ржавых обогревателей, служило когда-то сушилкой. Поэтому интродер оставил пятую дверь в покое и направился к выходу, где, как подсказывала Кальтеру интуиция, ловушек и мин было на порядок больше, чем в северном колодце...

До самой темноты майор без передышки занимался расчисткой выхода на поверхность. Мин и впрямь было много, но тот, кто устанавливал их, обладал не слишком богатой фантазией и опытом в этом деле. Минер – очевидно, солдат-срочник – действовал по принципу «чем больше, тем лучше». Маскировка минного заграждения также была выполнена из рук вон плохо и явно рассчитывалась лишь на мутантов. Даже бандиты, коих Кальтер отправил к праотцам несколько часов назад, проявили в этом деле больше старания, пусть в итоге оно их и не спасло. После знакомства со здешними аномалиями возня с минами казалась интродеру чем-то вроде детской игры в песочнице. Он обползал весь коридор и методично разрядил каждое обнаруженное взрывное устройство, успев завершить эту кропотливую работу аккурат к началу выброса.

Терзающие Кальтера причуды растревоженной памяти прекратились, как только он заблокировал последнюю дверь. Либо контролер удалился в глубь катакомб, либо попросту оставил майора в покое, во что, правда, не слишком верилось. Тем не менее едва до интродера перестали долетать вопли мутанта, как разбушевавшиеся в голове Кальтера призраки угомонились, и ему заметно полегчало. Хотя неприятный осадок в душе, разумеется, остался.

Майор вновь ощутил его, когда закончил разминирование и спрятался в сушилке, чтобы переждать выброс. Анализируя пройденный за сегодня путь, Кальтер был неприятно удивлен, когда обнаружил, что контролер извлек у него из подсознания такие вещи, какие он считал давно и основательно забытыми. И отмахнуться от них не так-то просто: слишком много грязи всплыло в памяти интродера, чтобы взять и усилием возратить эту грязь обратно, в темные глубины забвения.

Вспомнились даже те ложные картонные мишени, за попадание в которые всегда засчитываются штрафные очки и которые будущий «мизантроп», следуя букве приказа, не дрогнув, расстрелял все до единой... Майор хмыкнул: наверное, так же махровые садисты и убийцы вспоминают свое детство, а именно – кукол с оторванными головами и зверски замученных соседских кошек... Был ли Кальтер на самом деле таким садистом? Трудно сказать. Он никогда не испытывал удовольствия от совершаемых им убийств, но тем не менее не бросал эту службу, потому что не мыслил без нее своего существования. Устранение любой промаркированной Ведомством или случайной «помехи» было обусловлено стратегической необходимостью. Которая, в свою очередь, обуславливалась государственными интересами. Кальтер любил свою страну. И именно поэтому беспрекословно выполнял порученную

командованием грязную работу, поскольку осознавал: кроме него – человека с холодным рассудком, – с нею больше никто не справится.

Невидимые войны, что ведутся государством на многочисленных невидимых фронтах, не прекращаются ни на миг. Большинство обычных граждан об этом знает, однако лишь немногие догадываются, каков истинный масштаб этой бесконечной, но необходимой войны. Та же ситуация и с ее правилами. Шпионские игры допускают убийство врага во благо Родины – об этом написано немало книг и снято огромное количество фильмов. А вот насколько широк может быть круг этих врагов, опять-таки подозревают лишь единицы.

Способен ли ребенок угрожать интересам могучего государства? В качестве потенциальной угрозы – вполне. Как способен он отвечать и за своего отца, сделавшего его заложником собственных необдуманных поступков. Карательная машина государственной безопасности разбирается с врагами – как прямыми, так и потенциальными – без каких-либо скидок на их возраст. На войне, солдатом которой являлся Кальтер, ему встречались и такие противники. Ведомство досконально рассчитывало, какую угрозу они могут представлять для страны в будущем, и загодя принимало меры по устранению очевидных последствий. На Востоке – в мире строгих традиций, где сыновья почти всегда шли по стопам отца, – подобные последствия просчитывались с высокой степенью вероятности.

Поэтому миру и не суждено узнать, насколько жестокой и кровавой была бы месть Хабиба Ибн Зухайра, чей отец – содержатель лагеря по подготовке наемников – и старший брат были приоритетными «помехами» Кальтера десять лет назад, под Гератом. Хабиб был младшим ребенком в этой воинственной семье, но Ведомство без колебаний «промаркировало» и его. С той лишь разницей, что присвоило ему рейтинг «второстепенная помеха», предоставив Кальтеру решать судьбу Хабиба по обстоятельствам. Обстоятельства в тот раз сложились так, что интродер вернулся из командировки, не оставив за собой по ту сторону границы никаких долгов...

И как это контролеру удалось вытащить из наглухо запакованного багажа воспоминаний Кальтера этот и подобные ему случаи? Что ни говори, а когда кто-то проникает к тебе в голову и начинает хозяйничать там, будто у себя дома, мерзкие ощущения от этого выбьют из равновесия кого угодно. Даже такого невозмутимого человека, как интродер.

Ну конечно! Вот в чем, оказывается, дело, а вовсе не в нахлынувших на майора предательских реминисценциях! И впрямь, при чем здесь Хабиб Ибн Зухайр и прочие «потенциальные враги государства»? Кальтера обеспокоил сам факт вторжения мутанта-псионика к нему в сознание, только и всего. Майор пережил крайне нетипичный стресс, который и вызвал у него столь бурную (по критериям «мизантропа», разумеется) реакцию. И теперь у Кальтера появился иммунитет на этот раздражитель. Зная первопричину нового стресса, интродер готов обуздать его при малейших признаках повторного появления. А воспоминания... Да черт с ними, с воспоминаниями! Заикливаться на них – значит зазря баламутить воду в глубоком озере забвения. Все, что необходимо сейчас майору, оставить это озеро в покое. И тогда плавающие на поверхности воспоминания сами осядут на его вязкое илистое дно – туда, откуда они внезапно и всплыли.

Задумано – сделано. Сконцентрировавшись на предстоящей этой ночью разведывательной операции в преддверии встречи «помех», Кальтер абстрагировался от провокационных мыслей, перекусил и прикорнул в углу сушилки, чтобы вздремнуть до окончания выброса.

Поэтому майор и не видел, как снаружи небо полыхало багровым заревом – Зона готовилась к очередному выбросу, что вот-вот должен был пройти над проклятыми землями убийственной волной аномальной энергии. И горе тому сталкеру, что не успел укрыться от выброса за бетонными стенами подвалов и бункеров. В эти штормовые часы Зона демонстрировала планете свой истинный лик, узреть который воочию и остаться в живых не мог ни один человек. Что именно творилось во время выброса на просторах Зоны, не знал никто. Предугадать последствия катаклизма тоже было невозможно. Возникали новые аномалии и мутировавшие формы жизни. Иногда взамен старых, но чаще – в придачу к ним. Истоптанные сталкерские тропы вмиг становились непроходимыми, и наоборот – там, куда раньше скитальцы не забредали и под дулом автомата, теперь могли без опаски появляться даже новички. Зона непрестанно мутировала вместе с порожденными ею тварями и

аномалиями, и казалось, лишь человек еще умудряется сохранять в ней свою первозданную сущность.

Но так только казалось. Зона была достаточно могущественна, чтобы взять на себя даже права Господа Бога и изменить по своей прихоти любого скитальца, которого судьба заносила в эти края. Каждый, кто пересекал Кордон, становился игрушкой в руках Зоны. Иногда – любимой, иногда – очень быстро надоедающей. А иногда – вызывающей любопытство. То самое любопытство, с каким ребенок разбирает на части заинтересовавшую его игрушку, дабы проверить, что же находится у той внутри и можно ли будет с нею после этого играть.

Кальтер дремал вполглаза, прислонившись к стене, и слушал вполуха сопровождающую выброс безумную какофонию атмосферных шумов. За годы службы в «Мизантропе» он научился загревком чутать, когда за ним следят, и сомневался, что в данный момент кому-то поблизости известно о его присутствии. Разумеется, кроме запертого в катакомбах контролера. Но теперь это орущее чудовище вряд ли могло сорвать планы интродера.

Кальтеру было невдомек, что он ошибается и Зона давно положила на него свой всевидящий глаз. Майор продолжал непрерывно изучать Зону, а она, в свою очередь, пристально взирала на майора из-под серой вуали небес и явно чего-то выжидала. Огромная коварная тварь славилась своей непредсказуемой переменчивостью, но когда ей было нужно, она могла прикинуться смирной, затаиться и ждать. Правда, недолго. И в случае с Кальтером это «недолго», похоже, подходило к концу...

Глава 5

Вот уж не думал капитан Назар Чупренко, что пришедший к ним в батальон с самого верха приказ о полном прекращении огня по Небесному Пауку позволит капитану наварить на этом обстоятельстве впечатляющий куш! Такой, какой не выпадал Чупренко уже давно – с тех пор, как его бывшего непосредственного командира, полковника Николая Сердобольцева, отстранили от занимаемой должности по подозрению в служебных махинациях и отправили на время разбирательства в длительный отпуск «по состоянию здоровья».

С приходом в Шестой миротворческий батальон нового комбата – подполковника Пушкаря – дела у Назара – командира второй мотострелковой роты – шли не ахти. И хоть Пушкарь тоже был «человеком Сердобольцева», вести бизнес прежними темпами стало опасно (но все равно, спасибо могучим связям Николая Ивановича, который, даже находясь под следствием, не допустил полного краха своего теневого предприятия). Особисты из штаба округа шныряли по гарнизону, как тараканы, и пытались совать свой нос во все, чем занимались в Зоне миротворцы. Но раскопать компромат на Сердобольцева и Чупренко особистам никак не удавалось, потому что за пределами Зоны оба махинатора были чистенькими, как слезы Девы Марии. Всеми преступлениями, в которых подозревались Назар и его покровитель, они занимались исключительно на территории Зоны. Именно там, вдали от любопытных глаз, организаторы схемы по незаконной продаже оружия, являющиеся в ней лишь посредниками, вели переговоры с поставщиками, которые без этого связующего «официального» звена попросту не могли переправить товар через Кордон. А переправлялся он под видом всего, чего угодно, только не оружия: противорадиационных химикатов, научного оборудования, инженерных средств, горючего и прочих материалов, необходимых работающим в Зоне исследовательским группам ученых. Элементарная, но благодаря обширным связям Сердобольцева вполне надежная и прибыльная схема.

Наученные горьким опытом, ищейки из Особого отдела предпочитали не соваться в Зону без крайней нужды. Они знали, что не могут полностью полагаться в тех диких местах на прикрытие солдат. Всеми виной была извечная нелюбовь простых вояк к особистам – дознавателям из Отдела внутренних расследований. А на обычном окопном языке – крысам, рыскающим по гарнизонам с единственной целью – выполнить разнарядку сверху по выявлению латентных нарушителей Устава, независимо от их звания и занимаемой должности.

В числе этих нарушителей мог оказаться любой, даже честный служака, стоило ему лишь попасть под подозрение какого-нибудь ретивого особиста. В Зоне патологическая ненависть военных к своим «гнилым» собратьям по оружию проявлялась особенно остро. Каждая

пересекая периметр «крыса» становилась потенциальной жертвой какого-нибудь мутанта или аномалии. В двух случаях из трех спасение от них особистов становилось делом рук самих особистов. А сопровождающая их охрана – обычные солдаты армейского патруля – не больно-то спешила явиться на зов угодившего в передрыгу дознавателя. Или того хуже – вставали на сторону какого-нибудь кровососа и помогали тому добыть себе обед в лице опекаемой ими штабной ищейки. Официально таких случаев зафиксировано, естественно, не было, однако и особисты, и вояки прекрасно знали: подобное сведение счетов случалось в Зоне не раз и не два.

Все это здорово играло на руку капитану Чупренко и его подельникам-подчиненным – бойцам-контрактникам, многие из которых только потому и остались на сверхсрочную службу, чтобы не выходить из доходного бизнеса Сердобольцева. Весь третий взвод роты Чупренко состоял из лично отобранных им «сверчков» – сержантов и прапорщиков, которым комроты выплачивал второе – неофициальное – жалованье, на несколько порядков превосходящее контрактное. Капитан и его верные «чупренцы» чувствовали себя в Зоне практически безнаказанно. Они совершали плановые и внеплановые рейды только в таком, строго определенном составе, объясняя это нежеланием рисковать жизнью обычных солдат-срочников. Со стороны поведение Чупренко выглядело весьма благородно, но особисты давно подозревали, что кроется за этим постоянством. Впрочем, доказать они все равно ничего не могли, а уж напрашиваться в рейд с командиром второй роты не стремились и подавно. Никому из особистов не хотелось пополнить собой статистику погибших либо канувших без вести офицеров работающего в Зоне миротворческого контингента.

Утро этого в целом обычного для Чупренко дня началось строго по расписанию. Верный капитану взвод ветеранов-контрактников расселся по трем БТРах и во главе с комроты выдвинулся в рейд по маршруту Темная Долина – Свалка – «Агропром». Обычное плановое мероприятие по отстрелу мутантов и фиксированию новых очагов аномалий. Правда, сегодня группу Чупренко сопровождали двое ученых на легком грузовике, прибывших вчера из Минска с заданием от своего института установить в Зоне какие-то датчики. Оборудование было довольно громоздкое, и чтобы его не растащили вездесущие сталкеры, датчики следовало разместить на контролируемой военными территории. Именно к такой и относился район бывшего НИИ «Агропром». Там у Шестого батальона имелся форпост – полевая база, где участвующие в многодневных рейдах солдаты могли спокойно поесть, отдохнуть и переночевать.

Точнее, военные удерживали под контролем не всю территорию «Агропрома», а лишь его исследовательский центр, состоящий из главного трехэтажного корпуса, нескольких одноэтажных служебных построек, парочки стальных ангаров и проржавевших топливных резервуаров. Отдаленный от хозяйственного комплекса зданий и железнодорожной станции (разумеется, не функционирующей, как и вся система железных дорог Зоны), научный центр был огорожен высоким бетонным забором, в котором, правда, зияли небрежно заделанные бреши. Зато вся территория вокруг центра просматривалась как на ладони и была отлично пристреляна. Вдобавок военные настроили по периметру забора несколько вышек. На них каждое останавливающееся здесь подразделение отряжало наблюдателей.

Именно Чупренко в свое время и застолбил для Шестого батальона это козырное местечко. С тех пор Назар стал по праву считаться его неофициальным комендантом, а среди батальонных командиров поневоле вошло в традицию спрашивать у него «добро» встать на постой в его крепости. Формально же командование ею принимал на себя тот офицер, чья патрульная группа вступала во владение исследовательским центром. Бывало, что центр и вовсе пустовал по нескольку дней. Но со временем бандиты и сталкеры уяснили, что место это крепко облюбовано миротворцами, а коли так, то не стоит лишний раз рисковать, забредая туда, куда в любой момент дня и ночи могут нагрянуть войска. А если у сталкеров возникала крайняя необходимость укрыться под защитой бетонных стен, они прятались в расположенном километром севернее институтском хозблоке. Вояки забредали туда лишь при проведении зачисток. Все остальное время заброшенные цеха и железнодорожная станция переходили из рук в руки мелких сталкерских группировок, ни одна из которых так и не могла удержать этот объект достаточно долгий срок.

Помимо двух обособленных комплексов зданий, НИИ «Агропром» был также известен своими катакомбами – подземными коммуникациями, соединяющими научный центр с хозяйственной базой. Соваться в глубь мрачных тоннелей не решались даже военные – где-то во тьме катакомб обитал мутант-контролер, чье жуткое завывание то и дело нервировало миротворцев. Чупренко постоянно собирался взорвать от греха подальше выходы из катакомб и постоянно забывал прихватить для этого лишнюю пару килограммов взрывчатки в суе, что обычно предшествовала каждому рейду. Впрочем, обосновавшийся в тоннеле контролер иных проблем, кроме крика, военным не доставлял. Более того, даже помогал охранять форпост от вероятного противника, имеющего шанс проникнуть туда со стороны железнодорожной станции.

Чупренцы и прикомандированные к ним минские ученые относились друг к другу подчеркнуто отстраненно. Первые глядели на вторых, как на нежелательную обузу. Вторые соблюдали дежурную вежливость, но тоже не набивались к первым в друзья. И те и другие были невольниками служебного долга и терпели друг друга лишь в приказном порядке. Однако их показная антипатия быстро сошла на нет, когда конвой из трех БТРов и грузовика пересек внутреннее кольцо периметра и углубился в Зону. Капитан, который ехал до этого на броне головного бронетранспортера, велел группе сделать остановку в Темной Долине и для проформы послал бойцов обследовать местность по обе стороны дороги. А сам направился к минчанам и, не спрашивая разрешения, влез в просторную кабину их автомобиля.

– И снова здравствуйте! – компанейским тоном поприветствовал Чупренко «науку», захлопнув дверцу и устраиваясь поудобнее на свободном пассажирском сиденье. Холодок наигранной неприязни в его голосе испарился бесследно. – Слава богу, наконец-то мы можем потолковать, как нормальные люди, безо всех этих гребаных конспираций. Как добрались? Проблемы были?

– Никаких проблем, – ответил водитель – лысоватый малоприметный тип в оранжевом исследовательском комбинезоне. В действительности эти двое были такими же учеными, как Чупренко – солистом оперного театра. – С теми документами, какие выдают ваши покровители, можно даже ядерную боеголовку до Парижа в багажнике довести. Кстати, Николай Иванович передавал вам огромный привет. Ваши обычные комиссионные уже переведены на счет в Цюрих, можете позвонить, проверить. А это, как и договаривались, для ваших помощников.

Водитель дал знак громиле-напарнику, судя по всему, телохранителю, и тот вытащил из-за сиденья переносной опечатанный контейнер, помеченный предупреждающей надписью: «Осторожно! Радиоактивные образцы!», после чего протянул его капитану. Назар без опаски сорвал пломбу и приоткрыл контейнерную крышку. Никаких вредных для здоровья материалов под ней, естественно, не оказалось. А то, что лежало внутри оцинкованного ящика, было для здоровья отнюдь не вредно, а, наоборот, – весьма полезно. Причем для здоровья как физического, так и душевного. По крайней мере, всякий раз, получая подобные «образцы», Чупренко переживал эмоциональный подъем и напроочь забывал обо всех терзающих его недугах.

Контейнер был доверху набит тугими пачками денежных купюр. И хоть предназначались они не Назару, а его подельникам, все равно приятно было держать в руках такой груз. Командир второй роты по-отечески любил каждого из своих бойцов и знал, как приятно им будет получить от «бати» очередной гонорар. Тем более что сегодня каждому чупренцу причиталась не обычная в таких случаях награда, а вдвое выше. На недавних переговорах с поставщиком Назар специально выдвинул это условие, хотя мог выплатить своей команде и обычную премию. Выяснив, какие щедрые комиссионные он наварит на переправке в Зону «Пурги-Д» – почти втрое больше обычных! – Чупренко решил, что будет справедливо повысить ставки и для своих хлопцев. Пусть порадуются, а то в последние, не слишком удачные полгода кое-кто из них уже начал жалеть, что остался на сверхсрочную. Ну а поскольку счетов в швейцарских банках контрабандники не имели (из опасения попасться на крючок особистам Чупренко самому пришлось открывать себе зарубежный банковский счет через доверенных лиц), им платили наличными, которые чупренцы, во избежание проблем, по-быстрому сбагивали на «гражданку», родственникам.

– Отлично, – подытожил капитан, закрывая контейнер и защелкивая крепления крышки.

Пересчитывать деньги не требовалось – это был серьезный бизнес, ведущийся серьезными людьми, а не мелкокалиберные криминальные делишки, и обман в нем категорически исключался. – Пусть «бабки» пока у вас полежат. На обратном пути заберу и раздам ребятам. А теперь краткий инструктаж. Клиент сегодня не совсем обычный, но платит только самыми ценными артефактами. Причем половину уже внес задатком, который мы припрятали в «Агропроме». Что, безусловно, вам выгодно: груз займет совсем немного места. Документы на вывоз артефактов у вас в порядке?

– Конечно, – подтвердил водитель. – Все как положено, со всеми печатями и подписями.

– Ну и ладненько, – кивнул Чупренко. – И напоследок мои обычные правила: разговаривать с клиентом будем мы, передавать груз и получать оплату – тоже. А вы в это время должны находиться там, куда я вас определяю, и не шастать без моего разрешения по исследовательскому центру. Не приведи господь сиганете в аномалию или нарветесь на кровососа, а я потом за вас отвечай. На этом все. Вопросы есть?

Вопросов у псевдоученых не было, и Назар, покинув кабину грузовика, приказал временно исполняющему обязанности комвзвода – старшему прапорщику Бийскому – свистать бойцов назад и выдвигаться в дальнейший путь.

Миновав Свалку и шуганув из КПВТ намылившуюся было в сторону «Агропрома» кучку сопливых бандитов (трусливые ублюдки сами себя рассекретили, взявшись при виде военных метаться и прятаться по кустам), конвой выехал на расчищенную асфальтированную дорогу. Она шла параллельно рельсовой ветке, которая заканчивалась на тупиковой станции НИИ. Перевалив через пригорок (железная дорога пересекала его по прорытому под ним полукилометровому тоннелю), Чупренко и его спутники доехали до развилки, где свернули налево. Правый путь был совсем коротким и вел к хозблоку института, занятому сегодня, как доложили дозорные, небольшой группой сталкеров. Подобно встреченным конвоем бандитам, обитатели хозяйственного комплекса при виде военных тоже попрятались по укрытиям. Но взвод Чупренко проследовал мимо станции, не став наносить сталкерам дежурный визит вежливости и выдворять их с обжитого местечка. Пусть уж лучше там пасутся искатели артефактов, чем всякие недоделанные «блатари», которые неминуемо займут освободившуюся вакантную жилплощадь.

Вскоре дорога повернула на юг и, пройдя по аллее пирамидальных тополей, достигла шлагбаума, коим вояки перекрывали ворота огороженной территории исследовательского центра. Форпост не пустовал. Со вчерашнего дня на нем находилось пятеро чупренцев, высланных сюда Назаром в качестве разведгруппы с целью обезопасить район и следить за тем, что происходит вокруг. Чупренко не терял бдительность и никогда не недооценивал особистов. Они также могли прознать о намечающейся сделке и отправить к научному центру под видом сталкеров своих людей. Однако командир дозора – старшина Сербаков – продолжал ежечасно докладывать капитану, что в окрестностях форпоста все спокойно, никакой подозрительной активности не наблюдается, а стало быть, все идет точно по графику.

В последний раз Чупренко связался с разведчиками на окраине Свалки примерно за полчаса до прибытия на место. Сербаков исправно доложил, что вокруг по-прежнему тихо, ни одна из выставленных за ограждением растяжек не сработала, а наблюдатель на вышке уже вот-вот должен заметить в бинокльдвигающийся к «Агропрому» конвой. Довольный комроты похвалил старшину за отличное несение службы и приказал ему организовать горячий кофе для прибывающих в центр, уставших с дороги товарищей. После чего выключил рацию и вполголоса выругался, вспомнив, что опять забыл про взрывчатку, дабы раз и навсегда завалить этот проклятый вход в катакомбы. А теперь Назару вновь предстоит весь день слушать доносящиеся из колодца вопли контролера, чтоб он, сучара, побыстрее издох или хотя бы, на худой конец, охрип!..

Предвкушая, как с минуты на минуту он глотнет горячего кофейку с коньячком, Чупренко так усиленно заиклился на этой жизнеутверждающей мысли, что невольно прозевал момент, когда конвой въехал на территорию исследовательского центра.

– Стой! – рывкнул встрепenuвшийся капитан водителю головного БТРа, на броне которого Назар проделал весь путь от гарнизона до НИИ. Сержант Гунявый, что уже направил бронетранспортер на площадку возле пустых топливных резервуаров, ударил по тормозам и

остановил технику на полдороге к стоянке. Вслед за ним встали как вкопанные остальные БТРы и грузовик «ученых». Замершая колонна растянулась вдоль бетонного забора, полностью въехав на территорию форпоста, куда чупренцы благополучно добрались аккуратно за час до сделки. Но буквально на последних метрах маршрута неприятный случай все же произошел, а успокоенный недавним докладом Сербакова капитан не успел вовремя среагировать на перемену обстановки.

Чупренко поднялся на ноги и, не слезая с бронетранспортера, огляделся. Именно то, что они, не останавливаясь, беспрепятственно въехали на базу, и насторожило комроты. Непорядок. В поднятом шлагбауме и отсутствии на КПП часовых не было бы ничего особенного, отправь капитан командиром дозора какого-нибудь сержанта-срочника – одного из тех разгильдяев, которых хватало у Назара в роте. Но он поручил это ответственное задание прапорщику Сербакову – дисциплинированному исполнителю, уже четвертый год служащему под командованием Чупренко. Сербаков ни за что не бросил бы главный пост без охраны и лично встретил конвой на КПП. И только потом, доложив комроты об обстановке, открыл бы шлагбаум и впустил колонну на территорию базы. Однако ничего этого не произошло, хотя не далее как тридцать минут назад капитан выслушал доклад прапорщика о том, что окрест форпоста царит тишь да гладь и он готов принять груз.

Остановленные экстренным приказом БТРы и грузовик продолжали урчать моторами на холостом ходу. Оглядевшись и не обнаружив вокруг ни души, Чупренко приказал заглушить двигатели и стал изучать обстановку более внимательно.

Сербаков не обманул – на территории «Агропрома» и впрямь стояла редкостная для Зоны тишина: ни собачьего лая, ни рева мутантов, ни треска и хлопков аномалий, ни отзвуков далекой стрельбы. Лишь вечный бродяга-ветер шелестел кронами тополей и уныло гудел в пустых проемах институтских окон... Вот только капитана это безмолвие отнюдь не успокаивало. Пятерка разведчиков, что, по всем признакам, уже обязана была встречать прибывших товарищей, как в воду канула.

На трех видимых капитану наблюдательных вышках также не маячило ни души. Четвертая вышка была заслонена от Назара главным корпусом, но, по всей вероятности, дозорный отсутствовал и на ней. Куда могли запропасться Сербаков и его бойцы за минувшие полчаса, неизвестно. Но пока конвой двигался к базе, никакой стрельбы из этого района не доносилось, это точно. Заметили колонну в бинокль, открыли шлагбаум и с чистой совестью отправились в полном составе на завтрак? Хотел бы Назар поверить в подобное, но, к сожалению, у него это не получалось. У капитана на душе заскребли кошки, но терзаться сомнениями в боевой обстановке было не в его привычке.

– К машинам! – зычно проорал он. Продублированный командирами экипажей, приказ Чупренко эхом полетел по колонне: – Занять круговую оборону! Командиры взвода и отделений – ко мне!

Боковые люки БТРов с грохотом распахнулись, и высыпавшие из них чупренцы вмиг рассредоточились вокруг конвоя, заняв огневые позиции за близлежащими укрытиями: раздолбанными остовами допотопных «газиков» и «ЗИЛов», грудями бетонных плит, железными контейнерами, штабелями труб и углами одноэтажных пристроек. Исполняющий обязанности комвзвода старший прапорщик Бийский и командиры отделений – старшины Пепеляев и Горбенко (командиром третьего отделения являлся исчезнувший Сербаков) – с оружием на изготовку побежали к Чупренко для получения дальнейших распоряжений.

Назар спрыгнул с бронетранспортера и категоричным жестом велел парочке «ученых» оставаться на местах. Сопроводители груза тоже не на шутку встревожились и хотели было выскочить из грузовика следом за солдатами, но, получив приказ капитана, вернулись в кабину и затаились в ожидании. Чупренко снял автомат с предохранителя и, пока младший командирский состав спешил к головному БТРу, еще раз бегло осмотрелся.

Безжизненный форпост выглядел так, словно до прибытия колонны на нем как минимум несколько дней никого не было. Хотя нет, один атрибут недавнего присутствия здесь людей Назар все же обнаружил. Запах кофе доносился из окон ближайшей одноэтажной пристройки, которую заезжие обитатели использовали в качестве казармы (главный корпус был слишком холодным и продувался насквозь, поэтому солдаты предпочитали останавливаться на постой в

тех зданиях, которые можно было протопить обычной «буржуйкой»). Долетевший до Чупренко кофейный дух явственно указывал на то, что, прежде чем пропасть без вести, Сербаков успел выполнить последнее распоряжение комроты. А вот доварил прапорщик кофе или нет, капитану еще только предстояло выяснить. Походило на то, что забытый на огне котелок был оставлен без присмотра и кипел уже достаточно долгое время. Подозрительно далеко распространился щекочущий ноздри аромат знойных тропиков – чересчур жизнерадостный для здешних мрачных краев.

Пока капитан раздавал оперативные приказы, обстановка вокруг не изменилась и пятеро разведчиков так и не дали о себе знать. Оставив старшину Пепеляева и его отделение охранять груз, Чупренко отправил Бийского вместе со вторым отделением прочесать главный корпус и прилегающую к нему территорию. А сам Назар вместе с оставшимися бойцами отделения Сербакова направился исследовать пристройки, склады и вход в катакомбы.

Последний представлял собой широкий люк с отсутствующей крышкой, выдранный давным-давно либо бронетранспортером, либо танком. Попасть в тоннели из подвалов главного корпуса было нереально – мешали непреодолимые завалы. Еще два имеющихся на территории взрывоустойчивых люка были запечатаны, как полагается. Проникнуть в оккупированное контролером подземелье из научного центра можно было лишь через этот единственный лаз. Но соваться в катакомбы накануне прибытия конвоя Сербаков со товарищи явно не стали бы. А при возникновении из-под земли какой-либо угрозы просто метнули бы в колодезь несколько гранат, и дело в шляпе. Поэтому Назар и сопровождающие его шестеро бойцов решили начать поиск пропавшей разведгруппы с казармы – оттуда, откуда и исходил аппетитный кофейный аромат.

Вещевые ранцы разведчиков были разложены на панцирных койках, доставленных в свое время сюда из гарнизона вместе с матрасами, но ни самих дозорных, ни их оружия в здании не оказалось. А вот забытый на газовой плите котелок с уже засыпанным в него гранулированным кофе (иного миротворцам не выдавали, но и на том спасибо – без кофе в Зоне было бы совсем туго) действительно кипел вовсю, извергая пар и брызги из-под неплотно прикрытой крышки. Во избежание пожара Чупренко приказал солдатам снять котелок с огня и выключить газ. Нехорошие опасения подтверждались: прапорщик и его бойцы оставили посты и покинули казарму по неотложной причине. Это подтверждалось и тем, что дозорные не сообщили комроты о неожиданно возникшей проблеме. Что Сербаков непременно бы сделал, имейся у него в запасе хотя бы минута времени.

Компактной рации прапорщика, настроенной на недоступный радиоразведке особистов кодированный канал, в казарме не было, а значит, Сербаков прихватил передатчик с собой. Капитан достал из подсумка свою рацию и попытался вызвать командира исчезнувшей разведгруппы. А пока Назар занимался этим, его отделение проверило еще две пристройки и заглянуло в пустующие ангары. Удача не улыбнулась никому: ни капитану, ни его бойцам. Но если отсутствие поблизости группы Сербакова было еще хоть как-то объяснимо, то его упорное нежелание выходить на связь не лезло уже ни в какие ворота.

– Что у вас, Второй? – осведомился Чупренко, обратившись по рации к Бийскому. По маячившим в окнах главного корпуса силуэтам капитан видел, что группа комвзвода уже обыскала первый этаж здания и перебралась на второй.

– Ничего, – доложил Бийский. – Никаких следов. Ну так это же Серб – он и его ребята оставлять следы не привыкли.

– Продолжать поиски! – отдал очередной приказ комроты. – Найдете хоть малейшую подозрительную зацепку – докладывать немедленно.

Назар и вернувшиеся к нему после обыска ангаров бойцы стояли, озадаченные, посреди базы, озирались по сторонам и гадали, что же здесь все-таки произошло.

– А почему контролер молчит? – вдруг неуверенно спросил сержант Бойчук – толковый малый, который должен был демобилизоваться из армии всего пару месяцев назад. Назар подключил его к бизнесу одним из последних, уговорив сержанта остаться на сверхсрочную и посулив ему золотые горы. Это было первое настоящее дело Бойчука, и он всячески старался продемонстрировать, что достоин оказанного ему доверия.

– А ну повтори, что ты сказал?! – Комроты резко повернулся к сержанту и впери в него

суровый вопрошающий взор.

– Контролер, товарищ капитан, – испуганно заморгав, поспешно уточнил Бойчук. – С тех пор как мы приехали, он ведь ни разу даже не вякнул. А раньше, бывало, сутками не умолкал. Вот я и подумал, может быть, это как-то связано с исчезновением Серба... то есть, виноват, прапорщика Сербакера.

– За мной! – решительно скомандовал Чупренко и бегом направился к ведущему в катакомбы колодцу. Шестерка «сверчков» последовала за командиром, не отставая ни на шаг...

За годы службы в Зоне рота капитана Чупренко потеряла четырнадцать бойцов. В сравнении с другими подразделениями Шестого миротворческого батальона – немного. Поэтому полковник Сердобольцев, а за ним подполковник Пушкарь часто ставили Назара в пример другим командирам: дескать, перенимайте опыт, товарищи офицеры, как надо подходить к организации рейдов и подготовке к ним личного состава. Чего греха таить, Чупренко подобные похвалы весьма льстили. Конечно, он догадывался, что половина этих похвал обусловлена не образцовой дисциплиной в его подразделении, а тем, что Назар повязан с комбатом – как прежним, так и нынешним, – противозаконным бизнесом. Но так или иначе, список потерь второй роты за время ее участия в миротворческой операции действительно был скромным. А стало быть, Чупренко и впрямь являлся неплохим командиром, с какого боку ни подбирались бы к нему ищейки из отдела внутренних расследований.

Максимальное количество потерь, какое доводилось претерпеть второй роте за один рейд, исчислялось двумя бойцами. Такое случалось дважды. В первый раз парочка самоуверенных первогодков послушалась приказа командира и сунулась в один из подвалов поискать артефакты, а в итоге напоролась на логово огненного полтергейста. Во втором случае уже порядком обстрелянные бойцы Чупренко отправились в дозор и были застигнуты в чистом поле разразившимся, вопреки прогнозам, спонтанным выбросом; такие катаклизмы порой случаются и уносят жизни тех бедолаг, кто не имеет шанса при первых признаках надвигающегося выброса добежать до ближайшего укрытия. Остальные десять подчиненных капитана погибли либо из-за собственной неосторожности, угодив в аномалию, либо в перестрелках со слишком борзыми бандитами, отважившимися вступить в бой с патрулем.

То, что стряслось сегодня в научном центре НИИ «Агропром», стало для Назара настоящим ударом. Пожалуй, самым тяжким ударом, пережитым капитаном за всю его армейскую карьеру. Подбежав к люку и приказав одному из бойцов осветить колодец фонарем, Чупренко и сопровождающие его солдаты поначалу не поверили своим глазам. На дне шахты, прямо у подножия хлипкой железной лестницы, лежала целая гора трупов. Громко выругавшись, Назар, однако, быстро взял себя в руки и унял охватившее его возбуждение. После чего пригляделся получше и определил, что груда человеческих тел не так огромна, как показалось капитану в первые мгновения.

Четверо, нет, пятеро распластавшихся друг на друге в неестественных позах, одетых в армейские комбинезоны мертвецов были скинуты в колодец уже после того, как их застрелили неизвестные убийцы, всадившие в каждую жертву как минимум по три пули. Раны на трупах практически не кровоточили. Назар отчетливо видел, что по меньшей мере трое из убитых получили в голову по пуле – кто-то в лоб, кто-то в висок, кто-то в глаз. Именно эти ранения – аккуратные, но все равно уродующие покойникам лица – и не позволили Чупренко сразу опознать обнаруженную разведгруппу. И когда это произошло, до него наконец дошел весь ужас сложившегося положения.

Закаленные Зоной бойцы прапорщика Сербакера погибли вместе со своим командиром, не успев произвести ни единого выстрела. А затем их сбросили в шахту, дабы прибывшие на базу чупренцы не наткнулись на трупы и не запаниковали раньше времени. Причем нападение на форпост было спланировано с таким расчетом, чтобы идущий сюда конвой совершенно ничего не заподозрил. А значит, неведомый враг следил за радиопереговорами дозорных с командиром автоколонны и выверил каждый свой шаг с точностью до минуты. Из чего следовало, что врагу надо было обязательно заманить группу Чупренко в исследовательский центр...

– Взвод, к бою! – проревел в рацию капитан. Разумеется, приказ предназначался и бойцам его поисковой команды, мгновенно вскинувшим автоматы и рассредоточившимся за

укрытиями. Сам комроты, не прекращая отдавать распоряжения, также поспешил отступить от колодца за ствол ближайшего дерева. – Второй, быстро отводи группу на исходную! Первый – удвоить бдительность! Пулеметчика – на крышу КПП. Передайте «клиентам» – пусть срочно выдвигаются по дороге на север. Водителям «коробок» и бортстрелкам – прикрывать груз! Головой за него ответите! Всем доложить по исполнению! Выполнять приказ!

– Второй вас понял, отходим! – кратко отрапортовал Бийский, чье отделение только что проверило последний – третий – этаж главного корпуса и поднялось на крышу. После чего не преминул дать капитану отчет об остановке, изученной прапорщиком с высотной позиции: – Второй противника не обнаружил. Повторяю: Второй противника не обнаружил!

– Бегом марш на исходную, Второй! – продублировал команду Чупренко и, пока его бойцы перегруппировывались, довел до их сведения дополнительную информацию: – Внимание всем: на территории объекта – противник. Точное месторасположение неизвестно. Предполагаемое количество: десять, возможно, больше человек. Высокая вероятность снайперского огня. Нулевой отходит на исходную! Повторяю: на территории объекта – противник!..

Повторить предупреждение Назар не успел, ибо в этот миг незримый враг нанес следующий, куда более сокрушительный удар. Кричащий в рацию капитан только-только покинул укрытие и жестом велел своей группе отступать к КПП, как вдруг в главном корпусе практически одновременно блеснули две ослепительные вспышки. Сразу же вслед за ними прогремела пара оглушительных взрывов. Их раскатистый, слившийся воедино грохот прогнал по базе упругую волну горячего воздуха, вынудившую капитана закрыть лицо рукавом. В глазах сразу же заиграл сонм бликов, а уши заложило. Инстинкт самосохранения вынудил Чупренко вновь кинуться за древесный ствол, хотя иных неудобств, помимо вышеописанных, взрывы ему не доставили. Как и его группе, причем некоторым бойцам и вовсе повезло отделаться легким испугом. В момент вражеской атаки они крались под прикрытием казармы, отчего не увидели вспышки, а не особо сильная ударная волна разбилась о казарменную стену с противоположной стороны здания, заставив его лишь слегка содрогнуться и только.

Не прошло и пяти секунд, как Назар уже пришел в себя и смог определить характер нанесенного по чупренцам удара и его последствия. Оба взрыва прогремели в лестничных шахтах главного корпуса. Пламя не распространилось на этажи и выжгло только эти шахты, снизу доверху. Тот, кто заложил на лестницах трехэтажки взрывные устройства, не планировал снести здание – слишком маломощными являлись заряды. Место и время, когда они были подорваны, указывали на то, что враг планировал атаку с иной целью. И похоже, он ее добился.

– Второй, ответь Нулевому! – гаркнул в рацию Чупренко, глядя, как угасающий огонь продолжает яростно вылизывать лестничные пролеты. – Второй, это – Нулевой! Ответь мне, ну же!

Бийский не отвечал, поскольку наверняка был мертв. Как и старшина Горбенко с восемью отправившимися в трехэтажку бойцами второго отделения. Выжить в восходящем потоке пламени при подрыве зажигательной мины направленного действия было попросту нереально. Отдав приказ о срочном отступлении, капитан вынудил бойцов Бийского дружно кинуться к лестницам, а вражеский минер только этого и ждал.

Рация! Да ведь у противника же имеется при себе рация Сербаклова, при помощи которой мерзавец прослушивает ведущиеся группой Чупренко переговоры! А еще он наверняка занимает позицию, с которой ему видно все происходящее на базе... Ладно, некогда гадать, где затаился враг, – надо сначала выбраться из западни, а потом решать, что делать дальше.

Озлобленный, как голодный кровосос, капитан прислушался в последний раз, не доносятся ли из главного корпуса крики раненых. Ничего, кроме треска догорающего пламени и рева бронетранспортеров, водители которых приступили к выполнению приказа и, врубив задние передачи, начали организованное отступление. Первейшей задачей для комроты было вывести понесшую потери группу, технику, ну и, естественно, груз с территории исследовательского центра. Сейчас его бетонные заборы, стены и нагромождения всевозможного хлама превратились для чупренцев из укрытий в ловушку. Даже если кто-то из бойцов второго отделения еще жив – что маловероятно, – заниматься его спасением, когда под угрозой находятся жизни всего взвода, было нецелесообразно.

Пригибаясь и ведя тщательное круговое наблюдение, команда Чупренко припустила к КПП. «Еще немного, – мысленно молился Назар, – еще чуть-чуть, и мы на свободе. А там запрошу пару «вертушек», и пусть раздербанят это место ракетами к чертовой матери!»...

– Дерьмо! – внезапно ожила рация, выругавшись голосом старшины Пепеляева. – Нулевой, это – Первый! «Клиенты» убиты! Повторяю: «клиенты» убиты!..

– Что?! – взорвался Чупренко. – Убиты?! Какого хрена, Первый, у вас там происходит?!

– Снайпер! – задыхаясь от гнева, пояснил Пепеляев. – За три секунды уложил «клиентов» и двух наших! И теперь грузовик блокирует выход! Дерьмо!..

– Спокойно, Первый, мы на подходе! – бросил Назар, после чего спешно прикинул, откуда было удобнее всего расстрелять кабину грузовика, и отдал оперативный приказ: – Внимание, бортстрелки! Цель – топливные резервуары! Уничтожить их! Огонь!..

Установленные на бронетранспортерах 14,5-миллиметровые башенные пулеметы КПВТ ударили в три ствола по указанной капитаном цели, когда тот со своей группой присоединился к первому отделению. Свинцовый шквал прошелся по невысоким, около пяти метров в высоту и столько же в диаметре, емкостям, дырявя их ржавые бока и вырывая из них целые куски листового металла. Чупренко глянул на простреленное лобовое стекло грузовика и извлекаемые солдатами из кабины тела псевдоученых и отметил, что он правильно вычислил позицию снайпера. Или даже снайперов. Яснее ясного, что они находились на верхушках резервуаров либо на вышке позади них. Она тоже угодила под обстрел и была растерзана в щепки за считанные мгновения.

Капитану было некогда выяснять, насколько результативными оказались его ответные меры. Солдаты первого отделения уже вытащили из автомобиля мертвых «клиентов», и сам Пепеляев готовился занять место водителя, чтобы повторить попытку вывезти груз за пределы форпоста. Неизвестно, сколько еще вражеских снайперов залегло на его территории, но наилучшая позиция для ведения снайперского огня по отступающей колонне была уничтожена. Трехэтажку успел досконально проверить Бийский (проморгавший, однако, заложенные в лестничных шахтах «зажигалки»), а двускатные, покрытые шифером крыши пристроек располагались слишком близко и не могли служить врагу надежным укрытием.

Так думал капитан Чупренко – озлобленный и разгоряченный, но пока еще способный трезво оценивать обстановку и принимать решения. Назар полагал, что настало самое время противнику показаться и выйти на прямой огневой контакт. Кто бы ни противостоял чупренцам, он еще не справился со своей задачей и не захватил груз. Очевидно, поганые монолитовцы – а кому еще, кроме них, здесь быть? – решили грубо нарушить условия сделки и заполучить «Пургу-Д» на халяву! Хрен вам, не на тех напали! Капитан растерял половину людей, но был еще в силах дать врагу достойный отпор. Конечно, если можно так назвать поспешное отступление с поля боя...

– Прекратить огонь! – приказал Назар сделавшим свое дело пулеметчикам БТРов. – Слушай общий приказ: продолжаем отход к воротам! Огонь без команды по любой подозрительной цели!

Двенадцать оставшихся в живых бойцов, не считая самого Чупренко, водителей бронетранспортеров и бортстрелков, не паниковали, но пребывали на нервах. И потому с воодушевлением восприняли приказ командира, взявшись стрелять короткими очередями по окнам пристроек и другим потенциальным укрытиям все еще незримого противника. Отважный Пепеляев снова запустил двигатель грузовика и начал выруливать на дорогу – перед тем как заглухнуть, лишившийся прежнего шофера автомобиль врезался задним бортом в остов раскуроченного «газика». Дабы в свою очередь не врезаться в грузовик, водители БТРов сбавили ход, дожидаясь, пока старшина закончит маневр. Пулеметчик – сержант Хвыля – забрался на плоскую крышу будки КПП, превращенную когда-то посредством мешков с песком в огневую точку, установил пулемет на сошки, но пока не стрелял, дожидаясь появления конкретной цели. Палить по теням, чем в данный момент занимались остальные бойцы, он отказывался – берег патроны и не желал вызывать своими подозрениями лишний ажиотаж среди и без того перевозбужденных товарищей.

И потому, когда Хвыля открыл-таки огонь, Чупренко, а за ним и остальные поняли, что он действительно заметил противника. Однако едва капитан задрал голову, стараясь определить,

куда палит пулеметчик, как в капоте грузовика, буквально в метре от комроты, образовались две рваные дыры величиной с кулак. А мгновение спустя из них взметнулись фонтаны огня. После чего капотная крышка с грохотом подлетела, оторвалась и врезалась в лобовое стекло, а вырвавшееся на свободу пламя вмиг объяло кабину и сидевшего в ней Пепеляева. Превратившийся в живой факел старшина заорал благим матом и начал дергать дверцу, чтобы выпрыгнуть, но ему никак не удавалось справиться с замком.

Уничтожившая грузовик огненная вспышка обожгла Чупренко правую половину лица, а взрыв, кажется, повредил барабанную перепонку, но капитан почти не почувствовал боли. Сбив подножкой наземь находившегося поблизости от него растерявшегося Бойчука, Назар плюхнулся на асфальт следом за ним. А Пепеляев продолжал истошно вопить, пытаясь выбраться из огня, но все так же безуспешно.

– Держись, боец, я иду! – прокричал ему комроты, почти не соображая, что делает, и, шатаясь, начал подниматься на ноги. – Держись, я мигом!..

И тут же был повторно сбит с ног, поскольку пятившийся перед грузовиком БТР постигла та же участь, что и автомобиль. Разве что подбит он был не бронебойно-зажигательными пулями, а миниатюрной кумулятивной ракетой. Чупренко даже успел краем глаза заметить, откуда прилетел этот снаряд. Невидимый враг стрелял из слухового окна одноэтажной пристройки с расстояния не более тридцати метров. Выпустив снаряд, ракета в мгновение ока прожгла боковую броню БТРа и взорвалась у него внутри, создав в закрытом корпусе бронетранспортера температуру, равную температуре нагрева доменной печи. Ненадолго – всего на секунду-другую, – но этого вполне хватило, чтобы сдетонировали боеприпасы, а экипаж сгорел заживо. Бронетранспортер изрыгнул пламя из всех открытых люков и бойниц, после чего выплонул из них же густые клубы желтого калильного дыма – такого, какой обычно вылетает из-под электрода сварщика во время работы.

Еще ни разу в жизни Назару не доводилось попадать в настолько серьезную передрагу. Те стычки, в которых он участвовал в Зоне со своим подразделением, не шли ни в какое сравнение с этой бойней, устроенной чупренцам хладнокровным неизвестным противником. Солдат заблокировали на их же форпосте и теперь методично расстреливали, как мишени на полигоне. А им оставалось лишь пытаться вырваться из котла, паля наобум во все стороны, в то время как враг стрелял редко, но на диво метко.

Подрыв БТРа наградил капитана легкой контузией, отчего все дальнейшее протекало перед ним, словно он пребывал в изрядном подпитии. Вдобавок Назар почти оглох и слышал звуки окружающего мира, будто в гулкую трубу. От этого творившийся вокруг Чупренко огненно-свинцовый хаос казался вдвойне безумным и ирреальным.

Кричал или уже нет объятый пламенем Пепеляев, капитан не слышал, но ощущал спиной нестерпимый жар и понимал, что вот-вот рванет бензобак грузовика. Первым делом следовало отбежать подальше от автомобиля, а уже потом беспокоиться обо всем остальном. Ухватив за шиворот разлегшегося рядом Бойчука, Назар хотел помочь замешкавшемуся бойцу подняться, но заметил, что череп сержанта расколен надвое отскочившим от подорванного БТРа стальным люком. С тупой отрешенностью Чупренко глянул на свою испачканную в крови и мозгах руку и бросился к будке КПП, бетонные стены которой могли защитить его от неотвратимого взрыва.

Ввалившись в будку, контуженный капитан обнаружил, что в ней уже заняли оборону трое его бойцов. Куда попрятались остальные, комроты не видел, но надеялся, что они успели отбежать подальше от горящего грузовика. Он же рванул аккуратно в тот момент, когда Назар переступил – а точнее, споткнулся и загремел – через порог будки. Вспыхнувший бензин озарил близлежащее пространство, на миг превратив пасмурный день в ослепительно-яркий и солнечный, жаль только, отнюдь не жизнерадостный. Волноваться за боекомплект «Пурги» не стоило. Снаряды ПРК находились в специальных контейнерах и не были подвержены высокотемпературному воздействию.

Лежащий на полу будки Чупренко перекатился на бок, а затем поднес ко рту рацию и прокричал в микрофон:

– Бортстрелки: огонь на девять часов! Цель – крыша пристройки! Повторяю: огонь по крыше пристройки!

После чего расслышал над головой пулеметные очереди и понял, что Хвыля продолжает стрелять по укрытию врага, в местоположении которого он, судя по всему, не сомневался. Капитан пригляделся: да, пулеметчик сажал короткими очередями тоже по пристройке, а стало быть, позицию, откуда прилетела кумулятивная мини-ракета, Назар определил правильно.

Второй, уже не такой плотный, но все равно сокрушительный залп КПВТ снес крышу злополучной пристройки вместе со стропилами. Обломки шифера, досок и бруса градом обрушились на прилегающий к главному корпусу двор. Сколько ураганов выдержала эта крыша со времен своей постройки, неведомо, но пережить свинцовую метель, даже кратковременную, она не сумела. Два крупнокалиберных пулемета начисто срезали ее со здания, вдобавок испещрив выбоинами облупленные кирпичные стены.

Дважды чупренцы накрывали шквальным огнем вражеские позиции и дважды оставались в неведении, дало ли это хоть какой-нибудь результат. Противник выигрывал у военных с разгромным счетом, а они, даже обладая внушительной огневой мощью, опять отвечали ему с фатальным запозданием. И опять не видели ни одного вражьего тела или хотя бы его фрагментов.

Горящие остовы грузовика «ученых» и БТРа намертво перегородили ворота исследовательского центра, отрезав уцелевшую бронетехнику от выезда на северную дорогу. В бетонном ограждении форпоста имелись еще одни ворота – восточные. Но до них чупренцам нужно было прорываться через всю территорию, по которой рыскали незримые, но крайне опасные враги. Поэтому капитан принял единственное пришедшее ему в контуженную голову решение, как вырваться из западни.

– Тараньте забор и уходите в пролом! – проорал Назар по рации водителям, и те не мешкая приступили к выполнению приказа. Первый поддал газу и вывернул штурвал головного бронетранспортера вправо. БТР взревел, выбросил в воздух сизое облако солярного дыма и, сметая на пути всякий хлам, ринулся напрямик на ограждение, что представляло собой установленные вертикально в ряд железобетонные плиты трехметровой высоты. Прodelать в них брешь мощная четырнадцатитонная машина в принципе могла, что и продемонстрировала, шарахнув острым носом в ближайшую плиту и выбив ее наружу. Правда, не до конца. Забор оказался достаточно крепок, и его пострадавший фрагмент лишь выдавился из общего ряда себе подобных, накренился, но так и не упал. Для полного его обрушения требовался еще один удар. После него плита если не рухнет окончательно, то наверняка встанет под таким углом, который позволит БТР въехать на нее и перевалить через препятствие. Недолго думая, водитель бронетранспортера сдал назад, чтобы взять разгон для повторной, на сей раз окончательной атаки. Второй БТР фырчал двигателем, но не трогался с места, ожидая, когда лидер потрепанной автоколонны проторит дорогу.

А пока водители пробивали в заборе проход, Чупренко, срывая голос, созвал к себе остатки поредевшего взвода. На зов командира явилось всего-навсего десять выживших бойцов. Перебегая от укрытия к укрытию, они рассредоточились вокруг КПП в ожидании приказа к теперь уже безоговорочному и окончательному отступлению. О том, что ожидало их по прибытии в гарнизон, ни «сверчки», ни их командир не задумывались – туда еще нужно было добраться. Обожженный и контуженный, Назар ценой неимоверных усилий старался сохранять выдержку и удивлялся, как ему это удастся.

– Слева по двое, перебежками до тополиной рощи с интервалом в десять секунд, бегом марш! Хвыля и я – на прикрытии! – скомандовал наконец Чупренко, занимая огневую позицию в окне КПП и глядя, как головной БТР откатывается назад для последнего тарана покосившейся плиты.

Однако не успела первая двойка бойцов сорваться с места и припустить к воротам, как из лишенной крыши, только что обстрелянной из КПВТ пристройки вылетела вторая кумулятивная ракета и впилась в борт таранящего забор бронетранспортера. Его водитель уже направил машину на препятствие, и она сумела дотянуть до него и пробить-таки ограждение. Но, правда, лишь затем, чтобы застрять в нем этакой дымящейся железной затычкой, ставшей кремационной печью еще двум бойцам ветеранского взвода второй роты.

Все чупренцы и Назар заметили, что вражеская ракета вылетела из оконного проема пристройки, и даже определили, из какого. Поэтому, не сговариваясь, открыли огонь по

рассекреченному укрытию противника. Единственная проблема – огонь этот велся под сильным углом к стене здания, и, стало быть, враг мог при желании легко отыскать в нем безопасный уголок. Реально достать ублюдка мог лишь стрелок последнего уцелевшего БТРа, чье башенное орудие уже нацелилось на коварный оконный проем. Если враг еще не выскочил из пристройки, значит, сейчас он будет разорван на куски градом крупнокалиберных пуль...

КПВТ ударил по уже изрешеченным стенам с расстояния не более двух десятков метров. Пули, каждая из которых шутя перешибала железобетонную шпалу, сначала разворотили межоконные перемычки, а потом, расчистив себе путь, взялись крушить внутренние деревянные перегородки здания, обращая их в щепки и целыми пролетами роняя на пол дощатые потолки.

– Кобздец тебе, мразь! – процедил сквозь зубы Назар, прекратив автоматный огонь, пользы от которого сейчас было немного. Глядя на комроты, Хвыля и прочие тоже отставили стрельбу, а один из готовых к отступлению бойцов обратился к Чупренко, желая уточнить его последний приказ:

– Товарищ капитан, как быть с отходом? Прикажете отступить?

– Отставить! – рявкнул Назар, решительно аннулируя свое предыдущее распоряжение. Ярости в капитане бушевало столько, что она начинала перехлестывать через край. Он уже практически забыл, зачем вообще сюда пожаловал. Все, что хотелось Чупренко, это схватить хотя бы одну вражескую гниду и выпустить ей в башку целый автоматный рожок. – Отделение, слушай мою команду! Приказываю обойти пристройки со двора и, как только «коробка» прекратит огонь, тщательно прочесать тот квадрат! Готов поспорить, где-то там и находится схрон, в котором прячутся от нас эти твари! Группой командует сержант Цурич! Я, Хвыля и Тарасенко зайдем с фронта, в пролом. Задача ясна? Тогда вперед!

Восемь бойцов, пригнувшись, помчались в указанном направлении. Чупренко и Тарасенко ненадолго задержались, подождав, когда к ним присоединится спустившийся с крыши Хвыля, и только потом рванули к БТРу. Его пулеметчик как раз расстрелял очередную патронную ленту и, судя по всему, прилаживал к орудию коробку со следующей.

«Отставить огонь!» – хотел скомандовать Назар экипажу бронетранспортера. Комроты опасался, как бы бортстрелок в горячке не накрыл очередью своих же товарищей, двигающихся позади обращенного в руины здания. Однако со своим приказом Чупренко малость запоздал. Впрочем, даже успеет он передать его по радию, это абсолютно ничего бы не изменило. КПВТ в любом случае не произвел бы ни единого выстрела, поскольку внезапно нашелся человек, который тоже был в силах заставить бортстрелка умолкнуть. С той лишь разницей, что уже не временно, а навечно.

Чупренко, Тарасенко и бегущий с пулеметом наперевес, как заправский Рембо, Хвыля находились на полпути между КПП и бронетранспортером, когда с противоположной стороны – носовой – на него вскочила стремительная гибкая фигура в сером камуфлированном комбинезоне. На фоне затянутого дымом пасмурного неба фигура эта была практически незаметна. Назар обратил на нее внимание лишь тогда, когда запрыгнувший на броню человек приступил к действиям. А действия его были, мягко говоря, далеки от миролюбивых.

Все произошло настолько быстро, что, когда Чупренко спохватился и открыл по противнику огонь, тот уже спрыгнул с БТРа, а экипаж машины был мертв. Первым делом враг дал короткую очередь из своей бесшумной винтовки в водительский люк, находившийся у него прямо под ногами. По брызнувшим вверх искрам и огненным всполохам Назар смекнул, что монолитовец (Чупренко продолжал быть уверенным, что заваренная на форпосте каша – дело рук сектантов) расстрелял водителя теми же бронебойно-зажигательными пулями, какими он подорвал грузовик. Вырвавшееся из пробитого люка пламя еще не схлынуло, а убийца уже просунул винтовочное дуло в узкую башенную бойницу, поверх торчащего оттуда ствола КПВТ, и, прострелив защитный кожух, разрядил остаток магазина в пулеметчика. После чего молниеносно ретировался туда, откуда явился.

Однажды Назар ввозил в Зону партию таких чудо-патронов, каждый из которых стоил, как пачка обычных. Однако наблюдать эти суперпули в действии Чупренко до сего момента не доводилось. Разумеется, их эффект был и близко не сравним с эффектом от взрыва кумулятивной ракеты. Но поскольку противник не стремился поджечь БТР, а лишь вывел из

строю орудие и экипаж, очередной вражеский удар был не менее продуктивен, чем предыдущие. Машина не выгорела в мгновение ока изнутри, как остальные, но возникший в ней обычный пожар тушить было уже некому. Изрешеченные пулями, водитель и бортстрелок погибли на боевом посту, наверное так и не поняв, что их убило.

– Мразь!!! – рассвирепев, заорал во все горло Чупренко, вскидывая автомат и поливая очередями крышу дымящегося бронетранспортера. Тарасенко и Хвыля дружно поддерживали командира огнем, однако – вот досада! – разъяренные вояки стреляли уже в небо. Показавшийся им всего на несколько мгновений враг скрылся с глаз и был в данный момент заслонен от стрелков корпусом БТРа. Обежав машину, Назар и «сверчки» не удивились, когда выяснили, что ни в кого не попали. Пальнув для острстки по ближайшим вероятным укрытиям противника, троица засела в развалинах, дабы самой не нарваться на суперпули монолитовца.

Через полминуты, пробравшись через завалы обломков, к капитану присоединилась группа сержанта Цурича. Они уже начали повторно обыскивать пристройки, когда слышали стрельбу и решили, что товарищам требуется помощь. Но, прибыв к последнему подбитому БТРу, выяснили, что теперь помощь требуется им всем – враг находился от них в двух шагах и мог расстрелять любого бойца даже сквозь стену.

– Кто-нибудь заметил этого гада? Он должен был пробежать мимо вас! – спросил капитан у Цурича. Восемь бойцов переглянулись и неуверенно помотали головой. Отдышавшись, Чупренко подвел в уме разгромные итоги боя и пришел к поразительному выводу, что им противостоит всего-навсего один, но отлично подготовленный и знающий местность противник. Каждый из нанесенных по чупренцам ударов был единичным, коротким, производился с перерывом и бил точно в цель. Причем не абы в какую, а только в ту, что своей гибелью блокировала отступление угодившей в засаду колонны. Действуй враги в составе подразделения, они попросту обложили бы солдат со всех сторон и учинили им жаркую кровавую баню. Выверенные атаки «серого» одиночки, начиная с уничтожения разведгруппы Сербакова и заканчивая подрывом последнего БТРа, являлись частицами одной большой мозаики и планомерно складывались ее автором в целостную картину.

Картину неотвратимой смерти, на которой предстояло быть запечатленными всем, кто ступил в это утро на территорию форпоста. И в центре этого батального полотна находился он, капитан Назар Чупренко, чьи незаконные делишки и мечты о красивой жизни привели к гибели стольких замечательных ребят, служивших под командованием алчного до легких денег командира...

– Что будем делать, товарищ капитан? – спросил Цурич, выглядывая краем глаза из-за укрытия. – Похоже, эти долбанные уроды просто так от нас не отвяжутся.

– Отделение, слушай мой приказ! – угрюмо, но твердо заявил Чупренко, проглотив внезапно подкативший к горлу комок. – С этой минуты вашим командиром назначается сержант Цурич. Сержант Цурич!

– Я! – на миг замешкавшись, откликнулся тот. Причиной этой заминки был странный тон командира, в голосе которого звучали непривычные нотки, а глаза застила нездоровая мутная пелена.

– ...Сейчас ты возьмешь свое отделение и бегом уведешь его к северным воротам, – продолжал Назар. – А затем будете отступать по дороге, пока не окажетесь в безопасности. После чего доложишь по радию в штаб, расскажешь все как есть и вызовешь «вертушки», чтобы они вытащили вас с «Агропрома»! Задача ясна?

– Так точно, товарищ капитан! – дрогнувшим, но четким голосом подтвердил Цурич. – Добежать до ворот, затем отступить на безопасное расстояние, доложить в штаб и вызвать «вертушки».

– Все верно, – кивнул Чупренко. – Вот, держи мою рацию, позывные ты знаешь. А теперь забирай ребят и бегом марш отсюда! И чтоб, когда я досчитаю до десяти, на базе уже вашего духу не было! Время пошло! Раз!..

– Но... А как же вы, товарищ капитан? Вы что, не с нами?.. – вновь замешкался сержант, растерянно глядя, как взор командира становится все мутнее и безумнее.

– Выполнять без разговоров!!! – гаркнул Назар, мигом выводя из ступора не только Цурича, но и остальных бойцов, также удивленных распоряжением комроты. – Кто задержится

еще хоть на миг – пристрелю на хрен!

И для убедительности навел на сержанта автомат.

Гнев командира возымел эффект и подстегнул нерешительных чупренцев к действию. На счет «два» парни уже выскочили из пристройки, а на «три» улепетывали к воротам во все лопатки, будто у Назара в руках была взведенная бомба с отсчитывающим последние секунды таймером. Капитан с замиранием сердца проследил, как десять его выживших бойцов подбегает к КПП, и ощутил облегчение лишь тогда, когда замыкающий их нестройную колонну Цурич скрылся с глаз в растущей за забором тополиной роще.

– Молодцы, сынки! Удачи вам, и помните: деньги – это пыль! Причем гораздо хуже радиоактивной... – севшим голосом напутствовал Чупренко убежавших бойцов, а затем встал в полный рост и без опаски вышел во двор перед главным корпусом.

Надежды Назара оправдались. Серый невидимка не выпустил вслед его парням ни одной пули: то ли не успел среагировать на поспешное отступление противника, то ли невидимке и впрямь был нужен лишь Чупренко и никто иной. Что ж, если это действительно так, настала пора раз и навсегда разобраться с этой проблемой.

– Эй, тварь, ты меня слышишь?! – хрипло прокричал впавший в смертельный раж капитан, после чего отшвырнул на асфальт «калаш», извлек из ножен штык-нож и, храбрясь, перебросил его из руки в руку. – Выходи, потолкуем, как два мужика, один на один! Давай, падла, я жду! Или ты только мастак пацанам из-за угла в спины стрелять?! Иди сюда, мудозвон тухлый, я т-тя щас, как шмат сала, на ломтики покрomsаю! Ну где ты, сука?! Ко мне бегом марш!..

Никто не отзывался. Лишь где-то за пределами форпоста тоскливо завывала псевдособака, словно разделяя охватившее Чупренко беспросветное отчаянье. А хмурое небо все так же равнодушно взирало на капитана, как и в тот день, когда он впервые очутился в этой проклятой двуличной Зоне. Она подарила Назару несусветное по его меркам богатство, а теперь вынуждала Чупренко запоздало сожалеть о содеянном беззаконии. Верно говорят сталкеры: рано или поздно, но Зона будет судить каждого, кто хоть однажды ступил на ее проклятые земли. И никто не получит от нее оправдательного приговора, потому что здесь нет невиновных, а путь на небеса отрезан неприступным барьером свинцовых туч.

«Добро пожаловать в Ад!» – с усмешкой прочел Назар на стене каких-то развалин, когда отправился с бойцами в свой первый рейд по Зоне. Все эти годы Чупренко считал ее чем угодно, но только не Преисподней и даже не Чистилищем. Ведь кто стал бы платить в Аду обычному комроты такие бешенные деньги? Однако, похоже, начертанная на той стене неведомой чьей рукой пророческая надпись не лгала, и сегодня капитан наконец-то добрался до места назначения...

Глава 6

Кальтер поймал обезумевшего Чупренко в оптический прицел и подумал о том, что сегодня финал разыгранного интродером сценария выдался действительно непредсказуемым. Бравый капитан нашел в себе мужество выйти с честью из своего маленького, но доходного бизнеса, буквально в одночасье разрушенного «мизантропом». Да, не каждому дано умереть красиво, а тем более – в Зоне. Здесь удачной смертью считается уже та, после которой труп поддается хотя бы приблизительному опознанию. Можно сказать, в этом плане Назару несказанно повезло. Как, впрочем, и со смертью, принятой им не от кровожадного монстра или аномалии, а от руки профессионального палача.

В Зоне также имеет немаловажное значение, как человек умирает: в муках или без оных, ибо большинство здешних смертей не пожелаешь и закланному врагу. Чупренко мог с куда большей вероятностью погибнуть, угодив на обед кровососу или став жертвой какой-нибудь аномалии. Но Назару выпал шанс пасть на поле боя от вражеской пули, как и подобает умирать на войне настоящему боевому офицеру. Жаль, правда, никто, кроме Кальтера, этого так и не оценит.

Продолжая удерживать «помеху» на прицеле, майор поднялся из-за своего укрытия, позволил Чупренко себя заметить и только потом трижды спустил курок. Смелость достойна

награды, пусть даже такой сомнительной, как возможность взглянуть в лицо своему убийце. Уважить храбреца иным способом Кальтер не собирался и уж тем более не мог ответить на брошенный ему вызов. Капитан вызывал на честный поединок противника, который ни разу за свою карьеру в Ведомстве не воевал по благородным правилам и не собирался впредь отступать от подобной линии. Чупренко уже считал себя мертвецом, в то время как Кальтер продолжал выполнять задание и намеревался выжить. Вот и все. Обычная работа, в которой нет места излишнему героизму и эмоциональным порывам.

Майор стрелял с короткого расстояния тремя одиночными выстрелами – два в грудь и один в голову, – планируя прикончить Назара мгновенно. Но тот, увидев врага, успел в последний миг инстинктивно отпрянуть, и потому последняя пуля интродера прошла мимо цели. Так что умереть быстрой смертью у Чупренко не вышло. Споткнувшись, он упал на бок, а затем, уже находясь в агонии, перевернулся на спину, продолжая судорожно стискивать рукоять штык-ножа.

Подойдя к распластавшемуся на асфальте капитану, Кальтер наступил ему на запястье сжимающей оружие руки и нацелил винтовку в лоб умирающему противнику. Чупренко шумно хрипел простреленными легкими, кашлял и пускал кровавые пузыри. И пусть глаза его уже подернулись пеленой, тем не менее он был жив и прожил бы, наверное, еще минуты две или три. Но палач не собирался продлевать ему жизнь на этот срок – безмерно короткий для живого, но весьма щедрый для умирающего.

– Она судит всех, – сквозь кашель из последних сил прохрипел Назар, когда ему на лицо упала тень убийцы. – Потому что здесь нет... невиновных... И тебя, тварь... она тоже осудит... Скоро... Уже скоро...

И умолк навеки, стукнувшись простреленной в упор головой об асфальт. Лужа крови, вытекающей из развороченного затылка капитана, начала разливаться вокруг его головы, словно зловещий багровый нимб. Самый что ни на есть подходящий нимб для искупившего свою вину грешника.

– «Помеха» устранена, – пробормотал Кальтер, как делал это всегда, когда исполнял возложенный на него приказ. Тоже своего рода традиция, закрепившаяся за майором чуть ли не с первой его боевой командировки. Этакое «аминь», подводящее черту под очередным этапом работы. К сожалению, пока не финальным. Задание интродера заканчивалось лишь по возвращении его к пенатам Ведомства, давным-давно ставшего для Кальтера родным домом. Другого дома, куда майора тянуло бы после долгого отсутствия на родине, у него не было.

Интродер был твердо уверен, что такие, как он, не должны заводить семью, поскольку вряд ли из этого вышло бы что-нибудь хорошее. Кальтер был и оставался одним из лучших «мизантропов» во многом благодаря тому, что никогда ни к кому не привязывался. На войне, в которой он участвовал вот уже два десятилетия, семья служила первейшей мишенью для вражеского удара. Вопреки расхожему мнению, надежным тылом для интродера было не наличие семьи, а отсутствие таковой – сильнейшее подспорье для солдата теневых войн. Враг не мог подобраться к Кальтеру с тыла, и потому, находясь в длительной зарубежной командировке, «мизантроп» был спокоен, как скала. Он полностью концентрировался на работе и не думал об отвлеченных вещах тогда, когда любая несвоевременная мысль могла стоить ему жизни.

«Помеха» была устранена, но уходить из «Агропрома» Кальтер пока не собирался. Стратег предвидел, что весть о нападении на участников нелегальной сделки дойдет (если уже не дошла) до командира Шестого батальона – ставленника Сердобольцева – раньше всех и люди подполковника Пушкаря придут сюда быстрее особистов и готовых сопровождать их в Зону оперативников Ведомства. После чего можно будет напрочь забыть о каких-либо доказательствах причастности Чупренко и его покровителей к продаже украденного ПРК. Поэтому единственным вариантом добыть компрометирующие банду Сердобольцева улики было поручить их сбор непосредственно Кальтеру.

О возвращении «Пурги-Д» речь, понятное дело, не шла. Даже отбей майор у противника неповрежденный грузовик, интродер ни за что не провез бы ракетную установку через Свалку, в объезд аномалий, бандитов и высланных на экстренный перехват груза солдат Пушкаря. Сбор необходимых доказательств должен был пройти на порядок быстрее и проще. Кальтеру

предписывалось всего лишь извлечь из «Пурги-Д» модуль с центральным микрочипом трансформации, так называемым ЦМТ – главной деталью секретного ПРК, без которой он являл собой всего-навсего бесполезную грудку железа. Затем следовало вытащить из каждой ракеты не менее ценный микрочип-спутник, а после уничтожить ракетный комплекс мощным взрывным зарядом. Технологию демонтажа майор успел отработать на лабораторном прототипе этого оружия и мог вынимать из него нужные детали хоть с закрытыми глазами. Однако, даже пройдя подготовку, интродер тратил на извлечение электронной начинки не менее четверти часа, так что у него не было в запасе и минуты на передышку.

Покончив с Чупренко, Кальтер со всех ног бросился к КПП – туда, где горел подбитый майором грузовик «псевдоученых». Взрыв бензобака сорвал с автомобильной рамы кузов и перевернул его, отчего термоустойчивые контейнеры, прорвав горелый тент, в беспорядке вывалились на дорогу. Возиться с ними вблизи догорающего грузовика было невыносимо жарко. И интродеру пришлось сначала оттащить тяжелые ящики на безопасное расстояние, к шлагбауму, и только потом вскрывать их и приступать к делу. Больше всего хлопот доставил контейнер с самим ПРК, весу в коем было не менее центнера. Пришлось буксировать груз посредством двух связанных вместе ремней, снятых с автоматов убитых солдат. Каждая из четырех ракет была упакована в отдельный ящик из-под сейсмических датчиков и весила гораздо меньше, но из-за неудобной тары их также пришлось тащить волоком. Эвакуировав последний контейнер, майор осмотрелся и все же позволил себе полуминутную передышку. Если бы не нестерпимая жара, по вине которой Кальтеру приходилось в прямом смысле суетиться как угорелому, эта трудоемкая работа не отняла бы у него столько сил.

О второстепенной «помехе» – покупателе – волею обстоятельств приходилось забыть. В идеале, конечно, следовало бы дождаться, когда вся банда соберется здесь в полном составе, и только потом наносить по ней удар. Но вряд ли покупатель прибыл бы на сделку без эскорта, так что никакой идеальной атаки у Кальтера не получилось бы. Он и без того рисковал, замахнувшись разом на уничтожение Чупренко и продавцов, охраняемых моторизованным взводом солдат. А примкну к ним вдобавок головорезы «Монолита», интродеру и вовсе противостояла бы небольшая армия. Прежде, когда майору доводилось заниматься чем-то подобным, он тратил на подготовку операции не одну ночь, а гораздо больше времени.

Сегодня Кальтеру и так несказанно повезло, особенно с выверенной до минуты ликвидацией дозорной группы Чупренко. Допусти майор даже малейшую оплошность, и Назар получил бы по рации сигнал тревоги, после чего затея интродера пошла бы коту под хвост. Но благодаря установленным ночью в казарме и на КПП миниатюрным подслушивающим устройствам Кальтер имел возможность следить за всеми ведущимися там разговорами. Поэтому и не проморгал последний сеанс радиосвязи старшего разведгруппы с командиром роты. А также выведал много другой полезной информации касательно намечающегося в «Агропроме» мероприятия. Предвкушая щедрый куш и будучи уверенными, что никто из них не стучит особистам, дозорные трепались между собой обо всем, о чем сроду не стали бы говорить в открытую за пределами Зоны. К утру Кальтер был уже в курсе, сколько продавцов пожалует на сделку и какие силы будут их сопровождать.

О покупателе дозорным было известно не больше, чем Сидоровичу: сектанты «Монолита», планирующие установить «Пургу-Д» на трофейный вертолет и нанести из секретного ПРК удар по Небесному Пауку. Также независимо друг от друга чупренцы и кордонный торговец сходились во мнении, почему секта питала к Пауку столь жгучую ненависть. Торчащая над Рыжим Лесом загадочная агрессивная цитадель была для хозяина тех территорий «Монолита» будто бельмо в глазу. Но основная проблема – Паук не позволял сектантам приблизиться к радиолокационной станции, что занимала господствующую высоту и являлась для «Монолита» стратегически важным объектом. Именно на базе РЛС секта некогда соорудила тот самый «выжигатель мозгов» – источник вредоносного пси-излучения, что не позволял сталкерам из других кланов приближаться к Рыжему Лесу и намертво перекрывал им все подходы к Припяти и Чернобылю.

Три недели назад, накануне уже ставшего историей грандиозного штурма ЧАЭС, некий героический сталкер (Кальтер подозревал, что Сидоровичу известно имя того героя, но по каким-то соображениям старик его замалчивает) прорвался на радиолокационную станцию и

отключил «выжигатель». Чем, собственно говоря, и спровоцировал хлынувшую на Припять волну сталкеров, коим больше ничто не препятствовало заняться поисками легендарного «Исполнителя Желаний». Штурм Саркофага захлебнулся, монолитовцы выстояли и решили снова изгнать со своей территории чужаков. Однако не тут-то было. Возникший откуда ни возьмись над Рыжим Лесом Небесный Паук не позволял сектантам приблизиться к РЛС и заняться восстановлением их психотропного оружия. За что и обрек себя на уничтожение другим оружием – заказанным сектой из-за Кордона новейшим ПРК «Пурга-Д».

Майор извлек из кармана «разгрузки» универсальный складной инструмент и приступил к работе. До прибытия военных оставалось минут тридцать-сорок. Вряд ли подполковник Пушкарь проводил сегодня над своим сектором Зоны вертолетное патрулирование. Среди вертолетчиков могли оказаться агенты особистов, которые имели возможность следить с воздуха за «Агропромом» и группой Чупренко. Поэтому командир Шестого батальона наверняка запретил в это утро все полеты над вверенной ему территорией. И теперь, по срабатывании сигнала тревоги, винтокрылая машина должна была добираться до НИИ с гарнизонного аэродрома, на что, естественно, требовалось больше времени, нежели барражируй она сейчас где-то над Зоной. Согласно добытым Кальтером ночью сведениям, покупатели тоже должны были объявиться здесь в ближайшие полчаса. Но после того, как над «Агропромом» взвились столбы черного дыма, делегация сектантов, скорее всего, уже не сунется в институт и постарается в кратчайший срок покинуть опасную территорию.

Так думал Кальтер, извлекая из технического отсека «Пурги-Д» необходимый компонент. Четыре с половиной минуты – рекорд майора, который он установил на демонтаже платы ЦМТ во время тренировки. Вопреки завету великого полководца Суворова, заниматься этой работой в бою оказалось ничуть не легче, чем на учениях. Но все же извлечь электронный модуль, уложившись в пять минут, интродеру удалось.

Упаковав маленькую, не превышающую размерами тысячерублевую купюру, деталь в специальный карманный контейнер, Кальтер без промедления приступил к вскрытию блока управления первой ракеты. Но в этот момент до майора донесся шум вертолетных винтов. Замерев и наострив уши, майор понял, что невидимый из-за деревьев вертолет приближается, причем достаточно быстро. Значит, прогнозы насчет отсутствия сегодня в небе авиапатрулей не оправдались. Похоже, один из них все-таки кружил над Свалкой или Темной Долиной и, услышав сигнал тревоги от уцелевших чупренцев, тут же прибыл на место отгремевшего боя.

Времени снимать ракетные микрочипы-сателлиты у майора уже не было. Оставался один выход: по-быстрому заложить в корпус установки и на каждую из ракет по радиоуправляемой мине и ретироваться по проверенной Чупренко асфальтовой дороге; только она позволяла Кальтеру удирать что есть духу, без опасения вляпаться в аномалию. А затем, когда интродер отбежит на безопасное для подрыва расстояние, он свернет в тополиную рощу, юркнет в кусты и активирует радиодетонаторы. Даже если вертолетчики заметят с воздуха чужака и решат выбросить на форпост десантную группу, предотвратить уничтожение ПРК они уже не сумеют.

Установка компактной, но разрушительной мины «Геенна» обычно занимает немного времени. Но поскольку Кальтеру пришлось устанавливать весь свой минный боезапас, майор так или иначе не успел скрыться от вертолета до того, как тот нарисовался над исследовательским центром. Когда интродер наконец заметил врага, грозный «Ми-24» снизился и шел по-над верхушками тополей, рассекая воздух размашистыми лопастями. Промчавшись в полусотне метров над головой майора и сгоревшей автоколонной, вертолет сбросил скорость и завис над разгромленными топливными резервуарами. А потом развернулся и полетел обратным курсом, только теперь двигаясь на самой малой скорости.

Кальтеру оставалось подготовить всего одну мину, когда экипаж «Ми-24» заметил разложенную на асфальте ракетную установку и копошащегося возле нее человека, чье обмундирование не походило на стандартный армейский комбинезон. Майор решил было бросить все и метнуться в поисках укрытия, поскольку не сомневался – пилот откроет огонь из пулемета, не разбираясь, в кого стреляет: в устроителя бойни или обычного сталкера-мародера. Однако размещенная на носовой турели вертолета скорострельная пушка так и не заговорила. Вместо этого винтокрылый «танк» развернулся к интродеру левым бортом, после чего десантный люк на нем распахнулся и позволил высунуться наружу стрелку со снайперской

винтовкой, оснащенной лазерным целеуказателем.

Пока «Ми-24» маневрировал, Кальтер пристроил последнюю мину к последней ракете, и когда вражеский снайпер открыл по нему огонь, майор уже находился за стопой железобетонных плит, что совсем недавно служила укрытием для чупренцев. Укрытие это располагалось возле заминированной «Пурги-Д» и давало интрuderу защиту не только от пуль снайпера, но и от пулеметного огня. Кальтер живо смекнул, что экипаж вертолета в курсе, какое устройство лежит неподалеку от догорающего грузовика. Поэтому пилоты и отказались накрывать это место свинцовым шквалом, предпочтя ему точный снайперский огонь по одиночной цели.

Осведомленность противника о ценности разложенного на асфальте груза давала майору преимущество, но, увы, недолгое. Рассиживаться рядом с подготовленным ко взрыву ПРК было некогда. Тем более что, пользуясь снайперским прикрытием, со снизившегося вертолета уже высаживался десант: семеро бойцов спускались поочередно по сброшенным из люка двум фалам.

Кумулятивных ракет для подствольника у Кальтера больше не осталось, а перезаряжать винтовку бронебойно-зажигательными пулями и расстреливать «Ми-24» было попросту некогда. Вражеская семерка уже находилась на земле и двигалась к диверсанту перебежками от укрытия к укрытию. Майору требовалось срочно уносить ноги и активировать детонаторы – только так он мог избежать нежелательной для него перестрелки.

Снайпер продолжал удерживать интрудера за плитами, всаживая в них пулю за пулей, а пилот вертолета, сбросив десант, взялся неторопливо облетать стопу плит, вынуждая Кальтера перемещаться вокруг укрытия и в итоге подставиться под огонь окружающей его пехоты. Расклад был хуже некуда, и майор решил действовать, пока враги окончательно не загнали его в угол.

Едва очередная снайперская пуля чиркнула по бетону, Кальтер швырнул подвернувшийся под руку кирпич в высокую траву, что росла рядом с плитами и куда планомерно выгоняли жертву вертолетчики. В следующий миг туда же ударило несколько пуль. Стрелок оперативно среагировал на подозрительное шевеление, полагая, что у противника сдали нервы и он кинулся к новому убежищу.

А вот на настоящую цель снайпер среагировать не успел. Швырнув приманку, интрuder моментально выкатился из-за плит с другой стороны с «ВМК» на изготовку и взял на мушку вертолет. Красная точка вражеского прицела метнулась к лежащему на спине Кальтеру тогда, когда он уже дважды спустил курок. Лазерный луч целеуказателя полоснул по майору и ушел в сторону, а снайпер отлетел внутрь кабины, выставив майору на обозрение лишь подошвы своих ботинок.

И вновь Кальтеру пришлось отринуть принцип «Не спеши и осмотришься». «Ми-24» завис над дорогой, позволяя майору пробежать под ним и выскочить из ворот без опаски получить в спину пулеметную очередь. Но затем, когда пилот развернет машину и прицелится, беглецу придется срочно рвануть под защиту деревьев и активировать детонатор. А иначе вертолетчики не поспеют пустить вдогонку интрuderу ракету – кто знает, насколько они осерчали при виде распластанных на асфальте тел павших товарищей.

А впрочем, товарищей ли? Что-то здесь явно не так. И убитый Кальтером снайпер, и спустившиеся по фалам десантники не походили на военных сталкеров, за которых поначалу их принял интрuder. Обмундирование противников не напоминало штатное армейское, а их штурмовые винтовки, выстрелы коих уже слышал «мизантроп», являлись довольно современными германскими моделями. В то время как вертолет, без сомнений, принадлежал одной из воинских частей нашего миротворческого контингента – вон и номер на борту имеется.

Не иначе, это и есть покупатели, на чье появление Кальтер уже не рассчитывал. «Монолит»! Зловещая военизированная секта, которая умудрилась при недавнем штурме Саркофага отбить у вояк вертолет, а сегодня обнаглела настолько, что осмелилась прилететь на нем прямо на армейскую базу за товаром. Исходя из ночных разговоров дозорных, они об этом не знали, а следовательно, появление монолитовцев на «Ми-24» должно было стать для Чупренко неприятным сюрпризом. Да что там – практически плевком в лицо, который капитан,

опасаясь сорвать сделку, и утереть не мог. Поэтому Назару в какой-то степени даже повезло, что он не дожидаясь визита вконец распоясавшихся покупателей-сектантов.

Но, если рассуждать по существу, на чем еще, кроме вертолета, «Монолиту» везти груз через не контролируемые сектой Свалку и Дикие Земли? Сектанты тоже наверняка догадались, что сегодня утром в этом районе не будет ни одного авиапатруля. Поэтому и дерзнули выгнать свой трофей из ангара и, подделав бортовой номер, совершить воздушную прогулку до «Агропрома». Не исключено, что намеревались сразу же навесить ПРК на оружейную консоль и прямо отсюда лететь обстреливать Небесного Паука. И монолитовцы до сих пор четко придерживаются своего плана, не теряя надежды заполучить «Пургу-Д», хотя и видят, какая беда приключилась с продавцами. Воистину, лишь фанатики способны на такое самоубийственное упрямство.

Воспользовавшись заминкой пилота, Кальтер рывком пронесся в клубах пыли под брюхом «Ми-24» и выскочил в открытые ворота форпоста. Вслед майору засвистели пули десантников. Но поскольку те поздно заметили, что снайпер погиб и жертва вырвалась из окружения, то и выстрелы их были сделаны второпях, навскидку. А петляющий зигзагами интродер выбежал на дорогу и рванул по ней, приняв к обочине, дабы его и монолитовцев разделяла бетонная будка КПП.

Синхронный взрыв пяти «Геенн» должен был уничтожить все живое в радиусе сотни метров и, в случае удачи, вдобавок зацепить вертолет. Кальтер сильно рисковал, находясь при подрыве мин так близко от места их закладки. Но идущая вдоль дороги канава могла послужить неплохим укрытием от ударной волны и обломков бетона. Интродеру оставалось лишь плюхнуться в кювет и нажать кнопку пульта радиодетонаторов.

Прежде чем нырнуть в канаву, интродер оглянулся, решив напоследок убедиться, что все идет как задумано. Враги были там, где Кальтер и рассчитывал: семеро сектантов приближались к заминированной «Пурге-Д», а вертолет закончил разворот и нацелил пушку на дорогу. Однако в этот момент у ворот форпоста случилось еще кое-что, не ускользнувшее от внимания «мизантропа».

Из десантного вертолетного люка, откуда по Кальтеру вел огонь снайпер, вылетел непонятный округлый предмет величиной с двухпудовую гирю, мерцающий красным светом, словно автомобильный стоп-сигнал. Грохнись выброшенная вертолетчиками шутовина на асфальт, и вряд ли майор сумел бы ее как следует рассмотреть. Но она, вопреки всякой логике, повисла в воздухе, на высоте трех метров от земли, и сразу же начала испускать полупрозрачные радиальные волны. Они искажали пространство и походили на быстро надувающиеся и тут же лопающиеся мыльные пузыри размером с один из тех резервуаров, что были разнесены в клочья пулеметчиками БТРов. Возможно, при этом странный предмет издавал какие-нибудь звуки, но расслышать их из-за вертолетного шума было нереально.

Кальтер понятия не имел, что за крупный и наверняка весьма ценный артефакт – а это бесспорно был он – вышвырнули с вертолета сектанты. Однако зачем они это сделали, диверсант понял, когда попытался активировать детонаторы и обнаружил, что те не сработали. Майор повторил попытку еще несколько раз. Бесполезно. Ни одна из «Геенн» не желала взрываться, чего на памяти «мизантропа» не случалось еще никогда. Да и сегодня грешить на неполадки ведомственного оборудования было не резон. Просто сотрудники технической лаборатории Ведомства не сумели обеспечить свой продукт защитой от аномальных помех. Их, судя по всему, и ставил между источником и приемником радиосигнала артефакт сектантов. Он надежно экранировал участок с заминированным оборудованием, не позволяя взорваться детонаторам, сколько ни давил майор на пусковую кнопку дистанционного пульта.

Монолитовцы правильно догадались, зачем Кальтер крутился возле ракетной установки и почему он не обратился в бегство при первых же звуках приближения вертолета. Сектанты отлично разбирались в свойствах артефактов и быстро нашли способ пресечь готовящуюся диверсию. Вероятно, использованный покупателями артефакт был взят из партии ценного груза, которым они собирались расплатиться с поставщиками оружия. Трудно поверить, что этот громоздкий установщик радиопомех входил в штатное снаряжение путешественников по Зоне сталкеров «Монолита».

Миссию Кальтера в Зоне постигла первая ощутимая неудача. Нет, не провал, потому что

основную часть работы он все-таки сделал. В своем нынешнем состоянии «Пурга-Д» и ее ракеты представляли собой дорогостоящий, но небоеспособный хлам. Стрелять из ПРК без модуля ЦМТ было невозможно, но четыре уцелевших микрочипа-сателлита могли быть проданы на черном рынке за баснословные деньги. Не имеющее аналогов высокотехнологичное оборудование разлетелось бы с прилавка, как горячие пирожки. Поэтому Стратег и настаивал либо на возвращении уникальной электронной начинки «Пурги-Д», либо на ее полном уничтожении. Без иных вариантов. На деле же вышло так, что Кальтер захватил только одну половину стратегического груза, оставив вторую не ко времени прибывшим покупателям.

А они тем временем не собирались отпускать майора восвояси. Отиравшийся возле «Пурги-Д» подозрительный сталкер не зря вскрыл блок управления ПРК, прежде чем заминировать его. Как долго до этого диверсант провозился с ним и сколько ценной электроники успел похитить, сектанты могли лишь догадываться. В одном они были уверены наверняка: в том, что, подарив врагу жизнь, они допустят непоправимую ошибку.

«Ми-24» шарахнул из скорострельной пушки по дороге, вздыбив асфальт неподалеку от того места, где только что прятался Кальтер. И хотя майор уже выбрался из кювета и двигался в направлении роши, он отметил, что вертолетчик явно не ошибся с прицелом, поскольку не ставил перед собой задачу прикончить беглеца. Все, что требовалось пилоту, это спугнуть его, заставив выскочить из канавы и показаться на глаза преследователям. Стреляя в него из бортового орудия, сектанты могли уничтожить вместе с диверсантом украденные им детали ракетного комплекса. И потому, как бы ни хотелось монолитовцам побыстрее разделаться с врагом, обстоятельства вынуждали их действовать аккуратно и без поддержки с воздуха.

Этой короткой психической атакой участие «Ми-24» в охоте на беглеца и ограничилось. Одному из сектантов – видимо, сведущему в саперном ремесле, – пришлось тоже отстать от товарищей, дабы заняться разминированием ПРК и погрузкой его на борт вертолета при помощи пилотов, которые вознамерились посадить винтокрылую машину во двор перед главным корпусом. За это время остальным монолитовцам предстояло изловить интродера живым или мертвым и отобрать у него все, что он успел похитить.

Растянувшись в цепь, шестерка сектантов последовала за Кальтером в тополиную рощу, превратившуюся за четверть века из некогда облагороженного парка в натуральный лес. Вибрирующий датчик извещал, что роща кишит всевозможными аномалиями. Первый же брошенный майором болт рассекретил сразу три «Жарки», притаившиеся в ближайших кустах. Тройной столп огня взмыл вверх подобно пробудившемуся вулкану, превращая кусты в угли, но, к счастью, не задевая окрестные деревья. «Жарки» были явно свежими и возникли здесь после вчерашнего выброса. Более старые и уже не раз вспыхивающие очаги огненных аномалий определялись по выжженному пространству вокруг них.

Не успело пламя растревоженных «Жарок» уняться, как позади Кальтера заговорили автоматы преследователей, получивших отличную наводку на цель. Пули застучали по стволам деревьев и по земле, взрыхляя сырой дерн справа и слева от притаившегося за тополем интродера. Одна из очередей угодила в пульсирующего неподалеку от огнеопасных аномалий их собрата-«Трамплина». Сработав вхолостую, тот громко хлопнул, раздраженно разметал вокруг себя сухую листву и затаился в ожидании более достойной жертвы, чем несколько кусочков летящего свинца.

Кальтер обогнул выгоревшие кусты, рассекреченный «Трамплин» и вновь остановился, опасаясь бежать на авось, без предварительного зондирования местности. Но перед тем как швырнуть болт, интродер осторожно высунулся из-за тополиного ствола и вскинул «ВМК», намереваясь изловить на выстрел кого-нибудь из палящих вслепую врагов. Или двух, если повезет. Они же, в отличие от майора, двигались по лесу гораздо увереннее – не суматошными перебежками, а в неторопливом, но безостановочном темпе, успевая одновременно вести огонь, замечать аномалии и обходить их. Трижды фигуры сектантов мелькали между деревьями и только в четвертый раз Кальтер сумел взять одного из них на мушку.

Однако не успел интродер спустить курок, как вдруг его цель с грохотом взлетела в воздух, разорвавшись на две неравные части. Вместе с монолитовцем и его оторванной ногой вверх также взмыли комья земли и опавшая листва. Лишенное ноги тело кувыркнулось в воздухе, ударились о сук ближайшего дерева и, будто сорвавшийся с турника гимнаст, мешком

брякнулось оземь. Брызжащая кровью конечность сектанта приземлилась чуть поодаль.

Майор был знаком далеко не со всеми здешними аномалиями. Но ту, в которую угораздило вляпаться преследователю, Кальтер знал превосходно, поскольку не однажды сталкивался с ней и за пределами Зоны. Противопехотная мина! Коварная тварь, унесшая за весь предолгий срок своего существования столько человеческих жизней, что в сравнении с ней Зона выглядела просто невинным младенцем. Интродер догадывался, что военные обнесли свой форпост минными заграждениями. Но отсутствие предупредительных знаков, что в обязательном порядке были расставлены вокруг минных полей по периметру Зоны, ввело интродера в заблуждение. И только сейчас до него дошло, почему он не видит в округе ни одной таблички «Осторожно – мины!».

На внешней границе Кордона подобные знаки должны были в первую очередь отваживать желающих сунуть нос за проволочные ограждения. А во вторую – показывать отирающимся вокруг Зоны журналистам и международным инспекторам, что внутри огороженной периметром «горячей точки» соблюдаются все правовые нормы и конвенции. Здесь же, вдали от цивилизации и ее законов, минная война велась по одному-единственному правилу: «Моя мина, где хочу, там и ставлю!» Главное, самому про нее не забыть и товарищей предупредить, а на остальных – начхать. Будьте бдительны денно и ночью – проживете дольше.

Насколько бы ни был опытен наступивший на мину сталкер «Монолита», зарытый в лесу сюрприз от военных он проморгал. Впрочем, на месте этого несчастного мог оказаться и Кальтер. Это при обычном передвижении по вражеской территории интродер предельно сосредоточен и ступает при ходьбе так, что может в четырех случаях из пяти почувствовать, что находится у него под ногой, еще до того, как коснется ею земли. А при уходе от погони, когда необходимо сосредоточиваться на более животрепещущих вопросах, о технике мягкой ходьбы задумываешься отнюдь не в первую очередь. Но теперь, после того как выяснилось, что лес таит в себе не только аномалии, майор стал двигаться более осторожно. Равно как и преследователи. Увидев, что случилось с их товарищем, они тут же прекратили стрелять наобум и начали тщательнее смотреть себе под ноги.

Погоня сбавила обороты, но продолжала двигаться через усеянную ловушками территорию. Петлять по лесу, пытаясь замести следы, Кальтер даже не думал. Он и без того двигался, словно в лабиринте, постоянно рискуя оказаться в глухом тупике. Дважды он наткнулся на мины и три раза попадал болтами в невидимые аномалии, тревожа их зыбкий покой и неизменно выдавая тем самым свое местоположение. Как только это случалось, сектанты открывали по интродеру беспорядочную стрельбу, и ему приходилось отсиживаться за древесными стволами. Всякий раз после вражеского огня майор устраивал «обмен любезностями»: дожидался, пока в просветах между деревьями появится кто-либо из преследователей, и старался попасть в него до того, как тот опять скроется с глаз.

Результативность подобных контрмер была нулевой и не стоила потраченного на нее времени, за которое монолитовцы успевали подобраться к беглецу еще ближе. Двигались они тихо, поэтому нельзя было предугадать, где и когда среди серых тополей промелькнет серая вражеская фигура. Лишь однажды Кальтеру удалось подстрелить одного из сектантов, да и то не смертельно. Получив пулю в плечо, тот зарычал, будто раненый зверь, и не удостоил интродера даже коротким ругательством. Словно не люди преследовали Кальтера, а натуральные зомби. Не прилети они в «Агропром» на вертолете, майор именно так о них и подумал бы.

Во время последней стычки «мизантроп» отметил, что противник подобрался к нему совсем близко – на расстояние броска гранаты. Именно она и помогла Кальтеру определить расстояние, разделяющее его и врага. Прилетев откуда-то слева, вражеская граната упала аккуратно к подножию дерева, за которым притаился майор. А потом шарахнула так, что все ближайшие «Трамплины» взялись вторить ей дружными хлопками, а одна незнакомая интродеру аномалия, что маячила в воздухе облаком золотистого тумана, выдрала с корнем молодой тополь и переломила его пополам, словно пруттик.

Не заметь Кальтер брошенную в него гранату и не плюхнись ниц, заткнув уши, точно заработал бы контузию и через полминуты был бы пленен врагами без единого выстрела. Но не успели подброшенные взрывом комья земли опасть, а майор уже улепетывал дальше, на восток.

Скоро лес должен был кончиться, а на смену ему прийти большое, заросшее травой поле – то самое, которое раскинулось по бокам ведущей в исследовательский центр дороги. Главное, как можно скорее взбежать на какую-нибудь возвышенность и расстрелять с нее сектантов, едва они выйдут из леса. В чистом поле им не удастся остаться незамеченными. И тогда-то Кальтер продемонстрирует им, насколько быстро и метко умеют стрелять «мизантропы»...

Прогнозы майора оправдались: вскоре перед ним действительно забрезжил край леса. Однако добраться до вроде бы уже близкой опушки представлялось на первый взгляд совершенно невыполнимой задачей. Концентрация аномалий на окраине тополиной рощи была просто немыслимой. Десятки скелетов и не до конца разложившихся тел мутантов (людей среди них определенно не было – сталкеры точно не дерзнули бы ходить этой дорогой) валялись среди засохших деревьев, прозрачно намекая Кальтеру, что лучше бы ему возвращаться назад, пока не поздно. Майор замер ненадолго, прикидывая свои шансы, но засвистевшие у него над головой пули быстро помогли ему определиться с выбором. К тому же вроде бы в дебрях аномалий интродер разглядел-таки более или менее безопасный коридор. Конечно, он мог завести Кальтера и в тупик, но времени подыскивать альтернативный путь уже не было. Сектанты неминуемо приближались, и у майора оставалось около минуты, чтобы добраться до опушки. После чего попасть в него из автомата будет не сложнее, чем в ростовую мишень на стрельбище. Для таких стрелков, как сталкеры «Монолита», – вопрос одного-двух прицельных выстрелов.

Проход через усеянную аномалиями окраину леса начинался сразу за глубокой впадиной, похожей на воронку от разорвавшейся давным-давно авиабомбы. Возможно, это и впрямь была воронка – наследие войны, отгремевшей здесь семьдесят лет назад. Любопытно, что аномалии по неведомой причине избегали впадины, словно она являлась для них таким же источником вредоносной энергии, каким сами аномалии были для человека. Аномальные очаги наблюдались в изобилии вокруг воронки, но ее пологие склоны и дно оставались чистыми. Перед беглецом находился, пожалуй, самый крупный участок леса, на котором человек мог чувствовать себя в относительной безопасности.

Майор, естественно, в это не поверил, но брошенные им в воронку несколько болтов не вызвали никакого энергетического возмущения. Интродер не успокоился и выпустил для пущей гарантии туда же несколько пуль. Зона вновь не обиделась. Это слегка обнадежило Кальтера, и он, ступив на склон впадины, начал спускаться по устилающим ее сухим листьям.

Болтов в подаренном Сидоровичем мешочке оставалось совсем немного, и Кальтер решил подобрать те из них, которые он бросил в воронку. Благо привязанные к ним тряпичные ленточки позволяли без проблем отыскать болты в опавшей листве. Первый валялся на дне воронки, и чтобы поднять его, беглецу нужно было лишь наклониться. Но едва он подхватил с земли болт, как под ногами Кальтера что-то отчетливо хрустнуло, будто он ступил на тонкий лед. Или на...

Вот дьявол!

Майор рванулся вперед, намереваясь допрыгнуть до земляного склона. Но вместо того, чтобы подбросить в воздух тело, ноги Кальтера окончательно проломили находившуюся под ними непрочную точку опоры. Конечно, под ногами майора был не предательский лед, хотя в Зоне даже в разгар лета замерзшие лужи никого бы не удивили. Интродера угораздило ступить на дощатый настил, который его строители намеренно упрятали под тонким слоем дерна, а лиственный покров скрыл от беглеца все огрехи этой нехитрой маскировки. Хлипким и подгнившим от сырости доскам недоставало лишь небольшой нагрузки, чтобы обрушиться. Чем и послужил для них сейчас спустившийся в воронку человек.

Настил провалился под Кальтером с громким треском и настолько быстро, что майор и спохватиться не успел, как уже падал по узкому, двухметрового диаметра, колодцу. Его бетонные стены указывали на то, что интродер, слава богу, не угодил в специально вырытую «волчью яму». Но это обстоятельство слабо утешало летящего в неизвестность беглеца. Круг света у него над головой вмиг сузился до размеров монеты, а низвержение Кальтера во мрак все не кончалось.

Ухватиться внутри бетонной трубы было абсолютно не за что. И потому майор предпочел не суетиться, пытаясь остановить падение, а подготовиться к жесткому приземлению: свел

вместе слегка согнутые в коленях ноги, локти прижал к телу, а подборок – к груди. И вовремя. Как только интродер сгруппировался, он тут же врезался ногами в дно колодца...

...Так, по крайней мере, ему сначала показалось. Но Кальтер ошибся. Вместо ожидаемого удара о бетонное дно или, того хуже, нанизывания на прутья арматуры, – майор упал на грязную деревянную поверхность, которая в следующее мгновение опять ушла у него из-под ног. И «мизантроп» полетел дальше, надеясь, что следующая его остановка уж точно будет последней. Насколько глубокой ни была бы шахта, вряд ли она уходила глубже расположенных под лесом катакомб. Да и куда еще, кроме них, она могла вести?

Второй этап падения Кальтера в колодец выдался на порядок короче первого. Едва утратив контакт с непрочной поверхностью, майор через секунду вновь обрел его, и на сей раз окончательно. Крупный обломок дощатого настила – именно он застрял на выходе из шахты – грохнулся на пол из-под потолка мрачного подземного зала. О его размерах можно было судить лишь по гулкому эху, раздавшемуся вслед за ударом. Впрочем, упавшему на доски майору было не до таких подробностей. Перегородив колодец поперек, сломанный настил замедлил интродеру падение, но не настолько, чтобы оно выдалось безболезненным.

Отбив ноги, Кальтер постарался из последних сил сохранить координацию: упал на бок и совершил перекат через плечо, делая таким образом приземление менее травмоопасным. Возможно, все в итоге и обошлось бы, не окажись на пути майора не замеченного им в темноте невысокого парапета. Интродер треснулся о него головой так, что мрак в глазах беглеца взорвался тысячами разноцветных искр. Но Кальтер все же сумел закончить амортизирующий перекат и не отбил жизненно важные части тела.

Хотя и одного удара по темечку хватило с избытком. Майор не лишился сознания, но был почти на грани этого. В голове Кальтера помутилось, перед глазами продолжали плясать радужные кляксы, а в ушах стоял нескончаемый звон. Осыпавшись сверху щепками и комьями земли, интродер попытался встать на ноги, но его сразу же повело в сторону, и он снова расстелился на полу. Организм майора давал понять, что в таком состоянии ему нужно лежать и не шевелиться до тех пор, пока он опять не начнет полностью контролировать свое тело и разум. Однако сейчас Кальтер не собирался разлеживаться, потому что не мог позволить врагу застать себя врасплох.

Оружие! Когда майор летел вниз по шахте, «ВМК» находилась при нем, а сейчас его руки были пусты. Но винтовка не могла упасть далеко от обломков настила, так что найти ее не составит особых проблем.

Кальтер встал на четвереньки и включил «Ноктюрн». После чего тут же его выключил. Пользы от прибора ночного видения не было, наоборот, только голова еще больше закружилась. Хотя худо-бедно сориентироваться в пространстве майору все же удалось. Главным ориентиром для него служил столб света, падающий с потолка на куски рухнувшего сверху настила. Это означало, что колодец был не таким глубоким, как показалось интродеру при падении, – явно не глубже южного выхода из катакомб. Но свет, проникающий сюда сквозь дыру в потолке, все равно не позволял контуженному Кальтеру определить, проходил он уже по этому тоннелю или нет.

Винтовка и впрямь отыскалась довольно быстро. Она лежала возле груды ломаных досок, в паре шагов от майора. Но ему пришлось поднапрячься, чтобы дотянуться до оружия и потом удержать «ВМК» в одной руке. Другая все время служила Кальтеру опорой, поскольку ему было трудно устоять даже на четвереньках. Вновь стиснув пальцы на прикладе винтовки, он ощутил себя намного увереннее. Еще бы совладать с головокружением и этим отвратительным звоном в ушах, и интродер был бы в полном порядке.

Комья дерна и деревянные обломки уже не сыпались из колодца, поэтому майор сразу заметил, как сверху на груды хлама упали два одинаковых металлических предмета, напоминающие по форме крупные куриные яйца. Отскочив от досок, они звякнули о бетон и раскатились по полу в разные стороны.

Чертыхнувшись, Кальтер подскочил будто ужаленный и, зная, что контуженный он все равно далеко не убежит, просто перевалился через парапет, о который минуту назад шарахнулся головой. Кирпичная ограда перегораживала зал поперек и могла послужить укрытием от взрыва ручной гранаты. Так, по крайней мере, подумалось упавшему за парапет

майору.

Два гранатных разрыва прогрехотали в зале гораздо оглушительнее, чем это случилось бы на открытом пространстве. К тому же контузия лишила майора расторопности. Кое-как достигнув убежища, он, к несчастью, не успел заткнуть уши. После чего заполучил на свою многотрадальную голову новое потрясение. Прежний звон в ушах многократно усилился, и сквозь него до интродера не долетали уже никакие звуки.

Но как ни крути, а отделался он все-таки удачно. Контузия пройдет, надо только забиться в укромный уголок и отсидеться там какое-то время. Головная боль и тошнота помучают майора дольше (не исключено, что имеет место легкое сотрясение мозга), но у него в аптечке найдется парочка сильнодействующих препаратов, которые помогут ему игнорировать эти посттравматические эффекты. А вот лишись Кальтер сознания и останься валяться на обломках настила, сектанты точно добились бы своего, и сейчас интродер представлял бы собой истерзанный осколками труп. Короче говоря, повезло. Все могло сложиться гораздо хуже.

Сжимая винтовку в руках, майор перевернулся на спину и замер в этом положении, собираясь с силами перед тем, как подняться. Двухцветный мир, который состоял лишь из тьмы и одного-единственного светового пятна, все еще плыл у Кальтера перед глазами. Но мысли его уже обрели ясность, достаточную для того, чтобы связывать их в простейшие логические рассуждения.

Хотя о каких рассуждениях сейчас можно вести речь? Волею судьбы интродер вновь очутился в катакомбах. Сектанты сюда точно не сунутся. Во-первых, Кальтер не заметил у них при себе никакого верхолазного снаряжения. А во-вторых, даже если оно имеется в вертолете, у монолитовцев остается крайне мало времени до прибытия на форпост тревожного подразделения военных. Поэтому упустившим Кальтера охотникам остается лишь одно: бежать со всех ног обратно, грузить ПРК и сматываться с теми трофеями, какими сектанты успели поживиться на костях чупренцев. И уже потом, когда в «Агропроме» улягутся волнения, секта сможет отправить сюда тайком группу для поиска тела диверсанта и похищенных им деталей ракетного комплекса.

Ну а диверсанту лучше побыстрее вколоть себе анаболик и попробовать выбраться обратно на поверхность тем же путем, каким он сюда попал. В арсенале интродера помимо мини-лебедки имелась раскладная «кошка», что при необходимости заряжалась в подствольник и выстреливалась вместе с тросом на довольно приличную высоту. Иного пути покинуть катакомбы Кальтер сегодня не знал. После обрыва «обезьяньей тропы» коридор с аномалиями стал совершенно непроходимым, а железные двери у южного выхода были намертво заблокированы с обратной стороны. К тому же где-то в том краю шатался жуткий мутант-псионик, встречаться с которым майору теперь и подавно не хотелось...

Держась за парапет, Кальтер поднялся на ноги, после чего отпустил опору и попробовал самостоятельно удержаться на ногах. С трудом, но ему это удалось. Что ж, прогресс. Но без допинга все равно не обойтись. Для этого требуется извлечь из аптечки нужный шприц, вколоть его в плечо, а потом присесть на парапет и подождать пару минут, пока препарат подействует.

Кальтер потянулся в карман «разгрузки» за аптечным пеналом, но вмиг забыл о нем, поскольку в этот момент на интродера нахлынул такой порыв *чуждого* ветра, какой за двое суток в Зоне майор еще не испытывал. У едва оклемавшегося «мизантропа» перехватило дыхание и подкосились ноги, отчего он где стоял, там и рухнул на колени.

Пронизывающий до костей и вгоняющий в дрожь *чуждой* ветер дул навстречу Кальтеру с ураганной силой и превратил катакомбы в настоящую аэродинамическую трубу. Даже пребывая майор в хорошей физической форме, и то вряд ли он устоял бы на ногах в несущемся по тоннелям воздушном потоке. Ведущий наружу потолочный люк проливал свет лишь на малую толику того, что творилось сейчас в зале. По воздуху носились пыль и мелкий мусор, а в лицо интродеру то и дело били водяные брызги. Подземный ураган мчался по подвалам «Агропрома» с южного направления и наверняка вырывался из северного колодца, словно из реактивной турбины. А вот где зарождалось это дыхание подземелий, совершенно непонятно.

Что за аномалия устроила форсированную вентиляцию катакомб и аномалия ли вообще в этом виновата? Слух Кальтера оставлял пока желать лучшего, и потому он не мог слышать рев ветра в тоннелях. Какофония, которая пробивалась сквозь поразившую майора глухоту,

походила на множество известных ему шумов, вместе взятых. Вой, грохот, треск, яростные вопли, канонада далеких сражений... Все это смешалось воедино в шумовом хаосе, доносившемся до интродера вместе со стегающими его пылью и каплями влаги. Кальтер продолжал стоять на коленях и стучать зубами, но не от холода, а от всепроникающего инстинктивного страха, который он пытался безуспешно обуздать. Свирепый страх и железная воля «мизантропа» сцепились между собой не на жизнь, а на смерть, как два бойцовых пса, и на кого из них следует делать ставку, майор не имел ни малейшего понятия.

– Хабиб Ибн Зухайр! – внезапно донесся до интродера хриплый, с противным подсвистом, голос. Создавалось впечатление, что у говорившего надрезаны голосовые связки и продырявлены щеки. – Человек без прошлого думал, что он забыл имена мертвых, чьи крики ему доводилось слышать? Это не так. Мертвые живут в человеке без прошлого и продолжают кричать. Хабиб Ибн Зухайр тоже кричит. Громко. Намного громче остальных мертвых. И сейчас человек без прошлого снова услышит его крик!

– Кто ты, мать твою?! – скрипнув зубами, спросил Кальтер, едва расслышав собственный вопрос. И только потом сообразил, что не может слышать сейчас чей бы то ни было голос, даже склонись говоривший к самому уху майора. Но тем не менее речь невидимки звучала пусть приглушенно, но вполне разборчиво.

Опять происки контролера, только теперь эта тварь, похоже, сумела подобраться к Кальтеру на близкое расстояние. Неудивительно, что контуженный майор так легко подпустил к себе мутанта-псионика. Хоть ори контролер, как орал вчера вечером, играя с интродером в догонялки, хоть молчи как рыба, Кальтер все равно не расслышал бы приближение мутанта.

Однако, вступив в ментальный контакт с человеком, этот контролер вел себя весьма странно. Он не превращал жертву в свою безропотную марионетку и не выжигал ей мозги (или, если быть точным, не торопился с этим). Мутант-псионик вновь взялся баламутить ил в омуте забвения, который представляла собой память интродера. Майора предупреждали, что контролеры – самые коварные и непредсказуемые порождения Зоны. Однако Кальтер и представить себе не мог, какие причудливые формы способно принимать их коварство.

В ответ на вопрос майора контролер закричал. Только крик этот издавала не глотка мутанта, а его всепроникающий разум, который обстреливал телепатическими волнами и выжимал, как губку, мозг Кальтера. Но самое страшное крылось в другом. Ментальный вопль псионика послужил лишь детонатором, от активации которого в сознании интродера начало твориться нечто невообразимое. Не успел он схватиться за, казалось, едва не лопнувшую голову, как в ней грянул такой душераздирающий ор, какой, наверное, не способны издать даже тысяча человек, запертых в горящем доме. И крики эти принадлежали уже не контролеру, а Кальтеру. По сути, это он орал сейчас на тысячи голосов, заглушая все на свете, хотя вряд ли кто-то еще, кроме мутанта и самого майора, мог слышать какофонию, бушующую в голове последнего.

А затем показался сам злоедей телепат. Выйдя из мрака под падающий из колодца луч света, контролер остановился в этом ярком ореоле с воздетыми к потолку руками, подобно святому, купающемуся в потоках божественной благодати. Вот только вид у мутанта был отнюдь не иконописный. Закутанный в грязную и рваную плащ-палатку человекообразный монстр не мог быть принят за человека лишь из-за своей гипертрофированно уродливой головы – вместилища единственного оружия этого мутанта – его убийственного супермозга. Покрытый бугристыми наростами лысый череп и наполненные вселенской тоской огромные глаза придавали контролеру отталкивающий, но вместе с тем немного трогательный вид. Во взгляде псионика не было кровожадной ярости, какой пылали глаза кровососов. Сам же он выглядел вовсе не злым, а беспредельно измученным и вконец усталым. Не знай Кальтер, кто стоит перед ним, он бы удивился, почему это медлительное печальное существо считается опаснейшим из мутантов, которого бояться как огня не только сталкеры, но и вооруженные до зубов военные.

Однако майора не мог ввести в заблуждение безобидный облик контролера. То, что тот вытворял с психикой Кальтера, было намного хуже атаки кровососов, ибо последние бились с жертвой практически на равных: силой и хитростью. Для честного боя с псиоником у интродера не было оружия. А монстр все продолжал терзать сознание человека, будто треплющая ветошь игривая собака. Многоголосый хор воплей в голове Кальтера не смолкал ни

на секунду. Он не мог сосредоточиться ни на одной, даже простенькой мысли, не говоря уж о том, чтобы предпринять какие-либо действия в свою защиту. Контролер словно вонзил в мозг интродера нагревательную спираль и не собирался вынимать ее оттуда, пока содержимое черепной коробки жертвы не выкипит без остатка.

– Кричи, Хабиб Ибн Зухайр! – прошипел на фоне нескончаемой какофонии все тот же мерзкий голос. Он как будто был наложен поверх безумного шума, что и позволяло разобрать каждое произнесенное контролером слово. – Кричи, мальчик! Как же долго ты не мог докричаться до человека без прошлого! Но сегодня он тебя услышал, будь уверен! А также многих других, с кем тебе приходилось годами кричать в пустоту...

Трудно поверить, что контролер предвидел дальнейшее развитие событий. Все указывало на то, что псионик допустил фатальную ошибку, ведь в противном случае приходилось признать очевидный факт: мутант и впрямь невыносимо страдал и намеренно позволил жертве покончить с собой. Однако существовала и третья версия: контролер являлся лишь пешкой в чьих-то более могучих руках, и этот игрок решил пожертвовать отыгравшей свое фигурой. Но кто вообще мог контролировать контролера? Разве только Зона, что направила его к Кальтеру тем ураганным порывом *чужого* ветра. И в голове интродера, стало быть, хозяйничала тоже она. Или все-таки причина крылась в обычной ошибке, от которой, как выяснилось, не застрахованы даже высшие разумные мутанты?

Продолжай псионик и дальше изгаляться над Кальтером, неизвестно, сколько бы еще издевательств выдержал майор, прежде чем окончательно сошел с ума. Но как только в рвущиеся из подсознания майора крики вклинился знакомый ему мерзкий голос, это вынудило интродера сосредоточиться на смысле услышанного и вывело Кальтера из ступора. Бессмысленные крики наполняли ему голову такой же бессмысленной аморфной субстанцией. Но первое же отчетливое слово, дошедшее до сознания майора, заставило его вспомнить, где он находится и, самое главное, кто сейчас стоит перед ним. Заговорив с жертвой, контролер не ослабил ее мучения, но вернул к реальности. После чего интродер мгновенно включился в борьбу и со своей предательской немощью, и с вызвавшим ее врагом.

Не успел псионик закончить свое обращение к почти десять лет как мертвому Хабибу Ибн Зухайру, а Кальтер уже целился в мутанта из «ВМК». Руки майора ходили ходуном, но силы удержать оружие в них нашлись. Расстояние до врага было небольшим, и майор не промахнулся бы, даже не глядя. А контролер, похоже, и не собирался уклоняться, хотя отчетливо видел направленную на него винтовку. Он так и продолжал стоять, воздев руки к свету, и взирать на Кальтера огромными тоскливыми глазами...

Вывавшийся из подствольника заряд крупной картечи начисто отстрелил мутанту голову, превратив ее в фонтан кровавых ошметков. Могучий мозг псионика, способного повелевать в Зоне всеми, был разнесен в клочья горстью свинцовой дроби, а укутанное в плащ-палатку тело просто шагнуло назад и вышло из луча света, словно растворилось в воздухе. К счастью, это была только иллюзия. Обезглавленный контролер никуда не исчез и не убежал, хотя вряд ли бы интродер удивился, отчебучь мертвый враг нечто подобное. Но он всего-навсего отшатнулся и грохнулся навзничь, а потом замер без движения, как и все мутанты, коих прикончил до него Кальтер.

А майор уже стоял на коленях, содрогаясь от жутких спазмов рвоты, выворачивающей его наизнанку подобно той знаменитой аномалии, которая проделывает такое с человеком в буквальном смысле. Из носа майора текла кровь, а из глаз – обильные слезы, будто кто-то брызнул ему в лицо ударную дозу слезоточивого газа. В придачу к этому Кальтера колотил жуткий озноб. Казалось, к каждой мышце его тела подсоединен электрод, а на каждом электроде имеется собственный прерыватель – настолько хаотично и вразнобой сокращались мышцы интродера. Чувствовал он себя при этом, пожалуй, ничуть не лучше контролера в последний миг его жизни. Голова у майора раскалывалась с такой силой, будто ее тоже разрывала картечь, только в режиме очень замедленного времени.

А затем, едва «мизантроп» уселся на парапет, чтобы прийти в себя, умыться и прополоскать рот, сознание все-таки оставило майора, и он, закатив глаза, рухнул на пол. Озноб продолжал трясти Кальтера, но с каждой минутой утихал, пока наконец не перешел в редкие единичные конвульсии. Бесчувственный майор дышал редко, словно коматозник, и при каждом

выдохе у него из горла вылетали отрывистые хрипы.

Если бы в этот момент кто-нибудь из сталкеров следил за майором и прислушался к издаваемым им звукам, он понял бы, что на самом деле это вовсе не хрипы, а повторяемое вновь и вновь короткое двусложное слово. А вот что оно означает, удалось бы догадаться уже не всякому сталкеру. Лишь единицы узнали бы вылетающее из уст Кальтера экзотическое для здешних мест восточное имя. И уж точно никто из сталкеров не сумел бы объяснить, почему майор твердит это имя в горячечном бреде.

Хабиб... Хабиб... Хабиб...

Глава 7

Полковнику Петренко, заместителю генерала Воронина, командира группировки «Долг», весь вчерашний день и сегодняшнее утро не давала покоя одна новость, облетевшая по сталкерской сети всю Зону. Нет, замком («замкомдолг» – так называли его в шутку за глаза подчиненные) вовсе не утратил из-за этой новости покой и сон. Однако не проходило и часа, чтобы Петренко не возвращался думами к случившейся позавчера на «Агропроме» бойне. Мыслимое ли дело – гибель целого моторизованного взвода солдат! Причем не от когтей взбесившихся мутантов или иных превратностей Зоны, что было бы еще не так удивительно. Вояки погибли от рук каких-то отморозков, устроивших на них засаду прямо в известном на всю Зону форпосте миротворцев! К тому же эти отморозки якобы еще взорвали в придачу три БТРа и один армейский грузовик. Лихие бродяги, ничего не скажешь.

Сеть кишела слухами и терялась в догадках касательно произошедшего. По почти единодушному мнению всех здешних «политических аналитиков», нападение на патруль военных было лишено всякого смысла. Вряд ли победивший их при недавнем штурме Саркофага «Монолит» дерзнул провести карательный рейд по глубоким тылам противника. Вот если бы три недели назад военные надрали задницы монолитовцам, тогда еще понятно – сектанты вполне могли бы устроить армейцам вендетту. Но поскольку это именно миротворцы бежали от ЧАЭС, поджав хвосты и растеряв технику, то и мстить, по логике, должны были они. Да и разгромив военных на их базе, «Монолит» наверняка сразу взял бы на себя ответственность за эту акцию. Но секта до сих пор упрямо хранила молчание.

«Долг» из списка подозреваемых вычеркивался автоматически: клан Воронина и военные всегда соблюдали негласное, но твердое перемирие. Цели миротворцев и альтруистов-долговцев были во многом схожи, а конфликты меж ними случались редко и исключительно по недоразумению. Разве только это поработала группа долговца-ренегата Черепа, но он скорее ударил бы по обескровленной «Свободе», чем по такому зубастому противнику.

Оккупировавшей подвалы лаборатории «Х-18» потрепанной «Свободе» ныне хватало иных забот, чтобы заниматься такими самоубийственными выходками. Сегодня «анархистов» в первую очередь тревожила проблема хлеба насущного, а не очередная конфронтация с собратьями по недавнему поражению.

Бандиты? Абсурд! Эта публика шарахается от военных как от огня, а в стычки с ними вступает лишь тогда, когда те загоняют бандитов в угол. На «Агропроме» была проведена настоящая боевая операция, выверенная настолько, что даже войсковая разведка не сумела заблаговременно рассекретить вражескую засаду. А погибший армейский взвод, по слухам, сплошь состоял из контрактников – солдат закаленных и обстрелянных. Каждый из них стоил пятерых здешних бандитов – прибалтанных трусоватых гопников.

Оставалось еще несколько мелких сталкерских кланов, у которых могли быть счеты с военными. Но интуиция подсказывала Петренко, что причина этой бойни не имеет отношения к межклановым конфликтам и лежит за пределами Зоны. Три БТРа и грузовик... Последний явно лишний для проведения обычного патрулирования в составе взвода. Значит, это был не патрульный рейд, а сопровождение какого-то важного груза, который, скорее всего, и стал целью напавших на вояк неизвестных врагов. Груз был ввезен в Зону, а не вывозился из нее. Какие из этого следуют выводы?..

Полковник мог поспорить с кем угодно на ящик водки, что в грузовике военных

находилось оружие. А раз так, значит, на него существовал и покупатель. Но в Зоне гораздо практичнее и безопаснее выкупить подобный товар за артефакты, чем рубить топором кормящую тебя руку. Даже будь у покупателя конкурент, имеющий виды на партию этого же оружия, он скорее попытался бы перекупить товар либо захватить его после совершения сделки, когда мафия в погонах уже умоет руки. Судя по всему, в «Агропроме» произошла разборка не сталкеров, а закордонных оружейных баронов. То есть игра совсем другого уровня, недоступного пониманию полковника Петренко и подобных ему обитателей Зоны, чья связь с внешним миром была предельно ограниченной.

Однако замкомдолга все равно терзало любопытство, кто же выступал на стороне конкурентов хозяев уничтоженного «каравана». Были это наймиты из числа матерых сталкеров или же нападение устроила залетная команда вольных стрелков? Но что за «левые» головорезы могли пройти по Зоне до «Агропрома» и не только выжить, но еще и нигде не засветиться? Нет, версия с местными наемниками выглядела гораздо правдоподобнее. А раз так, значит, рано или поздно, но Петренко выяснит детали этого темного дела.

Были еще две новости, которые заинтересовали полковника, хотя и не настолько, как мусолившаяся в сети главная тема дня. Обе новости тоже являлись нетипичными и касались «Монолита».

Та, что нарисовалась в новостных сводках первой, принадлежала к разряду слухов. Но после истории с Небесным Пауком над подобными слухами в Зоне больше не принято было смеяться. Поэтому известие о том, что монолитовцы сбили над Военными Складами НЛО, было воспринято сталкерами уже не как шутка, а как любопытный факт, нуждающийся в конкретном подтверждении. Свидетель скоротечной победы сектантов над летающей тарелкой предпочел остаться неизвестным – как-никак он в данный момент находился на территории «Монолита» – и сообщил, что все доказательства лежат от него в трех километрах, на опушке леса, неподалеку от холмистой гряды. Вот только подобраться к обломкам НЛО и сфотографировать их свидетель не может, потому что сейчас сектантов в том районе – видимо-невидимо. На этом сетевой репортаж с места события прервался, и с тех пор новых подробностей оттуда не поступало.

Следующая новость обнаружилась в сети сегодня утром в разделе коммерческой информации, куда Петренко также периодически заглядывал. Необычность одного из свежих объявлений как раз и состояла в том, что вывешено оно было «Монолитом» – редким гостем в виртуальном пространстве Зоны. Сектанты ежедневно фигурировали в новостных сводках и тем не менее почти не участвовали в сталкерской сетевой жизни. Они заходили в сеть лишь для того, чтобы подбросить дезинформацию или взять на себя ответственность за ту или иную громкую акцию. В словесные баталии с врагами (сиречь, всеми обитателями Зоны, не принадлежащими к секте) на форумах монолитовцы не вступали, а между собой общались только по закрытым каналам. Поэтому каждое публичное сетевое сообщение от «Монолита» всегда вызывало среди сталкеров закономерный ажиотаж.

На сей раз секта выступила с деловым предложением ко всем скитальцам Зоны, которые могут предоставить «Монолиту» информацию о некоем сталкере-одиночке, экипированном нестандартным бесшумным оружием и защитным снаряжением серой камуфляжной расцветки. Другие приметы: средний рост, сухощавое телосложение, предположительно смуглая кожа. Возможно, недавно был травмирован. Тому, кто может сообщить достоверные сведения о подходящем под это описание человеке, секта обещает хорошее вознаграждение в размере...

Петренко округлил глаза: да, премия действительно была щедрая и способная привлечь к поимке «нестандартного» сталкера многих здешних сводников – так называют друг друга некоторые охотники за головами. Причем поймать этого скитальца требовалось непременно живым. В противном случае «Монолит» сначала объявил бы его своим врагом, а уже потом предлагал премию за информацию о нем. Таковы негласные правила подачи в Зоне подобно рода объявлений. Заказывать по сети чье-то убийство открытым текстом тут не принято: в сталкерском мире тоже есть законы сетевой вежливости. Для найма охотников за головами используются завуалированные послания. Обычная просьба предоставить информацию о ком-то означает, что интересующий нанимателя объект нужен ему живым. Предложение предоставить информацию о враге развязывает сводникам руки и упрощает их задачу – тащить

на продажу человеческую голову намного проще, нежели конвоировать по Зоне живого клиента. И пусть упрощенная работа оплачивалась дешевле, в этих краях надбавка за риск – даже самая щедрая, – никогда не покрывала ту опасность, какой подвергались сводники при транспортировке живого товара.

Нестандартные оружие и экипировка... Чем же таким досадил «Монолиту» этот искатель приключений, из-за чего секта прилепила к нему столь крутой ценник? «Вероятное наличие травмы...» Наверняка «серый» сталкер получил ее, уходя от погони, а коли он нужен сектантам живым, должно быть, у него имеется при себе нечто такое, что ранее принадлежало монолитовцам. И о чем они предпочли не распространяться в объявлении.

Что же это может быть? Уникальный артефакт?.. Если да, то вещь небось и впрямь ценная. Раньше секта никогда не проявляла чрезмерного беспокойства из-за похищенных у нее артефактов. Конечно, если такие похищения вообще когда-нибудь имели место.

Полковник перевел взгляд с экрана ПДА на запертые железные стеллажи. После завтрака он доложил Воронину, что идет в арсенал на плановую инспекцию оружия, а сам вот уже полчаса гоняет чай и изучает утренние новости. Надо хотя бы для виду открыть несколько стеллажей, а то вдруг генерал вздумает лично прийти взглянуть на трофеи, добытые бойцами «Долга» в позавчерашней заварухе на подступах к Бару. Большая группа сектантов хотела прорваться по его окраине на Дикие Земли, но долговцы заметили вторгшегося на их территорию неприятеля и предотвратили прорыв. При этом уничтожили больше половины врагов, захватив у них полтора десятка почти новых натовских стволов и даже одну «гауссовку». Инвентаризацией этих трофеев и планировал заняться замкомдолг. Работа несрочная, но, за отсутствием у полковника на сегодня других дел, откладывать ее на потом было нежелательно.

Петренко встал из-за стола, потянулся, хрустнув суставами, и уже направился к оружейным шкафам, но в этот момент в дверь арсенала постучали. «Черт, не вовремя...» – раздраженно подумал полковник, полагая, что его опасения насчет визита генерала оправдались. Нет, конечно, Воронин не станет распекаать заместителя за нерасторопность и наверняка даже не поинтересуется, почему тот еще не приступил к проверке. Дело не горело, и, стало быть, Петренко мог позволить себе заниматься им без суеты и спешки. Но все равно отпирание стеллажей после прихода генерала выглядело бы попыткой запоздалого оправдания в задержке работы. Поэтому полковник решил, что нехай лучше шкафы остаются запертыми, чем он будет иметь перед командиром виноватый вид, пусть даже это вышло невольное.

– Входите, открыто! – откликнулся Петренко, отворачиваясь от стеллажей и возвращаясь к столу. Когда генерал сердился, он всегда входил в кабинет младшего по званию без стука. Но, находясь в благорасположении духа, Воронин предпочитал быть деликатным и не смущать подчиненных своим внезапным появлением.

Дверь открылась, однако на пороге возник не генерал и даже не один из долговцев, а незнакомый полковнику сталкер. Появление посторонних в западной части Бара – закрытой территории, превращенной «Долгом» в свою штаб-квартиру, – было возможно лишь в том случае, если кто-то из командиров группировки поручался за этого человека. И потому Петренко не удивился, увидев перед собой незнакомца. К тому же доверенным лицам «Долга» всегда разрешалось затовариваться у него на базе оружием и боеприпасами – само собой, не бесплатно. Так что в визите сталкера к заведующему арсеналом тоже не было ничего противозаконного.

Однако кое-что полковника в этом визитере все-таки смутило. А что именно, замкомдолг понял несколько мгновений спустя. Он чувствовал беспокойство от того, что упорно не желал смотреть в глаза явившемуся к нему сталкеру. Боевой полковник Петренко – второй после генерала Воронина человек в «Долге», находясь в штабе клана, ощущал неуверенность перед каким-то проходимцем, чем бы этот тип и ни заслужил к себе доверие долговцев! Да что за странное, мать его, наваждение вдруг нашло на полковника?

– Я тебя слушаю, – бросил незнакомцу замкомдолг. Хотя к чему он сейчас действительно прислушивался, так это к собственным непривычным ощущениям. Они были сродни тому чувству, какое Петренко всегда испытывал, глядя на незнакомую аномалию. Никогда не узнаешь, чего от нее ожидать, пока не швырнешь в мерзавку болт. – Зачем пожаловал?

– Здравия желаю, товарищ полковник, – поприветствовал его «аномальный» сталкер. – Вы меня не узнаете?

Петренко решительным усилием воли отринул неуверенность и взглянул в лицо визитера так, как и подобает смотреть на незваных гостей хозяину дома. Перед ним стоял смуглый субъект среднего роста, сухощавый, но на вид довольно крепкий. Он был экипирован в нестандартный сталкерский комбинезон серой камуфляжной расцветки, а из-за плеча посетителя торчал приклад штурмовой винтовки незнакомой полковнику модели...

Постойте-ка! Мало замкомдолгу внезапной беспричинной неуверенности, так в придачу к ней еще дежавю нарисовалось! Чего там, бишь, для полноты картины этому типу не хватает? Ах да, травмы... Ну так ведь написано же: «возможно, был травмирован», значит, не факт, что это действительно так. Как, впрочем, и не факт, что перед полковником стоит тот самый «серый» сталкер из ориентировки «Монолита». В Зоне всякого «нестандартного» контингента хватает. Однако скиталец утверждает, что Петренко обязан его помнить. А ну-ка, ну-ка...

Замкомдолг вгляделся в лицо гостя. У полковника была хорошая память на лица – как-никак десять лет прослужил в Ведомстве оперативником и еще пять – на посту командира регионального отделения, после того как получил на службе тяжелое ранение.

– Дьявол! Этого не может быть! – спустя пару секунд пробормотал Петренко, криво усмехнувшись. – Ты?.. Но какими судьбами? Вот уж не думал, что когда-нибудь доведется встретиться, а тем более здесь!

– Вынужден попросить вас, товарищ полковник, обходиться без имен, – невозмутимым тоном потребовал Кальтер, имя которого Петренко только что вспомнил и уже был готов произнести вслух. – В настоящий момент я нахожусь при исполнении, поэтому вынужден соблюдать хорошо известные и вам, и мне инструкции. Называйте меня просто майором.

– Да, разумеется, – кивнул замкомдолг. – Однако хороший сюрприз, ничего не скажешь... Проходи, майор, присаживайся. Давай без «вы» и без «товарищей» – какие тут вообще могут быть официальности? Как видишь, здесь у меня не только пороховой погреб, но заодно и служебный кабинет.

Кальтер вошел в арсенал и уселся на предложенный стул, сняв перед этим винтовку и прислонив ее к стене рядом с собой. Петренко поставил на газовую плитку пузатый чайник, достал из шкафчика пакет с бутербродами и вернулся за стол.

– А ведь двадцать лет прошло с тех пор, как мы в последний раз виделись, – заметил полковник, откидываясь на спинку стула. – Почти полжизни, да? Как перед теми стрельбами нас всех поодиночке разбили, так больше и не дали встретиться. Даже попрощаться и то не позволили... Значит, получается, мы с тобой все это время под одной крышей работали? Что ж, кому, как не нам, знать, что мир не только тесен, но еще и чертовски темен.

– Скорее полупрозрачен, раз иногда позволяет кое-кому из нас отыскать нужного человека, – поправил Кальтер хозяина.

– Что верно, то верно, – согласился Петренко, после чего полубопытствовал: – Ну, как идет служба? Честно сказать, я удивлен, что ты еще в седле. И поскольку на тебе красуется эта арабская дрянь... – Полковник коснулся пальцем собственной щеки, словно смахнул с нее соринку. – Значит, ты разрубашь узлы где-то там, я правильно понял? – И Петренко указал рукой на южную стену комнаты.

В подтверждение его догадки Кальтер лишь коротко кивнул.

– Я кое-что мельком слышал про Символ Аль-Шаддада, но никогда его не видел, – продолжал замкомдолг. – Должен признать, он достоин своей мрачной славы. По крайней мере, увидев его сейчас, я слегка растерялся. Не надоедает каждый раз наносить, а потом сводить эту татуировку?

– Моя не сводится, – ответил майор. – Я ношу ее с того самого дня, когда у нас отобрали камуфляжную краску и приказали использовать этот Символ.

– И за какие такие грехи тебя им навечно заклеямили? – удивился Петренко.

– Это было мое добровольное решение, а не приказ командования, – признался Кальтер. – Мне не хотелось каждый раз тратить уйму времени на возню с маскировочной маской, поэтому я и добился разрешения сделать себе несводимую татуировку. Командование не возражало.

– Очень странный выбор, – пожал плечами полковник, а потом махнул рукой: – Впрочем,

какое мое дело, верно? Раз решил, значит, решил... Лучше признайся, каким образом ты проник в нашу крепость. Сдается мне, кроме меня, о твоем присутствии больше никто не знает.

– Пробрался сегодня перед рассветом через крышу ангара на западной стороне базы, – не стал скрывать Кальтер. – Ваши ребята думают, что сплошная бетонная стена десятиметровой высоты – надежное ограждение. Видимо, поэтому плохо следят за тем сектором периметра.

– Но в полусотне метров оттуда на крыше соседнего здания расположен наблюдательный пост! – с недоверием прищурился Петренко.

– Я заметил, – как ни в чем не бывало ответил майор. – Но между идущими по стене ангара и через его крышу параллельными вентиляционными коробами есть неширокая мертвая зона, которая не просматривается с позиции ваших наблюдателей. Этого пространства вполне достаточно, чтобы перемахнуть через ангар и затеряться среди здешних построек.

– Проклятье! – Полковник поморщился и раздраженно стукнул кулаком по ладони. – Сегодня же прикажу бойцам залезть на крышу и разобрать ту чертову вентиляцию!

– Да, не мешало бы, – согласился Кальтер, затем все же подсластил пилюлю: – Вообще, это единственная непростительная брешь в вашей обороне, которую я обнаружил за ночь.

– Да ты, я посмотрю, уже неплохо тут обжился, – хмыкнул Петренко, после чего поднялся из кресла, чтобы снять с плиты закипевший чайник и засыпать в него заварку. – Ладно, майор, хватит учить меня искусству войны. Крепость у нас, конечно, не Брестская, зато защитники у нее ничуть не хуже. Давай, рассказывай, зачем тебя прислали в наши холодные края. Неужели в связи с глобальным потеплением этот регион теперь тоже считается югом? Только учти: я уже пять лет как в отставке и сегодня всецело служу «Долгу». И считаю мою нынешнюю службу своим истинным призванием. Поэтому, если ты потребуешь от меня предать моих товарищей по борьбе, я откажусь.

– Не беспокойся, полковник. Сегодня наши с вами интересы целиком и полностью совпадают, – заверил интродер бывшего сослуживца. – Конечно, мы не одобряем твой поступок, но если бы командование перестало тебе доверять, меня бы здесь попросту не было.

– Или наш разговор закончился еще на пороге, – мрачно усмехнувшись, добавил Петренко. – Такая расплата за недоверие кажется мне более вероятной.

Кальтер молча развел руками: мол, кто знает – всякое могло случиться. Затем продолжил:

– Мне нужна информация о «Монолите» и Небесном Пауке. Вся, какая вам только известна. Желательно подкрепленная подробными картами местности. Если ты поможешь мне получить то, что я хочу, вашим врагам придется стать нашими врагами. А какими методами ведут войну «рубщики узлов», тебе прекрасно известно. И я не покину Зону, пока не выполню порученную мне задачу.

– Ты видел утренние сводки новостей? – любопытствовал полковник, указав на лежащий перед ним ПДА.

– Еще нет, – признался Кальтер и поинтересовался в свою очередь: – А что, там есть информация, которая может быть мне полезна?

– Зайди на «Доску объявлений», – порекомендовал замкомдолг. – На ссылку «Разное». Ищи послание, оставленное твоими, вернее, нашими врагами... Нашел?

Бегая пальцами по мини-клавиатуре ПДА в поисках нужной ссылки, майор молча кивнул. Потом ознакомился с деловым предложением «Монолита». Все это время Петренко внимательно наблюдал за Кальтером, но так и не увидел, чтобы у него на лице отразились хоть какие-нибудь эмоции.

– Никого не напоминает это описание? – хитро осведомился Петренко, разливая по кружкам чай и раскладывая перед гостем рафинад и бутерброды.

– С чего ты взял, что здесь говорится именно обо мне? – спросил «мизантроп». – Мало ли у секты может быть смуглых врагов в серых комбинезонах?

– Брось, майор, – отмахнулся долговец. – Нам ли с тобой играть друг перед другом в «непонятки»?.. Но, если угодно, я, так уж и быть, ни на что не намекаю. Просто хочу предупредить старого знакомого о том, что он слишком похож на разыскиваемого монолитовцами сталкера.

– Что ж, спасибо за предупреждение, – поблагодарил интродер. – Вот только я попросил тебя показать мне не свежие новости, а предоставить доступ к вашим архивным материалам.

Такое возможно?

– Без санкции генерала Воронина – нет, – категорично помотал головой Петренко.

– Хорошо, тогда устрой мне встречу со своим командиром, – потребовал Кальтер. – Думаю, он не откажется помочь моему горю.

– Не исключено, – не стал утверждать наверняка полковник. – Но хочу тебя заранее предупредить: Воронин в курсе, где я служил до ухода в отставку. И я не намерен перед ним юлить и выдавать тебя за кого-то другого. Поэтому, если тебя не устраивает такой расклад...

– Устраивает, – поспешил согласиться майор. – Но в таком случае я вынужден настаивать на конфиденциальной встрече с генералом. И желательно в таком месте, где нас не смогут подслушать.

– Я приведу Воронина в арсенал, – сказал Петренко. – Это надежная комната с толстыми стенами. И чтобы генерал не заподозрил меня в чем-то неблаговидном, заранее доложу ему, кто ты и откуда. А пока мы не придем, ты посидишь здесь под замком. Не подумай ничего такого – просто не хочу, чтобы кто-нибудь вошел сюда в мое отсутствие. И еще: учитывая то, как ты к нам проник, не жди от генерала благодарности за аудиторскую проверку нашей бдительности. Окажись на твоём месте кто-то из стalkerов, Воронин без колебаний поставил бы его к стенке по всем законам военного времени.

– А что, в Зоне бывают и другие времена? – с издевкой поинтересовался Кальтер, беря со стола кружку с чаем. И, перед тем как сделать первый глоток, подытожил: – Ладно, полковник, я согласен на все твои условия. На войне, как на войне: хочешь получить союзника – будь готов идти на компромиссы. Поэтому давай узнаем, что мы можем предложить друг другу для взаимовыгодного сотрудничества...

Пока Петренко отсутствовал, запертый в арсенале Кальтер успел выпить две кружки сладкого чая, подкрепился полковничьими бутербродами и даже позволил себе немного вздремнуть. За проведенные в Зоне четверо суток майор впервые очутился в таком месте, где он почувствовал себя в относительной безопасности и потому мог ненадолго расслабиться.

С небольшой натяжкой таким же безопасным убежищем можно было назвать и катакомбы «Агропрома», где обессиленный интродер провалялся без сознания несколько часов. После гибели контролера в институтских тоннелях не осталось ни одной мутировавшей души. А крысы, чью возню интродер расслышал, когда пришел в себя, к беспомощному человеку почему-то не приближались. Не иначе, чуяли незримую ментальную метку, оставленную на Кальтере псиоником, и боялись трогать его клейменную «собственность». По мнению некоторых ученых, крысы являются телепатами от природы и обладают единым коллективным разумом, так что между ними и контролером вполне мог возникнуть ментальный симбиоз.

Несмотря на то что все эти часы Кальтер пребывал в глубокой отключке, силы она ему не вернула. Наоборот, майор очнулся вымотанным, как после длительного марш-броска по пересеченной местности. И это накануне предстоящего Кальтеру теперь уже всамделишного похода в глубь Зоны! Если бы не анаболики, вряд ли интродер добрался в таком состоянии до Бара, не говоря уже о скрытном проникновении на его хорошо охраняемую территорию.

Выбираться из колодца пришлось при помощи кошки, выстреливаемой из подствольника, и прикрепленного к ней лебедочного троса. Легкий якорь лишь с пятой попытки зацепился за верхний край колодца, некогда спрятанного под дощатым настилом. После чего обессиленному Кальтеру пришлось осуществить долгое восхождение на поверхность, буквально по сантиметру вытягивая себя из шахты. Дело продвигалось медленно и требовало кропотливого подхода. Любое резкое движение было чревато тем, что «кошка» могла сорваться с бортика колодца, и майору пришлось бы вновь падать в катакомбы. И хоть он загодя убрал снизу все обломки досок и прочий хлам, рассчитывать на второе удачное столкновение с бетонным полом было бы слишком самонадеянно.

Все произошедшее после падения в шахту и до того, как он очнулся, майор помнил смутно, словно кошмарный сон. В ушах еще стоял звон, а голова продолжала раскалываться от боли, но мыслил майор вполне адекватно и мог без проблем шевелить руками и ногами. Обезглавленное тело контролера так и лежало возле разбитого настила, а значит, встреча с ним действительно имела место, а не пригрезилась Кальтеру после того, как он ушиб голову о паранет.

Но очень уж странной была та встреча. По законам Зоны, майор имел шанс убить контролера, лишь находясь от него на достаточном расстоянии – таком, чтобы псионик не дотянулся до сознания человека своими телепатическими «щупальцами». Однако супермутант стоял от интродера в восьми шагах, а Кальтер сумел поднять на него оружие и выстрелить. Что-то здесь не срасталось. Тем паче что перед тем, как издохнуть, контролер несколько минут кряду «бомбил» мозг жертвы потоком псионического излучения. Майор помнил эту деталь их битвы с мутантом отчетливее всего, но лишь в образе дикой боли, распирающей голову изнутри. Кажется, при этом монстр еще что-то говорил. А может, и нет. Всякое могло почудиться, особенно когда твоя черепная коробка превращается в кипящий паровой котел.

И тем не менее Кальтер поймал себя на навязчивой мысли, что он упорно старается вспомнить, о чем именно толковал ему контролер. Даже если тот нес всякий бред, в этом бреде крылось нечто такое, от чего было невозможно просто взять и отмахнуться. И это «нечто» лежало не только за пределами Зоны, но и вне настоящего времени. Противный, будто жужжащий зуммер, сигнал из далекого прошлого. Узнать бы еще, как перерезать идущие к нему провода, чтобы этот сигнал заткнулся...

Впрочем, долгое восхождение по колодезной шахте стало для майора чем-то вроде медитации, восстанавливающей мысленный порядок и душевное равновесие. Постепенно от необъяснимого финала битвы с псиоником Кальтер перешел к обдумыванию насущных проблем и планов на ближайшее будущее. И когда верхолаз поневоле выбрался наконец из катакомб в хорошо известную ему лесную впадину, его волновали уже не слова контролера, а четыре захваченных «Монолитом» ракетных микрочипа.

К счастью, дальновидный Стратег предусмотрел подобный вариант развития событий и снабдил Кальтера инструкциями, к кому еще, кроме Сидоровича, можно обратиться в Зоне за помощью. Даже с учетом нынешней спорной репутации полковника Петренко Ведомство решило, что оно может положиться в критической ситуации на содействие отставного оперативника, каким бы идеалам он сегодня ни служил. В конце концов, «Долг» являл собой строгую военную организацию с четко прописанными принципами: бороться с порождаемыми Зоной аномальными явлениями и не дать им выплеснуться за ее пределы. Если кого и было привлекать здесь Ведомству в качестве союзников, то только дисциплинированных должговцев. Прочие группировки Зоны такого доверия не внушали...

– ...Зона – это зараза, а «Долг» – антисептик, – заявил Кальтеру основатель и идейный вдохновитель этого клана генерал Воронин – такой же, как Петренко, оставной служака, для которого спокойная жизнь военного пенсионера была хуже проклятья. – Мы воюем с Зоной, а она тратит силы на борьбу с нами. Мы не стремимся ее победить, майор, потому что трезво осознаем, насколько могущественный противник нам противостоит. Но задача антисептика состоит не в излечении болезни, а в том, чтобы не дать заразе распространяться на здоровые ткани организма. Пока «Долг» помогает сдерживать рост этой гнойной язвы, лучшие ученые умы планеты ломают головы над изобретением эффективного лекарства, способного раз и навсегда покончить с Зоной. Они станут настоящими победителями в этой войне, а мы – всего лишь скромные солдаты, вносящие свой посильный вклад в общее дело... Но вас, майор, я так понимаю, подобные вещи не волнуют. Вы прибыли сюда с иной целью. Проникли к нам в штаб, как вражеский шпион. Требуете от меня выдать вам стратегическую информацию, утверждая, что действуете в наших общих интересах, но при этом не спешите вскрыть подоплеку навязываемого вами сотрудничества. Нет, майор, так дело не пойдет. Я могу с чистой совестью выдворить вас вон. Однако не сделаю этого лишь по одной причине: такие серьезные люди, как вы, нечасто заходят к нам на огонек. Будет глупо отказываться от помощи столь солидной организации, тем более в нынешние беспокойные времена. Но ваши условия нас не устраивают. Согласитесь: обещание пойти и убить парочку монолитовцев – слишком мизерная цена в обмен на доступ к нашей базе данных. Давайте поступим следующим образом. Вы рассказываете, за кем или за чем именно охотитесь, а мы подробно знакомим вас с обстановкой. А потом, если вдруг выяснится, что на вашем маршруте обнаружится ненужная вам, но привлекательная для нас цель, с вами отправятся несколько наших разведчиков. Они прикроют вас и помогут сориентироваться в Зоне, а вы в свою очередь поможете им. Вот что мы понимаем под взаимовыгодным сотрудничеством. Таково наше встречное предложение. Что вы на него

скажете?

– Справедливо, – согласился Кальтер. Нечто подобное он и предвидел, поэтому успел заранее обдумать свой ответ. Тем более что без помощников провести запланированную им операцию было невозможно. Ее схема нарисовалась в голове интродера после того, как Петренко ознакомил его с опубликованным в сети объявлением «Монолита». Сектанты считали, что разыграли весьма сильный козырь, и это действительно было так. Но, выложив его перед Кальтером, они, сами того не подозревая, облегчили ему задачу, избавив майора от нудной поисковой работы и позволив приступить к конкретным действиям по возврату похищенных микрочипов.

– Что ж, я рад это слышать, – заметил Воронин. – Однако понимаю, что сами вы не станете с нами откровенничать, значит, буду задавать вам наводящие вопросы. Вероятно, мой заместитель тоже захочет вас о чем-нибудь спросить. Можете делать это в любое время, товарищ полковник, и напрямую, без обращения ко мне... Итак, майор, что вы не поделили с «Монолитом»?

Кальтер рассказал в общих чертах о причине своей заброски в Зону. Ровно столько, сколько ему позволялось рассказать об этом в рамках предусмотренного Стратегом возможного обмена стратегической информацией. Конкретизировать насчет нужных ему микрочипов майор не стал. Просто сообщил, что послан, чтобы уничтожить ракетную установку, нелегально добытую «Монолитом».

Обеспокоенный наличием у врага мощного оружия, генерал потребовал уточнить, что представляет собой этот ракетный комплекс.

– Экспериментальный вертолетный модуль противозенитного назначения, – пояснил Кальтер. – Наш ответ НАТО, а точнее – ее сухопутному зенитному комплексу «Тайтан Скай». На данный момент мы – первые, кто сумел подмочить его безупречную репутацию.

– Как давно секта заполучила это оружие? – спросил генерал.

– Меньше недели назад, – ответил майор в своей привычной туманной манере.

– «Монолит» приобрел ПРК по обычному каналу или в Зоне появились новые поставщики оружия? – включился в дознание Петренко.

Вопрос был явно провокационный, и Кальтер это понял. Он не догадывался, насколько подробными сведениями располагает «Долг» о произошедшей в «Агропроме» бойне. Возможно, лишь теми, что были почерпнуты в сети. Но не исключено, что у Воронина имелись данные, полученные из более информированных источников. Долговцы, скорее всего, и впрямь не знали о характере захваченного сектантами груза, но само участие монолитовцев в позавчерашнем эксцессе могло быть для «Долга» неоспоримым. Воронину и Петренко было проще простого сопоставить полученную от Кальтера информацию с уже известными им фактами и сделать на этой основе правильные выводы.

– Поставщики товара наверняка вам хорошо знакомы. Но секта предпочла не расплачиваться с ними и отобрала груз силой. – На сей раз интродеру пришлось солгать, приписав врагам собственные боевые заслуги. Но даже будь у майора право раскрыть Воронину истину, он не сделал бы этого. Кальтер знал, как отнесется боевой офицер к жестокому убийце солдат, пусть те и являлись подручными своего нечистого на руку комроты. – Думаю, нет нужды уточнять, где это произошло. Я прибыл на место встречи продавца и покупателя, опоздав к началу сделки всего на несколько минут, и застал лишь конец их недолгих «переговоров». Монолитовцы как раз грузили отобранный товар в трофейный вертолет. Я попытался помешать им взлететь, но они были готовы к нападению, и в итоге мне самому пришлось уносить ноги. Тогда-то они меня и засекли. Секта догадалась о моих намерениях и теперь боится, что я предприму повторную попытку уничтожить ракетный комплекс.

Поверили долговцы Кальтеру или нет, но представленная им версия недавних громких событий была принята к сведению. Обсуждать все услышанное в присутствии гостя Воронин и Петренко, разумеется, не стали. Но майор был уверен, что эти двое независимо друг от друга смекнули, для чего «Монолиту» понадобился самый эффективный ПРК из всех, что существуют на постсоветском пространстве.

– По данным нашей разведки, двое суток назад на вертолетную площадку Военных

Складов произвел посадку армейский «Ми-24», – сообщил в свою очередь Воронин, считая должным отплатить Кальтеру откровенностью за откровенность. – Судя по всему, это и есть тот вертолет, который вы заметили в «Агропроме», тем более что иной авиацией «Монолит» не располагает. Разведка также сообщила о том, что сектанты сразу же убрали «Ми-24» в ремонтный ангар. Какие именно работы они проводили, к сожалению, выяснить не удалось. Мы решили, что вертолет попросту нуждался в ремонте. Впрочем, с учетом новых известных нам фактов можно предположить, что монолитовцы занимались монтажом разыскиваемого вами ракетного комплекса. По идее, его установка не должна занять много времени, однако вертолет до сих пор находится в ангаре. Почему, как вы считаете?

– Возможно, он и впрямь поврежден. Я всадил в него полмагазина бронебойно-зажигательных пуль, – пожал плечами интродер. – А возможно, сектанты элементарно не могут разобраться в установке экспериментального бортового вооружения. Но я бы все-таки предположил первый вариант.

Предоставленную Кальтеру информацию было трудно переоценить. Если сектанты и впрямь спрятали «Ми-24» в ангаре на Военных Складах, без подсказки Воронина майор мог сколь угодно долго бродить вокруг монолитовской базы, но так и не догадаться, что «Пурга-Д» находится поблизости. Естественно, с вертолетом все было в порядке; разве только он мог получить повреждение при недолгом перелете от «Агропрома» до Складов, но это маловероятно. Загнать «Ми-24» в ремонтный ангар сектанты могли по одной причине, и закончить монтаж ПРК им мешало лишь отсутствие ключевой электронной платы. Кальтер не успел тогда завершить задуманное, но он так или иначе связал «Монолиту» руки и сорвал атаку на Небесного Паука. Теперь оставалось лишь добраться до того ангара и завершить работу.

– Вы получите подробный план этой базы, майор, – сказал Воронин. – В последний месяц она для здешних кланов словно переходящий вымпел. Кто только за это время не успел на ней побывать. До того как «Монолит» отбил штурм Саркофага и начал экспансию на юг, базой недолго владели мы, отвоевав ее, в свою очередь, у «Свободы». К сожалению, мы не успели переоборудовать базу в надежный форпост и были вынуждены отступить на наши главные позиции. Раскол «Долга» перед штурмом ЧАЭС не позволил нам одновременно удерживать Склады и Бар, поэтому пришлось выбирать, какая из позиций для нас важнее. База расположена на стратегической высоте, но, потеряв мы нашу нынешнюю штаб-квартиру, это отрезало бы нас от Кордона и Свалки. Сегодня «Долгу» еще рановато говорить о повторном захвате Военных Складов, но вы окажете нам неоценимую услугу, если лишите сектантов авиации. Однако это еще не все. Я дам вам в поддержку трех отличных бойцов, но за это вы должны будете помочь им ликвидировать одного важного монолитовца по прозвищу Гурон. Мы знаем, что он прибыл на базу вместе с вертолетом и сейчас находится там. Подобраться к нему сложно, но, полагаю, если вам удастся взорвать вертолетный ангар, это выманит Гурона из укрытия и сделает мишенью для снайперов.

– Значит, это он командовал нападением на армейский конвой? – спросил Кальтер.

– Наверняка, – подтвердил генерал. – Гурон – довольно одиозная личность в Зоне. Этаким серый кардинал «Монолита». Некоторые сталкеры полагают, что именно Гурон верховодит сектой, но это не так. Он – всего-навсего полевой командир, ответственный за проведение спецопераций, наподобие той, что сектанты провернули в «Агропроме».

– А кто стоит во главе секты? – осведомился интродер.

– Есть мнение, что об этом неизвестно даже самим сектантам, большинство из которых считает, будто ими повелевает их одушевленный фетиш – «Исполнитель Желаний», – пояснил вместо командира полковник Петренко. – Но это лишь домыслы. «Долг» придерживается версии, что «Монолитом» руководят те люди, которые ответственны за второй выброс Четвертого реактора. Насколько они теперь «люди», сказать трудно – не исключено, что все они давно переродились в мутантов наподобие контролера. Но то, что Зону создали не инопланетяне, пришельцы из иного мира, – это однозначно.

– Откуда у вас такая уверенность? – скептически поинтересовался майор.

– Все очень просто, – развел руками замкомдолг. – Превращение «зоны отчуждения» вокруг ЧАЭС в современную Зону больше напоминает последствие неудавшегося эксперимента, нежели четко спланированную акцию. После взрыва ядерного реактора в

восемьдесят шестом здесь каких только исследований не проводилось. Ученый люд со всех концов света съезжался сюда проверять на практике свои самые смелые научные гипотезы. Местные власти на этом такие деньги зарабатывали, о-го-го! И впрямь, чего бояться? Если по вине чьих-то опытов и нарушится экология, то любое из этих изменений, даже самых чудовищных, можно списать на последствия первого радиоактивного выброса. Для государства прежняя «зона отчуждения» являлась стабильным источником пополнения казны. Всяк, кто был в состоянии платить по прейскуранту, мог творить здесь все, что хотел. С нашей нынешней Зоной уже сложнее – слишком пристально следят за ней международные наблюдатели. Но, так или иначе, пока наука отыщет лекарство от этой заразы, на ней многие ушлые проходимцы успеют сколотить капитал. В том числе и те, которые в правительственных креслах сидят. Главное, чтобы мировая общественность не прекращала выделять средства на борьбу с Зоной, а иначе эта тварь на госбюжете такой гирей повиснет, что мало не покажется.

– Давайте не будем отвлекаться от темы, товарищ полковник, – деликатно, но настойчиво прервал заместителя Воронин. – А то мы, глядишь, слово за слово, от политики на летающие тарелки переключимся, а время-то идет... Итак, майор, что вы скажете по поводу наших условий?

– Договор есть договор, – пожал плечами Кальтер. – Я помогу вам ликвидировать Гурона, но не гарантирую, что в суете, которая поднимется после взрыва вертолета, снайперы «Долга» сумеют обнаружить нужную цель. Во-первых, с такими хорошими проводниками, как ваши люди, я намерен провести операцию ночью. Это на порядок упростит мне работу, но настолько же усложнит задачу моим сопровождающим. А во-вторых, когда прогремят взрывы, я намерен быть уже в километре от вражеской базы. Столь быстрое отступление по ночной Зоне опять-таки невозможно организовать без высококласных проводников. Как видите, генерал, задуманный вами план ликвидации Гурона слишком рискован и станет для нас только помехой. Однако я хотел бы... – Майор поднял ладонь, жестом попросив Воронина дать ему договорить, – предложить вам альтернативный вариант решения этой проблемы. Полковник Петренко оказал мне услугу, предупредив о том, что «Монолит» объявил в сети награду за мою поимку. Причем награду весьма ценную. Как вы считаете, усидит ли на месте Гурон, когда узнает, что некая группа охотников за головами выполнила заказ сектантов и назначает им деловую встречу неподалеку от Военных Складов?

– Догадываюсь, к чему вы клоните. – На лице генерала появилась хитрая ухмылка. – Но будет вам известно, что, какие бы жесткие условия сводники ни предъявили сектантам, Гурон в любом случае спрячет в ближайших кустах целую армию. И вряд ли принесет с собой контейнер с артефактами – сами видели, каких принципов придерживается этот монолитовец. В то время как нам придется четко соблюдать все правила сводников, дабы не вызвать у Гурона ни малейшего подозрения.

– В таком случае ознакомьте меня с этими правилами, – попросил Кальтер. – Хоть сделка ожидается липовой, однако товар на ней будет выставлен самый что ни на есть подлинный. А это уже гарантирует, что на крючок попадется именно та рыба, которая нам нужна...

– Значит, вы отказываетесь отвечать на мой вопрос, товарищ полковник? – спросил генерал Воронин у своего заместителя спустя четырнадцать часов, прошедших с момента предложения Кальтером его стратегии по ликвидации Гурона. Не предвещавший с утра никаких сюрпризов день принес с собой столько хлопот, что к полуночи Воронин и Петренко чувствовали себя измотанными до предела. Поэтому едва интродер и сопровождающие его трое долговцев покинули базу и выдвинулись к месту проведения операции, генерал и полковник решили хлопнуть по сто граммов «успокоительных капель» и отправиться спать. А уже в четыре часа утра быть готовыми выслушать доклад вышеупомянутой группы о прибытии ее в заданный район.

– Я не однажды предупреждал вас, товарищ генерал, что есть вещи, о которых я, при всем уважении к вам, не имею права рассказывать, – ответил Петренко, разливая по стаканам водку. Он понимал, что Воронин строится в шутку и отказ полковника не повлечет за собой никаких дисциплинарных взысканий. Но все равно от таких генеральских шуточек, пусть и безобидных, Петренко каждый раз становилось не по себе. – Могу лишь сказать, что наш майор служит в

том крыле моей бывшей конторы, которое не значится ни на одном официальном плане этого здания.

– Не дурак, уже понял, – подмигнул Воронин и взялся помогать полковнику, приступив к нарезке ароматного шматка копченого сала. – Ладно, не обращай внимания на мою грубость. Просто издергался, устал, да еще неизвестно, чем кончится вся эта затея с Гуроном. На майора мне, сказать по правде, начхать, но вот если с Корсаром, Мракобесом и Бульбой что-нибудь случится, их смерть я себе вряд ли прощу... Последний вопрос про этого скользкого типа задам, и баста, лады?.. Если опять заставлю тебя нарушать подписку о неразглашении, тогда молчи, но очень уж хочется узнать, что у твоего майора с лицом. Весь день смотрел, так толком и не понял. Похоже на татуировку, типа мелкой арабской вязи или восточного орнамента – такого, который на стенах мечетей рисуют. Не знаю, как там у тебя, а у меня от созерцания майорской морды натурально мурашки по спине пробежали. Хотя, казалось бы, с чего: обычная сложная абстракция, а не боевая индейская раскраска.

– Это Символ Аль-Шаддада, – пояснил полковник, немного помешкав. Было заметно, что ему не хочется откровенничать, но над этой тайной своего прошлого Петренко мог приподнять завесу. – Восстановлен одним из наших арабистов якобы по свиткам средневековой мусульманской секты ассасинов. Этот исследователь работал по совместительству консультантом в моей бывшей конторе и все время находился под «колпаком». Поэтому его открытие получило огласку лишь в очень узких кругах, имеющих к науке весьма отдаленное отношение.

– Забавно, а я-то считал, что в подобных конторах интересуются только новейшими достижениями науки и техники, но никак не археологией, – хмыкнул Воронин, беря в правую руку протянутый заместителем стакан, а в левую – ломтик сала.

– Вы бы удивились, товарищ генерал, если бы узнали, какими науками мы в свое время интересовались, – хмыкнул Петренко, следуя примеру командира, с той лишь разницей, что замкомдолг привык обычно держать стакан в левой руке. – Так вот, открытый нашим консультантом древневосточный знак обладал воистину удивительными свойствами. Можно даже сказать, мистическими. Но в мистику у нас не верили и поручили первооткрывателю Символа Аль-Шаддада разобраться, в чем кроется секрет...

– Ладно, давай вздрогнем, а то негоже держать емкость на боевом взводе и толковать об истории, – перебил Воронин полковника, после чего «разрядил» стакан, залпом осушив его, и метнул вдогонку водке сало.

– Тут речь идет не столько об истории, сколько о психологии, – поправил генерала Петренко, в точности повторив все его действия и даже крикнув от удовольствия так же, как это сделал командир. Если бы не допущенная замкомдолгом короткая заминка, со стороны могло бы показаться, что Воронин и вовсе выпил со своим зеркальным отражением. – Символ способен воздействовать на подсознание человека, подобно вращающейся концентрической спирали. Только та притягивает взор и гипнотизирует, а Символ, наоборот, отталкивает и повергает в смятение. Вы верно подметили: спокойно смотреть на татуировку нашего майора не получается при всем старании. Ты все время пытаешься отвести взгляд, и только когда намеренно заставляешь себя взглянуть майору в глаза, тебе это удастся. Однако неосознанное желание отвернуться и разговаривать с ним, глядя куда-нибудь в другое место, не утихает, словно зубная боль. Носитель Символа Аль-Шаддада способен пройти сквозь толпу и остаться незамеченным, даже если толпа кишит разыскивающими его соглядатаями.

– На Ближнем Востоке, откуда, как ты сказал, к вам пришел этот Символ, носить его и вовсе удобно, – заметил генерал, устало откинувшись в кресле. – Мусульмане в тех краях предпочитают однотипную одежду, а если у тебя еще и лицо неприметное, так ты вообще превращаешься в невидимку. А я раньше считал, что эти ассасины только и умели, что гашишем обкуриваться да людей исподтишка резать. А они, оказывается, еще и прекрасного не чурались. В смысле мудреные узоры да орнаменты на досуге плели. Специфическое, правда, искусство было у членов той секты, но один хрен, куда более тонкое, чем всякие там черные квадраты и прочий кубизм... Чудны дела твои, Господи... Столько лет топчу Зону, казалось, с кем только за эти годы здесь не сталкивался, а поди ж ты – до сих пор встречаются люди, способные меня удивить. И что самое любопытное, ведь этот ассасин – виноват, оговорился –

майор, – является, по сути, с нами одного поля ягодой... такой же упертый служака – ни дома, ни жены, ни детей... Он боится отставки, потому что знает – стоит только ему остаться не у дел, и он окажется в социальном вакууме. Ты снимаешь военный мундир, переодеваешься в гражданскую одежду и вдруг понимаешь, что мир, в котором тебе теперь предстоит жить, чужой и ты ему совершенно не нужен. Не по этой ли причине мы с тобой в свое время оказались в Зоне? В ней такие изгои, как мы, вновь обретают четкую цель и начинают с упоением к ней стремиться. Здесь мы живем, а вне Зоны – даже не существуем. Нас там просто нет. Так же и твой майор. Он – один из нас, и я это отчетливо вижу. Но не менее ясно вижу и то, что мир Зоны для него такой же чужой, как и тот, который остался по ту сторону Кордона. Ты сумел рассмотреть у майора глаза?

– Само собой, хоть это было и трудно, – подтвердил Петренко. – Глаза как глаза. Вроде бы карие. А что в них такого особенного?

– В том-то и дело, что ничего. Понимаешь, о чем я?

– М-м-м, не совсем.

– «Ничего» именно это и означает – ничего. Даже не будь на лице майора маскировочной татуировки, я не уверен, что при случайной встрече даже на мгновение задержал бы взгляд на его глазах. Их словно нет. Или же они смотрят не на наш с тобой мир, а сквозь него – туда, куда мы попадем лишь после смерти и не раньше. Такое впечатление, что окружающие майора люди видятся ему бездушными марионетками, не заслуживающими никакого внимания. Для него что живой человек, что мертвый – все едино.

– Иными словами, в гробу майор видел всех нас и прочее человечество, – заметил Петренко, косясь на початую бутылку водки. – Мудрено вы выражаетесь, товарищ генерал, но, кажется, я вас понял. Разрешите высказать все, что я думаю по поводу вашего наблюдения?

– Валяй, – поморщившись, дозволил Воронин. Столько лет он упорно твердил заместителю, чтобы тот забывал о субординации в подобных дружеских беседах. Однако полковник столь же упорно не желал избавляться от этой привычки.

– Постараюсь сформулировать покороче, так как сами знаете, что бывает, когда я начинаю говорить на отвлеченные темы, – сразу предупредил Петренко. – Несет похуже того Остапа... В общем, вот вам мое скромное мнение. Насчет «никаких» глаз майора спорить не буду – по мне, вполне обычные глаза, разве что и впрямь не особо выразительные... Причина, которая вызвала ваше удивление, товарищ генерал, кроется в другом. А именно – в мировоззрении. Вы – офицер с солидным боевым опытом, успели насмотреться в жизни всякого: и беспримерного героизма, и обыкновенного малодушия, и безропотного солдатского фатализма, с которым, скрипя зубами, идет в бой большинство простых бойцов. И в том, и в другом, и в третьем случае психология этих людей вам вполне понятна. Вы пытаетесь привить подчиненным те идеалы, в какие сами искренне верите. А уж насколько ваши солдаты проникаются ими, показывает реальная боевая обстановка. Но существует еще один редчайший тип солдата, с которым вы, судя по всему, никогда не сталкивались. Эта категория бойцов в равной степени отдалена от всех вышеперечисленных и вряд ли станет преклоняться перед чьим-либо авторитетом. Хотя каждый из них беззаветно предан Родине не меньше нас с вами. Однако они воспринимают ее не как страну, состоящую из лесов, полей и рек, населенную братьями-соотечественниками, а в образе некоего символа, чистоту которого следует оберегать тщательнее, чем зеницу ока. Эти отщепенцы – разрешите назвать их так – неуютно чувствуют себя в солдатском коллективе, поскольку их угнетает любое общество. Они неспособны проявить себя, служа в обычном армейском подразделении. Зато, действуя в одиночку и обретая относительную свободу на пути к цели, отщепенцы демонстрируют невероятную самодисциплину, хладнокровие и оперативность мышления. Они трезво оценивают любую обстановку и прилагают для достижения победы ровно столько сил, сколько необходимо. Отсюда вывод, что отщепенец ставит перед собой лишь достижимые цели и не прет на рожон, даже если ситуация это позволяет.

– Значит, твой майор и есть такой отщепенец? – спросил Воронин. – Современный фанатик-ассасин, для которого религией служит истовая любовь к символу-Родине.

– Совершенно верно – отщепенец, – кивнул Петренко и тут же помотал головой: – Но он не фанатик, ибо тот слеп в своей единственной страсти, а майор хладнокровен настолько,

насколько нам с вами этого даже не вообразить... Вы учили и продолжаете учить солдат любой ценой защищать свою Родину и, если потребуется, отдать за нее жизнь. В полной мере осознавая это, бойцы будут поддерживать в себе необходимый моральный дух и идти в бой уверенными, что их дело правое...

– А как же иначе? – удивился генерал. – Высокий моральный дух солдата – первейший залог победы. Если сомневаешься, почитай историю.

– Никак нет, не сомневаюсь и полностью с вами согласен, – ответил полковник. – Но мы сейчас говорим об отщепенцах, а они мыслят иными категориями и смотрят на войну со своей обособленной позиции. Для них залог поддержания высокого морального духа – возможность бить противника теми способами, которые они сами сочтут нужными. Отщепенец полагает, что недостаточно просто оберегать свой священный символ от поползновений врага. Эта прагматичная категория солдат искренне верит, что для достижения победы следует сначала подчистую уничтожить все вражеские святыни, а уже затем позволить таким солдатам, как вы, товарищ генерал, приступить к разгрому деморализованного противника.

– Радикалы войны! – недовольно скривился Воронин. – Голые амбиции и никаких моральных принципов! Но разве они – редкость? Да таких в генштабе больше половины сидит!

– Позвольте уточнить, – заметил Петренко. – Одно дело сидеть в генштабе и планировать нанесение ядерных ударов по территории противника, а другое – самому оказаться на этой территории в качестве карателя и обгадить руки кровью не только самих врагов, но и членов их семей. Нанести предельно жестокий точечный удар, дабы нагнать страху на других врагов и продемонстрировать, что их ждет, если они не откажутся от своих враждебных намерений. Нам с вами, товарищ генерал, никогда не поручили бы такую работу, потому что мы – обычные солдаты, которые свято чтут Устав и Присягу. Командование знало, что у нас есть принципы, которыми мы не можем хладнокровно поступиться, даже повинаясь приказу. Для столь нетипичной работы требуется нетипичный исполнитель – такой, как наш отщепенец-майор. Вы и он обладаете различными взглядами на жизнь и на войну. Однако, как бы то ни было, Родина в равной степени нуждается в вас обоих. Проблема в том, что отщепенца не так-то легко выявить и рекрутировать на эту работу. Все они – индивидуалисты, которые быстро разочаровываются в воинской службе и уходят из армии еще до того, как моя бывшая контора успевает к ним присмотреться. Про «срочников» и говорить нечего – отщепенец должен в обязательном порядке иметь крепкую психику и полностью сложившееся мировоззрение. Только такие рекруты способны в полной мере осознать, в чем будет заключаться их служба, еще до того, как сами к ней приступят. И как следствие этого – не разочароваться в выборе жизненного пути. И то, что наш майор до сих пор в седле, доказывает лишь одно: он занимается своим делом, насколько отвратительным и гнусным оно бы нам ни казалось... Виноват, товарищ генерал: хотел высказаться покороче, а получилось, как всегда.

– Да, есть за тобой такой грешок, чего уж там, – улыбнулся Воронин. – Но в любом случае, благодарю за откровенность. Хотя ничего такого, о чем бы я раньше не догадывался, ты мне не сообщил. Глупо обижаться на Родину за то, что помимо меча она не брезгует воевать и отравленным кинжалом. И тут ты совершенно прав: меч и кинжал – разные орудия убийства, даже когда боец дерется ими одновременно. Трудно сказать, чем при этом будет нанесен врагу решающий удар, – все зависит от ситуации. Поэтому на поле брани надо быть готовым ко всему... Ладно, прячь бутылку и пошли на боковую. Завтра будет ранний подъем и трудный день. Надеюсь, наш «кинжал» окажется достаточно острым и ядовитым...

Глава 8

Дикие Земли были, пожалуй, единственной в Зоне территорией, которая получила свое название не за внешний облик, а, фигурально выражаясь, за сущность. Когда сталкеры-новички, плохо изучившие перед походом в Зону ее географию, впервые слышали о расположенных к западу от Бара краях, они представлялись новичкам голым безлюдным пространством, облюбованным аномалиями и стаями четвероногих мутантов. Каково же было удивление этих недалеких сталкеров, когда вместо зловещих пустырей их взору представала железнодорожная сортировочная станция – обширный, но плотно застроенный участок местности, изрезанный

рельсовыми ветками, что до сих пор были загромождены вагонами, локомотивами, а то и целыми составами. Многочисленные депо, разгрузочные площадки и склады зарастали травой и кустарником, пробивающимися сквозь асфальт и бетон к тусклому солнышку Зоны. «Жгучий пух» длинными космами свисал с опор ЛЭП, трубопроводных магистралей, пешеходных эстакад и ржавых козловых кранов. Хватало в изобилии и прочих аномалий, подстерегающих искателя артефактов порой в совершенно неожиданных местах (один из замеченных Кальтером «Трамплинов» обосновался даже в кабине тепловоза).

Порой из глубин темных ангаров раздавались рычание и крики таившихся там мутантов, но, как сказал майору долговец Мракобес, в этом районе Диких Земель обитает не так уж много монстров. Все они предпочитают ошиваться южнее, возле ведущей на Янтарное Озеро дороги. По словам Мракобеса, там у мутантов «прикормленное место». Со стороны лаборатории Х-16 все еще продолжали тянуться на восток пораженные пси-излучением, зомбированные сталкеры – лакомая добыча для вечно голодных снайперов и кровососов. Психотропный генератор в подвале лаборатории сегодня тоже был отключен, но бродящих окрест нее неприкаянных зомби (не восставших из мертвых, а скорее не умерших до конца искателей артефактов) еще оставалось столько, что вряд ли здешним хищникам в скором времени будет угрожать голод.

Как и повсеместно в Зоне, на сортировочной станции также царили разруха и запустение. Но назвать эту территорию дикой лишь по одному этому признаку язык не поворачивался. По сравнению с тем же «Агропромом» станция пребывала в гораздо лучшем состоянии. И если в отношении первого можно было подумать, что он заброшен явно не одно десятилетие, то вторая выглядела так, словно жизнь здесь замерла максимум года три назад. Видимо, причиной этого следовало считать стоящие на рельсах вагоны и локомотивы. Именно из-за их обилия казалось, будто станция еще функционирует, просто в данный момент все работы на ней до поры до времени приостановлены. Так что, на первый взгляд, Дикие Земли звались таковыми явно незаслуженно.

Впрочем, опытные сталкеры знали, за что на самом деле железнодорожный узел между Баром и Янтарным Озером получил свое грозное название. Уже давно в Диких Землях бессменно хозяйничали мелкие и крупные кланы наемников, выбравших эту непривлекательную для других группировок территорию в качестве своей вольницы. Пройти по ней беспрепятственно могли разве что армейские патрули, однако не факт, что и они не угодили бы в какую-нибудь наемничью ловушку. По представителям прочих сталкерских кланов, что осмеливались забредать на Дикие Земли, здешние хозяева всегда открывали огонь без предупреждения. Исключение составляли лишь те визитеры, кому была назначена на станции деловая встреча, – насчет званных гостей наемники предупреждали друг друга накануне.

После того как практически все наемники ринулись на штурм Саркофага, назад из них вернулась от силы четверть, поэтому сегодня в Диких Землях стало намного спокойнее. Или, иначе говоря, риск путешествия по ним сравнялся с риском хождения по другим территориям Зоны. Наемники теперь нападали лишь на сталкеров-одиночек, да и то не всегда, потому что ныне было сложно застать на станции ее хозяев. Сократившееся количество наймитов не уменьшило спрос на их услуги, и пока он заметно превышал предложение, сидеть без дела вольным стрелкам не приходилось. Они беспрерывно мотались по Зоне, а в вольницу заглядывали, чтобы позволить себе короткую передышку перед следующим заданием. Оттого и предпочитали не ввязываться в невыгодные для них стычки.

Сменив форменные красно-черные комбинезоны «Долга» на обычные, без опознавательных знаков, долговцы Корсар, Мракобес и Бульба прибыли в Дикие Земли, выдавая себя за группу сводников, коим посчастливилось изловить нужного «Монолиту» сталкера. Кальтеру приходилось играть самого себя, но он был разоружен и взят под конвой уже на месте встречи с сектантами.

Получив известие об имеющейся у неких наемников достоверной информации касательно «серого» сталкера, монолитовцы затребовали переслать им обязательное в таких случаях подтверждение – несколько фотографий «товара». Интродер фотографировать себя, естественно, запретил, тем более что сектанты все равно не рассмотрели его как следует в «Агропроме». Роль пленника на снимках пришлось сыграть похожему на Кальтера

телосложением смуглолицему должовцу. Майор передал ему для фотосессии свой комбинезон, после чего дублер встал на колени со связанными руками, и Корсар запечатлел его на цифровую фотокамеру. А затем отправил снимки по указанному сектантами электронному адресу. Туда же ушли координаты другого адреса – на сей раз не виртуального, а реального. Сводники извещали секту, что если захваченный ими человек действительно нужен покупателю, то «товар» будет ждать его завтра, в шесть часов утра, на верхнем этаже недостроенной многоэтажки – самой высотной точке в Диких Землях.

Ничего подозрительного в условиях продавца не было. Наемники всегда предпочитали осуществлять подобные обмены на своей территории, чтобы в случае возможных эксцессов заручиться поддержкой находящихся поблизости собратьев. Получив фотографии, недоверчивые сектанты спросили, где именно был пойман пленник, и потребовали прислать вдобавок снимок его оружия. Под диктовку майора Корсар отписал, что «серый» сталкер был схвачен неподалеку от «Агропрома» и что клиент сильно хромает из-за ушиба ноги. Поразмыслив насчет второго дополнительного условия, Кальтер решил, что фокус с подменой «ВМК» на австрийский «АУГ», который лишь отдаленно напоминал винтовку «мизантропа», не удастся. Сектанты не зря запросили фото его оружия в качестве гарантии, так как успели определить, что беглец вел по ним огонь из уникального ствола. Пришлось подчиниться требованию покупателя и отправить им нужный снимок. С припиской, что если «Монолит» имеет какие-то виды на эту «модерновую пушку», то сектантам придется раскошелиться еще на энную кругленькую сумму либо равноценное ей количество артефактов. Сектанты ответили, что пушка клиента им даром не нужна, но теперь подлинность товара не подлежит сомнению, и потому их делегация прибудет завтра в условленное время на оговоренное место встречи. Не забыв, разумеется, прихватить с собой обещанную премию.

Долговцы намеренно выбрали время сделки с таким расчетом, чтобы успеть на нее в срок могла лишь та группа сектантов, которая находилась ближе всего к Диким Землям. Добираться до них от Военных Складов было всего на пару часов дольше, чем от Бара. «Монолит» не настоял на отсрочке встречи, а значит, покупатель отправится за «товаром» с южного форпоста монолитовцев. Конечно, не было твердой гарантии, что за пленником явится именно Гурон. Но по всем предпосылкам, этой работой должен был заняться именно тот сектант, который упустил беглеца в «Агропроме» и затем дал объявление о его поимке.

Место предстоящего обмена также выбиралось не случайным образом. Проводить запланированное мероприятие на открытой местности было рискованно: враг не устоял бы перед искушением разместить снайперов на крышах ближайших ангаров. Встреча с сектантами внутри какого-нибудь депо тоже не давала должной уверенности, что все пройдет гладко. В заставленных техникой гигантских цехах могла незаметно рассредоточиться хоть целая рота головорезов – опять-таки заманчивый соблазн для покупателя. А вот находясь на последнем этаже недостроенной многоэтажки, можно держаться вне досягаемости снайперского огня – все потенциальные позиции снайперов в таком случае располагались намного ниже их целей, – и вести с высоты наблюдение за округой. И при малейшем подозрении скрыться еще до того, как крупные силы противника подступят к зданию и окружают его.

Неизвестно, на сколько этажей хотели замахнуться строители станционной высотки, не вмешайся в их планы черныбыльский катаклизм. Все, что успели сотворить здесь зодчие будущих Диких Земель, – это возвести каркас из свай, перекрыть его двумя ярусами плит, соединить их лестницами и полностью закрыть два из трех готовых этажей внешними стенными панелями. Верхний этаж был огорожен ими лишь с одной стороны – южной. Остальные три направления оставались открытыми. Лишь торчащие по периметру площадки концы свай и натянутая между ними толстая проволока ограждали недостроенный этаж взамен отсутствующих стен.

Это обстоятельство позволило Кальтеру созерцать панораму северного участка Диких Земель, озаряемых бледными лучами безрадостного рассвета Зоны. Уследить за всей раскинувшейся перед майором территорией он, понятное дело, был не в состоянии. Поэтому сразу предупредил напарников, что, дабы не сидеть без толку, он берет на себя контроль за северо-восточным сектором обозримого пространства. Правда, делать это приходилось без бинокля, поскольку руки интродера были скованы за спиной наручниками, ноги связаны

веревкой, а сам он был усажен возле единственной на этаже стены в неудобной позе. В общем, вживался в роль ожидающего своей участи пленника, что, однако, не мешало ему вносить посильный вклад в наблюдение за округой.

Вместе с майором на площадке находились два его «конвоира» – Мракобес и Бульба. Третий участник операции – Корсар – занял скрытую позицию в соседней кирпичной двухэтажке. Из окон ее верхнего этажа не было видно, что творится на площадке для переговоров, зато отлично простреливались все подступы к недостроенной высотке. У Корсара имелся при себе одноразовый гранатомет «Муха» и ПКМ, с помощью которых долговец собирался расчистить товарищам путь к отходу, когда начнется заваруха. А в какой именно момент переговоров это произойдет, предстояло решать Кальтеру (конечно, в том случае, если сектанты не нападут первыми). Ведь если кто из явившихся по душу Гурона убийц и мог подобраться вплотную к жертве, так только сам «живой товар», с которым покупатель непременно захочет познакомиться поближе.

Не стихающий на верхотуре ветер вынудил всех надеть респираторные полумаски. Еще в Баре Кальтер поинтересовался, а не стоит ли кому-нибудь из «сводников» засветить майору в морду для пушей конспирации. Дескать, пара-тройка кровоподтеков могла бы добавить легенде правдоподобия. Но знакомые с правилами этого наемничьего бизнеса долговцы ответили, что у сводников не принято кантовать хрупкий товар при транспортировке, поскольку в случае даже малейшей его некондиции покупатель может сбить цену. Уж лучше раскрыть перед Гуроном карты до того, как сектант заметит подмену, чем вгонять его в сомнения набитой физиономией клиента. Защитная полумаска в данной ситуации будет смотреться гораздо естественнее, тем более что ветер на высотной площадке для переговоров и впрямь дул ощутимый.

На часах было без десяти шесть, когда Бульба заметил приближающуюся с севера делегацию сектантов. Они шагали в колонну по одному между заставленными вагонами железнодорожными путями и расположенными вдоль них длинными разгрузочными платформами. По каждой из платформ двигалась пара дозорных, ведущих наблюдение за правым и левым флангами.

– Шестнадцать человек. Шесть автоматчиков, шесть броненосцев и четыре «гаусса», – не отрываясь от бинокля, сообщил Бульба сидящему у стены майору. Кальтеру была не видна идущая сюда вражеская группа, но встать и произвести оценку лично он не мог. За сводниками наверняка тоже велось наблюдение, и «товару» не следовало расхаживать по площадке, вызывая тем самым подозрения покупателей.

– «Броненосцев»? – переспросил Кальтер, не успевший как следует ознакомиться со сленгом напарников.

– Уроды в боевых экзоскелетах, – уточнил вместо Бульбы Мракобес, который, как и товарищ, тоже лежал у края площадки и следил за монолитовцами в бинокль. – Ходячие мини-танки, мать их! В таком форсированном костюмчике можно и стену кулаком пробить, и джипу колесо без домкрата поменять.

– Ясно, – кивнул Кальтер, получив представление, о каких броненосцах толкует Бульба. Ручные пушки Гаусса, экзоскелеты, «Пурга-Д»... Да, эта секта – не Свидетели Иеговы, или Адвентисты Седьмого Дня. Создается впечатление, что военные не осознают, какой монстр наращивает мускулы у них под боком. Скоро, глядишь, «Монолит» дозреет до того, что объявит Зону суверенной республикой и потребует вывести ее из состава государства. И ведь ничем этих сепаратистов не урезонишь: ни армией, ни экономической блокадой. «Выжигатель мозгов» и плодящиеся, как грибы, артефакты обеспечат независимость и стабильное пополнение бюджета маленькой аномальной республики, которой участь Косово уж точно не грозит. Как бы ни чесались у военных руки подвергнуть Зону бомбардировкам, швырять бомбы на ЧАЭС не рискнет даже самый ортодоксальный миротворец...

Покупатели шли, не таясь и без спешки, давая понять продавцам, что беспокоиться не о чем. Покинув разгрузочную платформу, сектанты проследовали мимо ряда дощатых, обитых жестью складов и ступили на двор стройплощадки, в центре которой возвышалась многоэтажка. Корсар сообщил товарищам по закрытому каналу ПДА, что отлично видит всю группу и готов по первому же приказу открыть по ней огонь из пулемета. Что можно было и впрямь сделать, сумей долговцы определить, кто из сектантов является Гуроном. Прицельная

очередь, и все – можно разбегаться. Но, увы, пока что псевдосводники видели перед собой шестнадцать врагов, облаченных в одинаковые, асфальтового цвета комбинезоны и стальные шлемы с забралами из поляризованного стекла, что служили одновременно и защитными масками. Рассмотреть под ними лица было совершенно невозможно.

У шестерых монолитовцев комбинезоны действительно были усилены экзоскелетами: стальными накладками-бандажами; соединяющими их подвижными механическими тягами; поясом с аккумуляторами, питавшими все это оборудование, и кабелями, покрытыми высокопрочной изоляцией. Один из ходячих мини-танков держал в руке большой и, судя по виду, тяжелый контейнер с обещанными сводникам артефактами. Хотя с тем же успехом там могли оказаться и обычные кирпичи. Долговцы понятия не имели, как принято у сектантов расплачиваться с наемниками, чьими услугами «Монолит» изредка пользовался. Не исключено, что для многих сталкеров, подписывавшихся работать на секту, эта работа становилась последней в их жизни.

Потупив взор, втянув голову в плечи и прижавшись к стене, Кальтер окончательно вошел в образ подавленного своей участью пленника. Подтянувшиеся к подножию высотки монолитовцы были ему все так же не видны, поэтому он поглядывал на правую руку Мракобеса – опознав главную цель, тот должен был незаметно для гостей оттопырить большой палец. Вражеская делегация прибыла, но долговец мешкал с подачей условного сигнала. Кальтер понял, что рассчитывать на быстрое устранение Гурона уже не стоит. Он не желал выделяться из своих бойцов, а стало быть, интродеру придется действовать по наитию, выясняя на ходу, кому из сектантов подчиняются остальные пятнадцать.

– Стойте, не двигайтесь! – потребовал Мракобес, взирая на покупателей с высоты и предупреждающе подняв ладонь. Монолитовцы подчинились, и долговцу не пришлось повторять команду. – Эй, ты, а ну открой ящик! Только аккуратно, без дерганья!.. Та-а-ак! А теперь отойди от него! Отойди, кому говорю, – не видно же, блин, ничего! Давай-ка посмотрим на ваше богатство... Вернее, наше!

Мракобес снова поднес к глазам бинокль и вперился вниз, на услужливо открытый ему контейнер. Его содержимое наверняка интересовало и Бульбу. Но он не поддавался искушению взглянуть на драгоценные артефакты, продолжая удерживать гостей на прицеле автомата. Кальтер скосил глаза на соседнее здание и с удовлетворением отметил, что Корсар выбрал себе надежное укрытие, незаметное даже с верхней площадки многоэтажки. Жаль, Воронин не выделил на эту операцию больше людей. Рассадить бы по позициям еще трех-четырех стрелков, и тогда никаких спектаклей не нужно: обложили Гурона и компанию со всех сторон да расстреляли, как стаю бешеных собак...

– Ну-ка достань и покажи мне вон ту хреновину!.. Нет, не эта, а которая рядом... Ага, она! Вынимай! – Мракобес был вынужден изображать из себя мнительного наймита, поскольку доверчивый сводник являл собой такой же нонсенс, как и кровосос-вегетарианец. – Это что, «Ночная Звезда»?

– Так и есть, – отозвался со стройплощадки сектант, демонстрирующий своднику, что называется, хабар лицом.

– Что-то слишком мелковата она для «Ночной Звезды», – усомнился долговец. – На какой помойке ты подобрал этот огрызок?

– Да ты вообще хоть раз в жизни видел наяву «Ночную Звезду»? – оскорбился покупатель.

– А как же! – с вызовом заявил Мракобес. – Стал бы я тогда тебя о ней спрашивать? Думаешь, мы что, те первогодки, которым можно спихнуть вместо смачного хабара всякую туфту? Не на тех напали, джентльмены! В договоре было сказано, что в оплату, помимо всего прочего, входит одна «Ночная Звезда»! «Все прочее» я прекрасно вижу даже отсюда, а вот «Звезду» почему-то не замечаю! А у меня, да будет вам известно, на нее уже покупатель выгодный найден! Я ему, между прочим, дал слово, что завтра нужный артефакт будет у него! И что я, по-вашему, ему принесу? Этот скукожившийся сухофрукт, который вы решили мне сбавить вместо полноценной «Ночной Звезды»? Короче, тема такая: или вы сейчас же кладете в ящик то, что нам нужно, или ваш хромоногий сталкер получает пулю в башку, и через полминуты здесь собирается моя братва, а вы с потрохами переходите в нашу собственность! Ишь, блин, чего удумали: Петьку Воробья на хабаре провести!..

– Успокойся, сводник! – раздался снизу другой голос, гораздо более уверенный и властный. – Ты за свой товар отвечаешь, и мы – тоже! Клянусь тебе, что это и есть самая настоящая «Ночная Звезда»! Надеюсь, ты слышал о том, что до нее не может долететь ни одна пуля? Если сомневаешься, можешь проверить.

– Хочешь сказать, что, если сейчас ты положишь эту типа «Звезду» вон на тот камень, а мой кореш выпустит в нее полрожка патронов, все пули просто возьмут и повиснут перед ней в воздухе? – издал нервный смешок Мракобес. В действительности нервы у него были не хуже, чем у Кальтера и голова варила отменно. Майор только сейчас понял, зачем на самом деле долговец завел препирательства с покупателем. При угрозе срыва переговоров выступающая от секты «шестерка» не осмелится самостоятельно принять ответственное решение. Это сможет сделать лишь командир группы, которому так или иначе придется раскрыть свое инкогнито. Что сейчас, по всей видимости, и произошло. Мракобес тоже смекнул, что его хитрость возымела успех. Как только в разговор вступил третий участник, большой палец на прижатой к бедру ладони долговца оттопырился в сторону, и майор получил свой долгожданный условный знак. Осталось лишь узнать, кому именно из шестнадцати монолитовцев принадлежит этот авторитетный голос.

– Можешь быть уверен – все произойдет именно так, как ты сказал, – ответил на вопрос сводника монолитовец, а затем отдал приказ демонстрирующему артефакты бойцу: – Сделай, как парень просит!

– Ладно, мужик, не суетись – все пучком! – капитулирующе поднял ладони вмиг подобревший Мракобес. – Так и быть, убедил! А теперь слушайте сюда, бродяги! Сейчас один из ваших «трансформеров» принесет нам наверх эту коробку и заберет отсюда клиента. А пока он ходит, вы можете перекурить, перемотать портянки, справить нужду или стекла на противогАЗах протереть. Короче, занимайтесь чем угодно, но если хотя бы один из вас сунется в здание, случится то, о чем я уже предупреждал. Это еще не все. Потом, когда «трансформер» уведет клиента, вы все дружно и с песней маршируете назад той же дорогой, откуда пришли. Задержитесь хоть на полминуты – я свищу на всю округу и навожу глобальный шухер. Задача ясна? Тогда давай, скажем, во-о-он ты... или нет, лучше ты... – Долговец поочередно ткнул пальцем в стоящих внизу «броненосцев», – хватай ящик и дуй к нам. И поторопись... у клиента уже ноги затекли!

– Не так шустро, сводник! – Старшему группы такой вариант обмена явно не приглянулся. Собственно говоря, на это хитрый Мракобес и рассчитывал. Он знал, что конкретно в его затее придется покупателям не по нраву и какое контрпредложение они выдвинут в ответ. – Откуда нам знать, сколько там вашей братвы залегло на вершине и что у вас на уме? А вдруг клиент этой ночью дал от вас деру и вы пришли пустыми? Наш боец поднимется, вы его прикончите, заберете у него экзоскелет и контейнер, потом займете круговую оборону и вызовете подмогу, а нам придется уходить ни с чем. Предлагаю произвести обмен на втором этаже этого здания. Трое ваших и клиент против троих наших и контейнера. Меняемся и расходимся восвояси.

– Нет уж, обломись! – не согласился в свою очередь долговец. – Сейчас между нами и вашими «гауссовками» несколько толстых слоев бетона, и нас это здорово утешает! А на втором этаже мы будем чувствовать себя уже не так спокойно. Поэтому, пока вы не уберетесь с Диких Земель, мы отсюда не сойдем, и не мечтайте!

– И что же ты предлагаешь? – спросил командир монолитовцев. – Потоптаться друг напротив друга и разойтись?

– Я уже сказал, какой вариант нас устроит, – упорно стоял на своем Мракобес. – Придется вам или согласиться со мной, или проваливать к чертовой матери. Уж извини, но то, что вы сдержали слово и притащили настоящие артефакты, еще не значит, что Петька Воробей проникся к вашей банде доверием!

В переговорах возникла непродолжительная пауза. Кальтер наострил уши, но не расслышал со стройплощадки ни единого звука. Очевидно, Гурон – хотелось верить, что это был все-таки он, – не привык совещаться со своими людьми и все решения принимал исключительно единолично.

– Покажите клиента! – спустя полминуты потребовал командир монолитовцев.

Бульба подошел к Кальтеру, подмигнул ему украдкой – мол, заранее извиняюсь, но раз уж

назвался «товаром», будь добр, терпи, – после чего ухватил майора за шиворот, проволоком его, будто куль, через всю площадку и подтащил к краю. Потом, направив на Кальтера автомат, грубо помог скованному по рукам и ногам пленнику принять вертикальное положение. Крепко вцепившись в комбинезон связанному клиенту, Бульба продолжал заботливо опекать его и удерживать от вероятных попыток суицида, какие он мог предпринять, очутившись на краю пропасти.

Майор сразу догадался, кто из стоящей на стройплощадке толпы ему нужен. Из всех шестнадцати противников лишь один отреагировал на его появление конкретным действием. Этот сектант поднес руку к виску и нажал на своем высокотехнологичном шлеме какой-то сенсор. Судя по всему, в забрало шлема была встроена функция цифрового «зума». Она позволяла интерактивному стеклу увеличивать масштаб наблюдаемых сектантом объектов, тем самым полностью заменяя ему бинокль. Еще несколько монолитовцев задрали голову, а остальные продолжали неотрывно следить за округой, демонстрируя, что в Зоне не только «Долг» может похвастаться дисциплинированными солдатами.

– Ну что, убедился?! – крикнул Мракобес Гурону и толчком в грудь уронил клиента на пол. Кальтер едва успел сгруппироваться, чтобы не стукнуться затылком о бетон. Зато сводники убрали пленника с вражеских глаз до того, как сектант успел присмотреться к его лицу. Точнее, к той его половине, что не была скрыта под полумаской. – Но ты почти угадал: этот тип даром что хромой, а ведь и впрямь раза три порывался удрать, пока мы его сюда тащили. А полчаса назад так и вовсе хотел с верхотуры вниз сигануть. Попортил нам нервы, короче говоря. Так что смотри с ним поаккуратней. Лучше сразу узнай все, чего тебе от него надо, да прикончи этого шустрика от греха подальше!.. Ну так что, вы поднимаетесь или будете дальше мяться, как школьники перед гинекологом?

– Контейнер доставят наверх четыре моих человека! – выдвинул Гурон новое условие. – И еще двое в экзоскелетах будут прикрывать их на втором этаже! Все пушки Гаусса останутся внизу. По-моему, это вполне справедливо!

– Мы согласны, если одним из этих четверых будешь ты! – внес дополнение Мракобес, переглянувшись с Бульбой. Вражеская диспозиция выстраивалась не самым выгодным образом для должовцев, но вряд ли у них оставался шанс перетасовать в этой игре колоду более удачно. – Иди и на личном примере докажи, что нам ничего не угрожает, а иначе первый ответишь за гнилые обещания! А остальным десяти скажи, чтобы все время стояли там, где стоят. Сойдут с места – пеняй на себя!

– Готовьте клиента – мы поднимаемся, – отозвался Гурон и на том завершил переговоры. После чего взялся отбирать команду для проведения товарно-артефактного обмена, молча указав по очереди пальцем на нужных бойцов.

Мракобес и Бульба проследили, как прикрываемая парой «броненосцев» четверка сектантов взялась за ручки контейнера и потащила его ко входу в здание, будто маленький гроб. Затем должовцы отошли от края площадки, доверив наблюдение за оставшимися внизу монолитовцами Корсару, подхватили Кальтера под руки и подняли его с пола. А пока Бульба развязывал майору ноги, Мракобес успел шепотом дать ему краткую наводку на цель:

– Автоматчик с новой «немкой». С левого боку на шлеме приклеен кусочек синей изоленты, видимо, знак отличия. Цель идет второй справа. Впереди – «броненосцы» с пулеметами.

– Как подам знак, первым делом бросай им под ноги гранату, – приказал интродер. – Затем бейте остальных. Постарайтесь открыть огонь, когда они отвлекутся на меня. Не проспите – у вас будет на это не больше двух секунд. И не стреляйте по ногам – только в грудь или голову. Иначе зацепите меня... Пошли!..

– А ну стой! – прикрикнул Мракобес на поднимающихся по лестнице покупателей. – Назад! Мы так не договаривались!

Долговцам было с чего поднять шум. Обязанный занести контейнер на третий этаж квартет сектантов вдруг остановился на втором, а вверх по лестнице вместо них двинули «броненосцы» с пулеметами.

– Не дрейфь, сводник! – откликнулся у них из-за спин Гурон. – Это всего лишь проверка! Мои ребята просто глянут, что все чисто, и вернутся туда, где им положено быть!

– Ладно, только быстро! – дал добро Мракобес. – И пусть пушки опустят!

Командир сектантов отдал соответствующий приказ, и ходячие мини-танки направили стволы пулеметов в пол. Затем парочка топающих тяжеловесов поднялась по лестнице настолько, чтобы лишь выглянуть на площадку и осмотреться. Оба остались довольны обстановкой и, не дожидаясь, когда хозяева выкажут очередное раздражение, направились обратно.

Кальтер и его напарники расположились неподалеку от лестницы таким образом, чтобы их не было видно с нижнего этажа. Слева и справа от них торчали из пола два бетонных столба, предназначенные для поддержания отсутствующего здесь потолка. Помимо столбов на площадке имелись еще две колонны, расположенные с противоположной стороны от выхода. Будь у должовцев больше людей, они засели бы там. Однако в связи с дефицитом личного состава диверсионная команда предпочла занять наиболее оптимальные огневые позиции. Оставшиеся пришлось уступать врагу, но тут уже ничего не поделать.

Ноги майора были распутаны, но руки оставались сцепленными за спиной наручниками. Целясь клиенту в спину из автоматов, Мракобес и Бульба стояли в двух шагах позади интродера, и каждый – в шаге от своей колонны. Вполне естественная сцена: наемники красноречиво демонстрировали, кто первый получит пулю, надумай покупатели забрать «товар» у продавца силой. Винтовка и прочий арсенал интродера были спрятаны за тем столбом, что облюбовал себе в качестве укрытия Бульба. Сам Кальтер служил, образно говоря, наконечником нацеленного в Гурона карающего копья «Долга». Единственное преимущество майора заключалось в том, что сектанты не рассматривали его в качестве приоритетного противника.

Квартет монолитовцев преодолел последний лестничный пролет, втащил груз на площадку и остановился. Каждому из носильщиков приходилось держать оружие в одной руке, но это отнюдь не означало, что они не были готовы открыть огонь в случае угрозы. Майор быстро отыскал по ориентировке человека с новенькой винтовкой «Хеклер-Кох» и маленьким, в два ногтя, кусочком синей изоляции на шлеме. Между интродером и его целью сейчас находился один из сектантов, и бросаться на жертву, едва та появится в зоне досягаемости, было бы неразумно.

Первые мгновения очной встречи участников сделки были самыми взрывоопасными. Майору следовало выждать, когда покупатели сориентируются в обстановке и поймут, что на площадке больше нет никого, кроме уже известных им сводников. После чего монолитовцы слегка успокоятся и почувствуют себя увереннее. Вот тогда и настанет время преподнести им неприятный сюрприз.

– Поставьте ящик! – скомандовал Мракобес. Когда сектанты подчинились, он ткнул Кальтера стволом автомата между лопаток и добавил: – Пошел! Резче!

Майор неуверенной хромой походкой выдвинулся к противнику. Долговцы, наоборот, отступили назад, под прикрытие колонн. Трое сектантов взяли автоматы на изготовку, а четвертый – тот самый, что носил увиденную Мракобесом метку, – вышел навстречу Кальтеру, тоже при этом не опуская оружия. Непроницаемое поляризованное стекло скрывало лицо командира монолитовцев, и интродер до сих пор не знал, кто находится перед ним: Гурон или кто-то другой. Но время терзаться сомнениями ушло. Судьба приближающегося к интродеру сектанта была предрешена.

Пульс набатом застучал майору в висок, отсчитывая последние мгновения повисшего над Дикими Землями утреннего затишья. Еще несколько ударов сердца, и все здесь перевернется с ног на голову. Четыре... Три... Два...

Гурон перекладывает «Хеклер-Кох» в правую руку, а левую вытягивает вперед, намереваясь сорвать с Кальтера защитную полумаску и проверить подлинность «товара». Как и положено пленнику со сбитой спесью, тот не противится, а покорно ждет, когда покупатель убедится, что не приобрел кота в мешке. Сектант этим весьма доволен – сводники свое дело знают и умеют научить клиента покладистости, не попортив ему товарный вид. Гурон не замечает сейчас лишь две мелкие детали: разорванную цепочку на наручниках майора (заблаговременно перепиленная, она была связана воедино лишь тоненькой алюминиевой проволокой) и рукоять кинжала, выскользнувшую из расстегнутого обшлага комбинезона

интродера.

Пальцы монолитовца цепляют полумаску пленника и срывают ее у него с лица. В это время выброшенная из-за спины левая рука майора хватает ствол вражеской винтовки и отводит его в сторону. Другая рука интродера с зажатым в ней обратным хватом кинжалом устремляется к левому плечу противника. А затем предельно коротким, без замаха, движением вонзает клинок Гурону в шею, аккуратно под кромку шлема, и резким реверсивным движением рассекает ее до тех пор, пока лезвие не упирается в край маски. Нанесенный интродером разрез имеет в длину всего три сантиметра, но благодаря ювелирной точности и глубине в мгновение ока рассекает сонную артерию. Ярко-красные струи крови толчками хлынули из пронзенной шеи сектанта. Сам же он продолжает стискивать в пальцах содранную с Кальтера полумаску и пялиться на него сквозь мутное забрало шлема...

Миг, и от запуганного, едва перебирающего ногами пленника не осталось и следа. Преображение майора произошло настолько молниеносно, что, когда он нырком бросился вперед, заодно роняя жертву вместе с собой на пол, трое сектантов еще даже не спустили курки – лишь подсели от неожиданности и уставились на происходящее. Зато ожидавшие этого момента должовцы среагировали практически без задержки. Когда уронивший Гурона навзничь Кальтер нанес ему повторный удар кинжалом – между плечевыми щитками, точно в ключичную впадину, – над головой майора пронеслась и упала на лестницу брошенная Бульбой граната. А Мракобес выпустил короткую прицельную очередь в голову ближайшего к нему монолитовца, который в эту секунду смотрел в другую сторону и только-только собрался стрелять в того, кто напал на его командира. Пули должовца сорвали с головы врага шлем, разбили маску и снесли половину черепа. Приконченный сектант грохнулся на бетон рядом с добывающим жертву Кальтером, будто попытавшись дотянуться до него и не допрыгнув какие-то считанные сантиметры.

Второй очередью Мракобес намеревался уложить монолитовца, что находился у майора за спиной. Однако враг уже смекнул, кого ему следует опасаться прежде всего. Метнувшись вбок, он увернулся от предназначенных ему пуль, кроме одной, вскользь ударившей сектанта по нагрудной бронепластине комбинезона. Касательный удар швырнул монолитовца на контейнер, перелетев через который он волею случая оказался недосыгаем для прикрывающих Кальтера стрелков. Долговцам некогда было выяснять, что стало с этим противником, поскольку оба они уже с упоением поливали свинцом последнего оставшегося на этаже боеспособного врага. А он, уходя из-под огня автоматчиков, не придумал ничего лучше, как броситься за бетонные колонны, что торчали по другую сторону лестничного выхода.

Вернувшиеся на второй этаж «броненосцы» торчали у подножия лестницы, когда им под ноги прикатилась брошенная Бульбой граната. Облаченный в экзоскелет боец обретает неимоверную мощь, но при этом изрядно теряет в подвижности. Вдобавок вражеская группа прикрытия поздно заметила прилетевший сверху яйцеобразный предмет. Ходячие мини-танки рванули врассыпную несколько запоздало, и только один из них – в правильном направлении. Счастливчик сделал всего три грузных шага и очутился под защитой бетонного лестничного пролета. В то время как его напарник решил, судя по всему, достичь стоящей неподалеку бетономешалки и схорониться за ее толстостенным металлическим резервуаром.

Взрыв грянул, когда монолитовец находился всего в шаге от спасительного пуленепробиваемого агрегата. Ударная волна и осколки настигли нерасторопного «броненосца», отчего он словно угодил под несущийся грузовик. Сбитый с ног сектант пролетел разделявшее его и бетономешалку расстояние, а затем врезался в нее головой, да так крепко, что отбил от стенок резервуара корку давно засохшего раствора. Даже если осколки и не убили пулеметчика, этот удар гарантированно свернул ему шею.

В отличие от него, второй носитель экзоскелета не получил ни единой царапины – наклонный лестничный пролет оградил его от осколков и контузии. И едва разбросанные взрывом обломки бетона разлетелись по этажу, выживший «броненосец» вновь схватил пулемет и бросился на выручку оставшимся наверху собратьям.

С момента первого взрыва миновала всего пара секунд, как здание содрогнулось от второго, аналогичного по мощности. Только этот взрыв шарахнул уже этажом выше. Устроили его опять-таки должовцы, но на сей раз метать гранату им не пришлось. Противник сам вырвал

чеку и подорвался, даже не успев сообразить, что он натворил.

Осуществить это злодейство удалось посредством элементарной растяжки, установленной час назад между второй парой торчащих на площадке колонн. Долговцы заранее облюбовали себе наиболее выгодные позиции, не оставив сектантам права выбора. По этой причине предсказать поведение угодившего под обстрел врага было легко. За неимением на площадке других укрытий противник неизменно должен был очутиться за теми колоннами, где его уже поджидал неприятный сюрприз.

Бросившись к колоннам, монолитовец проморгал в суматохе натянутую над полом проволоку, зацепил ее и активировал ловушку. Судя по тому, что сектант даже не попытался убежать, он так и не заметил, что произошло. Граната взорвалась прямо у него под ногами, подбросив бедолагу в воздух и вышвырнув за ограждение площадки, к основанию здания.

Перепаханный вражеской кровью майор вскочил с бьющегося в агонии тела именно тогда, когда с другой стороны контейнера высунулся недостреленный сектант – тот самый, что отлетел туда после касательного попадания в бронежилет. Высунулся он, понятное дело, не для рекогносцировки, а с намерением пристрелить первого же попавшегося ему на глаза противника. Оказавшийся поблизости от монолитовца вооруженный одним ножом Кальтер являлся просто превосходной мишенью.

Интрuder едва успел снова юркнуть за контейнер, как над головой у него пронесся град пуль. «Зиг-Зауэр» монолитовца пролаял длинной очередью, прежде чем стрелок понял, что цель успела скрыться. Однако куда именно она подевалась, загадки не составляло. Сектанту нужно было лишь высунуться получше, чтобы увидеть залегшего на полу Кальтера и расстрелять его практически в упор. Главное, успеть это сделать, пока опустошившие по первому магазину сводники не перезарядили «калаши» и снова не открыли по монолитовцу огонь.

Держа «Зиг-Зауэр» наготове, монолитовец привстал над контейнером и, будучи уверенным, что через секунду увидит цель, собрался открыть огонь на опережение. Но вместо врага стрелок узрел винтовочное дуло. Оно смотрело прямо на сектанта, и если бы эти своеобразные гляделки продлились еще чуть-чуть, тот непременно узнал бы нацеленное на него оружие командира. Но опознать знакомый «Хеклер-Кох» монолитовец не успел. В следующую секунду высунутое из-за контейнера дуло выплюнуло в него ответную, не менее щедрую порцию свинца.

Завладевший трофейным оружием Кальтер стрелял наугад, но близкое расстояние до противника не позволило ему промахнуться. Теперь бронепластины не спасли монолитовца, чей комбинезон мгновенно превратился в решето, а сам сектант отлетел назад и покатился по лестнице, прямо под ноги спешащему вверх «броненосцу». Его грузный топот отчетливо долетал до Кальтера, несмотря на то что внизу, у подножия высоты, уже грохотал жаркий бой.

А вот долговцы не сумели расслышать тяжелую поступь ходячего мини-танка. Очевидно, войдя в раж, Бульба опрометчиво решил, что брошенная им граната вывела из строя обоих «броненосцев» – все ж таки спастись от упавшей под ноги «РГД-5» в помещении гораздо труднее, нежели на открытом пространстве. Однако, несмотря на этот вроде бы неоспоримый факт, вражеский пулеметчик выжил и не помышлял об отступлении.

Выбросив трофейный «Хеклер-Кох» – майор не рассчитал высокий темп стрельбы малознакомого оружия и выпустил зараз весь магазин, – Кальтер метнулся прочь от опасного лестничного выхода. И весьма своевременно – замешкайся интрuder хотя бы ненадолго, точно напоролся бы на плотный пулеметный огонь. В руках у «броненосца» был довольно свирепый пулемет «МГ-3» – слишком тяжелый и скорострельный, чтобы стрелять из него с рук, но при наличии экзоскелета проделывать такой трюк можно было без особых затруднений. При этом точность стрельбы из «МГ-3» оставалась ничуть не хуже, чем при ведении огня с использованием жесткого упора.

Завидев, как майор расправился с последним противником на этаже, Мракобес и Бульба выбежали из-за колонн и бросились к телу вражеского командира, желая убедиться, что порученное им задание выполнено. Но добежать до распластавшегося в луже крови Гурона долговцы не успели. Возникший на лестнице «броненосец» с ходу обрушил на союзников Кальтера поток 7,62-миллиметровых пуль, паля из скорострельного оружия не хуже легендарного киношного терминатора. От немедленной смерти Мракобеса и Бульбу спасло то,

что в последний момент они дружно бросились врассыпную. Первая пулеметная очередь вспорола бетон точно между долговцами и лишь по счастливой случайности никого не зацепила.

Но на этом фортуна посчитала свою миссию выполненной и отвернулась от бойцов Воронина, к которым она до сей поры проявляла снисхождение. Изрыгающий свинец пулемет в руках «броненосца» качнулся и повел стволом вслед убегающему Бульбе. Стремительная черед фонтанов бетонного крошева рванула в том же направлении, будто дрессированное животное, которое получило от хозяина команду атаковать врага. «Зверь» этот был на порядок проворнее человека и настиг его, не успев тот сделать и пяти шагов. После чего полоснул по жертве свинцовыми когтями и исчез, чтобы через секунду возникнуть в другом месте, вблизи от следующей жертвы. А ощутивший на себе гнев этой твари Бульба споткнулся, выронил автомат и, прокатившись по полу, остался лежать у края площадки.

Мракобес понял, что случилось с Бульбой, лишь тогда, когда достиг своего укрытия и вновь спрятался за ним. Однако долговец не мог ни броситься на помощь товарищу, ни даже высунуться из-за колонны, чтобы отстреливаться. Пулеметчик сосредоточил на ней огонь, намереваясь попросту срезать бетонный столб и добраться таким образом до спрятавшегося за ним противника. При немереной мощи «МГ-3» осуществление этой затеи должно было занять считанные секунды. Куски бетона и перебитая арматура разлетались вокруг, словно тот свирепый хищник, что расправился с Бульбой, теперь в ярости драл когтями и клыками колонну, стремясь быстрее добраться до жертвы.

Колонна рухнула еще до того, как пули полностью «перегрызли» ее. Уцелевшая арматурная перемычка не могла удержать на себе такой вес, и она согнулась, позволив тяжелой бетонной махине грохнуться на пол. Мракобес едва успел откатиться в сторону, а иначе раскуроченный столб расплющил бы его, как таракана. Неизвестно, была ли такая смерть лучше, чем гибель под градом пуль, но в любом случае умирать раньше времени долговец не собирался. Пусть даже время это могло наступить для него уже в следующее мгновение.

Но оно не наступило, хотя пулемет «броненосца» продолжал свой непрекращающийся оглушительный лай. Правда, теперь вражеские пули летели в небо, поскольку сокрушившему колонну сектанту вдруг стало не до укрывшегося за ней противника. Впрочем, до неба монолитовцу тоже не было никакого дела, хотя напавший на него враг свалился именно сверху. Пристрелить его сейчас не представлялось возможным, а на спусковой крючок сектант давил по вине спазма, который парализовал ему пальцы. А спазм, в свою очередь, был вызван вонзившимся «броненосцу» в шею кинжалом.

Увернувшийся в последний момент из-под огня Кальтер выскочил из поля зрения пулеметчика, занятого расстрелом долговцев. И пока тот двигался по лестнице и вел огонь, майор успел забежать выходящему на площадку противнику в тыл и прыгнуть ему на спину. «Броненосец» еще шагал по ступенькам, поэтому интродер сиганул на него с края лестничного выхода так, чтобы уронить врага лицом вперед, а не наоборот. Грохнулся он назад под весом запрыгнувшего на него Кальтера, и майору пришлось бы несладко.

Но благодаря экзоскелету монолитовец выдержал свалившуюся на него нагрузку, даже стоя на наклонной лестнице. Это позволило майору успеть нанести удар кинжалом в уязвимое место закованного в броню противника. Туда, где располагалось одно из гибких сочленений сталкерских комбинезонов, предохраняющее шею от порезов, но не от сильного кинжального удара.

Пулемет «броненосца» расстрелял остаток ленты и замолк еще до того, как Кальтер рассек сектанту сонную артерию. Майор трижды вонзил клинок ему в шею, а затем соскочил со спины ходячего мини-танка, прежде чем монолитовец успел изловить интродера за руку своей форсированной дланью и переломать ему кости.

От падения облаченного в экзоскелет агонизирующего тела лестничный пролет едва не переломился пополам. Оставляя за собой тянущийся багровый след, «броненосец» с грохотом скатился вниз, на второй этаж, и остался лежать у подножия залитой кровью лестницы. Последний поднявшийся на верхний этаж сектант был мертв, как и остальные пятеро его сопровождающих...

Между тем на прилегающей к высотке стройплощадке разыгрались не менее драматичные

события. Десять оставшихся внизу сектантов лишь делали вид, что замерли в ожидании ушедших наверх братьев. В действительности каждый монолитовец из группы прикрытия подбирал для себя огневую позицию на случай внезапного обострения обстановки. И когда она таки обострилась, враги быстро рассредоточились по укрытиям. А их вокруг недостроенного здания было вполне достаточно для организации обороны и более крупного подразделения.

Едва наверху прогремел первый выстрел, как из окна соседней двухэтажки по находившимся на стройплощадке монолитовцам ударил пулемет Корсара. Вмиг маски были сброшены – в переносном смысле, естественно, – и у участников бутафорской сделки отпала всякая нужда соблюдать взаимные договоренности. Сектанты ответили Корсару плотным огнем и ринулись занимать присмотренные укрытия, дабы не представлять собой легкую групповую цель. Но долговец все же использовал фактор внезапности и успел уложить первыми прицельными выстрелами двух противников: автоматчика и «гаусса».

Восемь увернувшихся от очереди ПКМ монолитовцев, самыми опасными из которых являлись три стрелка с «гауссовками» и оставшийся внизу «броненосец»-пулеметчик (трое остальных его тяжеловесных собрата были вооружены обычными штурмовыми винтовками), попрятались за стопами железобетонных блоков и кучами щебня, слежавшегося от времени и слипшегося от наметенной ветром грязи. Корсар не упустил из виду ни одного противника и, перебегая от окна к окну (с этой стороны здания вдоль всего этажа тянулся сплошной коридор), начал методично долбить короткими очередями по укрытиям сектантов. Четверо автоматчиков и пулеметчик принялись незамедлительно огрызаться. Но поскольку Корсар практически не давал им поднять головы, врагам приходилось вести беспорядочную неприцельную стрельбу. Что, разумеется, не могло продолжаться долго. Как только вражеская восьмерка оценит ситуацию и соотношение сил, монолитовцы наверняка перейдут к более решительным мерам и попытаются погасить возникший поблизости очаг сопротивления.

В отличие от высотки, двухэтажка была построена сразу после Второй мировой войны. Об этом свидетельствовала дата, выложенная красными кирпичами в белой кирпичной кладке на торцевой стене здания: «1947». Его толстые стены будто нарочно сооружались на случай новой войны и, не исключено, с расчетом, чтобы выстоять даже при взрыве поблизости авиабомбы. Межоконные простенки, за которыми прятался Корсар, давали ему надежную защиту от пуль. Но долговец не забывал, что делегаты «Монолита» располагают и более мощным оружием, нежели автоматы и пулеметы. Разрушительная сила «гауссовок» варьировалась в широком диапазоне. Все зависело лишь от веса выстреливаемых ими снарядов и мощности установленных на пушках индукционных контуров.

Враг быстро сообразил, сколько наемников засело в здании напротив, после чего не мешкая приступил к контрдействиям. Перегруппировавшись, перебежками, во время которых Корсару, увы, не удалось подстрелить ни одного сектанта, противники разделились на две неравные группы. Первая из них выстроилась в штурмовой порядок, намереваясь прорваться ко входной двери в двухэтажку. Вторая команда состояла из трех «гауссов» и была обязана прикрывать первую. А для пущей безопасности штурмовики решили использовать в качестве щита массивный грейдерный нож, найденный неподалеку. Его поручили нести перед атакующей командой «броненосцу» в самом мощном экзоскелете.

Перед тем как пятерка штурмовиков ринулась в атаку, их группа прикрытия произвела по укреплению Корсара залп из «гауссовок». Полдюжины молниеносных снарядов с хлестким свистом пронесли по воздуху и ударили в окна второго этажа, проделав во внутренней, некапитальной стене коридора дыры размером с футбольный мяч. Один из снарядов зацепил простенок, чем изрядно расширил оконный проем, за долю секунды развалив кирпичную кладку так, как рабочий с отбойным молотком не справился бы с этим и за четверть часа. По коридору пронесся вихрь из осколков штукатурки, кирпичей и едкой пыли. Вырванный из ближайшего косяка обломок деревянного бруса шибанул Корсара по спине не хуже бейсбольной биты. Если бы не бронепластины комбинезона, долговец не скоро оклемался бы от пережитого удара.

Застонав от боли, Корсар тем не менее нашел в себе силы вернуться на боевую позицию, поскольку не мог упустить благоприятный момент для контратаки. Долговец заметил подготовительные маневры противника и понял, как тот собирается идти на прорыв. Пробить

из ПКМ грейдерный нож было проблематично – он был сделан из стали толщиной в два пальца. Но при наличии гранатомета с кумулятивным снарядом Корсар мог поразить не только несущего щит «броненосца», но и сжечь всю идущую за ним группу. Шанс прикончить одним выстрелом пятерых врагов был настолько реален, что боец Воронина без колебаний отложил пулемет, привел «Муху» в боевое положение и, увидев спешащую к зданию штурмовую команду, высунулся из окна, чтобы осуществить задуманное. Расстояние позволяло поразить противника, даже не целясь. Но долговец решил, что заплонившие этаж плотные клубы пыли скроют его от вражеского взора и дадут время прицелиться как положено.

В этом и заключалась фатальная ошибка Корсара. Пока он ловил на мушку грейдерный нож, зоркий глаз одного из «гауссов» поймал долговца в прицел электромагнитной пушки. К несчастью, пыль недостаточно хорошо скрыла гранатометчика, и едва его позиция была раскрыта, по ней сразу же ударила вражеская «гауссовка».

Голова Корсара исчезла вместе с изрядным куском стены у него за спиной, однако тело бедолаги осталось стоять на ногах, удерживая на плече наведенную на штурмующих «Муху». Сектант опередил долговца на выстреле, но даже молниеносный снаряд «гауссовки» не смог обогнать нервный импульс, что пробежал-таки от мозга Корсара к его пальцу, лежащему на пусковой кнопке гранатомета. И потому, когда источник этого импульса обратился в кровавые брызги, отданный им мысленный приказ тем не менее добрался до адресата и сократил на руке обезглавленного стрелка нужную мышцу. «Муха» исправно выплюнула из себя снаряд и лишь после этого выпала из обмякших рук мертвого долговца, чему также поспособствовала реактивная струя стартовавшей гранаты, ударившая в коридорную стену. А тело Корсара перевалилось через подоконник и мешком рухнуло на рассыпанную под окнами груду битого кирпича.

Но прежде чем оно шмякнулось оземь, кумулятивная граната достигла своей цели и, пробив толстенную сталь, разорвалась ослепительной вспышкой, сжигающей вокруг себя все живое и неживое. Жаль, нанесенный ею ущерб оказался гораздо скромнее того, на какой рассчитывал Корсар. Но так или иначе, за свою смерть он поквитался.

Завидев выпущенную по ним гранату, лидер штурмовой группы бросил щит и заорал идущим следом бойцам, чтобы те разбежались. Дважды повторять не пришлось. Четверо сектантов шарахнулись кто куда, словно наскипидаренные. По злой иронии судьбы, не повезло скрыться лишь тому, кто предупредил остальных об опасности. Снаряд долговца врезался в грейдерный нож и взорвался прямо перед «броненосцем», который не успел отскочить на безопасное расстояние и угодил аккурат под высокотемпературную кумулятивную струю. Вспышка мгновенно обратила монолитовца в обугленный труп, сплавив сектанта с его же экзоскелетом в единое целое. А напоследок, словно этого было еще недостаточно, на мертвого «броненосца» рухнул прожженный «Мухой» его огромный щит.

Прочим участникам сорвавшегося штурма посчастливилось избежать рукотворной, а вовсе не аномальной «Жарки». Бросившись за укрытия, сектанты приготовились к тому, что сейчас из окон двухэтажки по ним откроет огонь еще какой-нибудь наемник. Но помимо приконченного гранатометчика, других противников на тех позициях больше не появилось. Впрочем, радоваться скорой победе было рановато. Неизвестно, как обстояли дела у отправившейся за «товаром» делегации. Доносившаяся сверху шквальная канонада прекратилась столь же резко, как и началась. А вот в чью пользу завершилась та короткая стычка, семерке монолитовцев еще только предстояло выяснить...

Глава 9

Два коротких, но яростных боя закончились практически одновременно. Тело прирезанного Кальтером пулеметчика скатилось по лестнице в тот момент, когда внизу на стройплощадке раздался взрыв кумулятивной гранаты, выпущенной уже мертвым Корсаром. И если прикончившие его сектанты пока гадали о судьбе ушедших наверх братьев, Кальтеру и Мракобесу незавидная участь их напарника стала ясна сразу, как только стихла стрельба.

Перебить за такой малый срок десятерых противников долговцу было нереально. Максимум, на что он был способен, это придержать их огнем, пока напарники выбирают из

здания. Но заградительный огонь стих, а из окон двухэтажки валили и разносились по ветру клубы пыли. Все указывало на то, что о прикрытии можно благополучно забыть. Сколько бы еще ни выжило монолитовцев, скоро все они придут на место несостоявшегося обмена. Долговцам и интродеру требовалось срочно сбрасывать на землю прихваченные с собой фалы и спускаться по ним вдоль не имеющей окон южной стены многоэтажки.

Однако предпринять экстренное отступление могли лишь Кальтер и Мракобес. Дела подстреленного из пулемета Бульбы были плохи. Он не мог даже самостоятельно передвигаться, не говоря уже о верхолазных трюках. Угодивший под пули долговец истекал кровью, и едва суматоха на площадке улеглась, Мракобес тут же бросился к раненому товарищу для оказания ему первой помощи.

Кальтеру хватило одного взгляда, дабы понять: Бульбе повезет, если при таких ранениях он доживет до обеда. Неизвестно, имелся ли в Баре квалифицированный хирург и насколько быстро мог прибыть туда по вызову легендарный эскулап Зоны – Болотный Доктор. Но сейчас между Бульбой и единственным местом, где ему могли оказать помощь, пролежала половина Диких Земель, а у подножия здания околачивалось невесть сколько уцелевших сектантов. У самих Мракобеса и Кальтера шансов уцелеть практически не было – какая уж тут забота о раненом? Окажись на его месте интродер, он нашел бы в себе силы проглотить ампулу с цианидом, но Бульба хоть и пребывал на грани жизни и смерти, о самоубийстве явно не помышлял. Мракобес тоже не собирался избавлять товарища от страданий. Наоборот, взялся поспешно колоть ему морфий и накладывать кровоостанавливающие жгуты из всего, что попадалось под руку.

Майор сорвал защитную маску и шлем с приконченного им первым сектанта, приподнял ему за волосы голову, отер залитое кровью лицо мертвеца и окликнул возившегося с раненым Мракобеса:

– Это Гурон?

Долговец оторвался ненадолго от хлопот, пристально взгляделся в мертвого врага и, помотав головой, ответил:

– Нет. Явно не он. Тот на индейца похож, а у нашего жмурика морда, будто у того актера, что в русских сериалах снимается... Такой, белобрысый... А, да какая на хрен разница! Профукали мы Гурона, и так все ясно! Или он где-то внизу, или вообще не пришел в Дикие Земли! Иди лучше помоги Бульбе кровь остановить, пока эти козлы еще у входа канительятся!

– Бульба не жилец, и ты это видишь, – отозвался Кальтер. – Оставь его и спускаемся вниз, а то еще минута, и будет поздно. Надо успеть скрыться. Секта подумает, что их хотели «кинуть» наемники, только и всего. А ты проведешь меня к Военным Складам, и сегодня ночью мы исправим нашу ошибку.

– Я не уйду отсюда без Бульбы! – воспротивился Мракобес. – Его надо доставить на базу. Там есть толковый врач, он ему поможет! А ты поможешь мне и Бульбе!

– У меня нет на это времени, – отрезал интродер, вынув из пальцев мертвого врага свою полумаску и забирая припрятанные за колонной винтовку и разгрузочный жилет. – Этой ночью я должен быть на Военных Складах. И ты – тоже! У тебя есть приказ: убить Гурона. И твое задание еще не выполнено.

– Да пошел ты со своими приказами! – взорвался долговец. – Мой друг умирает, неужели не врубаешься?! И я дотащу его до Бара любой ценой, с твоей помощью или без!

– Я выдвигаюсь к Складам, а ты – как пожелаешь, – бросил ему Кальтер, прежде чем направиться к ведущей вниз лестнице. – Но в таком случае мне нет дела до вашего Гурона. Договор расторгнут.

– Иди к черту! – огрызнулся Мракобес и взялся затягивать истекающему кровью товарищу очередной жгут. – Бульба – мой лучший друг, и если нам придется вместе подохнуть, то, значит, так тому и быть! А ты мне – никто, и плевать я на тебя хотел, понял?!.

Кальтер не ответил. Он уже спускался по лестнице и прислушивался к тому, что происходит на стройплощадке. Судя по всему, сектанты намеревались прочесать здание. Снаружи доносились короткие отрывистые команды, коими перебрасывались приближающиеся ко входу враги. Бежать ниже было опасно, поскольку майор не ведал, с какими силами ему придется столкнуться на первом этаже. Прыгать в окно тоже являлось не лучшим вариантом

отступления. За четверть века под стенами высотки скопились кучи строительного мусора, сигая на который из окна второго этажа интродер рисковал переломать себе ноги. Оставался один выход: воспользоваться альпинистской лебедкой. Что майор и сделал, зацепившись карабином за выступ на подоконнике и выскочив в оконный проем на северной стене высотки.

Спуск и сматывание троса отняли у тренированного верхолаза Кальтера считанные секунды, но уйти незамеченным у него все равно не получилось. Когда майор коснулся ботинками земли, монолитовцы как раз ворвались на первый этаж. Но, заметив в окнах какое-то движение, они живо смекнули, что почем, и тут же выскочили наружу.

Сектанты явно рассудили, что наемники не захотели очутиться в ловушке, и едва поняли, что их авантюра не выгорела, прихватили наиболее ценные артефакты и покинули здание по спусковым тросам. И хоть ряды сектантов заметно поредели, они еще были полны решимости настигнуть беглецов, которые также наверняка понесли ощутимые потери. По крайней мере, один сводник точно лежал сейчас обезглавленным на груде битого кирпича у края стройплощадки.

Будто преследуемая стаей собак кошка, интродер пронесся знакомым маршрутом от высотки до угла дощатого склада и, засев за перевернутым мусорным контейнером, задержался на мгновение, чтобы вычислить, какие силы его преследуют.

Шесть или семь противников, половина из которых облачена в экзоскелеты... Неведомо, сколько среди них «гауссов», но надо исходить из расчета, что майор находится на прицеле четырех электромагнитных пушек (так оно и было – «гауссовку» убитого Корсаром сектанта подобрал один из его выживших братьев). Сколько монолитовцев осталось в здании, можно было лишь догадываться, но в любом случае теперь Мракобесу предстояло схватиться с гораздо меньшей вражеской группой. Впрочем, скоро это выяснится по автоматным очередям, что неминуемо раздадутся из высотки, когда сектанты поднимутся на третий этаж...

Страшный удар сотряс контейнер, за которым притаился майор, и моментально в бок железного ящика, в полуметре от Кальтера, возникла огромная сквозная дыра с рваными, разверзнутыми наружу краями. Затем это стремительное нечто вдобавок прошило насквозь трансформаторную будку, стоящую в сотне метров позади Кальтера, и разворотило вдалеке еще что-то – до интродера долетел лишь грохот и звон разбитого стекла. Недолго думая, майор кинулся за угол склада, и тут началось такое, что можно было сравнить лишь с бушующим смерчем – редким явлением даже для богатой на всевозможные катаклизмы Зоны.

Раздавшийся вслед за первым гораздо более мощный удар отшвырнул контейнер, как спичечный коробок, разнес на куски трансформатор и проделал внушительную брешь в торце прижавшей к рельсам железнодорожной цистерны. После чего дощатый, обитый жестью склад, вдоль стены которого бежал майор, начал в буквальном смысле разрываться на части. Сей бурный разрушительный процесс сопровождался, помимо треска, чередой методичных звуков, похожих на свист огромного бича, и раскатистыми ударами по жести. Никаких взрывов ни внутри склада, ни снаружи не раздавалось. И тем не менее протянувшееся через всю площадку строение начало планомерно разлетаться на куски от одного конца к другому, словно длинная связка новогодних петард.

Бросив мимолетный взгляд через плечо, Кальтер с ужасом обнаружил, что не только склад позади него обращается в хаотическое нагромождение шифера, жести и досок. Замерший на ближайшем пути товарный состав постигла та же участь. Свистяще-грохочущий ураган разносил в щепки деревянные вагоны, оставляя от них лишь голые платформы, сдвинуть которые было под силу, пожалуй, только ядерному взрыву.

Что за стихия учинила весь этот бедлам, долго гадать не пришлось. Четыре пушки Гаусса шарахали поочередно, одна за одной, не давая Кальтеру и секундной передышки. Сектанты явно не собирались утруждать себя долгой погоней по Диким Землям. Куда проще было сначала сровнять этот район с землей, а потом не спеша поискать в завалах тело шустрого беглеца. Скрупулезность, с какой «гауссы» подошли к решению поставленной задачи, пугала не на шутку. Не жалея снарядов, они методично накрывали огнем сектор за сектором, вынуждая интродера двигаться в одном направлении – вперед и только вперед. Позади Кальтера бушевал вихрь из разномастных обломков, в какие снаряд «гауссовки» обращал все, что попадалось ему на пути. А впереди у майора высилась кирпичная стена, служившая не то границей

сортировочной станции, не то всего лишь разделительным барьером между ее обширными участками.

Преодолеть стену с разбегу Кальтер при желании мог, тем паче что сейчас он и так несея сломя голову. Но натянутое поверх забора проволочное ограждение не позволило бы интродеру перескочить стену в один лихой мах. Беглец очутился между неприступной преградой и настигающим его хаосом, уцелеть в котором, казалось, не сумела бы и муха. Склад и вагоны исчезали, будто карточные домики под порывами ветра, а отрывающиеся от них фрагмент за фрагментом «гауссы» не позволяли этой буре утихнуть ни на миг. Майор видел, что она настигнет его, когда он доберется до ограды. А потом, даже если Кальтер увернется от молниеносного снаряда, обломки разнесенной взрывом стены похоронят человека под кирпичным курганом, на разгребание коего уйдет добрых полдня. Хотя для носителя экзоскелета такая работенка вряд ли покажется в тягость и любой из «броненосцев» выроет беглеца из-под руин, даже не напрягаясь.

В этом и состояло главное преимущество пушек Гаусса. Начальная скорость их снарядов позволяла бить по цели прямой наводкой на большом расстоянии, а против их пробивной силы могло устоять далеко не каждое укрытие. Сейчас враг стрелял по Кальтеру специальными тупоконечными снарядами, чья пробивная мощь была понижена в пользу разрушительной способности. Попадая в препятствие, такой снаряд не просто прошивал его, а вдобавок разносил на куски; при попадании же в металлическую поверхность он оставлял огромные рваные дыры. За счет разлетающихся обломков область поражения «гауссовки» увеличивалась многократно. А ведя огонь сразу из четырех электромагнитных пушек, сектанты и вовсе не оставляли Кальтеру шанса на выживание.

Казалось, будто на всем обозримом пространстве нет такой преграды, что защитила бы майора от всепроникающих снарядов. Кроме разве что одного-единственного укрытия: отвесного края разгрузочной площадки, по которой в настоящий момент улепetyвал Кальтер. Для удобства разгрузки товарных составов площадка была сооружена на уровне вагонных платформ. Чтобы перебраться внутрь вагона, можно было обойтись без трапа – состав подходил к краю бетонного возвышения практически вплотную. Между ними оставалась только узкая щель, протиснуться в которую было бы возможно, лишь сняв сталкерский комбинезон.

Времени раздеваться у Кальтера не было, но ему это и не требовалось. Добежав до сцепки последнего и предпоследнего вагонов, интродер сиганул промеж них в довольно широкий просвет. После чего, упав на шпалы, поднырнул под колесную пару и замер, укрытый со всех сторон многотонной железной конструкцией.

А через секунду шквальный огонь «гауссовок» прошелся над головой майора, сметая с площадки остатки склада и в мгновение ока разнося дощатый вагон, словно тот был склеен из картона. Сверху на Кальтера посыпались грязь, гвозди и щепки, но крупный мусор не смог пролететь сквозь щели в платформе. Доски, фрагменты вагонных каркасов и долетевшие сюда листы битого шифера вкупе с гнутой жестью образовали на железнодорожных путях непроходимые завалы. В довершение к ним угодившие в ограждение снаряды приправили весь этот винегрет обломками кирпича и обрывками колючей проволоки... Сохранявший до сей поры худо-бедно цивилизованный облик, отныне этот район станции стал больше других подпадать под определение «Дикие Земли».

Будь Кальтер уверен, что враги ограничатся лишь обстрелом, он пролежал бы под разгромленным вагоном еще как минимум пару часов и только потом рискнул бы высунуться на свет божий. Но вряд ли сектанты сочтут беглого наемника погибшим без конкретных доказательств. «Гауссы», конечно, не сунутся в наведенные ими же завалы, но «броненосцы» явно не преминут пройти по ним взад-вперед, дабы убедиться, что собратья не впустую потратили столько боеприпасов.

Выбраться из-под вагона оказалось не так-то легко. Фактически майор находился теперь на дне большой груды крупногабаритного мусора. Прежде чем Кальтер сумел отыскать в ней лазейку наружу, ему пришлось проползти по шпалам до самого конца вагона. Ведомственный комбинезон предохранил майора от порезов, которые неминуемо оставили бы на нем острые щепки и рваные края жестяных листов. Но все равно продираться через постоянно цепляющийся за одежду хлам было крайне муторно. Вдобавок это создавало лишний шум и

могло привлечь внимание врагов, уже наверняка изучающих в бинокли разгромленную площадку.

Однако, кроме скрипа, треска и скрежета оседающих гор мусора, до Кальтера не долетало пока никаких звуков. В том числе и ожидаемых им автоматных очередей со стороны многоэтажки. Делать на основе этого наблюдения уверенные выводы было, конечно, рановато, но, судя по всему, в погоню за майором отправились все выжившие сектанты. Которые, видимо, в свою очередь решили, что беглец также является единственным уцелевшим противником. Будь это не так, с верхнего этажа высоты наверняка спустилось бы больше наемников. Ибо с чего это вдруг одним из них бросаться наутек, а другим – оставаться в здании? Наемники – клан сплоченный, и воевать по принципу «каждый сам за себя» у них не принято. На отвлекающий маневр бегство верхолаза тоже не походило – он явно не стремился попасться на глаза заметившим его сектантам...

В общем, хотел Кальтер того или нет, но, оттянув на себя остатки вражеских сил, он все-таки помог Мракобесу в его благородном стремлении. Однако спасет ли это тяжелораненого Бульбу, сложно сказать. Разве только Мракобес вызовет из Бара подмогу. Но и это не гарантировало, что потерявший столько крови долговец доживет до оказания ему квалифицированной медицинской помощи.

Можно было лишь одним способом проверить, заметили монолитовцы выбравшегося из-под завалов Кальтера или нет. Хотя сам майор вряд ли успел бы узнать результат этой проверки – вражья «гауссовка» снесла бы интродеру голову еще до того, как он услышал бы свист летящего снаряда. Но, вновь очутившись под открытым небом, беглец понял, что его появление на свободе не вызвало ажиотажа в лагере противника. А вот сам он довольно скоро показался на глаза Кальтеру. Трое сектантов в экзоскелетах уверенно приближались к завалам, намереваясь с минуты на минуту приступить к поискам. Где в этот момент находились «гауссы», определить не удавалось. Но наверняка все они перебрались на более выгодные позиции, чтобы продолжать наблюдение за близлежащим пространством и при обнаружении мертвого беглеца сразу же навести на него «броненосцев». В случае обнаружения того живым тактика «гауссов» должна была отличаться от предыдущей лишь в одном: сначала беглеца требовалось умертвить, а уже затем сообщать искателям его координаты.

Майору нужно было поскорее выбираться из завалов и бежать к скоплению вагонов – туда, откуда недавно явились сами монолитовцы. Там, на многопутевой железнодорожной ветке, стояли преимущественно грузовые составы, перевозящие горючее и сыпучие грузы. Первое, разумеется, было давным-давно слито, зато второе – уголь, щебень, удобрения и им подобные материалы – до сих пор в большинстве своем пребывало в таре. При всей убийственной мощи пушек Гаусса прострелить насквозь вагон со щебнем им было определенно не под силу. К тому же лабиринт с высокими стенами, каковым, по сути, являлась та обширная, загроможденная поездами территория, был идеальным местом для заметания следов. И вдобавок он вел в сторону Военных Складов. Туда и устремился Кальтер, как только удостоверился, что не привлек внимания сектантов.

Первые три десятка метров интродер преодолевал с черепашной скоростью. Выросший вблизи разгрузочной площадки вал из обломков вагонов и склада обойти было попросту невозможно. У Кальтера не осталось иного выхода, кроме как красться прямо по кучам мусора, замирая и задерживая дыхание всякий раз, когда зыбкая опора под ногами вздрагивала и оседала.

В отличие от майора, носители экзоскелетов продвигались вперед гораздо увереннее, попросту пиная и расшвыривая все, что преграждало им путь. Завалы под их натиском разлетались как по мановению волшебной палочки, и за каждым «броненосцем» уже могло беспрепятственно следовать подразделение обычных бойцов. Кальтер прикинул, что, продолжай он и преследователи идти с прежней скоростью, через пару минут сектанты напрочь отрежут его от дороги на северо-восток. Пришлось поднажать, пока ситуация из хреновой не переросла в предельно хреновую. Удирать к поездам под огнем четырех «гауссовок» было бы столь же тяжело, как выплывать из бушующего водоворота.

Чем дальше уходил Кальтер от разгромленной площадки, тем меньше на его пути становилось завалов. Вскоре ему уже не требовалось карабкаться на груды хлама, поскольку их

можно было благополучно обойти. Однако вместе с этим майор стал все чаще появляться на открытом пространстве, маяча на виду у вражеских наблюдателей. Теперь каждая перебежка Кальтера напоминала подбрасывание жребия: нельзя было предугадать, засечет ли на этот раз беглеца зоркий «гаусс» или ему опять подфартит.

Само собой, что долгое заигрывание с монеткой рано или поздно заставит ее упасть на ладонь не той стороной, какой хотелось бы. Заигрывание интродера с преследователями завершилось таким же предсказуемым образом. Правда, первым заметил Кальтера не «гаусс», а «броненосец» с пулеметом. Пробившись через заторы и осмотревшись получше, пулеметчик вскоре обнаружил прямо по курсу подозрительное мельтешение, после чего не мешкая открыл огонь по замаячившей впереди цели. Это послужило сигналом для прочих монолитовцев: «гауссы» быстро вычислили, куда палит собрат, и взялись стрелять в том же направлении, а остальные «броненосцы» рванули напролом сквозь завалы с удвоенной прытью, намереваясь поскорее присоединиться к товарищу.

Отступать перебежками стало для Кальтера не только невыгодно, но и опасно. Он понятия не имел, насколько отчетливо видят цель стрелки с электромагнитными пушками, но знал: чем резвее и хаотичнее он станет убегать, тем труднее «гауссам» будет в него попасть. До ближайшего грузового состава оставалось не больше сотни шагов. Но преодолеть эту стометровку напрямик и остаться в живых было бы для интродера абсолютно недостижимым результатом.

Кучи разбросанного повсюду хлама вновь взмыли в воздух от ударивших в них снарядов, а прямо на пути майора рухнула перебитая у основания железобетонная опора. Не останавливаясь, Кальтер перепрыгнул через нее и сразу метнулся влево. Вовремя: асфальт позади майора вздыбился вырванными пластами, будто туда врезался маленький метеорит. Зловещий свист незримых бичей вновь начал резать воздух и стимулировать у их потенциальной жертвы повышенные выбросы адреналина.

Стрельба по бегущей зигзагами мишени продолжалась до тех пор, пока один из «гауссов» не всадил снаряд в подвернувшуюся Кальтеру на пути «Электру». Она была на порядок крупнее тех ее сестриц, что уже попадались интродеру в Зоне. Распустившая щупальца-молнии, эта аномалия обладала размерами невысокого развесистого дерева. Майору она не мешала, так как находилась в стороне от его маршрута. Стрелок монолитовцев не мог угодить в «Электру» случайно. Стало быть, он выстрелил в нее с таким расчетом, чтобы аномалия шарахнула и накрыла беглеца электрической бурей.

И вновь Зона в очередной раз доказала, что делать в отношении нее какие-либо прогнозы – занятие бесперспективное и чреватое неприятностями для тех, кто вздумает на эти прогнозы положиться. Даже Кальтеру, чей срок пребывания в Зоне не превышал и недели, было очевидно, что пульсирующая по правую руку от него аномалия не так проста, как могло бы показаться на первый взгляд. Присутствовало в ее облике что-то нетипичное, если не сказать – предостерегающее. И размеры громадной «Электры» тут были ни при чем, хотя они тоже наводили на подобные мысли. Эта загадка не поддавалась объяснению, как и те ощущения, которые вызывал у майора *чужой* ветер.

Стрелявший в аномалию «гаусс» мыслил практично, но проку от придуманной им тактики не оказалось. Пронзенная снарядом, молниеносная – в буквальном смысле – аномалия не разродилась электрической бурей, как он ожидал. Вместо этого сверкающее «дерево» внезапно вымахало в перекасти-поле высотой с добрый монгольфьер. Исполинская сфера, что сплошь состояла из хитросплетения пульсирующих молний, подпрыгнула, словно мяч, а затем такими же мелкими (по отношению к монгольфьеру, разумеется) прыжками поскакала туда, откуда прилетел угодивший в нее снаряд.

«Гауссы» выстрелили по беглецу еще пару раз, раскурочив кабину ближайшего к нему электровоза и снеся крышу с деревянной будки-теплушки. Однако затем приоритетной целью для сектантов стал не Кальтер, а эта странная «Электра». Ни с того ни с сего ожившая аномалия отвлекла все внимание монолитовцев на себя, тем более что еще и катилась в их сторону. Свист пушек Гаусса не умолк, но теперь все четыре стрелки били исключительно по электрической сфере, желая «разрядить» аномалию до того, как та допрыгает до своих обидчиков.

Кальтер как раз достиг последнего вагона в длинном угольном составе и бросился под

защиту восьмидесятитонной махины, будто выскочивший из раскаленной парилки человек – в снежный сугроб. Еще не догадываясь, что происходит у него за спиной, майор ожидал, что вот-вот в вагонный бок начнут впиваться вражеские снаряды. Но, вопреки подобным прогнозам, вагон продолжал стоять не шелохнувшись, как долгие годы до этого. Что было вдвойне удивительно, поскольку стегаящие воздух выстрелы «гауссовок» не стихали ни на миг. Заинтригованный, интродер высунулся из-за массивного колеса, желая выведать, что же случилось.

Слепленное из молний, перекати-поле неторопливо приближалось к завалам, выбраться из которых Кальтеру стоило немалых трудов. Завидев опасность, трое преследователей не стали искушать судьбу. Прекратив погоню, «броненосцы» поспешили уступить дорогу взбесившейся «Электре» и попрятались кто куда. Стрелять в нее они не рискнули. Но «гауссы» не жалели снарядов, пытаясь расправиться со зловещей сферой, встреча с которой не сулила монолитовцам ничего хорошего. Похоже, стрелков не беспокоило, что будет, если она взорвется неподалеку от скрывшихся за завалами собратьев.

«Броненосцы» поступили крайне разумно, предпочтя войне с перекати-полем игру с ним в прятки. «Электра» проследовала мимо неагрессивных сектантов, словно их и не было. Аномалию интересовали только те сталкеры, что продолжали шпиговать ее стальными снарядами. Которые, однако, не прошивали сферу насквозь и не вызывали в ней возмущения, а попросту исчезали в сгустках молний, то ли расплавляясь в них, то ли вовсе проваливаясь куда-нибудь в иное измерение.

Наконец «гауссы» уразумели, почему аномалия не тронула ближайших к ней людей, а направилась напрямик к тем, что засели в отдалении. Но разгадка этого секрета осенила стрелков слишком поздно. Каждый из них заполучил на свою голову проклятье, едва выпустил в электрическую сферу первый снаряд. После чего исправить ситуацию стало уже невозможно, как и отвязаться от «Электры». Пусть в ней и теплились зачатки примитивного разума, но вряд ли это чудовище было способно на милосердие – чуждое качество для всех порождений Зоны.

В последние мгновения перед тем, как электрическая хищница нанесла свой ответный удар, стрельба по ней уже не велась. «Гауссы» покинули позиции и попытались спастись бегством от настигающего их проклятия. Естественно, ничего у них не вышло – кара настигла всех четверых неосмотрительных сектантов. Взмыв над разгрузочной площадкой, аномалия сначала превратилась из шара в огромный плоский круг, который затем выгнулся полупрозрачным куполом и накрыл собой территорию площадью со стадион.

Внушительная аномальная конструкция просуществовала всего считанные секунды. Но за это время под куполом успела разразиться и утихнуть столь чудовищная молниевая буря, что, когда «Электра» вновь переродилась в сферу, на месте ее буйства осталось лишь гигантское выжженное пространство. На нем не наблюдалось ничего, даже обугленных головешек. Дым, и тот куда-то бесследно подевался – не иначе, аномалия засосала его в себя, будто вытяжка. По воздуху витали лишь хлопья серого пепла; утилизировать их «Электра» почему-то отказалась. Все они тут же были унесены порывом ветра, который не позволил им упасть на ровный и черный, как свежеспаханное поле, круг – место, откуда всего минуту назад четыре монолитовца вели огонь по Кальтеру. А растревоженная «Электра» утомилась, после чего так и осталась висеть над учиненным ею пожарищем, словно наслаждаясь результатами свершившегося возмездия.

Сколько это будет продолжаться, Кальтера уже не волновало. Враг хотел использовать против него могущество Зоны, но та, однако, не пожелала идти в услужение сектантам, пусть они и стояли на страже ее главного артефакта – «Исполнителя Желаний». Станный выбор... Хотя не сказать, чтобы слишком уж неожиданный. Все-таки это не майор разбудил исполинскую аномалию, а его преследователи. Поэтому им и довелось пожинать плоды собственной не дальновидности.

Мало-мальски отдышавшись, Кальтер вскочил со щебневой насыпи и, бросив последний взгляд назад, двинул трусой вдоль железнодорожного состава на северо-восток. Интуиция подсказывала майору, что трое выживших броненосцев так легко от него не отвяжутся. Даже если они отказались от намерения поквитаться с беглецом, им все равно предстояло уходить из Диких Земель этой же дорогой. Вступать с монолитовцами в бой интродер не собирался – пусть

уходят. Наверняка кто-нибудь из них уже связался с командованием на Военных Складах и сообщил, чем завершилась эта ложная сделка. Поэтому в ликвидации выживших врагов не было смысла. Зато был риск, что, напав на «броненосцев», Кальтер получит ранение или погибнет и, следовательно, провалит задание.

Теперь оно могло осложниться тем, что Гурон – конечно, если он не погиб сегодня инкогнито в Диких Землях, – прикажет в целях безопасности отогнать вертолет с «Пургой-Д» обратно, на место его прежней стоянки. Но скорее всего, этого не случится. Гонять лишний раз над Зоной трофейный «Ми-24», который ныне стал для «Монолита» и вовсе бесценным, было бы чересчур рискованно. Кальтер был уверен, что, пока секта не решит нанести удар по Небесному Пауку, вертолет не покинет своего ангара на Военных Складах. Оттуда до цели было практически рукой подать – пять минут лёту. В то время как, возвращаясь на ЧАЭС, Гурон имел все шансы нарваться на барражирующую над Зоной армейскую авиацию. Поэтому ему было намного проще усилить охрану форпоста, нежели перебазировать ПРК на другую точку.

Насколько оперативно Гурон подтянет к Складам дополнительные силы, Кальтер не знал. Но полагал, что в ближайшие десять-двенадцать часов это еще не случится. В теории, интродер должен был добраться до базы «Монолита» раньше подкрепления из Припяти. Здесь майор нисколько не соврал Мракобесу: с проникновением на вражеский форпост лучше не мешкать. Выгодный для этого временной промежуток был ограничен и сокращался с каждым часом. И раз Мракобес предпочел выполнению приказа Воронина спасение своего товарища, значит, интродер провернет эту операцию без поддержки «Долга». Генерал распорядился выделить Кальтеру не только подмогу, но еще пластиковую взрывчатку и патроны. Плюс двухдневный сухпак, от которого гость из Ведомства тоже не стал отказываться. У лишившегося поддержки интродера тем не менее имелось при себе все необходимое, чтобы довести до конца внезапно осложнившуюся работу. Без всего остального находящийся на вражеской территории «мизантроп» мог вполне обойтись...

Глава 10

Кальтер давно усвоил, что в Зоне нельзя быть по-настоящему готовым ни к одной, в том числе и хорошо знакомой угрозе. Сегодняшняя история с громадной «Электрой» являлась тому красноречивым доказательством. Даже такие знатоки Зоны, как сталкеры «Монолита», и те не смогли предугадать, чем обернется их выходка, за что и поплатились.

В подобную передрагу интродер и опасался больше всего угодить. Незнакомая угроза страшила его гораздо меньше, нежели та, что маскировалась под уже изученную. От первой можно ожидать всего, чего угодно, и это не позволяет расслабиться даже на миг. А вот при столкновении со второй ты начинаешь полагаться на собственный опыт, что поневоле вселяет в тебя уверенность – качество, которое в Зоне по праву считается губительным пороком. Лишь в одном здесь следовало быть уверенным: нельзя доверять никому и ничему. В том числе собственному инстинкту самосохранения, каким бы натренированным он ни был.

Кальтер знал, что в этих краях водятся мутанты, которые не отваживаются вступать в открытую схватку с человеком, а прежде чем напасть на него, сначала заманивают жертву в ловушку или стараются притупить ее бдительность. К таким мутантам относятся коты-имитаторы и разумная псевдоплоть. Бывало, они подолгу крадутся за сталкерами, прислушиваются к их разговорам и отлично запоминают фразы и интонацию, какие вызывают в человеке наиболее эмоциональную ответную реакцию. И самое главное, хитрые твари могут разобраться, в каком контексте была произнесена та или иная фраза, а затем использовать эти знания в своих коварных целях. И нередко – с успехом. Особенно когда жертвами этой мимики становились малоопытные сталкеры, никогда не слышавшие мутантов-звукоподражателей и потому неспособные отличать их голоса от человеческих.

Однако голос, что долетел до Кальтера, когда он остановился на очередную короткую передышку, издавала явно не псевдоплоть и не кот-имитатор. Конечно, майор не мог поручиться, что так оно и есть, но сейчас вероятность встречи с мутантами-передразнивателями была низка. Они копировали лишь те человеческие эмоции, которые слышали в Зоне чаще

всего: смех, брань, крики, просьба о помощи, угрозы и тому подобное. «Фонотека» этих звукоимитаторов всегда оставалась ограниченной, и в ней по определению не могли появиться многие чужеродные для Зоны звуки...

...Например, такие, как детский плач, что раздавался в настоящий момент из выбитого окна небольшого одноэтажного здания, к стене которого прислонился Кальтер.

Он продолжал двигаться по Диким Землям, придерживаясь забитых грузовыми составами железнодорожных путей. Попавшееся ему навстречу строение было сооружено на платформе-островке между рельсовыми колеями, вдали от прочих станционных построек. Судя по расположенной рядом со зданием пирамиде с вагонными «башмаками» и истыканному канцелярскими кнопками стенду под заголовком «Документация» (вывешенные на нем когда-то бумаги давным-давно сорвало ветром и смыло дождем), ранее в постройке находилась контора обходчиков. Майор набрел на нее случайно. Запутывая следы, он поднырнул под вагон и очутился возле этого домика, маленького и простенького, как тысячи похожих на него служебных построек на железных дорогах бывшего постсоветского пространства.

Любое строение в Зоне – от гигантского ангара до уличного сортира – является потенциальным источником угрозы. Большинство разумных мутантов, как и незанятые делом сталкеры, предпочитают отсиживаться в домах и подвалах, нежели торчать на открытой местности, каким бы погожим ни выдался денек. Поэтому, наткнувшись на контору путейцев, Кальтер не стал маячить под окнами, а подкрался к зданию и прижался спиной к стене. После чего перевел дух и прислушался, не всполошил ли он своим появлением обитателей постройки.

И сразу же расслышал доносившийся из окна тихий детский плач. Нельзя сказать, что майор при этом оторопел, но уж чего-чего, а услышать подобный звук в Зоне он никак не ожидал. Не поверив своим ушам, Кальтер даже задержал дыхание, полагая, что принял по ошибке за плач собственное сопение или проказы ветра. Но нет, в здании действительно кто-то плакал. Вот только ребенок ли? Рассуждая здраво, двух мнений тут быть не должно: откуда в Зоне вообще могли взяться дети? Эти дикие края – не место для семейных экскурсий. Какими бы самонадеянными ни были порой забредающие сюда туристы-экстремалы, никому из них не придет в голову и мимолетная мысль взять с собой в этот вояж сына или дочь. Иных же более-менее логичных гипотез появления тут ребенка Кальтеру на ум не приходило.

Но с другой стороны, издавая хныкающие звуки мутант-передразниватель, он наверняка причитал бы гораздо громче и жалобнее. Плач, который расслышал майор, и близко не походил на заманивание в ловушку доверчивой жертвы. Прислонись интродер к стене у соседнего окна, вероятно, он и вовсе пропустил бы мимо ушей эти приглушенные всхлипывания. Нет, это не походило на происки кота-имитатора и псевдоплоти, что с помощью телепатии или каким-то иным способом сумели разучить новую «завлекалочку». Неужто опять шутки притаившегося поблизости контролера, транслирующего странные звуки в мозг майора посредством пси-излучения? Но зачем ему это надо? Пожелай мутант-псионик изловить Кальтера, он изловил бы его безо всякой приманки, подчинив себе человека мощным ментальным импульсом.

Да и ощущения были сейчас совсем другие, не чета тем, какие майор испытывал при контакте с контролером. Кальтера терзал не парализующий сознание инстинктивный страх, а банальное любопытство. И потому беглец решил, что не подвергнет себя большому риску, если мельком заглянет в окно и узнает, что же творится в комнате за стеной. А дабы отвлечь перед этим внимание вероятного противника, что мог подстергать майора внутри, Кальтер сначала швырнул камень в соседний, также лишенный стекла, оконный проем. И только потом осмелился осуществить задуманное.

Тренированная память и цепкий взор «мизантропа» позволили ему задержаться у окна всего на секунду. Однако ее вполне хватило, чтобы составить исчерпывающую картину происходящего в комнате. Обычная бытовка: длинный ряд железных шкафчиков; деревянный стол без двух ножек, чью роль исполняет подпирающий столешницу низкий подоконник; вместо стульев – четыре ящика из-под бутылок; у двери – подвесной чугунный умывальник с железным тазом под ним; прямо возле окна – засаленный и протертый диван с торчащими из прорех клочьями грязной ваты. А на диване лежит худенькая дрожащая фигурка, укрытая с головой драным клетчатым пледом. Судя по всхлипываниям, под одеялом находилась не то

субтильная женщина, не то и впрямь девочка-подросток. Хотя кто знает: не исключено, что там все-таки затаился коварный мутант-имитатор. Но тогда получалось, что он имитировал не только звуки, но и облик изображаемой им приманки, причем делал это весьма и весьма убедительно.

Несмотря на то что следом за майором двигались тем же курсом трое выживших сектантов, Кальтер замешкался. Подобные приступы нерешительности случались с ним в боевой обстановке крайне редко, и сейчас был именно такой случай. Собираясь с мыслями, интродер огляделся по сторонам, а затем лег на живот и окинул взором видимое отсюда подвагонное пространство. Если «броненосцы» где-то рядом, майор непременно заметит мельтешение их усиленных экзоскелетами ног. Это моментально поможет ему определиться с выбором дальнейшей тактики. Близость врага не располагает к колебаниям, и как только Кальтер обнаружит монолитовцев, сразу же плюнет на все загадки и продолжит отступление. Кто бы ни лил горючие слезы в домике, «мизантропу» нет до этого никакого дела. Мало ли творится в Зоне необъяснимых странностей? Скорее всего, кто-нибудь из сталкеров уже встречался с мутантом, плачущим детским голосом, или похожей на него звуковой аномалией. Так что интродер наверняка не первый и не последний, кому довелось столкнуться с этим явлением.

Враг в пределах видимости отсутствовал. Однако сей факт Кальтера отнюдь не успокоил, а, наоборот, поверг в еще большее замешательство. Впрочем, продлилось оно считанные секунды, по истечении которых майор взял «ВМК» на изготовку и решительно двинулся ко входу в здание, попутно заглядывая в остальные окна. Детектор аномалий помалкивал, а стало быть, в доме интродеру могли угрожать только мутанты. Но беглый осмотр двух оставшихся помещений конторы не выявил в ней иных обитателей. Разве что Кальтер мог проморгнуть затаившегося где-нибудь в углу кровососа-невидимку. Но, насколько было ему известно, разумные мутанты обычно сбивались в группы, состоящие лишь из особей одного вида (кроме случаев, когда их собирал вокруг себя контролер), а плачущее на диване под толстым пледом существо к кровососам не принадлежало, это однозначно.

Планировка конторы была предельно простой: две параллельные перегородки делили ее поперек на прихожую и пару комнатушек. В последнюю из них – самую просторную – и направлялся Кальтер. Пройдя через остальные помещения, он обнаружил, что в здании достаточно чисто. Похоже, не так давно здесь проводилась уборка. Переступив порог бытовки, майор тут же отметил, что из подвесного умывальника в углу медленно капает вода. Этот факт заслуживал пристального внимания: мутанты могли говорить человеческими голосами, но вот о правилах личной гигиены они точно не имели ни малейшего понятия.

Очевидно, вода была налита в умывальник из пятидесятилитровой армейской канистры, стоящей в углу, за шкафчиками, и потому не замеченной Кальтером при осмотре помещения с улицы. Громоздкая емкость – для переноски такой на большое расстояние требуется два крепких человека. Девочка или женщина если и утащат такую канистру, то лишь пустую и недалеко. А вот сталкеры в экзоскелетах могут протащить ее, не запыхавшись, хоть через половину Зоны. Впрочем, парочка дюжих наемников тоже справилась бы с этой работой. Вот только что они забыли в одиноком домишке на границе между Дикими Землями и Военными Складами?

Выяснить эту загадку можно было лишь одним способом, но искать ответы на ненужные ему вопросы Кальтеру было некогда. Поддавшись необъяснимому чувству, сиречь слабости, он сунулся в обиталище одного из сталкерских кланов, члены которого явно ошивались где-то неподалеку. Задерживаясь здесь, Кальтер не только терял время, но и искушал судьбу, рискуя вступить в конфликт с хозяевами домика, кем бы они ни были, пусть даже разведгруппой дружественных должовцев. А посему нужно срочно проваливать отсюда, пока не сбылась старинная примета о кошке и сгубившем ее любопытстве.

Но кто все-таки плачет под одеялом? Неужели и вправду ребенок? Да, скорее всего – голосок совсем тонкий, будто у подростка. Кажется, теперь ясно, что тут за дом и почему в нем держат эту девочку. Наемничий центр досуга! Или, грубо говоря, мини-бордель с малолетней наложницей. Видимо, немногочисленные члены этого закрытого клуба приходят сюда время от времени выпустить пар – а иначе почему девочку содержат в такой дали от облюбованных

наемниками мест? Бесспорно, здесь развлекаются только избранные – те, у кого хватило сил и средств доставить себе из-за Кордона это воистину экзотическое удовольствие.

По небу вот уже полчаса ходили низкие, готовые пролиться дождем, тяжелые тучи. Однако надо ж было так случиться, что первая гроза разразилась именно тогда, когда Кальтер собрался плюнуть на все и тихой сапой скрыться из наемничьего вертепа. Блеснула молния, и следом за ней шархнул оглушительный раскат грома, настолько близкий, что в домике задребезжали немногие уцелевшие стекла. Порыв ветра сквозняком ворвался в помещение и выплеснул в лицо майору причудливую смесь *чужих* запахов и обычной предгрозовой свежести. Кальтер замер на мгновение, невольно втянув ноздрями наполнивший комнату непривычный аромат. И именно эта секундная задержка стала причиной того, что присутствие интродера было обнаружено.

Если бы не вновь напомнивший о себе *чужой* ветер, что задержал Кальтера на пороге комнаты, майор незамедлительно покинул бы ее и тенью скрылся в грозовом полумраке. А внезапно проснувшаяся обитательница домика никогда не узнала бы, что здесь, кроме нее, буквально мгновение назад находился кто-то еще. Чуть погодя интродер поймет, что все решил именно этот порыв ветра и только он. Не иначе, сама Зона удержала Кальтера на месте своей незримой, но цепкой дланью и вероломно вмешалась в его судьбу, посчитав, что для этого настало подходящее время...

Сверкнувшая за окном молния предупредила майора о начале грозы, и потому грянувший затем гром не стал для него неожиданным. Но спящую тревожным сном девочку грозовой раскат перепугал довольно сильно. Она моментально проснулась, рывком сбросила с себя плед и тут же забилась в уголок дивана, обхватив колени и задрожав еще пуще прежнего. А вот закричала она уже после того, как заметила стоящего на пороге Кальтера. Его инстинкты вмиг вынудили взять на мушку заматавшуюся цель, что, разумеется, отнюдь не поспособствовало успокоению насмерть перепуганного ребенка. Девочка кричала пронзительно, испытывая сейчас настоящий смертельный ужас, а интродер продолжал смотреть на нее через винтовочный прицел, даже не думая опускать оружие...

«Кричи, Хабиб Ибн Зухайр! – раздался в голове майора мерзкий, злорадно шипящий голос. Или Кальтеру это всего-навсего послышалось в шорохе начинающегося за окнами дождя? – Кричи громко! Пусть человек без прошлого наконец-то тебя услышит!.. Громче, Хабиб!.. Еще громче!..»

Интродер мотнул головой, и слуховая галлюцинация сразу пропала. И было бы совсем хорошо, если бы вместе с этим заткнулась противно визжащая девчонка. Но, в отличие от призрачного голоса, новость откуда знающего давно забытое Кальтером имя, майор понятия не имел, как заставить умолкнуть маленькую крикунью. Хотя нет, по крайней мере один такой способ он знал. И учитывая то, что поблизости находились враги, применение радикальных успокоительных мер было полностью оправдано. Вот только...

...Вот только те слова, что прозвучали пять секунд назад в голове «мизантропа» и смысл которых дошел до него лишь сейчас... Нет, шум дождя здесь был ни при чем. Один призрак из недавнего прошлого напоминал Кальтеру о другом призраке из прошлого, на сей раз куда более отдаленного. А всему виной оказался именно этот детский крик, который хоть и не походил на крик Хабиба, но был исполнен не меньшего отчаяния и страха...

Хотя стоп! Откуда вообще у Кальтера могло возникнуть в мыслях это сравнение? Хабиб Ибн Зухайр, а также его отец и старший брат уже десять лет были мертвы, и сегодня интродер не помнил даже их лиц, а уж тем паче голосов. Его память не содержала ничего лишнего – зачем хранить в ней балласт из ненужных воспоминаний, от которых нет и не будет никакого проку?.. Но вот ведь какая штука: Кальтер точно знал, что призрачный голос в его голове ошибается – Хабиб кричал совершенно не так...

Призраки из прошлого, живущие в голове человека без прошлого? Сколько же их обитает там на самом деле? Сотня? Тысяча? Легион? Поди сегодня разберись...

Кальтер мог раз и навсегда прекратить крик девчонки одним движением указательного пальца, лежащего на спусковом крючке «ВМК». Но, несмотря на это, майор предпочел гораздо менее практичный для него вариант.

– Заткнись! – жестким, но спокойным голосом приказал интродер испуганному подростку. После чего опустил винтовку и встал так, чтобы видеть в окно подступы к зданию и входную дверь. – Слышишь? Хватит орать! Молчать, тебе говорят!

Каждый раз, как только Кальтер обращался к девочке, та вздрагивала и ежилась, будто от удара, но в конце концов все же перестала голосить, вновь перейдя на надрывные всхлипывания. Майор даже удивился, как ему – полному профану в детской психологии – удалось вот так легко унять истерику ребенка. Но, присмотревшись к зареванным глазам девочки, догадался, что она плачет без остановки как минимум несколько часов и потому измучена настолько, что на долгий крик у нее элементарно не хватило сил.

– Так-то лучше, – смягчив тон, попытожил Кальтер, попеременно глядя то на девочку, то на улицу, где уже вовсю бушевал ливень. Молнии продолжали сверкать, но теперь гром гремел вдалеке и не вынуждал больше вздрагивать и без того трясущуюся, будто осиновый лист, девочку. А она, обхватив дрожащими руками прижатые к груди колени, хлопала покрасневшими от слез глазами и вроде бы понемногу прекращала плакать. А может, и нет – откуда опять-таки майору было это знать? Собственно говоря, он и видел сейчас только эти большие испуганные глаза. Отчетливо рассмотреть сжавшегося в уголке дивана ребенка было попросту невозможно. Кроме, пожалуй, его одежды: сшитый явно по фигуре, серый, с металлическим отливом, приталенный комбинезон с синими клиньями-вставками и непонятными шевронами на рукавах. Надень девочка на голову мотоциклетный шлем, сразу стала бы похожа на маленькую мотогонщицу. Странноватый наряд для Зоны, сказать по правде. Но не настолько странный, как его хозяйка, это точно.

– Где твоя охрана? – стараясь говорить четко и ясно, спросил Кальтер. Уж коли девочка послушалась его предыдущего приказа, значит, несмотря на испуг, она была вменяемой и понимала, о чем с ней разговаривают. Однако отвечать не торопилась, и интродеру пришлось повторить вопрос: – Я спрашиваю, где твоя охрана?

– Охрана? – шмыгнув носом, едва слышно переспросила допрашиваемая. – Я не... не... – Очередное всхлипывание. – Не понимаю...

– Охрана! – вновь переходя на грубый тон, уточнил майор. – Те люди, которые тебя сюда привели! Сколько их было?

– Ни... Никто не привел... – проскулила девочка. Кальтер прикинул, что на вид ей лет двенадцать-тринадцать. Еще год-другой, и станет девушкой. Если доживет, конечно, – делать в Зоне столь долгосрочные прогнозы нельзя, а для невесты как очутившегося здесь подростка и подавно. – Я са... са... сама пришла. Ночью... Тут больше ни... ни... никого нет...

– Не ври! – еще пуще сострожил «мизантроп». Но то, что ребенок адекватно отвечает на вопросы и больше не паникует, Кальтера все же обнадежило. – Одна, ночью, по Зоне?! Не верю! Кто еще здесь с тобой?! Кто принес воду?! Признавайся, живо!

– Я не знаю... – Девчонка втянула голову в плечи и теперь боялась даже взглянуть на рассерженного гостя. – Не знаю, правда! Когда я при... пришла, вода уже стояла в... в углу! Я хотела пить, но... но не смогла открыть термос! Но потом нашла ту штуку... что на стене... В ней тоже есть... есть вода, и я попила оттуда... И еще в одном шкафу была еда... А кто принес еду и воду, я не... не знаю, честное слово!

Кальтер поморщился, но промолчал. Если маленькая мерзавка не врала, то явно что-то недоговаривала. Но давить на ребенка грубостью нельзя. Все, чего добьется таким путем Кальтер, это лишь новой истерики. А ему хотелось получить от девчонки хоть какую-нибудь полезную информацию перед тем, как покинуть дом. Дождь лил словно из ведра, но восточный край неба мало-помалу прояснялся, и, по всем признакам, вскоре непогода утихнет. Преследующие Кальтера сектанты в настоящий момент наверняка забились под вагоны. В Зоне подобные ливни сродни масштабной аномалии – нельзя предугадать, какая дрянь прольется тебе на голову. Надо быть отъявленным глупцом, чтобы добровольно разгуливать по Зоне, когда здешние небесные хляби извергают из себя такой потоп. И если бы те сталкеры, которые принесли сюда воду, находились поблизости, они в любом случае вернулись в свое убежище до грозы. Стало быть, в ближайшие четверть часа риск столкнуться с врагом невелик, и интродер мог позволить себе переждать бурю под крышей, в компании так некстати проснувшейся девчонки.

– Как тебя зовут? – осведомился у нее Кальтер, не прекращая наблюдать за подступами к зданию. Дождь не дождь, а ослаблять бдительность, когда рядом притаились враги, было не в привычках майора.

– Верданди, – помолчав, ответила девочка. Кальтер отвернулся от окна и пристально посмотрел на нее, пытаясь понять, назвала она свое имя или сказала что-то на неизвестном майору языке. Девчушка, похоже, догадалась, о чем думает суровый гость, и немного погодя добавила: – Так звали одну древнюю северную богиню... Но мама любила называть меня просто Верой. Как бабушку.

Интрудер кивнул, мол, спасибо за уточнение, после чего задал очередной вопрос, логически вытекающий из признания собеседницы:

– И где же сейчас твоя мама?

Теперь пауза в разговоре затянулась надолго. Кальтер решил было, что Верданди-Вера и дальше будет молчать, но она все-таки ответила:

– Мои мама и папа умерли... Позавчера вечером... Или ночью – не знаю, здесь так быстро темнеет... Мы полетели искать *этерналий* – папа сказал, что в сумерках его найти проще, чем днем, ведь он светится... А потом нас подбили... Там... – Девочка указала пальцем на северо-восток – туда, куда шел Кальтер. – Пока мы падали, папа ругался и говорил, что отказала защитная система, а мама кричала, чтобы он срочно что-нибудь сделал... А потом мы упали и... и...

Вера снова уткнулась в коленки и заплакала. Интрудер обвел взором окрестности, попутно размышляя об услышанном. Походило на правду. Если ребенок и мог соврать насчет гибели родителей, дабы разжалобить майора, то убедительно инсценировать горе у Верданди вряд ли получилось бы. Поэтому Кальтер решил ей поверить.

– На чем вы прилетели в Зону и как сумели не попасться на глаза военным? – поинтересовался он, полагая, что в ответ услышит историю о семейке богатеньких туристов-экстремалов, дерзнувших сунуться в Зону с какой-нибудь безумной целью на маленьком частном авиатранспорте. Крайне редко, но подобные эксцессы здесь случались. Правда, до сего момента еще никто из воздушных хулиганов не брал с собой на такие самоубийственные экскурсии детей.

Верданди шмыгнула носом и наконец-то осмелилась поднять голову и показать Кальтеру свое личико. Вполне обычное детское лицо, разве что слишком напуганное и покрытое грязными разводами от слез. Большие глаза сочно-синего оттенка, курносый остренький носик, слегка вздернутая верхняя губка... Короткие прямые волосы со спадающей на глаза челкой выкрашены под цвет глаз. И если эти свалывшиеся пряди вымыть и расчесать, девочка наверняка будет выглядеть гораздо симпатичнее... Казалось бы, ничего странного: нормальный современный подросток, но все же что-то в ней было не так... Какая-то неуловимая глазу, но тем не менее цепкая деталь, что отличала эту девчушку от прочих виденных интрудером детей.

И только тут Кальтер сообразил, что Верданди смотрит на него совершенно открыто, не отводя взора и не испытывая смятения, которое непременно должен был вызвать у нее отталкивающий Символ Аль-Шаддада. Это было воистину удивительно. Взрослый человек еще мог заставить себя усилием воли глядеть в глаза «мизантропу», но ожидать такого самообладания от подростка было нельзя. И тем не менее Вера неотрывно смотрела на майора уже столько, сколько до нее это не удавалось даже хладнокровным воякам вроде полковника Петренко и генерала Воронина. Поверить в столь уникальное явление было сложно. Но факт оставался фактом: встреченный Кальтером в Зоне ребенок мог считаться чуть ли не первым на памяти интрудера человеком, который никак не отреагировал на вытатуированный у него на лице Символ.

– Я, папа и мама летели на гравиконтере, – ответила Верданди на заданный вопрос. – Но мы не видели никаких... военных. Нас подбили, как только мы отлетели от таймбота. Папа сказал, что попробует вернуться обратно, а мама начала помогать ему чинить неполадку, но потом мы все равно упали... Дяденька сталкер, а вы меня убьете?

Вопрос был задан с такой непосредственностью и прямоотой, что не успевший свыкнуться со странной невосприимчивостью Веры к Символу Аль-Шаддада Кальтер тут же впал в новое замешательство.

– С чего ты взяла? – нахмурился он, отвернувшись к окну. И сразу поймал себя на мысли, что сделал это не потому, что надо следить за округой, а попросту не желая смотреть в глаза странному ребенку. Ощущение неловкости, возникшей, казалось, без особой на то причины, было для Кальтера весьма нетипичным. Даже ведомственные психологи, которые способны своими каверзными тестами вогнать в смятение кого угодно, и те не сумели бы поставить «мизантропа» в тупик одним-единственным вопросом, как это удалось маленькой Верданди.

– Не знаю. – Девочка робко пожалала худенькими плечиками. – Просто когда вы вошли, мне показалось, что вы... решили меня убить.

– Не говори глупостей, – буркнул майор, не отвлекаясь от наблюдения. – Зачем мне тебя убивать? – После чего, мысленно укоряя себя за утрату эмоционального равновесия, вернул разговор в прежнее русло: – Так откуда, ты говоришь, вы прилетели?

– Из таймбота, – повторила Вера, и майор убедился, что он не ослышался – девочка и впрямь произнесла абсолютно незнакомое ему название.

– Это что, поселок или город? – попросил уточнения интродер.

– Не-а, – помотала головой Верданди. – Таймбот – это... таймбот. Он такой высокий и сейчас стоит далеко отсюда, над оранжевыми деревьями. Там еще поблизости на холме всякие железные устройства торчат из земли, похожие на большие-большие иглы и тарелки. Но таймбот все равно больше их. Выше его в Зоне вообще ничего нет.

«Рыжий Лес и радарная станция, – пронеслось в голове у Кальтера. – А таймбот, о котором девчонка толкует, стало быть, Небесный Паук? И что в итоге получается?»

Делать какие-либо преждевременные выводы майор поостерегся – слишком неправдоподобно они выглядели. Как ни крути, а без дополнительных расспросов не обойтись.

– То есть ты утверждаешь, что вы вылетели из таймбота на этом... как, бишь, его?.. – Кальтер, несомненно, запомнил, как Верданди назвала свой летательный аппарат, но нарочно осекся, чтобы она повторила название той загадочной штуковины.

– На гравикоптере, – услужливо подсказала маленькая собеседница.

– Да, на гравикоптере, – согласился майор, глянув на небо, не стихает ли дождь. Интродеру хотелось, чтобы ливень продлился еще немного, дав Кальтеру возможность вытянуть из девочки побольше заинтриговавшей его информации. Насколько фантастически ни звучал бы рассказ Веры, к нему следовало отнестись со вниманием. – Как же, знаю: гравикоптер – это такая летающая машина, которая похожа на большое чайное блюдечко, а в середине у него – кабина с иллюминаторами. Правильно?

Майор припомнил вчерашние пересуды должовцев насчет летающей тарелки, якобы сбитой намеренно сектантами над Военными Складами, и вдруг понял, что эти слухи четко вписываются в рассказ Верданди.

– Не-а, неправильно, – вновь возразила она. – Это вы сейчас про НЛО говорите. На блюдечко с кабиной похожи летающие тарелки, про которые нам в гимназии на курсах новой истории рассказывали. Сегодня их тоже иногда замечают, но очень редко. Учитель сказал, что они – это всего лишь обыкновенные таймботы из будущего, только очень-очень далекого. А гравикоптер больше похож не на тарелку, а на вилку. Такую большую летающую вилку, понимаете?

– Допустим, – не стал спорить Кальтер. – Значит, как я понял, сначала вы находились в таймботе, а затем сели в гравикоптер и полетели искать какой-то артефакт.

– Ага, – подтвердила Верданди. – Этерналий. Или «Обруч Медузы», как его раньше называли.

– Когда это – «раньше»?

– Ну... в смысле сейчас... Я хочу сказать, что ваше сейчас – для нас это раньше. Ведь на самом деле мы живем гораздо позже, чем вы, и вы про нас ничего не знаете. Но догадываетесь, что мы существуем, потому что в ваше время уже были придуманы такие теории.

Кальтер замолчал, пытаясь разобраться в галиматье, которую он только что услышал. Если устами этого младенца и глаголет истина, то суть ее пока скрывалась за сумбуром эмоций и непонятных слов. Согласно заверениям девочки, она больше суток провела одна в Зоне и потому чувствовала естественное желание поведать о своих злоключениях согласившемуся выслушать ее человеку. Пусть даже человек этот сильно испугал Веру и явно не стремился

проявить к ней сострадание.

– Хочешь сказать, что время, в котором мы с тобой находимся, для тебя уже – прошлое? – переспросил майор. Докопаться до смысла в словах Верданди было не так уж сложно. Гораздо сложнее было представить, что вещи, о которых она толкует, не вымысел, а правда. Впрочем, с поправкой на место действия правда эта могла воплотиться в реальность вероятнее, чем где бы то ни было.

– Да, – ответила девочка. После чего с наивной детской простотой поставила Кальтера перед очевидным для Веры, но, мягко говоря, непривычным для интродукера фактом: – Мама и папа давно хотели побывать в начале прошлого века и посмотреть, какой была Зона раньше. У нас про Дикую Зону снято столько интересных фильмов, а сериал про сталкера Хемуля уже десятый сезон по центральному каналу показывают. Вот мы и решили слетать в тайм-вояж, чтобы посмотреть, как все на самом деле происходило. Ну там сталкеры, мутанты, аномалии, артефакты...

– Дикая Зона? – не удержался от вопроса майор. В заявлении гостя из будущего крылся явный намек на то, что в ее времени Зона претерпела значительные изменения.

– Угу, – закивала Верданди. – Сегодня... то есть завтра там... то есть здесь все будет по-другому. Войны и убийства прекратятся, и Зона станет закрытым научным заповедником. Ведь это именно ее энергия позволяет человеку летать в тайм-вояжи. Сначала ученые обнаружат неподалеку от Чернобыля артефакт «Обруч Медузы» и сделают из него этерналий. А затем изобретут с его помощью первый таймбот и станут перемещаться на нем во времени. Нам об этом в гимназии тоже рассказывали. А сегодня... ну, то есть в две тысячи сто восьмидесятом году, в тайм-вояж может отправиться каждый, у кого есть деньги на билет.

– И вы не боитесь своим вмешательством в прошлое изменить историю? – полюбопытствовал майор, который еще со школы был немного знаком с негативными аспектами теории перемещения во времени.

– Учитель нам рассказывал, что ваши ученые действительно очень боялись такой угрозы, – сказала Вера. – Ну там, знаете, если вдруг в далеком прошлом убить даже бабочку, то это может сначала изменить течение эволюции, а со временем и будущее.

– А разве не так? – удивился Кальтер. Помнится, когда-то он тоже читал похожую книжку и согласился с версией, выдвинутой ее автором.

– Нет, что вы! – уверенно заявила девочка. – Ведь это были всего лишь ваши фантазии, и только. Конечно, они казались вам правильными, как и древним людям – их вера в то, что солнце вращается вокруг Земли. Они видели его движение своими глазами и не верили, что может быть наоборот. Вы тоже пока не видите многого и хотите объяснить ход времени так, как вам кажется правильным. Но на самом-то деле откуда вам это знать, да? А хотите скажу, в чем ваша ошибка?

– В чем же? – Кальтеру было откровенно начхать на все эти теории, но он все равно ощутил легкий стыд за свою дремучесть перед этой маленькой всезнайкой.

– Вы думаете, что человек и время – это две разные вещи и первая способна влиять на вторую. Вроде как писатель может изменить историю, которую он пишет. Но на самом деле нас и время нельзя разрывать, поскольку оно – словно законченная книга, а мы – всего лишь ее персонажи. Все наши поступки и их последствия давно описаны и являются частью большого запутанного сюжета. Нам кажется, будто мы что-то меняем, но каждое это изменение уже занесено в мировую историю. Вам ведь еще точно не известно, почему вымерли динозавры, так? А вот мы знаем. Их убили вирусы, которые нечаянно попали в ту эпоху с одним из первых таймботов. Как видите, чья-то ошибка вызвала гибель древних ящеров, но не повлияла на будущее. Тот путешественник без проблем вернулся назад и не заметил никакой разницы.

– А вот если я сяду в твой таймбот, отправлюсь в начало двадцатого века и убью, к примеру, Гитлера? – задал Кальтер вопрос, который уже вертелся у него на языке. – И что, это тоже никак не отразится на будущем?

– Такое у вас никогда не получится, – категорично помотала головой Верданди. – Гитлера убил советский шпион Алексей Голованов в ноябре сорок четвертого – сегодня об этом известно каждому гимназисту. И ни вам, ни кому-то еще не заменить собой Голованова. Я же сказала: Книга Времени давно написана. Даже если вам удастся попасть на таймботе в ту эпоху,

вы никогда не доберетесь до Гитлера. Но вы еще можете оказаться на месте настоящего убийцы Кеннеди. По крайней мере, в наше время историки до сих пор не выяснили имя того, кто на самом деле убил тридцать пятого президента США.

– Ладно, хватит теории и истории, – отмахнулся майор. То, в чем просветила его девочка из якобы две тысячи сто восьмидесятого года, звучало, безусловно, интересно. Но практической пользы из этой информации интродеру не было никакой. А вот выяснить причину появления над Зоной Небесного Паука не помешало бы. Пусть даже в изложении сопливой гимназистки конца двадцать второго века. – Лучше расскажи, что стряслось с вашим таймботом и почему вы застряли в Дикой Зоне. Надо полагать, изначально вы не планировали, чтобы вас здесь обнаружили?

Вопрос Кальтера быстро вернул Верданди к реальности, и девочка снова помрачнела, как небо над Зоной. Но плакать больше не стала, что было, несомненно, хорошим признаком. Будто подражая успокоившейся Вере, ливень за окнами тоже начал понемногу стихать и уже не лупил в ярости по лужам, а превратился в обычный умеренный дождь.

– Папа изучал историю Дикой Зоны и однажды нашел в архивах упоминание о неизвестном прочим исследователям событии под названием Великий Штурм, – сказала Верданди. – Причем с указанием точной даты этого Штурма. Представляете, как папе захотелось взглянуть на него и написать потом книгу. Ведь после изобретения таймботов в нашей истории почти не осталось белых пятен. А тут, оказывается, всего каких-то сто семьдесят лет назад случилось такое, о чем не знает ни один историк в мире. Это же величайшая находка! Папа так боялся, что кто-то опередит его, что не сообщил, куда направляется, даже нашим близким родственникам. Конечно, никто не должен был увидеть наш таймбот – при попадании в прошлое всегда включается инвизибл-режим и зондирование пространства. Оно очень точно определяет, где в ближайшее время возникнет окно нулевой активности. Ну, понимаете, это такое место, в котором...

– Понимаю, – перебил девочку Кальтер. – Проще говоря, это участок пространства, где в вас никто и ничто не врежется.

– Ага, – подтвердила Вера. – При Великом Штурме папа нашел аж трехчасовое окно над оранжевыми деревьями. Даже не верилось: такое большое окно и совсем рядом с Чернобылем. Папа считал, что нам очень повезло, а оказалось... – Рассказчица часто-часто заморгала, затем хлюпнула носом, но сумела-таки сдержаться, чтобы опять не заплакать. Переборов эмоциональный срыв, она продолжила: – А потом начались эти ужасные выбросы. Один за другим, почти без остановки. Нам с мамой было так страшно, а папа нас утешал и говорил, что скоро все обойдется. Но когда из-за аномальной перегрузки сразу взорвались основной и запасной этерналии, все не обошлось, а стало совсем плохо. У таймбота пропала невидимость, и он упал на лес. Хорошо, что сработала аварийная система «Цитадель», но вернуться домой она нам уже не помогла. После взрыва этерналий полностью исчез и из темпорального генератора, и из резервного отсека. Мы остались в прошлом, над Дикой Зоной, совсем одни... Это было... Это было... – Верданди так и не смогла подобрать адекватное сравнение пережитому ужасу и предпочла опустить эту часть своего повествования. – А затем на нас начали нападать сталкеры. Каждый день в нас стреляли из винтовок и пушек, но «Цитадель» никого не подпускала к тайм-боту. Мы все ждали, когда нас эвакуируют. Но папа так боялся за свое открытие, что не оставил наших временных координат, и потому спасатели не могли даже примерно вычислить, куда мы отправились. Время – оно ведь такое огромное... Наверное, за последние сто лет мы были единственными, кто сумел в нем по-настоящему потеряться. Но как папа мог предсказать, что этерналий взорвется, если раньше такого никогда не случалось?

– Если твой папа много читал о Дикой Зоне, он не мог не знать о коварстве аномальных выбросов, – заметил интродер.

– Что вы, папе было хорошо известно про них, – возразила Вера. – Но в тех архивных материалах, которые он читал, про выбросы во время Штурма не говорилось ни слова. Вот он и решил, что поскольку сталкеры смело пошли на взятие Саркофага, значит, в тот день никаких выбросов не ожидалось. Все, что нам было нужно, это лишь три часа повисеть над лесом и понаблюдать издали за Великим Штурмом. А потом мы вернулись бы домой, как всегда. Кто же мог знать, что в таймботе взорвется этерналий?..

Последняя, самая драматичная, глава истории Верданди растянулась на пять минут и завершилась аккурат в то время, как закончился дождь. Кальтер слушал молча, не прерывая девочку вопросами, поскольку боялся сбить ее с мысли – слишком тяжело давался Вере пересказ взбудораживших ее событий. Голос ребенка дрожал, речь то и дело сбивалась, но Верданди нашла в себе силы поведать о своих злоключениях вплоть до того момента, как очутилась в этом загадочном домике. И когда дождь прекратился, у Кальтера оставался к девочке всего один интересующий его вопрос, который, впрочем, не имел никакого отношения к ее рассказу.

Три недели провела семья Верданди внутри надежно защищенного таймбота в надежде, что спасатели все же отыщут угодивших в беду путешественников во времени. Возможно, они просидели бы там безвылазно и дольше, но когда их продуктовые запасы начали неумолимо иссякать, глава семейства принял решение попытаться спасти жену и дочь своими собственными усилиями. Его поступок был весьма храбрым, но безрассудства в нем, увы, было на порядок больше.

На таймботе имелся четырехместный аварийный гравикоптер, заряда аккумуляторов которого хватало примерно на полдня полета. Отец Веры предполагал, где в Дикой Зоне можно отыскать жизненно необходимый им «Обруч Медузы» – область вокруг Саркофага. Только там, как говорила история, можно было обнаружить этот редкий артефакт. Однако лететь на рискованные поиски в одиночку глава семейства при всем желании не мог. Чтобы подобрать «дикорастущий» этерналий (было известно, что данный артефакт порождала некая вредная аномалия) и упаковать его в специальный грузовой контейнер, требовалось специальное оборудование и как минимум два человека, а еще один был нужен для удержания в этот момент гравикоптера в устойчивом положении. С последней задачей могла легко справиться и Верданди, поэтому ей тоже предстояло принять участие в поисках «Обруча Медузы».

Лететь к ЧАЭС решили ночью. Гравикоптер был оснащен отменными навигационными приборами и системой защиты, а подавляющее большинство сталкеров избегало путешествовать ночью, и это давало искателям этерналия шанс остаться незамеченными. К тому же «Обруч Медузы» светился в темноте ярким синим светом и, как следствие этого, мог быть легко обнаружен с воздуха. Самая опасная часть поисковой операции должна была проходить на земле, во время погрузки. На случай нападения мутантов у капитана гравикоптера имелся при себе штатный бортовой парализатор – оружие не смертельное, но весьма эффективное. Вере же и вовсе не было нужды покидать летательный аппарат – ей предписывалось лишь сидеть в кресле пилота и корректировать показания нескольких датчиков.

Но после вылета искателей из таймбота случился форсмажор. Едва гравикоптер вышел из-под защиты «Цитадели», оказалось, что его автономная защитная система не функционирует. К несчастью, папа Верданди обнаружил эту неполадку уже тогда, когда им вслед неслась выпущенная откуда-то с окраины Припяти самонаводящаяся зенитная ракета. Подбитый гравикоптер потерял управление, сильно отклонился от курса и рухнул возле поселка, расположенного неподалеку от Военных Складов.

Девочка понятия не имела, кто были те сталкеры, которые появились на месте крушения «НЛО», пока его экипаж приходил в себя после жесткой аварийной посадки. Кальтер, разумеется, сразу догадался, что Верданди и ее родителям пришлось столкнуться с сектантами «Монолита». Тут и гадать было нечего – сегодня расхаживать в открытую на Военных Складах не осмелился бы ни один сталкерский клан. Неизвестно, как в итоге сложилась бы судьба троих искателей этерналия, не сдай у главы семейства нервы и не открой он по окружающим их в темноте монолитовцам огонь из парализатора. Те, само собой, в долгу не остались и практически в упор изрешетили из автоматов лишенный брони гравикоптер...

Дальнейшее перепуганная насмерть Верданди помнила смутно. Вот истекающий кровью отец из последних сил выталкивает девочку из кабины и хрипит, чтобы она бежала прочь (Кальтер подумал, что, видимо, на тот момент инициатор тайм-воая уже лишился рассудка. Мысли он здраво, наверняка предпочел бы, чтобы дочь тоже погибла от пуль сектантов, чем была растерзана аномалиями или мутантами). Вера едва держалась на ногах от ужаса, но бросилась куда глаза глядят, даже не задумываясь над тем, что ей не пробежать по ночной Зоне

наобум даже ста метров.

Однако то, что не вышло бы и у матерого сталкера, ребенок проделал с феноменальным везением парашютиста, который угодил в скирду сена после того, как оба его парашюта не раскрылись, и не заработал при этом ни единой царапины. Глянув на ПДА-карту, майор с изумлением отметил, что, облаченная в один лишь легкий защитный костюм, слабенькая невооруженная девочка прошла за сутки расстояние более чем в дюжину километров.

Поначалу за Верданди гнались с фонарями сталкеры, которые расстреляли ее родителей. Но потом что-то огромное и жутко рычащее набросилось на преследователей из мрака, и им стало уже не до беглянки. Она же тем временем достигла какой-то насыпи и спряталась в проложенном под нею тоннеле. Где тут же лишилась от всего пережитого чувств и пролежала в обмороке до самого рассвета. А утром кое-как возвратилась к реальности и, не помня себя от страха, побрела сама не зная куда, то и дело спотыкаясь и больно падая на рассыпанный у нее под ногами щебень.

Лишь к обеду до Веры дошло, что она все время движется по железнодорожному полотну. Но девочка продолжала шагать в неизвестном направлении без какой-либо цели, пока не набрела на пустой товарный состав. Не осознавая, что она делает, Верданди забралась в один из вагонов и вновь потеряла сознание.

Очнувшись вечером, она почувствовала себя немного лучше, только сильно хотелось пить и есть. Куда теперь идти, Вера понятия не имела, поэтому продолжила прежний маршрут и вскоре набрела на заставленную поездами станцию и этот маленький домик, где – прямо как в сказке! – нашла воду, еду и относительно мягкую постель. Пережитые горе и ужас сменились дикой усталостью, и, упав на диван, девочка мгновенно уснула. Однако, проснувшись ближе к утру в достаточно ясном рассудке, она почувствовала себя настолько подавленной, что поступила как обычный ребенок в минуту безысходного одиночества и отчаяния: закрылась с головой пледом и зарыдала... Пока вновь не уснула от упадка сил тревожным кошмарным сном...

Кальтер посмотрел в окно на падающие в лужи последние редкие капли дождя и озадаченно потер переносицу. Затем подошел к столу, выложил на него один комплект сухого пайка, после чего открыл тугие защелки на термосе с водой и лишь потом заговорил с внимательно наблюдающей за его манипуляциями Верой:

– Сиди здесь и никуда не уходи. Скоро я свяжусь с хорошими людьми, и они пришлют сюда кого-нибудь, чтобы тебя забрать. Ты узнаешь этих людей по черно-красным комбинезонам. Если вдруг вместо них придет кто-то еще, плачь как можно жалобнее и рассказывай им все то же самое, что и мне. Уверен, это их заинтересует, и тогда, возможно, тебя попробуют продать военным наблюдателям или ученым... Что ты на меня так смотришь, девочка? Неужели в ваших фильмах Дикая Зона жила по другим законам? Тебе очень повезло, что ты вообще до сих пор жива. Теперь молись, чтобы сталкеры из «Долга» нашли тебя раньше наемников или сектантов.

– А... а как же вы?! – оторопело промямлила Верданди. Голосок ее задрожал, а на глаза опять набегали слезы. – Ведь я думала, что вы... вы хотите мне помочь!

– Сожалею, но больше ничем помочь не могу, – отрезал Кальтер. – У меня много неотложных дел, и нам с тобой никак не по пути. Счастливо оставаться.

– Вы... вы что, так и оставите меня здесь?! Одну?! – Вера вскочила с дивана и судорожно ухватила интродера за руку. – Но мне страшно, дяденька сталкер! Здесь вокруг все время кто-то воеет, а недавно я слышала, как где-то недалеко опять стреляли!

– Я ведь сказал, что скоро за тобой придут... – начал было Кальтер, но девочка его перебила:

– Но так же нельзя, дяденька сталкер! – вскричала она, еще сильнее стиснув майору запястье. – Это... это неправильно! Вы не можете... не имеете права бросить меня здесь!

– Не кричи и отпусти меня! – приказал Кальтер. Вырываться из цепкой хватки Верданди силой он не хотел, ибо понятия не имел, как это сделать, не переломав девочке пальцы – так крепко впиалась она в его руку. – Прекратить истерику! Ну же! Кому говорят!

– Не отпущу! – продолжала настаивать Вера и для пущей убедительности ухватила за запястье майора обеими руками. – Вы не уйдете отсюда без меня! Нет, и не мечтайте! Я все

равно побегу за вами, потому что не останусь больше в этом ужасном месте! Вы совсем не такой, как те сталкеры, что убили моих папу и маму! Вы... вы... хороший и добрый! Я это знаю, знаю, да!..

Положение у Кальтера складывалось просто анекдотичное. После всего, что рассказала ему Верданди, майор решил оказать жертве трагических обстоятельств посильную помощь. Но не из сострадания – откуда ему вообще взяться у интродера? – а лишь в качестве оплаты за предоставленную Ведомству информацию. Так, по крайней мере, внутренне мотивировал свой поступок Кальтер. Хотя мотивация эта, если честно, казалась ему малость натянутой, как будто он лгал самому себе. Но так или иначе, раздумывать об истинных побудительных причинах этого поступка было некогда. Задание интродера никто не отменял, и ночью он, кровь из носу, обязан проникнуть на форпост «Монолита», чтобы завершить свою важную работу.

Одного лишь этого аргумента было достаточно, чтобы отвесить упрямой девчонке крепкий подзатыльник и, хорошенько пригрозив ей напоследок, продолжить путь к цели. Чего бы там ни натерпелась за последние дни Верданди, в данную минуту она мешала Кальтеру исполнять приказ, и этим все сказано. Но вот ведь оказия: майор стоял напротив готовой разрыдаться девочки и не мог поднять на нее свою тяжелую руку! Даже будучи уверенным в том, что строптивница этого заслуживает!

«Просто абсурд какой-то! – пронеслось в голове у интродера. – Ребенок, которого я знаю от силы четверть часа, держит меня на месте, а я трачу время, думая, как мне от этого ребенка помягче отвязаться! Да о чем тут вообще можно думать! Съездить мерзавке по уху, и все дела! Но не сильно, а так, для острастки. А то вон шейка, как спичка, – чуть переусердствовал, и кранты госте из будущего...»

Неведомо, чем в итоге завершилась бы эта самая необычная в жизни майора схватка со вставшим у него на пути противником – тоже, надо заметить, отнюдь не ординарным. Скорее всего, Верданди все же напросилась бы на трескучую оплеуху. Однако противостояние интродера и девочки-подростка было прервано не Кальтером, а раздавшимся за стенами конторы хлестким металлическим щелчком. В воцарившемся после грозы затишье этот резкий звук настолько контрастировал с переливами многочисленных ручейков, что не расслышать его мог разве что глухой. Однако из двух находящихся в домике людей лишь майор распознал, что именно щелкнуло неподалеку и, главное, какие за этим последуют события. В чем бы и мог ошибиться «мизантроп», но только не в характерной прелюдии назревающего кровопролития – щелчке взводимого затвора...

– Ложись! – скомандовал Кальтер девочке, но, видя, что та продолжает испуганно хлопать глазами, грубо ухватил ее за шею и подножкой уронил на гнилой дощатый пол. После чего сам плюхнулся ниц рядом с Верданди. А в следующее мгновение домик накрыла новая буря. Только на сей раз рукотворная и куда более разрушительная.

Кальтер быстро определил по пулеметному грохоту, кто решил устроить ему и Вере жаркую кровавую баню. Этот изношенный, лязгающий при стрельбе «Миними» не так давно уже палил майору вслед, правда, безрезультатно. И вот у пулеметчика-сектанта появился вполне реальный шанс взять реванш, поскольку теперь преследователи подобрались к беглецу гораздо ближе и застали его врасплох. Удивительно, как монолитовцам удалось без единого звука прокрасться к домику по шуршащему гравия в своих массивных экзоскелетах. Хотя если предположить, что найденное сначала Верданди, а за ней и Кальтером убежище принадлежало сектантам, то у них вполне могла быть протоптана сюда потайная тропка – на случай именно таких внезапных визитов.

Обстрел здания велся лишь с одной стороны, и свинцовый шквал врывался в бытовку и остальные помещения через западные окна. Пули загромыхали по железным шкафчикам, разворотили стол, разнесли вдребезги чугунный умывальник и взялись дырявить обшарпанную штукатурку на стенах. Часть пуль и вовсе проносилась сквозь комнату, вылетая через окно с противоположной стороны. Единственное непростреливаемое пространство в бытовке оставалось лишь под подоконником у западной стены. Пробить двойную кирпичную кладку 5,56-миллиметровый «Миними» был не в состоянии. Поэтому, определив вектор вражеского обстрела, Кальтер сразу же оттащил за шиворот истошно визжащую девочку в безопасное место, а сам перевернулся на спину и, положив на грудь «ВМК», извлек из «разгрузки»

осколочную гранату и вырвал чеку.

Кроме грохота пулемета, иных выстрелов слышно не было. Из этого следовало, что, пользуясь огнем прикрытие, двое других сектантов в настоящий момент подбирались к конторе, чтобы ворваться в нее, как только пулеметчик прекратит огонь. Весьма действенная штурмовая тактика: заставить всех выживших под ураганным обстрелом уткнуться мордами в пол, а затем ворваться в разгромленное помещение и подавить в зародыше любое сопротивление, на какое еще будет способен дезориентированный враг. Грядущая атака сектантов ожидалась с двух направлений: через вход и через восточные окна. Таким образом, загнанные пулеметной очередью к западной стене домика его обитатели оказывались в невыгодном для себя положении, будучи не защищенными от огня с другого фланга.

Конечно, враг мог разыграть нападение и по иному сценарию. Но Кальтер исходил из того, что ему противостоят опытные противники, которые предпочтут самый выигрышный вариант атаки остальным, уже не таким рациональным. Главное для монолитовцев, это не допустить паузы между прекращением «артподготовки» и началом штурма. То есть, пока грохочет пулемет, оба штурмовика обязаны выйти на диспозиции. Только таким образом захват конторы мог пройти в духе «блицкриг», без лишней суеты и потерь. Кальтеру во чтобы то ни стало требовалось не прозевать ключевую фазу вражеской операции, поскольку для него этот короткий миг затишья имел не меньшую стратегическую важность.

Как только умолк последний выстрел, интродер, не вставая с пола, швырнул заготовленную гранату в восточное окно, но недалеко – так, чтобы она упала возле фундамента. Несмотря на готовность майора к вторжению, он все равно не мог полностью контролировать ситуацию, и потому, избавившись от гранаты, выкатился в проход и открыл огонь по двери еще до того, как в ней нарисовался ожидаемый «броненосец». Штурмовика, который должен был появиться у восточных окон, Кальтер пока не опасался. Заметил тот перелетевшую через подоконник гранату или нет, она в любом случае не позволит врагам провести синхронную атаку.

Интродер спустил курок аккуратно в момент взрыва, и хоть кирпичная стена обезопасила майора от осколков и каменной шрапнели, ударившая в окна звуковая волна заложила ему уши, наполнив голову противным монотонным звоном. Впрочем, легкая контузия была лишь малой платой за ту неоценимую услугу, какую оказала Кальтеру своевременно выброшенная граната. Она не только оградила его от нападения с фланга, но и отвлекла внимание ворвавшегося в дверь второго ходячего мини-танка.

Первые выпущенные интродером пули угодили «броненосцу» в живот и грудь, однако не причинили врагу никакого вреда. Пуленепробиваемые бандажи экзоскелета без проблем выдержали несколько прямых попаданий, а сам тяжелый бронекостюм не позволил сектанту упасть под градом обрушившихся на него сокрушительных пулевых ударов. Штурмовик дал короткую очередь, но попал не в лежащего на полу майора, а в железные шкафы позади него. Поднятая пулеметным обстрелом пыль скрывала Кальтера, и сейчас враг стрелял наугад. Встретив грудью еще несколько пуль, он шагнул в прихожую и заметил-таки стрелка, но в этот миг рванула упавшая у фундамента граната.

Ее осколки, а также куски щебня и пыль ворвались через окна в здание и невольно заставили «броненосца» отшатнуться от оконного проема в глубь прихожей. Враг шагнул за перегородку и ушел из-под обстрела. На виду у Кальтера остались лишь торчащие из-за косяка правая нога и соответствующее плечо сектанта. Выбор целей был небогат, но это вовсе не заставило майора прекратить стрельбу. Перенеся огонь на нижнюю конечность «броненосца», интродер добился желаемого результата гораздо быстрее, нежели паля по его бронированной груди. Две пули разорвали не защищенное бандажом подколенное сухожилие врага, но опять-таки экзоскелет не дал ему упасть. Что служило теперь, в общем-то, бесполезной поддержкой. Нога монолитовца была фактически наполовину оторвана и больше не могла привести в движение экзоскелетные усилители.

Взревев от боли, «броненосец» инстинктивно рванулся с места и шутя проломил комнатную перегородку, но именно этот рывок его и погубил. Стоять, не двигаясь, с пострадавшей нижней конечностью боец в экзоскелете еще мог, а вот ходить – уже нет. Левая нога сектанта послушно шагнула вперед, но отказавшая правая была отныне на такое

неспособна. «Броненосец» совершил нечто похожее на неуклюжий фехтовальный выпад, снес стену прихожей, а потом утратил равновесие и рухнул на дощатый пол всей своей нешуточной массой.

Кальтер полагал, что у пронзительно вопящей Верданди хватит ума забиться в угол и не высовываться, в то время как майору разлеживаться на полу было некогда. Неизвестно, причинила ли граната ущерб второму штурмовику. И пока он не возобновил атаку вместе со спешащим сюда же пулеметчиком, интродеру следовало избавиться от того противника, которого ему довелось обездвигить.

Подстреленный «броненосец» барахтался в обломках перегородки и раскуроченного им же пола, пытаясь превозмочь боль и продолжить бой. Кальтер, само собой, категорически не одобрил героизм противника. Вскочив с пола, майор подлетел к упавшему сектанту, ногой наступил на ствол его автомата, после чего упер дуло «ВМК» в забрало вражеского шлема и спустил курок. Выпущенная в упор очередь вдребезги разнесла поляризованное стекло и превратила в кровавое месиво находившееся за ним лицо монолитовца. Мертвец содрогнулся в последней, усиленной экзоскелетом конвульсии и уgomонился. На сей раз окончательно.

Не желая маячить над телом поверженного врага, майор метнулся к уцелевшей перегородке, на ходу меняя опустошенный магазин на новый. Взятый Кальтером с ходу темп схватки нельзя было сбавлять ни в коем случае. Только таким образом окруженный в доме беглец мог биться с преследователями на равных и не стать для них загнанной жертвой. В ушах интродера все еще стоял звон от гранатного разрыва, поэтому Кальтер полагался сейчас исключительно на собственное зрение. Он не мог даже расслышать, продолжает кричать Верданди или нет – а уж голосить-то она умела, дай бог! – не говоря о вражеских шагах за стенами. Но проредив ряды противника, майор ощутил себя несколько уверенней и теперь намеревался перейти от обороны к контратаке.

Но, похоже, проблемы со слухом возникли не у одного Кальтера. Второй штурмовик вовремя заметил вылетевшую ему под ноги гранату и успел схорониться за углом лишенной окон тыловой стены здания; именно оттуда подкрался к конторе при пулеметном обстреле этот сектант. Все, что он мог расслышать после гранатного разрыва, это, пожалуй, только грохот разнесенной собратом перегородки и выстрелы. О том, что происходило внутри домика затем, контуженный монолитовец знал не больше, чем майор – об обстановке снаружи. И потому, из опасения подстрелить напарника, «броненосец» уже не мог лихо выпрыгнуть из-за угла и начать палить по окнам. Чего нельзя было сказать о Кальтере. Ему позволялось с чистой совестью стрелять по любому движущемуся объекту за пределами здания.

Несмотря на внушительный вес, «броненосец» довольно шустро проскочил перед окном бытовки, оперативно оценил в ней обстановку и замер за межоконным простенком. Кальтер, однако, не проморгал маневр противника и подозревал, что тот наверняка заметил лежащего в углу человека. Будь интродер на месте этого сектанта, он точно не преминул бы повторно заглянуть в бытовку и дать по подозрительной цели короткую очередь. С ходу ведь не определишь, кто там валяется в клубах пыли: мертвец или всего лишь притворяющийся мертвым коварный враг. Так что лучше израсходовать несколько патронов и избавить себя от сомнений, чем оставлять за спиной потенциальную угрозу...

Догадка эта вонзилась в мозг Кальтера, подобно раскаленному гранатному осколку. Майор не успел даже толком представить «броненосца», стреляющего в беззащитного ребенка, как стремглав очутился напротив того самого окна, аккуратно между Верданди и готовым вот-вот сунуться в оконный проем монолитовцем. Майор отдавал себе отчет лишь в одном. Он знал, что с того дня, как поразил на приснопамятных тестах Ведомства те спорные картонные мишени, ему впервые приходится поступаться принципами интродера. Впрочем, отчего и почему так произошло, его сейчас абсолютно не волновало. Он по-прежнему доверял своим инстинктам, и это главное. А еще был уверен, что крепкие забрала вражеских шлемов однозначно не выдерживают автоматную очередь в упор.

К чести сектанта, он действительно оказался педантичным воякой и не собирался оставлять за собой недобитых противников. Но именно эта педантичность его и сгубила. Вместо того чтобы произвести по обнаруженному в бытовке субъекту серию контрольных выстрелов, монолитовец сам наварался на изрядную порцию свинца.

Осмелившись вновь заглянуть в бытовку – только теперь с четко определенной целью, – сектант не успел просунуть в окно ствол автомата, как в лицо ублюдку, подобно зеркальному отражению, уперся другой ствол, принадлежащий... Кому именно принадлежащий, «броненосцу» определить уже не удалось. Как и осуществить задуманное. Все планы педантичного монолитовца пошли насмарку, едва палец интродера нажал на спусковой крючок «ВМК». После чего содержимое шлема обезглавленного врага можно было натурально выплескивать на землю, как помой – из кастрюли...

А вот следующий вражеский ход майор уже не предусмотрел. Ожидая атаки с запада, он бросился к противоположному окну, но в эту секунду позади него раздался грохот, и из тыловой стены здания вывалился внушительный фрагмент. Выбивший его удар был настолько мощным, что вместе с кирпичами на пол бытовки рухнули железные шкафчики, стоящие вплотную к стене. В и без того разгромленной комнате стало вовсе не продохнуть от пыли. Ну а когда в зияющий пролом ворвался виновник этого безобразия – ходячий мини-танк, – бытовка стала вдобавок еще и тесной.

Вот только присказка «в тесноте, да не в обиде» по отношению к столкнувшимся нос к носу интродеру и сектанту была уже неприменима. Враги сцепились в замкнутом пространстве не на жизнь, а на смерть, что не являлось бы для Кальтера большой проблемой, не будь его противник облачен в экзоскелет. Это обстоятельство давало монолитовцу неоспоримое преимущество, а принимая во внимание то, что он был вооружен еще и пулеметом, шансы сектанта на победу удваивались.

Впрочем, незавидное для Кальтера соотношение этих шансов отнюдь не значило, что майор не мог попытаться их немного уравнять. У него в руках тоже имелось достаточно грозное оружие, жертвами коего уже пали два собрата «броненосца»-пулеметчика. Полмагазина патронов и заряд картечи в подствольнике – интродер был готов предьявить их врагу, что называется, прямо на входе. Но выкладывать эти аргументы Кальтеру следовало опять же с умом, поскольку только так можно было добиться от них максимальной эффективности.

«Броненосцу» потребовалась пара секунд, чтобы сориентироваться в запыленной бытовке и вступить в бой. Интродер разобрался в ситуации немного быстрее – ровно настолько, чтобы изловчиться и нанести удар первым. Во время вторжения противника Кальтер успел отскочить к стене и, встав у края пролома, занял единственно доступную ему сейчас стратегическую позицию. Бейся он с равным по силе врагом, майор, несомненно, изрешетил бы его, едва тот сунулся в помещение. С бойцом в экзоскелете все обстояло сложнее. Но, как показывала практика, при должной сноровке можно было поразить штурмовика точными выстрелами в уязвимые места.

Пулеметчик явно знал о гибели обоих братьев, поэтому, прежде чем врываться в бытовку, он сначала сунул в пролом пулемет, собираясь повторно осыпать контору градом свинца и пресечь возможную контратаку противника.

Вместо громилы в бронекостюме Кальтер увидел слева от себя лишь просунутую в брешь вражескую руку. Укрепленная стальными бандажами, она держала семикилограммовый «Миними» с той же легкостью, с какой интродер держал бы обычный пистолет. Не стой майор в шаге от этой цели, он вряд ли сумел бы с ходу попасть в нее из винтовки. Но даже на такой короткой дистанции Кальтер предпочел не обычные пули, а картечь, поразить которой мелкую мишень было не в пример проще.

Если бы не опоясывающий предплечье «броненосца» экзоскелетный бандаж, выстрел майора гарантированно оторвал бы сектанту руку по локоть. Но, несмотря на это, картечный заряд все равно нанес монолитовцу весьма ощутимые повреждения. И не только ему. Кроме превращенной в мясокостный фарш кисти противника, крупная, кучно летящая дробь успела разворотить затворную раму «Миними» еще до того, как он произвел первые выстрелы. Намертво заклинивший пулемет отныне превратился в бесполезный кусок железа, годный лишь для использования его в качестве дубинки.

Лишившись кисти, монолитовец осатанел от боли и, брызжа льющейся из отстреленной конечности кровью, ворвался в пролом с явным намерением разорвать Кальтера пополам. Майор ожидал этой атаки и собирался встретить врага автоматной очередью, направленной в

проверенное уязвимое место ходячих мини-танков – забрало. Но едва интродер взял на прицел вражью голову, как «броненосец» перехватил неповрежденной рукой раскуроченный «Миними» за ствол и швырнул пулемет в противника. Кальтер отшатнулся в сторону и одновременно спустил курок, но ни то ни другое действие майора не возымело результата. Пули скользнули по плечевой броне пластине сектанта, не причинив тому вреда, а отскок оказался недостаточно резвым, чтобы интродер успел уклониться от летящей в него железяки.

Засвети ему чем-то подобным обычный противник, Кальтер легко отбил бы от такой атаки. На худой конец, защитные пластины комбинезона смягчили бы удар и уберегли майора от травм и ушибов. Но облаченный в экзоскелет сектант метнул сломанный «Миними» с такой силой, что касательное попадание пулеметного приклада Кальтеру в корпус было равносильно удару лошадиного копыта. Интродер почувствовал, как в боку у него что-то отчетливо хрустнуло, а сам он не устоял на ногах и упал на стоящий позади диван.

Но радоваться удачному падению пришлось недолго. Едва майор коснулся спиной засаленной диванной обивки, как «броненосец» тут же накинута на него, словно разъяренная горилла на вздумавшего атаковать ее мелкого хищника. Кальтер не успел прийти в себя, как был тут же поставлен на ноги, но лишь затем, чтобы заработать очередной удар и, выронив винтовку, отлететь в противоположный угол комнаты.

Удар пришелся в более прочную, грудную пластину комбинезона, и теперь майор отделался лишь болезненным ушибом. Зато приземление вышло не в пример жестче предыдущего. Грохнувшись спиной на поваленные шкафчики и рассыпанные поверх них кирпичи, Кальтер ощутил в уже отбитом боку такую резкую боль, что на несколько секунд потерял сознание. Возможно, интродер пробыл бы в этом состоянии и дольше, не скатись он сразу же со шкафчиков на пол. Новое падение причинило новую боль, но она послужила для бесчувственного Кальтера тем самым клином, которым вышибают другой клин, и встряхнула майора, подобно разряду электрошока.

Случилось это, надо заметить, очень своевременно. Когда майор вернулся к реальности, «броненосец» уже навис над ним с занесенной для удара ногой. Форсированная экзоскелетом, она могла растоптать Кальтеру голову шутя, будто арбуз. И растоптала бы, не откатись майор поспешно в сторону по битым кирпичам, что наградило его очередью стреляющих болей. Но тут уж приходилось выбирать: или эти мучения, или хруст собственного раздавленного черепа.

Массивная бронированная ножища монолитовца врезалась в пол, но вместо головы интродера проломила лишь гнилые доски. И все бы ничего, но под ними обнаружился не грунт и не щебень, а неширокая, метровой глубины яма. Либо она нарочно была оставлена там строителями для подведения к конторе в будущем водопровода, либо яму элементарно не засыпали из-за чьей-нибудь лени или халатности. Однако кто бы мог подумать, что спустя четверть века над этой ямой развернется грандиозное побоище и она фактически переломит его ход.

Прошибив пол, ходячий мини-танк утратил под ногами опору и ухнул вниз с грохотом, достойным падения с аналогичной высоты промышленного сварочного трансформатора или токарного станка. Яма скрыла сектанта всего по промежуток, но поскольку массивный экзоскелет не был приспособлен для таких прыжков, колени «броненосца» подогнулись, и он, потеряв равновесие, завалился животом на край ямы и раскинул руки.

Проломленные доски под валяющимся на полу Кальтером накренились, и сила притяжения неминуемо поволокла майора прямо в лапы остервенелого врага. При всей недюжинной мощи «броненосца» быстро выбраться из ямы ему не удалось. К тому же отсутствие кисти на правой руке не позволяло монолитовцу опираться на нее при вытаскивании себя из западни. Поэтому он не стал пока карабкаться наружу. Увидев, что противник сам катится к нему, как по заказу, сектант взревел, выбросил вперед здоровую руку и ухватил майора за ботинок.

Осудив у себя на пятке стальную хватку врага, Кальтер рванулся, а когда понял, что это бесполезно, позволил подтащить себя еще немного и изо всех сил заехал сектанту по шлему другой ногой. Затем еще и еще. Но пинать бронированного громилу было все равно что пытаться таким же способом свалить чугунный столб. А пока майор лупил ботинком непрошибаемого противника, тот намертво придавил ему схваченную ногу изуродованным

предплечьем, а левой рукой перехватился повыше – за колено. После чего подтянул интродера еще ближе, для пущего удобства расправы над ним.

Теперь монолитовец мог легко переломать Кальтеру оба колена, а уже потом без труда добраться и до его горла. Но майор не стал дожидаться, когда захрустят его раздробленные суставы, а извернулся и пнул врага точно по кровоточающему срезу на обрубке кисти. Коварный и болезненный удар по искалеченной руке на миг шокировал сектанта и заставил его разжать хватку. Но кинувшегося было прочь Кальтера подвели отбитые (а возможно, и сломанные) ребра. Едва не задохнувшись от вспыхнувшей в боку боли, майор споткнулся и не сумел отскочить достаточно далеко. Чем «броненосец» не преминул воспользоваться и вновь схватил его за щиколотку.

Опоздав всего на мгновение, интродер принялся рваться, словно угодившая в капкан лисица, и лишь эти судорожные рывки мешали сектанту как следует стиснуть пальцы и сломать жертве лодыжку. Однако, усердствуя в собственном освобождении, Кальтер, наверное, сам в итоге сломал бы себе ногу, если бы не дерзнул пойти на крайние меры. Выхватив из «разгрузки» гранату, он выдернул чеку, а потом швырнул свое единственное спасение на дно ямы – прямо под ноги ходячему мини-танку. Отвесные края его ловушки позволяли надеяться, что основная сила взрыва и осколки уйдут в потолок. Что при этом случится со зданием, Кальтера не волновало. За неимением иной стратегии боя с превосходящим по силе противником майор без колебаний воспользовался той, что напрашивалась сама собой.

Монолитовец не проворонил катившуюся к нему гранату и даже попытался изловить ее свободной рукой. Вот только враг в горячке запомнил, что сделать это при отсутствии на руке пальцев попросту невозможно. Поэтому сектанту пришлось волей-неволей отпустить жертву и спешно искать под ногами взрывоопасный презент в надежде успеть нащупать его и отбросить подальше. Черт с ним, с беглецом, когда внезапно возникла другая проблема, решение которой не терпело ни малейшего отлагательства...

Несмотря на ранение, «броненосец» действовал весьма расторопно. Единственное, чего не предугадал сектант, это то, что Ведомство никогда не экипировало «мизантропов» стандартным общевойсковым снаряжением. Кальтер и его коллеги пользовались только тем оружием и спецсредствами, которые лаборатория Ведомства подгоняла индивидуально под каждого из них. К примеру, «ВМК» майора представляла собой усовершенствованную австрийскую винтовку «АУГ», переделанную почти до неузнаваемости, спаренную с многофункциональной подствольной ракетницей и сбалансированную, так сказать, исключительно под руку майора. Та же история и с гранатами. Они предоставлялись Кальтеру в комплекте со специальными взрывателями, замедлитель которых горел вдвое быстрее обычного. Выработанные на тренировках навыки позволяли майору бросать гранаты по цели так, что они взрывались либо на подлете к ней, либо сразу при попадании в нее. Это не давало противникам «мизантропа» ни секунды на то, чтобы спрятаться или, того хуже, метнуть брошенную в них гранату обратно.

Весьма вероятно, что, упав в яму обычная «РГД-5», монолитовец успел бы подобрать ее и вышвырнуть в окно. Но коварная граната Кальтера взорвалась тогда, когда пальцы сектанта только-только сомкнулись на ее корпусе. Произошедший в тесной яме взрыв оказался для стоящего в ней «броненосца» намного страшнее, чем подорвись он на гранате в обычных полевых условиях. По вине этого обстоятельства он фактически наступил на мину направленного действия, чья ударная волна и осколки были сконцентрированы в плотный восходящий поток. И если экзоскелет еще мог уберечь «броненосца» от обычного взрыва ручной гранаты, то при вышеупомянутом стечении неблагоприятных факторов пользы от бронекостюма было уже немного.

Конечно, Кальтеру не удалось выбросить таким образом врага из ямы, будто пробку из бутылки, – слишком тяжелым было обмундирование сектанта. Зато эта неподъемная тяжесть превратила монолитовца в затычку для жерла маленького рукотворного вулкана, в живой щит, который принял на себя большую часть взрывной силы и осколочного смерча. Выжить после такой встряски «броненосец», естественно, не мог. Его растерзанное тело так и осталось торчать в яме, словно какой-то маньяк-живодер сначала усердно кромсал его топором, а потом решил зарыть труп в землю, но по неизвестной причине так и не успел избавиться от улики.

Впрочем, прорвавшаяся сквозь «затычку» восходящая ударная волна тоже обладала

достаточно сокрушительной силой. Взрыв разворотил потолок и перебил пополам одну из его несущих балок. Страхивая с себя дощатый настил, тяжелый обломок балки сорвался с опоры и прочертил в воздухе дугу, один в один повторяющую траекторию удара крикетного молотка. Под стать этому «молотку» отыскался и мяч. Его роль довелось исполнить Кальтеру, едва освободившемуся от вражеской хватки...

Намереваясь как можно скорее убраться подальше от ямы, майор, преодолевая боль в ребрах, вскочил с пола. Но как только интродер очутился на ногах, тут его и настигла очередная неприятность. Удар падающей балки сначала вскользь прошелся ему по спине, а напоследок зацепил затылок, саданув по нему с такой силой, что Кальтеру даже почудилось, будто у него лопнули шейные позвонки.

Больше он ничего не почувствовал. Взорвавшаяся у него в голове ослепительная вспышка полностью отключила сознание майора от реальности. Он еще успел совершить по инерции несколько шагов, пока не уперся в подоконник на западной стене и не перевалился через него, выпав из бытовки на улицу. После чего так и остался лежать под окном конторы, подобно тем мертвым сектантам, которых Кальтер только что прикончил одного за другим.

А Зона взирала на бесчувственного горе-победителя и посмеивалась над ним проблесками полуденного солнца в разрывах несущихся по небу серых туч. Зона знала, что в этом бою победил вовсе не Кальтер, а она – полноправная повелительница судеб всех, кто топчет ее гниющую мертвую землю. И в этом плане майор не являлся исключением из общего правила. Он пришел в Зону судить, не ведая, что судья здесь может быть только один. Равно как и закон, согласно которому выносятся местные приговоры: невиновных в Зоне нет, и для каждого из незваных гостей у нее найдется свое персональное наказание...

Глава 11

Где только не приходилось спать Кальтеру во время командировок за двадцать лет службы: и в продуваемых ветрами степях, и в снегах высокогорий, и в жарких, как печка, песках пустынь, и в душных малярийных болотах, и даже болтаясь в альпинистском гамаке, прибитом прямо к отвесному горному склону. Но в каком бы отвратительном или экзотическом месте порой ни просыпался интродер, всегда и везде он чувствовал одно и то же: лежащую под рукой заряженную винтовку. Кальтер не помнил случая, чтобы когда-нибудь при пробуждении на вражеской территории он не обнаружил рядом с собой свою неизменную «ВМК».

И вот сегодня, придя в сознание, майор решил по привычке нащупать под боком оружие и в кои-то веки не нашел его! Сей вопиющий факт был равносителен грому средь ясного неба и встряхнул «мизантропа» не хуже инъекции адреналина. Майор попытался вскочить, но тело прострелила такая боль, словно оно было прибито к земле несколькими железными костылями. А точнее, двумя. Первый из них пронзил Кальтеру правый бок, а второй – голову. Интродер даже непроизвольно провел ладонью по лбу, не сомневаясь, что обнаружит торчащую из него костыльную шляпку. Но нет, лоб был чистый, без ссадин и шишек, однако на затылке что-то подобное определенно имелось. Интродер вспомнил ошарашивший его удар и мерзкое ощущение лопающихся позвонков. Хотя насчет последних майор явно ошибался. Будь у него сломана шея, вряд ли он смог бы пошевелить рукой и почувствовал какую-либо боль.

Однако помимо нее Кальтер чувствовал и еще кое-что. И это «кое-что» нарушало и без того нестройный ход мыслей оклемавшегося майора. В спину ему впивались острые камни, но под головой находилась мягкая подушка. Или, может, не подушка, но все равно что-то удобное и куда более приятное для ушибленного затылка, нежели булыжники, на которых покоилось тело. Кальтер абсолютно не помнил, что происходило с ним после удара по темечку, но вряд ли у него хватило бы сил подстелить себе что-нибудь под голову, прежде чем лишиться сознания. И если пропажа винтовки стала теперь очевидна, то история с подушкой не поддавалась пока логическому объяснению.

Над Зоной сгустились сумерки. Кальтер уже научился различать здесь их утреннюю и вечернюю разновидности, поэтому сразу определил, что на дворе – поздний вечер. Плохи дела... По замыслу майора, в это время он уже должен быть возле форпоста «Монолита» на Военных Складах. А сейчас неподалеку от интродера виднелись все те же вагоны, возле

которых он схватился с тремя сектантами... Это сколько же, выходит, он провалился в полной отключке?

Кальтер зашарил вокруг руками и быстро нащупал справа от себя кирпичную стену, а на ней – маленький выступ, вполне пригодный для того, чтобы за него ухватиться. Однако попытка придать телу сидячее положение не увенчалась успехом. Пальцы предательски соскользнули с опоры, и едва приподнявшийся майор снова упал спиной на камни. И глухо зарычал, когда незримые и острые костыли боли тут же вонзились ему в ребра и затылок.

– Дяденька сталкер! – раздался откуда-то неподалеку дрожащий, но обрадованный девчоночий голосок. – Вы очнулись, дяденька сталкер! А я вас и трясла, и по щекам шлепала, и водой обрызгивала – все бесполезно... Ой, погодите, не шевелитесь, сейчас я вам помогу.

Верданди!.. Как же интродер мог про нее забыть! Ну конечно, кто бы еще, кроме Веры, мог подсунуть под голову Кальтеру свернутый плед, взятый из разгромленной конторы. Не сердобольные же мутанты, в конце концов...

Кальтер поморщился. Не сказать, что он был обрадован новой встрече с гимназисткой из будущего. Но теперь ее присутствие уже не вызвало у майора желание поскорее отделаться от Верданди, которая очутилась не в свое время и отнюдь не в подходящем для ребенка месте. Стечение трагических обстоятельств, что легко выбило бы из колеи даже взрослого человека, не говоря о подростке...

А Вера тем временем подошла к валяющемуся на камнях интродеру, крепко ухватила его за руку и потянула на себя, помогая встать. Наивная пигалица! Тебе ли поднимать с земли здорового дядьку-сталкера в защитном комбинезоне и набитом боеприпасами разгрузочном жилете... Кальтер не стал вынуждать ребенка надрывать пупок и, ухватившись второй рукой за выступ на стене, безропотно поддержал инициативу своей помощницы.

Выступ оказался на поверку тем самым подоконником, через который майор перекувыркнулся, когда потолочная балка сыграла ему по голове. Кальтер так и продолжал валяться у конторской стены; к ней он и прислонился, когда Верданди подсобила ему сесть. Пока они совместными усилиями проделывали это, интродер заодно отыскал и свою утерянную винтовку. Никуда она в действительности не пропала, а висела на ремне за спиной у Веры. Насколько ни была компактна «ВМК», все равно на спине у сублильного подростка она смотрелась чуть ли не крупнокалиберным пулеметом. Однако у Верданди даже хватило терпения подогнать под себя тугой винтовочный ремень, чтобы он не так сильно врезался в худенькие девчоночьи плечики.

Что ж, отметил про себя Кальтер, значит, девочка и впрямь вдоволь насмотрелась фильмов о сталкере Хемуле, уж коли взялась следовать одному из главных принципов жизни в Зоне: спи с автоматом, ешь с автоматом и в сортир ходи тоже с автоматом. Оружие являлось в этих краях той ношей, что никогда не оттягивала сталкерские плечи. Недаром ведь говорят опытные сталкеры, что лучше потерять три рюкзака с хабаром, чем автомат. Или то, что в Зоне нельзя бросать автомат даже тогда, когда ты тонешь... Вот только к похвальной предусмотрительности Верданди добавить бы еще чуток опыта по обращению с архаичной для нее винтовкой. Пусть даже теоретического, но и это было бы прогрессом.

– Потерпите, сейчас я принесу вам пить, – деловито проговорила девочка, усадив Кальтера к стене, после чего отлучилась на полминуты и вернулась с помятым алюминиевым ковшиком, до краев наполненным водой. У майора в «разгрузке» имелась своя фляга, но, очевидно, Вера не стала обыскивать потерявшего сознание сталкера и выяснять, чем набиты его карманы. А вот это уже не по-сталкерски. Или о таком обыденном для Зоны явлении не рассказывалось в фильмах, или шарить по чужим карманам Верданди не позволяло ее гимназическое воспитание. Кальтер скорее предположил бы второе, пусть и знал Веру совсем недолго.

– Это – из того термоса, который вы мне днем открыли, – пояснила девочка, заметив, как майор с недоверием посматривает на принесенную воду. – Теперь он, правда, дырявый и почти вся вода из него выбежала, но на донышке еще чуть-чуть плещется... Вы пейте, пейте, не волнуйтесь. А я пока пойду постою на углу и погляжу, не идет ли кто...

– Стой здесь! – буркнул Кальтер, хотя Верданди наверняка уже не однажды ходила на свой наблюдательный пост и хорошо изучила дорогу к нему. – И впредь чтобы без приказа –

никуда! Понятно?

– Без приказа – никуда. Понятно, – слово в слово повторила девочка распоряжение майора, а потом вдруг приободрилась и поинтересовалась: – Так, значит, вы берете меня с собой, да, дяденька сталкер? Правда берете?

– Поглядим, – уклонившись от прямого ответа, проворчал интродер, после чего приложился к ковшу и принялся пить.

Голова у Кальтера гудела, словно, пока он валялся без сознания, в ней свил гнездо рой ос. На затылке торчала внушительная шишка, но благодаря тому, что балка задела его лишь вскользь, майор не заработал даже сотрясения и чувствовал себя гораздо лучше, чем после недавнего падения в катакомбы «Агропрома». Но тогда все обошлось без сопутствующих травм, а сегодня у интродера, к несчастью, возникла такая проблема, крайне несвоевременная и болезненная.

Допив воду, майор отставил ковш, но вместо благодарности лишь покосился на Верданди и ничего не сказал. А потом расстегнул комбинезон, задрал свитер и майку и осмотрел отбитый пулеметным прикладом бок. На нем красовались внушительный синяк и припухлость, прикосновение к которой вызывало острую боль. Также болевые спазмы вызывались глубоким дыханием, кашлем и, что самое неудобное, резкими движениями руками и корпусом. Морщась от боли, Кальтер дотошно ощупал ребра и определил, что как минимум два из них сломаны. Вкупе с невыходом в установленный срок на цель эта неприятность выглядела вдвойне обидной.

Верданди следила за манипуляциями Кальтера с таким видом, словно понимала, чем он занимается. А может, любительница исторических кинобоевиков и впрямь понимала, какая беда приключилась с майором, – конечно, если фильмы о Дикой Зоне снимаются по канонам правдоподобия, а не по худшим голливудским штампам... Прислушавшись, не раздаются ли в сумерках подозрительные звуки, Кальтер грубо потребовал у девочки вернуть ему винтовку. Что Вера сделала с явной неохотой – хоть оружие было для нее тяжелым и незнакомым, оно все-таки придавало ей уверенности. Интродер взял «ВМК», разобрал затвор, проверил, не забит ли ствол, и, довольный результатом экспертизы, собрал винтовку. После чего положил ее на колени, достал пенал с аптечкой и переключил внимание на свои многострадальные ребра.

Оголившись по пояс, майор сначала вколол себе парочку фирменных ведомственных препаратов, способных вернуть в строй даже полумертвого. Затем извлек из герметичного пакета длинный эластичный бинт и собрался зафиксировать им «плавающие» ребра. Но не тут-то было. Под воздействием лекарств боль медленно отступала, однако спазм продолжал сковывать интродеру мышцы и не позволял наложить бандаж как положено. Кальтер кряхтел, скрипел зубами и морщился, но процесс самоисцеления никак не хотел двигаться с места.

Помощь пришла оттуда, откуда майор ее опять-таки не ожидал.

– Разрешите мне, дяденька сталкер, – попросила Верданди, которой, похоже, надоело смотреть на мучительные потуги Кальтера. – Я поняла, что вы хотите сделать. Давайте, я заматаю вам этот бинт!

Майор прекратил возиться с бинтом и недоверчиво уставился на добровольную «сестру милосердия».

– Такое тоже показывали в твоём кино? – любопытствовал интродер, полагая, что вряд ли детей двадцать второго века станут учить допотопным приемам первой медицинской помощи. У них там, в будущем, поди, и живых врачей-то уже не осталось – одни медицинские роботы и компьютерные медсестры.

– Ну да! – как ни в чем не бывало ответила Верданди. – В сериале про сталкера Хемуля постоянно какого-нибудь героя то ранят, то избьют, а потом его товарищи или Болотный Доктор приходят ему на помощь. Вам ведь сломали ребра, да? Значит, надо просто заматать их потуже до тех пор, пока вас не осмотрит какой-нибудь врач. Это же проще простого! Можно попробовать?

Кальтер беспомощно уронил руки, тяжело вздохнул, затем беззвучно выругался одними губами и сдался:

– Ладно, валяй... Только мотай очень туго. Не бойся, мне не будет больно, так что можешь тянуть бинт изо всех сил.

Сил в щупленькой девочке таилось гораздо больше, чем ожидал от нее интродер. Верданди опустилась перед ним на колени, закрепила первым витком придержанный пациентом кончик бинта, а потом взялась за дело с таким усердием, что Кальтер от неожиданности даже крикнул. После чего тут же мысленно укорил себя за проявленную слабость, пусть и мимолетную. Его – интродера, без пяти минут ветерана невидимого фронта – заставила страдать сопливая тринадцатилетняя девчонка! Вот так оказия! Хорошо хоть «мизантропам» чуждо самобичевание, а иначе он вмиг сгорел бы от стыда, не сходя с места.

Заслышав крик Кальтера, Вера остановилась и вопросительно глянула на майора. Тот в ответ лишь отрицательно мотнул головой: дескать, пустяки, не обращай внимания, бинтуй дальше. Девочка, также ни слова не говоря, вернулась к прерванной работе, а Кальтер невольно подумал, что любопытно, сколько лет было бы сейчас его дочери или сыну, женись лейтенант Куприянов на подруге своей молодости, с которой он встречался еще до того, как раз и навсегда связался с Ведомством... Но тут же одернул себя, не желая отвлекаться на несвоевременные мысли, которые пробудил в интродере сидящий возле него удивительный ребенок с синими глазами.

– А как вас зовут, дяденька сталкер? – внезапно заинтересовалась Вера, продолжая старательно закручивать бинт в тугую бандаж.

– Что?! – переспросил Кальтер, не сразу сообразивший, о чем его спрашивают.

– Как вас зовут? – повторила Верданди и уточнила: – Я имею в виду не сталкерское прозвище, а имя, которым вас называют друзья и родные.

– Зачем тебе это? – более дурацкого ответа майор дать ребенку не мог. Но крепко укоренившаяся многолетняя привычка всегда и везде держать язык за зубами вынуждала Кальтера отвечать на подобные вопросы как угодно, только не правдиво.

– Какой вы странный! Что значит «зачем»? – обиделась Вера и, видимо, по этой причине дернула бинт резче, чем обычно. Впрочем, интродер успел подготовиться к таким сюрпризам, и теперь у него на лице не дрогнул ни единый мускул. – У меня же есть имя! И у вас наверняка есть, могу поспорить. У всех людей на Земле есть имена. Папа всегда учил меня гордиться моим именем! Он говорил, что, если человек не хочет представляться при знакомстве, он или преступник, или шпион, или просто злой и скрытный. Но вы же не злодей, да? Так почему вы стесняетесь сказать мне, как вас зовут, дяденька сталкер?..

Кальтер доверял своим наставникам, которые когда-то обучали его многогранному искусству выживания. Не раз и не два майор, находясь в командировке, выходил из сложных, а порой и вовсе катастрофических ситуаций лишь благодаря четко усвоенным на тренировках навыкам. Но сейчас «мизантроп» был вынужден признать, что готовившие его для работы во вражеском тылу инструкторы оказались отнюдь не всезнающими асами диверсионного ремесла. Ибо как объяснить тот факт, что они научили Кальтера переносить зверские пытки и сохранять самообладание на изматывающих многодневных допросах, но не предусмотрели столь очевидной ситуации, в какую сегодня угодила майор? Парадоксальное явление: он мог заставить попотеть не одного мастера заплочных дел, а на допросе, который учинил ему ребенок, ощущал себя беззащитным и не знал, что ответить.

Конечно, Кальтер мог элементарно рыкнуть на Верданди, чтобы она прикусила язык и помалкивала. Для этого и впрямь не требовалось большого ума и тем паче инструкторских советов. Однако не все здесь выглядело очевидно, как могло показаться со стороны любому другому интродеру. Майору не хотелось признавать открытую им истину, но, похоже, никуда от нее было не деться, и рано или поздно Кальтеру предстоит с нею смириться.

Истина сия была проста настолько, что укладывалась всего в два слова: Кальтер сломался. Причем стряслось это в самый неподходящий момент – при выполнении задания особой государственной важности. Подобное уже случалось с собратьями майора, и теоретически он тоже не был от этого застрахован. Но все равно, читая внутриведомственные бюллетени о том, что тот или иной интродер покинул Список Бодрствующих и был отправлен в преждевременную отставку «по состоянию здоровья», Кальтер всегда думал одно и то же: «С кем угодно, только не со мной. Я – лучший и скорее пушу себе пулю в лоб, чем покину службу таким позорным способом!»

Что ж, время показало, какова была цена этим самоуверенным обещаниям. Долго, очень

долго продержался майор на службе без срывов и нареканий. Для интродера – почтенный срок. Даже непонятно, почему Стратег до сих пор продолжал доверять Кальтеру, посылая его на задания по неизменному вот уже двадцать лет графику, без скидок на возраст. Ведь, если задуматься, не мог же психологический срыв свалиться на майора, словно кирпич на голову. Определенно, должны были найтись для этого какие-нибудь предпосылки. Обнаружь психологи хотя бы одну из них, и карьера интродера сразу подошла бы к закономерному финалу. Но Кальтер сломался на задании, вопреки прогнозам ведомственных мозгоправов, чем грозил навлечь гнев командования не только на свою голову, но и на голову всех этих безвестных гениев психиатрии.

Кальтер переводил взгляд с Верданди на лежащую перед ним «ВМК» и твердо знал, что не поступит так, как собирался поступить все минувшие годы в случае возможного психического срыва. Но не потому, что испугался смерти или оказался морально не готов к подобной ситуации. Просто майор вдруг осознал, что никакого срыва на самом-то деле нет, а нервы Кальтера по-прежнему уравновешены, как аптекарские весы. Тогда что же с ним стряслось и почему он позволяет постороннему человеку находиться рядом с собой, если прежде интродеру доводилось без колебаний убивать свидетелей, даже мельком видевших его при выполнении задания?

«Непредвиденные помехи» – именно так обозначались в отчетах «мизантропа» случайные жертвы, без которых не обходилась каждая вторая его командировка. Верданди тоже попадала в категорию «непредвиденных помех», но устранять ее Кальтер не то что не торопился, но и вообще не собирался. Более вопиющего нарушения устава он за двадцать лет службы не допускал. И что характерно, интродер шел на это с тем же хладнокровием, с каким выполнял любую порученную ему Стратегом работу. Сознание майора по-прежнему оставалось кристально чистым и не замутненным предательскими эмоциями.

Совершенный Кальтером грех гарантировал ему позорный уход в отставку всего за два-три года до того, как то же самое можно было сделать с наградами и почестями, полагающимися уважаемому ветерану. А потом – спокойная жизнь в закрытом санатории Ведомства или служба в качестве инструктора... Теперь же неизвестно, каким образом проявленная слабость отразится на карьере майора. Слишком хорошо изучили его ведомственные психологи, чтобы он умудрился от них что-либо скрыть. Мигом выведут на чистую воду и доложат Стратегу, что отдел «Мизантроп» лишился еще одного ценного сотрудника, вычеркнутого из Списка Бодрствующих за проявленное малодушие.

Кальтер сохранял невозмутимость, потому что не чувствовал себя виноватым, даже полностью осознавая факт нарушения им устава. Странная ситуация, которая при всей своей очевидности сроду не приходила майору на ум. И раз уж он предпочел решать запущенную проблему неуставными методами, значит, Кальтеру вовсе не обязательно теперь слепо следовать букве устава. Конечно, полностью идти вразнос и пускаться во все тяжкие майор не намеревался. Даже сломанный меч продолжает, несмотря ни на что, оставаться мечом – несгибаемым стальным оружием. Но от добавления в перечень своих грехов еще пары-тройки пунктов интродеру, похоже, не отвертеться...

– ...Зови меня «дядя Костя», – ответил майор Куприянов, не желая выглядеть в глазах ребенка недоверчивым злодеем. Самое любопытное, что эта, казалось бы, незначительная деталь – какая разница, что вообще будет думать о Кальтере посторонняя девчонка? – действительно имела для него значение. Но после того, как майор назвал Вере свое настоящее имя, он уже перестал удивляться происходящим с ним «неуставным» странностям.

– Дядя Костя... – повторила Верданди, понятия не имея, что она первая, кто в присутствии Кальтера называет его таким образом. Вот только велика ли ей от этого честь? – Редкое имя... Даже не помню, чтобы кого-то из моих знакомых так звали. Наверное, это очень старинное имя, ну вроде Любосвет или Прохор, – сказав это, девочка наложила на ребра майора последний виток бинта и закрепила его край клейким пластырем. После чего с довольным видом оттапоровала: – Все, дядя Костя, я закончила. Что скажете? Получилось?

Пациент придирчиво ощупал повязку, подвигал плечами и корпусом, проверил, надежно ли приклеилась липучка-фиксатор, и только потом вынес авторитетное заключение:

– Нормально.

Несмотря на лаконичность и равнодушный тон, которым Кальтер оценил, говоря начистоту, вполне достойную работу девочки, Вера от его похвалы все равно просияла. Правда, большие выразительные глаза ребенка при этом так и остались грустными, но тут уж ничего не поделаешь – вернуть в них радость удастся еще очень и очень не скоро. Или вообще не удастся...

Мерзкая, трижды проклятая Зона!

Кальтер проследил за улыбкой Верданди, что вновь заставило его вспомнить про вопрос, который майор не задал ей днем. Тогда это не имело никакого отношения к делу, но теперь, когда майор завязал с гостьей из будущего странные – если не сказать дружеские – отношения, он мог спрашивать ее о чем угодно. Поэтому и не преминул воспользоваться своей пусть сомнительной, но все-таки заслуженной привилегией.

– Тебя не пугает моя татуировка? – осведомился Кальтер, оставив в покое бинт и приступив к одеванию.

– Вы про ту, что у вас на лице? – поинтересовалась в ответ Вера.

– Да, – подтвердил интродер, недоумевая, какие еще татуировки могла заметить на нем «сестра милосердия». В свое время пластические хирурги вывели с кожи старшего лейтенанта Куприянова все шрамы и родимые пятна, по которым можно было бы опознать личность схваченного за границей диверсанта. Поэтому, кроме «служебного» Символа Аль-Шаддада, никаких других татуировок на теле Кальтера не имелось.

– А почему я должна ее бояться? – вновь огорошила Верданди майора.

В который уже раз Кальтеру не удалось с ходу ответить на заданный Верой вопрос. Благо на сей раз девочка избавила интродера от мучительного поиска ответа и раскрыла секрет, который так интересовал дремучего, как и вся его эпоха, дядю Костю.

– Вообще-то сначала я удивилась, почему вы носите на лице знак, какой у нас рисуют на сигаретных пачках, – призналась Верданди. – Такая специальная картинка, понимаете, чтобы сигареты не попадались на глаза детям. Тому, кто курит, все равно, что на пачке нарисовано, – он покупает ее не из-за картинки, да? А дети, когда приходят в магазин, они ведь всегда на красивую упаковку смотрят и, если видят ее на сигаретах, начинают интересоваться, а что это. Вот у нас и придумали продавать их в пачках с такой картинкой, чтобы этот товар видели только те, кому он действительно нужен. Есть еще и другие товары для взрослых с таким же знаком на обертке, не только сигареты.

– Значит, в будущем эти символы на всех углах нарисованы, а вы к ним настолько привыкли, что перестали их бояться? – догадался Кальтер. – И давно на сигаретах ставят этот знак?

– Давно. Может, полвека, может, еще больше. Я не знаю, – пожала плечами Вера. – Я как-то спрашивала папу, что означает эта картинка, и он сказал, что она – какой-то древний восточный иероглиф. И еще сказал, что почему-то мы были первыми, кто начал помечать им товары для взрослых. Не китайцы, не арабы, а мы. Любопытно, правда?.. А почему вы сделали себе такую татуировку? Она же некрасивая... И не страшная.

– Так было надо, – отмахнулся майор, надевая разгрузочный жилет и проводя ревизию оставшегося боезапаса. У интродера отсутствовало всякое желание рассказывать малолетней спутнице историю Символа Аль-Шаддада и тем более о том, почему Кальтер носит на лице клеймо «товара для взрослых».

– Станный вы, дядя Костя, – заметила Верданди. – Страннее вас я еще никого не встречала, честное слово. Неужели все сталкеры такие же удивительные, как вы?

– Нет, не все. Есть гораздо удивительнее, – утешил, а может, наоборот, разочаровал дотошного ребенка Кальтер. За сим прекратил трепаться на отвлеченные темы и перешел к насущным проблемам, в решении коих Вера также могла ему помочь: – А теперь забудь про мою татуировку и попробуй вспомнить дорогу, по которой ты сюда пришла. Это очень важно, так что хорошенько сосредоточься. Ты можешь мне ее показать?..

Помимо сведений о Небесном Пауке девочка обладала еще одной ценной для Кальтера информацией. Совершенно не осознавая, какому риску она себя подвергает, Верданди умудрилась обнаружить безопасную тропу, которая пролегла от этого места до района Военных Складов, где разбился гравикоптер путешественников во времени. Согласно карте, оттуда было рукой подать до форпоста «Монолита». Растерявший проводников майор

ухватился за поведенную Верой историю, как за путеводную ниточку. Даже в компании такой обузы, как увязавшийся за ним ребенок, Кальтер мог быстро добраться до цели тропой Верданди, после чего заставить девочку запереться в каком-нибудь крепостенном подвале и приступить к завершению работы. А затем вернуться за своей проводницей и отвести ее на базу «Долга». Генерал Воронин – достойный человек и наверняка изыщет способ переправить девочку за пределы Зоны, подальше от здешних ужасов и злоключений. Кто знает, возможно, Вере еще повезет прожить долгую и счастливую жизнь в нашем настоящем – пусть не таком совершенном, как будущее Верданди, но все равно не самом худшем пристанище для того, кто волею судьбы заблудился на бескрайних просторах времени.

– Не знаю, дядя Костя, – ответила Верданди на предложение Кальтера. – Я ведь почти всю дорогу плакала и не смотрела по сторонам. Помню только, что, кажется, никуда не сворачивала, все время шла прямо и прямо... А мы что, пойдем с вами сейчас, на ночь глядя? Я думала, вы захотите подождать до утра. Папа говорил, сталкеры ночью не ходят по Зоне.

– Обычные – нет, но странные сталкеры могут путешествовать круглые сутки, – попытался отшутиться майор. Правда, тут же смекнул, что девочка вряд ли воспримет его слова как шутку, и уже серьезно добавил: – Пройдем столько, сколько повезет. У нас мало времени, поэтому сегодня ночью спать нам будет некогда. Если ты мне не наврала, твоей дорогой можно ходить и в темноте. Не знаю, насколько это реально, но попробовать все равно стоит. Ну а не получится, найдем укромный уголок и переждем до утра.

– И куда мы с вами идем? – спросила Вера.

– Прежде всего уберемся отсюда подальше, – уклонился от конкретного ответа интродер. – А потом уже окончательно решим, как нам тебе помочь.

– Только вы сначала пообещайте, что не бросите меня, – потребовала Верданди. И для пущей убедительности пригвоздила майора сокрушительным аргументом: – Я же вас не бросила, когда вы были без сознания, и даже на посту весь день простояла. И вы должны пообещать, что будете охранять меня и никогда не оставите одну. А еще лучше – поклянитесь!

Кальтер кисло усмехнулся: вот так в историю вляпался он под старость лет... Уцелеть в бесчисленных заграничных командировках и дожить до седых волос только ради того, чтобы перед самой отставкой фортуна выкинула с ним такую экстравагантную шутку! Неужто в этом и заключается пресловутая ирония судьбы? Однако все складывается не слишком-то весело. Что ни говори, а плоховато у этой взбалмошной особы с чувством юмора...

– Обещаю, – проговорил майор в ответ на выдвинутое Верой условие.

– Нет, поклянитесь! – нахмурившись, ужесточила девочка свое требование, разве что ножкой при этом не топнула.

– Хорошо, клянусь, – не стал ерепениться Кальтер, поскольку не желал создавать себе на пустом месте дополнительные проблемы. Позарез хватало и тех, что ожидали интродера впереди.

– Вы молодец, дядя Костя, – улыбнувшись, кивнула майору Верданди. – Я с самого начала поняла, что вы не собираетесь бросать меня здесь, а всего лишь пугаете. Это была такая сталкерская шутка, да?

– Ну... э-э-э... – Кальтер развел руками. – Да, наверное. Ладно, если с клятвами разобрались, тогда давай напоследок пройдемся по территории, посмотрим, чем еще здесь можно поживиться, и двинем в путь. У нас мало времени, не забывай.

То, чем интродер предлагал заняться гимназистке из будущего, в приличных местах называлось нехорошим словом: «мародерство». Но поскольку в Зоне это определение далеко не всегда подразумевало постыдный отвратительный поступок, стало быть, никакого дурного примера Кальтер ребенку не подавал. Впрочем, Верданди все равно отказалась смотреть, как дядя Костя обыскивает трупы сектантов, и когда увидела, чем он намерен заняться, предпочла отвернуться. Но далеко от мародера не отходила – так и стояла у него за спиной, глядя в противоположную сторону, пока интродер обшаривал карманы и под сумки мертвых врагов.

Прежде всего Кальтера интересовало продовольствие, потому что других его источников на пути у экзотической парочки скитальцев попросту не было. Обыск первого же тела дал понять, что с продуктовым обеспечением в «Монолите» дела обстоят не хуже, чем с поставками оружия. Вдобавок выяснилось, что «броненосцы» в уничтоженной делегации сектантов

являлись не только главной ударной силой, но еще и ходячим «обозом», груженным всеми необходимыми в дальнем рейде вещами. В подсумках врага Кальтер нашел полный комплект провианта, который даже поставил майора перед проблемой выбора, так как захватить с собой все найденные продукты было бы невозможно. Хотя какая, к чертовой матери, это проблема! Вот бы все они решались таким же элементарным путем, каким интродер пополнил их с Верой пищевые запасы.

Из одного снятого со вражеского экзоскелета кожаного подсумка Кальтеру удалось даже соорудить для хрупких плечиков Верданди маленький ранец. В него майор положил дополнительную фляжку с водой, немного продуктов и тонкое, но теплое армейское одеяло, найденное в вещах другого монолитовца. Обрадовавшись оказанному ей дядей Костей доверию, девочка тут же затребовала для себя и оружие. Командир экспедиции уважил желание своего единственного подчиненного, однако вместо понадобившейся малышке штурмовой винтовки выдал ей лишь штык-нож, конфискованный вместе с ножнами у последнего обысканного интродером покойника. Верданди недовольно поворчала, но открыто протестовать не стала. Она была уже достаточно взрослой, чтобы понять: для обращения с тяжелой грохочущей пушкой из прошлого нужны более сильные руки, нежели худенькие ручонки тринадцатилетней девочки.

На подготовку к путешествию ушло полчаса, и когда Кальтер и Верданди выступили в путь, над Зоной уже стояла ночь. Перед выходом девочка припомнила, что последние полкилометра она двигалась вдоль железнодорожных путей, между которыми стоял приютивший ее домик. Майор строго-настрого приказал Вере шагать ему след в след, не отходить в сторону ни на шаг и выполнять все действия, какие выполняет интродер. То есть если проводник вдруг останавливался и приседал, дабы прислушаться или присмотреться к обстановке, значит, Вера была обязана без лишних распоряжений последовать его примеру. Ну и, само собой, не болтать по пустякам и не задавать лишних вопросов. На этом нюансе Кальтер заострился особо. Но даже получив от Верданди заверение, что она все прекрасно поняла, дядя Костя сомневался, что у нее хватит терпения прошагать несколько часов кряду, ни разу не раскрыв рта или не отпросившись по нужде. Поэтому майор дал девочке дополнительный наказ, согласно которому, прежде чем обратиться к Кальтеру, Вера была обязана сначала постучать ему по спине. И только потом излагать свою просьбу, замечание или наблюдение.

Фух!.. Майор утер со лба пот. Кажется, с воспитательной работой покончено и спутница получила все необходимые наставления. Кальтер и не думал, что, оказывается, интродером быть гораздо легче, чем вожатым скаутского отряда. Когда отвечаешь исключительно за себя, жить на белом свете значительно проще. А если под твоим надзором находится два десятка малолетних оболтусов, за каждым из которых нужен глаз да глаз, попробуй уследи за этой оравой и доставь ее обратно родителям в целостности и сохранности. Воистину, надо быть большим оптимистом и иметь стальную выдержку, чтобы посвятить свою жизнь педагогическому ремеслу...

Глава 12

Разумеется, Кальтер не стал двигаться по ночной Зоне так, как позавчера это делала Верданди. Майор прибыл в Дикие Земли в сопровождении должовцев и потому сэкономил свой пополненный в Баре запас болтиков. Теперь же интродер вернулся к оставленной практике использования этих примитивных, но надежных индикаторов аномалий. Прошагав первые полкилометра, Кальтер сделал предварительные выводы, что пока слова девочки подтверждаются. За двадцать минут пути им не встретилось ни одного аномального очага и лишь однажды где-то справа от железной дороги, за лесом послышался далекий вой мутанта – судя по всему, довольно крупного.

По прошествии следующей пары часов все обстояло по-прежнему, разве только железнодорожная ветка сузилась до двух путей. Один из них был пуст, а на втором растянулся порожний товарный состав. Широкие вагонные двери во всем поезде были распахнуты. Видимо, однажды какие-то педантичные сталкеры не поленились вскрыть каждый вагон и проверить, что товарняк действительно пуст. Наверное, в одном из этих вагонов Вера и

останавливалась на свой второй привал. В каком конкретно, она сказать затруднялась – поди тут запомни, когда поезд такой длинный, а все вагоны похожи, будто выложенные в ряд куриные яйца.

Понемногу ветка начинала сворачивать в восточном направлении. Сверившись с картой, майор определил, что к рассвету они с Верданди должны добраться до того места, где девочка предположительно поднялась на железнодорожную насыпь. До сей поры помалкивающий детектор аномалий теперь начал время от времени подавать предупредительные сигналы. Но пока все обнаруженные Кальтером аномалии находились за пределами рельсового полотна, словно в их аномальном мире тоже существовали инструкции, запрещающие хождение по железнодорожным путям.

Кальтер нутром чуял, что во второй раз пройти этим же маршрутом без происшествий Верданди не удастся. И не только потому, что майор верил в странную, но свято чтимую сталкерами примету, запрещающую им возвращаться теми же маршрутами, какими они уходили в рейды. Неприятности можно было предсказать и без знания этой местной традиции, даже посредством обычной теории вероятности. Прodelав на диво беспрепятственный путь от Военных Складов до Диких Земель, Вера исчерпала весь свой сталкерский лимит везения, и отныне ее нельзя было считать талисманом удачи. Скорее наоборот, теперь такая спутница гарантировала неминуемые тяготы и лишения каждому, кто возьмет ее с собой. Слишком большой кредит на жизнь выписала Зона этому ребенку, а в качестве процентов по нему она могла запросто взять жизни тех, кто осмелится связаться с Верданди, не подумав, чем это может быть чревато. Кальтер имел представление, во что ввязывается, но поскольку он и сам являл собой спорный в плане везения случай, то и в спутники Вере годился, пожалуй, как никакой другой сталкер.

Но по какой бы математической теории ни рассчитывались шансы этой экстраординарной парочки на успех, рассвет она так или иначе встретила, лежа ниц в рельсовой колее и боясь даже пошевелиться. Причина, вынудившая спутников упасть на шпалы и затаиться, расхаживала в полусотне метров севернее, у подножия левого склона железнодорожной насыпи, грузно топала, рыкала и, согласно уже другой теории, теории подлости, как нарочно, не хотела проваливаться восвояси.

Псевдогигант. Едва Кальтер разглядел его, вышедшего из леса в предрассветных сумерках, то подумал, что видит оживший и разгуливающий по округе стог гнилого сена. Глаза-блюдца, ноздри и широченная пасть мутанта находились у него прямо на верхушке груди. Его бесформенная, прямоходящая и безголовая туша опиралась на пару нижних конечностей – коротких и толстых, как пивные бочонки. В отличие от них, верхние конечности псевдогиганта были раза в три длиннее его ног, поэтому доставали почти до земли и тоже использовались монстром при ходьбе в качестве опорных. Стиль его передвижения больше всего напоминал обезьяний, только, в отличие от горилл и шимпанзе, бегал исполинский мутант очень уж неуклюже. Умей слоны ходить на двух ногах, наверное, они бегали бы таким же комичным образом.

Впрочем, когда Кальтер заметил с треском вывалившуюся из леса слоноподобную тварь, у майора и в мыслях не было смеяться над ней. «Ложись!» – шепотом скомандовал он Верданди, которая тоже увидела псевдогиганта, но – умница – не закричала, а четко последовала примеру дяди Кости: мигом плюхнулась вслед за ним на шпалы и замерла, боясь поднять голову и взглянуть на жуткого топающего монстра. До Кальтера долетало лишь испуганное сопение и шмыганье носом, но, к великому облегчению майора, до плача дело все же не дошло. Хотя еще неизвестно, как отреагировала бы Вера, выскочи псевдогигант не в полусотне метрах впереди, а ближе. Уповать на выдержку ребенка, столкнувшегося с превратностями Зоны, – дело очень и очень сомнительное.

Таращась на мир огромными, как две луны, глазами, псевдогигант, однако, не отличался ни острым зрением, ни слухом, ни чутьем, да и бегал, надо сказать, не ахти как стремительно. Казалось бы, неповоротливая медлительная туша, только и всего. Но сталкеры боялись этого монстра наряду с прочими мутантами по трем причинам. Во-первых, силищи в псевдогиганте бушевало столько, что он мог шутя выдернуть с корнем толстое дерево и разнести по кирпичикам достаточно крепкий дом. Во-вторых, многотонная масса позволяла уродливому

исполину попросту не обращать внимания на многие здешние аномалии вроде «Трамплина» и «Грави». А также «Жарки», поскольку псевдогигант был вдобавок нечувствителен к огню. Эти особенности компенсировали монстру недостаток скорости и позволяли гнаться за жертвой напрямик, в то время как ей требовалось внимательно смотреть себе под ноги и обегать очаги аномальной активности. Ну, и в-третьих, сталкер мог уничтожить псевдогиганта разве что кумулятивным выстрелом из гранатомета, и то без гарантии, что граната не отскочит от непрошибаемого бока огромного мутанта. Даже убойные пулеметные пули застревали у него в теле, будучи не в состоянии пробить мышцы и добраться до жизненно важных органов. Поэтому неудивительно, что, заслышав близкий рев этого чудовища, скитальцы разбегались кто куда или прятались в надежде, что могучий топотун их не заметит.

Кальтер и Верданди уповали на второе, ибо убежать от прямолинейного и неукротимого, как локомотив, псевдогиганта было бы не самым здравым выбором. Время для того, чтобы скрыться незаметно, они упустили. Если майор еще имел возможность задать стрелка от неуклюжего мутанта, слабые ножки Веры были явно не приспособлены для утомительного бегства по пересеченной местности. Спутники залегли в железнодорожной колее, полагая, что на таком расстоянии подслеповатая тварь их не обнаружит. Но псевдогигант, не иначе, успел-таки почуять неподалеку движение, поскольку не направился дальше своей дорогой, а взялся рыскать туда-сюда вдоль подножия насыпи, подобно потерявшей след гончей. Железнодорожное полотно при этом задрожало так, будто по нему проходил поезд.

Бу-бум! Бу-бум! Бу-бум!... Бу-бум! Бу-бум! Бу-бум!..

Пролежав на шпалах в неподвижности четверть часа, Кальтер укрепился в мысли, что громохание этого «поезда» будет продолжаться бесконечно. Подниматься на насыпь, чтобы проверить свои подозрения, псевдогигант не желал. Его анатомия не благоприятствовала восхождению на крутые склоны, и, очевидно, поэтому тварь терзалась сомнениями, а нужно ли вообще напрягаться, взбираясь на гору, если столько сил будет потрачено зря.

Вот только Кальтеру и Вере неуверенность псевдогиганта вовсе не играла на руку, пусть даже его поведение пока не причиняло им явных проблем. Чудовище могло протоптаться под откосом неведь сколько времени – хоть до вечера, хоть до завтрашнего утра, а убежать на противоположный склон, где псевдогигант не заметил бы скитальцев, было слишком рискованно. Стоило майору или девочке приподняться, чтобы даже просто переползти через рельс, это явно не ускользнуло бы от внимания монстра. Кальтер предполагал, что тварь и сейчас видит торчащие над полотном спину интродера и ранец его спутницы, но поскольку потенциальные жертвы замерли в неподвижности, псевдогигант не придает значения этим деталям. Однако продолжает упорно маячить поблизости, сотрясая землю своим тяжелым топотом, а воздух – грозным утробным рыканьем.

Майор знал, что им не суждено выиграть это противостояние с псевдогигантом. Интродер, разумеется, мог пролежать на шпалах сутки в неподвижности, но на выдержку девчушки в этом плане рассчитывать не приходилось. В течение ближайшего часа нужно было что-то срочно предпринимать. А иначе от длительного неподвижного лежания на холодных камнях у ребенка нарушится кровообращение и затекут мышцы. Что окажет Вере медвежьё услугу, если вдруг ей и дяде Косте придется-таки уносить ноги от чудовища.

Интродер надвинул на глаза видеоискатель «Ноктюрна», но вместо режима ночного видения включил обычный, с возможностью цифрового «зума». Потом слегка приподнял голову и стал тщательно изучать впереди лежащий путь.

В двухстах метрах далее по курсу железная дорога совершала очередной поворот на восток и исчезала за густым перелеском. Но Кальтера заинтересовало не рельсовое полотно, а то, что располагалось ниже, – просматриваемый насквозь дренажный тоннель. В свое время его соорудили под насыпью для пропуска дождевых и талых вод, что бежали по перегороженной ею природной котловине. Видимо, это и был тот самый тоннель, о котором рассказывала Верданди. К тому же от тоннельного выхода до вершины насыпи шел четкий след, оставленный в устилающей склон высокой траве. Кто-то – человек или мутант – выбрался не так давно из интересующего Кальтера тоннеля на железнодорожный путь. Идущий вверх след отклонялся в восточном направлении – это означало, что путник с большей вероятностью двигался туда же, а не свернул затем резко на запад.

Конечно, нельзя было делать такие уверенные выводы на основе одних лишь косвенных улик. Но даже если интродер обнаружил не тот тоннель, существовало два убедительных довода в пользу того, что этот проход мог сослужить Кальтеру и Вере хорошую службу. Первый: след на травяном склоне явственно указывал, что тот, кто вышел из тоннеля, беспрепятственно пересек его. Стало быть, шанс наткнуться там на аномалию низок. И второй аргумент: майор и Верданди могли воспользоваться тем же следом для быстрого и безопасного спуска в тоннель. Заложникам псевдогиганта следовало лишь пробежать по шпалам пару сотен метров, прежде чем тварь взберется на склон и пустится в погоню. Ну а дальше как повезет. Протиснуться в узкую бетонную щель слоноподобный мутант вряд ли сможет, и хоть при этом он обнаружит своих жертв, добраться до них будет уже не так-то легко.

Выяснив все, что необходимо, Кальтер выключил «Ноктюрн», после чего обернулся к уткнувшейся лицом в ладошки дрожащей Верданди, громким шепотом привлек ее внимание и, стараясь говорить кратко и доходчиво, объяснил девочке, что ей нужно делать.

– Я боюсь, дядя Костя, – также шепотом призналась Вера. Голос ее, однако, звучал достаточно твердо, а значит, пока она еще была в силах обуздывать свой страх.

– Не бойся, – успокоил спутницу майор. – Я побегу сразу же за тобой. Только ни в коем случае не оглядывайся и не сходи с примятой травы на склоне.

– А можно, я закричу? Так мне будет легче бежать, – попросила девочка.

– Даже не вздумай! – погрозил ей пальцем интродер. Он был не против того, чтобы облегчить Вере ее нелегкую задачу, но слишком уж пронзительно кричал этот ребенок в страхе. Того и гляди, вся окрестная псевдофауна сбегится на девчоночий визг, а тоннель способен дать более-менее надежную защиту лишь от одной разновидности мутантов. – Зажми рот рукой или прикуси ремешок от ранца, но чтобы никаких криков, ясно?

– Ясно, дядя Костя... – ответила Верданди и обреченно вздохнула. Затем немного поразмыслила и воспользовалась советом старшего, сунув в рот кончик ранцевого ремня и стиснув его зубами. Ноздри ребенка раздувались от волнения, а руки тряслись, но настроена Вера была решительно. Майор невольно подумал, что надо бы поблагодарить судьбу, всучившую ему эту синеглазую обузу, хотя бы за то, что Верданди оказалась для своих юных лет достаточно храброй и не впадала в панику даже тогда, когда для ребенка это было бы, в общем-то, простительно.

– Вот и молодец. Я знаю, ты справишься, – подбодрил интродер спутницу. – Главное, делай все в точности как я сказал, и чудовище тебя не догонит. Ты мне веришь?

– Угу, – промычала девочка, не вынимая из зубов ремешок.

– Тогда приготовься, – наказал ей Кальтер и, выждав, когда псевдогигант в очередной раз протопает к отдаленному от насыпи краю своего цикличного маршрута, скомандовал: – А теперь бегом марш! Пошла-пошла-пошла!

Верданди вскочила и стремглав кинулась к противоположному склону – туда, где дядя Костя приказал ей искать примятую траву и спускаться по этой узенькой тропке в тоннель. Как далеко находится та тропка, девочка не знала. Но Кальтер не солгал: он и впрямь верил, что, поскольку Вера не запаниковала и адекватно реагирует на приказы, значит, на нее можно положиться. Перед тем как девочка убежала, майор успел расслышать пытающийся вырваться наружу ее крик, но крепко стиснутые Верданди зубы мешали этому крику разлететься по округе.

Борясь с обуревающим ее ужасом, девочка припустила по шпалам. Кальтер подхватил винтовку и последовал за нею, держась чуть позади и будучи готовым подхватить ее, если она вдруг споткнется. Подгонять девочку интродер не стал. Она и без того пребывала на взводе, чтобы вдобавок нервировать ее понуканием.

Громогласный рык, который с легкостью перекрыл бы собой гвалт дизельного тепловоза, известил беглецов о том, что их проделка не осталась незамеченной. Кальтер обернулся и увидел, что разъяренный псевдогигант, неуклюже переваливаясь с боку на бок, взбирается на насыпь с явным намерением догнать и растерзать решившую скрыться от него парочку. Дабы ускорить процесс подъема своего крупногабаритного тела, исполин усиленно загребал передними лапами щебень, а на последнем этапе восхождения ухватился за крайний рельс, как за поручень. После чего, подобно экскаватору, выдрал из насыпи целый фрагмент полотна

вместе со шпалами. Рельсы в том месте, где только что лежали Кальтер и Верданди, изогнулись немыслимой дугой, как на картине какого-нибудь сюрреалиста, а раскучивший их псевдогигант лишь дополнял эту абсурдную до ужаса композицию.

Впрочем, просуществовала она всего несколько мгновений. Не успел еще утихнуть грохот разлетевшегося во все стороны щебня, а огромный мутант уже неся за беглецами со всей присущей ему прытью. Темп его сейсмически опасных скачков был явно ниже скоростного потенциала Кальтера. Но поскольку сейчас скорость майора ограничивалась скоростью его маленькой спутницы, он живо заметил, что на беговой дорожке Верданди псевдогиганту не соперница. Монстр неся по шпалам и острым камням, словно по асфальту, в то время как для изящных ступней девочки хуже этого дорожного покрытия могли быть разве что раскаленные угли. Боясь споткнуться или подвернуть ногу, Вера и так бежала не в полную силу, а когда после преодоления первой стометровки она начала выдыхаться, топот чудовища стал приближаться все стремительней и стремительней.

До замеченной интродером примятой травы оставалось совсем немного. Но бросив очередной взгляд назад, Кальтер понял, чем угрожал для них обернуться спуск с насыпи. Удирать по идущей под уклон тропке впереди псевдогиганта было бы столь же самоубийственно, как бежать по шпалам от разогнавшегося локомотива. Поэтому майор был вынужден отступить от первоначального замысла и прямо на бегу вносить в свою стратегию жизненно необходимые коррективы...

На что сталкер и мог уверенно положиться в Зоне, так это лишь на неотвратимо следующую за ним по пятам смерть. Старуха с косой давала стопроцентную гарантию того, что, если скиталец вдруг пожелает свести счеты с жизнью, он всегда добьется своего. Иных «постоянных величин» здесь не существовало. Даже незыблемым за пределами Зоны законам физики в этих краях нельзя было доверять. Любая, вплоть до самой примитивной, местная аномалия, с легкостью ниспровергала все известные физические постулаты.

Однако в бедственном положении Кальтера и Верданди именно привычная земная физика должна была прийти им на помощь. В данную минуту майор был уверен, что в его расчеты не вмешается какой-нибудь аномальный фактор и не сведет задуманное насмарку. Прежде всего, псевдогигант являл собой многотонную махину, разогнавшуюся до скорости бегущего человека, а уже потом – тварь из неведомой какой потусторонней реальности. Вряд ли исполин имел представление о законах Ньютона, однако их незнание не освобождало псевдогиганта от расплаты за пренебрежение к этим элементарным правилам...

Когда Верданди и идущую под откос тропку разделяло всего несколько шагов, Кальтер настиг девочку, ухватил ее под руку и, отскочив от склона, увлек спутницу за собой. От неожиданности Вера выпустила изо рта свой импровизированный кляп, испуганно вскрикнула и попыталась вырваться, но, сообразив, что ее схватило не чудовище, а дядя Костя, тут же замолкла и прекратила сопротивление. Впрочем, сейчас она могла бы кричать, сколько ей угодно. Все равно никто не расслышал бы ее в раздавшемся мгновением позже грохоте.

Кальтер нарочно промедлил, позволив Верданди приблизиться к склону. Опоздай майор на пару секунд, и он уже при всем желании не смог бы предотвратить беду. Но только вынудив Веру пробежаться по краю обрыва, майор получал реальную возможность избавить себя и спутницу от практически настигшей их угрозы.

Если человек еще мог резко изменить направление своего бега, то огромный мутант на такие виртуозные маневры был неспособен. Даже успей он среагировать на финт беглецов, для псевдогиганта это не имело никакого значения. Чтобы затормозить, ему требовалось на порядок большее расстояние, чем предоставил раскочегаренному монстру Кальтер. С ревом пронесшись мимо отпрянувших жертв, псевдогигант сошел с насыпи, после чего остановиться для него стало и вовсе неразрешимой проблемой. Набранная им скорость была небольшой, но при такой массе тела для утраты самоконтроля хватило бы и меньшего разгона. Выскочив на крутой склон, коротконогий монстр не удержал равновесия и грохнулся мордой вперед, а коварная инерция поволокла его к подножию холма с устрашающей силой.

Падение псевдогиганта выглядело грандиозно и захватывало дух настолько, что даже перепуганная Верданди открыла от удивления рот и во все глаза уставилась на кувыркающегося с насыпи монстра. Благодаря тому, что его шкура была сравнима по

прочности с тракторной покрывкой, а тело сплошь состояло из сплетения крепчайших мускулов, он сорвался под откос, подобно многотонному шару для боулинга: грохоча, подпрыгивая и снося на своем пути, словно кегли, березы и сосны. Их кривые, мутировавшие от радиации стволы трещали и разлетались во все стороны либо валялись на землю, подминаемые разогнавшейся ревущей машиной. Вместо протоптанной на склоне узенькой тропки теперь в расположенную внизу котловину вела широкая просека с укатанной травой и выданными с корнями деревьями.

Будто салютуя феерическому спуску псевдогиганта, на дне котловины шарахнули несколько растревоженных им «Жарок». Их пламя ударило вверх высокими огненными гейзерами, опалив прокатившийся по аномалиям громадный шар, а тот, и не думая останавливаться, помчался дальше, продолжая грандиозный лесоповал.

Несложно было догадаться, что случится, когда набранная монстром скорость иссякнет и он прекратит крушить деревья. Это обычный слон не сумел бы пережить падение с большой высоты, а толстокожему и пуленепробиваемому мутанту такое потрясение лишь придаст злобы и охотничьего азарта. Поэтому Кальтер решил не дожидаться, пока исполин в буквальном смысле наломает дров, а схватил ошарашенную происходящим Верданди за руку и потащил ее за собой – туда, куда они изначально и стремились.

Скатившись с насыпи, псевдогигант, сам того не желая, проторил беглецам широкий безопасный путь. Сбежать с откоса в котловину, а потом забраться в жерло тоннеля не составило для майора и девочки особого труда и заняло не больше минуты. Как и надеялся интродер, аномалий в дренажном проходе не обнаружилось. Но он не стал полагаться на авось и предпочел убедиться в собственной правоте надежным сталкерским способом. Брошенный Кальтером болт пролетел почти через весь тоннель и упал недалеко от противоположного выхода. Вот и отлично, решил майор. Одной головной болью меньше. Осталось только разобраться с главной проблемой, которая в настоящий момент барахталась неподалеку в маленьком болотце на дне котловины.

Неуклюжий мутант яростно сучил конечностями и перекачивался с боку на бок, пытаясь принять в скользкой грязи вертикальное положение. Во все стороны от громилы разлетались брызги болотной жижи и ошметки сухих камышей. Сейчас он больше походил на разбуянившегося младенца исполинских размеров, а не на свирепое чудовище, способное одним ударом перевернуть автомобиль. Однако даже в таком беспомощном положении псевдогигант оставался грозным и непобедимым. Кальтер мог выпустить в него весь свой боезапас, только какая от этого была бы польза?

Майор не тешил себя надеждой, что им удалось юркнуть в тоннель незамеченными – взор копошащегося в грязи псевдогиганта был устремлен в их направлении. Стрелять прицельно монстру в его вытаращенные глазищи Кальтер тоже не стал, ибо слышал, что роговица на них сравнима по крепости со шкурой чудовища. Вместо того чтобы лишний раз убеждать себя в том, в чем другие сталкеры успели не однажды удостовериться, интродер решил попробовать взять монстра, что называется, на живца. Тем паче что всего минуту назад Кальтер убедился, насколько этот свирепый кусок мутировавшего мяса туп и предсказуем.

Не желая тратить время, разъяренная Верданди, куда ей нужно бежать и что делать, Кальтер вышел из положения простейшим способом: майор швырнул на середину тоннеля второй болт, после чего указал на него девочке и распорядился:

– Беги подбери ту железку и жди меня там. И не вздумай сходить с места! Вперед!

Не смея перечить дяде Косте, Вера бросилась выполнять приказ. Интродер запоздало подумал, что надо было еще наказать девчонке закрыть глаза или отвернуться, но кричать ей об этом вдогонку Кальтер уже не стал. Псевдогигант сумел-таки подняться на ноги и теперь выбирался на берег болотца, которое он почти до последней капли разбрызгал в гневе по округе. Майору следовало поспешать: монстр должен заметить его, едва ощутит под ногами устойчивую почву. А иначе у интродера не получится задействовать в свою пользу такой немаловажный фактор, как скорость тяжеловеса. Не видя четкой цели, псевдогигант вряд ли остервенеет настолько, что бросится к тоннелю с прежней слепой яростью. Она же была единственным стимулятором, способным разогнать мутанта до необходимой Кальтеру максимальной резвости.

– Дядя Костя! – в ужасе закричала Верданди, глядя, как майор выходит из тоннеля в котловину и движется навстречу псевдогиганту. – Что вы делаете, дядя Костя?!

– Стой на месте! – не оборачиваясь, отозвался Кальтер.

– Не уходите, дядя Костя! – взмолилась Вера, но нарушить приказ не посмела. А потом вдруг перешла на пронзительный крик, от которого у интродера вновь по коже пробежали мурашки, а в голове зазвучали голоса разбуженных призраков. Но сейчас слушать их вопли Кальтеру было некогда. Все его внимание сосредоточилось на реальном чудовище, рванувшем к майору с таким воодушевлением, будто он был первой пищей, обнаруженной псевдогигантом за очень долгое время.

Несущийся навстречу дяде Косте монстр и послужил причиной очередного панического испуга девочки. А интродер дождался, пока неугомонный мутант наберет разгон, после чего остановился и, игнорируя предостерегающий крик Веры, замер, словно бегун перед стартом. Что, впрочем, было недалеко от истины. Разве только стартовой командой для майора должен был стать не пистолетный выстрел, а миг, когда псевдогигант поравняется с заранее выбранной Кальтером меткой – торчащим из земли трухлявым пнем. Его и человека разделяло всего полдюжины метров, так что выданная интродером самому себе фора выглядела не слишком щедрой. Но теперь ему предстояло бежать наперегонки с мутантом спринтерскую дистанцию, и не по подростковому нормативу, поэтому риск был вполне оправдан...

Псевдогигант неумолимо приближается. Не сводя с него глаз, Кальтер сначала притопывает одной ногой, затем – другой, проверяя, не скользит ли земля под ботинками. Одно неловкое движение или секундное промедление в этой короткой, но драматичной гонке может стоить майору жизни... Грузная неуклюжая тварь, как и прежде, несется напролом. Ее беспокоит не скользкая почва или расчет оптимальной дистанции. Мутант видит стоящую у него на пути жертву и повинуетя лишь слепому инстинкту, заложенному в псевдогигантский мозг неизвестно каким Творцом; единому инстинкту, коему неукоснительно подчиняется вся аномальная фауна Зоны: увидел двуногого пришлого чужака – убей его. Не важно как: растерзай на куски, выпей из него кровь, сожри с потрохами или выжги ему мозги псионическим импульсом... Убей любым способом, потому что, если ты этого не сделаешь, чужак убьет тебя. Простая бескомпромиссная логика – основа основ борьбы за существование, что, в отличие от мира за пределами Зоны, здесь проявляется в достаточно честной, открытой форме.

Псевдогигант достигает трухлявого пня, и Кальтер, срываясь с места, бросается обратно, в тоннель. За время, пока майор набирает скорость, мутант успевает и вовсе сократить между ними дистанцию до трех шагов. Но расчетливый человек это предвидит, хотя монстру, естественно, невдомек, почему вдруг жертва взялась удирать именно сейчас, а не раньше. Он упрямо заиклен на маячащей перед ним цели и уже тянет к ней свои смертоносные ручищи. Надо лишь чуть-чуть поднажать, и они сомкнутся на хрупком человеческом теле, в котором после таких объятий не останется ни единой целой кости...

Кальтер вбежал под своды тоннеля и едва не оглох от рева ворвавшегося следом псевдогиганта. В узком бетонном коридоре рычание мутанта обретало воистину громоподобную мощь. Однако тоннельные стены содрогнулись вовсе не от этого звука, а от сотрясшего их чудовищного толчка. Справа и слева от майора по каждой из стен пробежали отчетливые трещины, а с потолка посыпались мелкие осколки бетона. И сразу же вслед за этим рык монстра сорвался на хрип – тоже довольно жуткий, но звучащий совсем иначе: с сиплыми визгливыми нотками боли и бессильной ярости.

Но больше всего Кальтера порадовал тот звук, который перестал долетать до его ушей, – топот многотонной неистовой твари. Как только он прекратил сотрясать землю, интродер тут же сбавил темп и, пробежав по инерции еще несколько шагов, остановился. И лишь затем обернулся, чтобы полюбоваться на то, какое безобразие сотворил.

Свирепый и неудержимый, но тупой, как пробка, псевдогигант именно в пробку сейчас и превратился. Ведомый инстинктом хищника, толстокожий монстр даже не подумал притормозить перед тоннельным входом: либо до последнего надеялся, что все-таки дотянется до жертвы, либо был так ослеплен злобой, что вообще не заметил, в какое негабаритное место суется. Упитанный крепыш втиснулся с разбегу в узковатое для него жерло тоннеля и застрял в

нем, будучи не в силах двинуться ни взад, ни вперед. Руки псевдогиганта продолжали тянуться к избежавшему их мертвой хватки человеку, но короткие ноги мутанта лишь беспомощно скребли по бетону. Что монстру было бы лучше не делать, поскольку этими судорожными движениями он не помогал себе выбраться, а, наоборот, заталкивал собственную тушу еще глубже в проход. Чего Кальтер, собственно говоря, и добивался.

Девочка продолжала кричать, а майор, желая закрепить достигнутый результат, приблизился к застрявшему псевдогиганту настолько, что еще немного, и тот мог бы достать его своей ручищей. Теперь Кальтер откровенно издевался над угодившим в передрагу заложником собственных инстинктов, но кто бы упрекнул интродера в негуманном обращении с монстром? А мутант, вновь завидев поблизости жертву, начал отчаянно рваться к ней и царапать когтями бетонный пол. Возможно, псевдогигант и понимал, в какое безвыходное положение он себя загоняет, но хищная тварь попросту не умела действовать вопреки инстинктам. От ее усердных попыток достать человека стены тоннеля покрылись новыми трещинами. А Кальтер с каждым рывком исполина отступал на полшага назад, продолжая оставаться в недосыгаемости и еще пуще раздражая тянущегося к жертве охотника.

Измывательство Кальтера над псевдогигантом продолжалось до тех пор, пока майор не убедился, что монстр в своих тщетных потугах не может больше продвинуться вперед ни на йоту. Чудовище уже не рычало, а хрипело с такой силой, что казалось, вот-вот выплюнет собственные внутренности. Вылетающие у него из пасти зловонные миазмы наполнили тоннель отвратительным гнилым смрадом, от которого Верданди даже перестала кричать и зашлась в непрерывном кашле. Как ни искушало майора желание метнуть в пасть мутанта гранату, но Кальтер не стал тратить понапрасну драгоценные боеприпасы. Еще неизвестно, проглотил бы псевдогигант эту закуску или успел бы выплюнуть ее обратно, а если бы и проглотил, кто скажет, повредит ли его глотке подобная острая пища.

Неизвестно, как крепко засел в тоннеле монстр, но в течение ближайших часов он вряд ли вырвется на свободу. За это время беглецы успеют уйти достаточно далеко, чтобы псевдогигант потерял их след. Поэтому вместо сомнительной попытки добить врага интродер предпочел побыстрее покинуть смрадное место и вывести задыхающуюся спутницу на свежий воздух.

Едва Кальтер и Верданди очутились по другую сторону насыпи, девочку тут же стошнило. Майора и самого мутило, как будто он не надышался гниlostной вонью, а объелся какой-то тухлятиной. Пройдя немного по дну медленно сужающейся котловины, вскоре интродер обнаружил в сухой траве еще один отчетливый след, выходящий на невысокий, но крутой берег. Но как только Кальтер протянул руку, чтобы помочь все еще дрожащей от пережитого ужаса Верданди выбраться наверх, она взмолилась:

– Дядя Костя, я больше не могу! Ноги совсем не идут! Давай немножечко посидим! Ну пожалуйста!

– Ладно, так и быть – привал, – сжалился над ней майор, пусть передышка и не входила пока в его планы.

Вера тут же уселась на ствол упавшего дерева, через которое спутники только что перелезли, и, скинув ранец, зябко обхватила себя за плечи. Все ее щупленькое тело тряслось крупной дрожью, а зубы стучали так, что их клцанье было слышно даже с берега котловины, куда Кальтер поднялся, чтобы осмотреться.

Не выявив поблизости ничего подозрительного, майор хотел было остаться наверху и продолжать наблюдение за округой, но, глянув на зябко нахохлившегося ребенка, испытал странную неловкость, словно это не псевдогигант, а он, дядя Костя, напугал Веру до полусмерти. Но самое нетипичное в этом ощущении заключалось в том, что интродеру вдруг захотелось как-то загладить свою вину. Интуиция подсказывала Кальтеру: это наверняка поможет перепуганной девочке успокоиться. Как долго приходила в себя Верданди после вчерашней битвы майора с «броненосцами», он понятия не имел, потому что почти весь день провалился без сознания. Но Вере явно потребовался не один час, чтобы оправиться от ужаса. Сегодня на это у нее были лишь считанные минуты. И раз уж командир отвел для поднятия боевого духа своей подопечной такое короткое время, значит, Кальтер просто обязан ей в этом помочь.

Но какими словами можно утешить ребенка, которого пять минут назад едва не слопало

чудовище величиной с грузовик?.. Перед Кальтером стояла весьма непростая задача, наверняка ставшая бы камнем преткновения и для профессионального педагога. Усиленно подыскивая ей решение, майор спустился со склона, после чего подошел к Верданди и в молчании уселся рядом с ней на поваленное дерево. Дельных мыслей в голове у интродера было ровно столько же, сколько и в бревне, на котором он сидел.

От неловкого положения Кальтера, как и вчера, спасла Вера. Ни слова не говоря, она под села к нему поближе, а потом доверчиво взяла его под руку и прижалась плечом к плечу майора. Он этого, разумеется, не ожидал и поначалу растерялся. Но потом почувствовал, что у девочки понемногу утихает дрожь и перестают стучать зубы, и решил, что раз Верданди это успокаивает, значит, пусть так и будет. В конце концов, ребенку лучше знать, что ему в такой момент необходимо. Но если бы кто-нибудь сфотографировал сейчас интродера вместе с его малолетней подружкой и потом отправил эти фотографии в Ведомство, то-то в отделе «Мизантроп» разразился бы переполох...

– Дядя Костя, ты улыбаешься, – все еще дрожа, проговорила Верданди.

– Что? – Кальтер не сразу сообразил, о чем спрашивает девочка. В который раз за истекшие сутки она ставила интродера в тупик своей непредсказуемой и в то же время по-детски прямой логикой.

– Ты улыбаешься, – повторила Вера и тоже улыбнулась, вмиг избавив майора от его неловкости. – А я уже подумала, что ты вообще не умеешь улыбаться. Всегда такой хмурый, как будто грустишь о чем-то.

– Нет, не может быть, – возразил Кальтер, не припоминая, когда это они со спутницей решили перейти на обоюдное «ты». – Я не улыбался. Тебе наверняка показалось.

– А вот и не показалось! – шмыгнув носом, помотала головой Верданди. – Я что, по-твоему, не понимаю, когда человек улыбается, а когда нет?

– Ну хорошо, допустим, я чуть-чуть улыбнулся, – пошел на попятную майор, не видя причины начинать неуместный спор из-за сущего пустяка. – Разве дядя Костя не может подумать о чем-нибудь приятном?

– И о чем ты сейчас подумал? – не отставала Вера.

– О том, что было бы неплохо угостить тебя конфетой, – в кои-то веки не замешкался с ответом Кальтер, осененный внезапно пришедшей ему на ум идеей. – Ты когда-нибудь ела конфеты из прошлого века?

– Это в которые еще клали натуральный сахар? – ответила вопросом на вопрос девочка.

– Точно, – подтвердил Кальтер и вытащил из кармана маленький цилиндрический пенальчик с глюкозно-витаминными таблетками, входящими в штатный рацион каждого интродера. – Самый настоящий сахар стосемидесятилетней давности. Питательный и очень вкусный.

– От настоящего сахара толстеют, – авторитетно заметила Верданди, после чего встрепенулась и, указав на майора пальчиком, возбужденно заерзала: – Ага! Ага! Вот сейчас, да! Я видела, видела: ты опять улыбнулся, дядя Костя!

Тут уж Кальтеру крыть было нечем. Опасение тощей, как соломинка, девчонки растолстеть от чайной ложки глюкозы вызвало бы улыбку у кого угодно. Однако от «конфет» Верданди не отказалась и услужливо подставила майору ладошку, на которую он вытряхнул сначала одну, а затем, немного поколебавшись, добавочную ведомственную пилюлю. Вера была истощена, и удвоенная взрослая доза витаминов ей вряд ли повредит. Но не больше – все же эта пищевая добавка создавалась для здоровых мужчин, а не для малолеток.

Еще одну вытащенную из пенальчика таблетку Кальтер съел сам, сделав это не столько по необходимости, сколько за компанию со спутницей. Вера внимательно проследила, как майор перекачивает во рту кисло-сладкую пилюлю, и последовала его примеру. Вторую «конфету» девочка продолжала держать в ладошке – очевидно, желала растянуть удовольствие, ибо видела, какой небогатый у дяди Кости конфетный запас, и понимала, отчего спутник так экономно его расходует.

Следующие три минуты интродер и гимназистка из будущего просидели в молчании, смакуя непрезентабельные на вид, но действительно приятные на вкус витаминные таблетки. Вера продолжала держать Кальтера под локоть, и майор с удовлетворением отметил, что ее

рука перестала дрожать, а скованное нервным напряжением плечо расслабилось. Сошедшая с лица девочки бледность тоже говорила о том, что ребенок понемногу приходит в себя.

– И правда вкусно, – призналась Верданди, съев первую витаминную порцию и сразу перейдя ко второй. – Спасибо, дядя Костя. Ты настоящий друг. Если бы у меня были с собой конфеты, я бы тебя тоже обязательно угостила.

– Ну что, пойдём дальше? – поинтересовался Кальтер.

Девочка нехотя кивнула. После чего обреченно вздохнула, без лишних разговоров отстранилась от майора, прыгнула с бревна и стала надевать ранец. Стараясь соответствовать статусу «настоящего друга», дядя Костя помог Верданди попасть рукой в непослушную ранцевую лямку и покарабкался вверх по склону котловины, придерживаясь оставленного в сухой траве следа. Кто из спутников на самом деле кого сейчас успокаивал – Кальтер Вери или наоборот, – интродер, честно сказать, так и не понял...

Глава 13

Верданди первая заметила, что небо над Зоной начинает приобретать зловеще-багровый оттенок. Случилось это сразу после обеда, когда до заката оставалось еще как минимум шесть часов, и потому заходящее солнце было здесь совершенно ни при чем.

Услышав замечание спутницы насчет того, что, дескать, «воздух краснеет», Кальтер оторвался от работы, которой был в данный момент занят, пристально взглянул на небо, но ничего подозрительного не обнаружил. Однако не счел слова девочки пустой болтовней и отнесся к ним со всей серьезностью.

– Что конкретно ты видишь? – попросил уточнения майор. Он допускал, что взор ребенка вполне способен выявить в Зоне множество нюансов, неуловимых глазу взрослого человека. Даже такого наблюдательного, как «мизантроп».

– Не знаю, дядя Костя, – пожала плечами Вера. – Вроде бы все как обычно, но кажется таким, словно глядишь через красное стекло. И еще какой-то шум все время слышится.

– А у тебя случайно нет температуры? – спохватился Кальтер, до которого вдруг дошло, что наблюдаемые Верданди явления могут быть банальными симптомами начинающейся ангины или еще какого недуга. Для ребенка и вне Зоны провести столько времени на открытом воздухе – серьезное испытание. А вкупе со всеми пережитыми здесь неприятностями вообще удивительно, как Вера до сих пор не слегла от физического и нервного истощения.

– Нет, дядя Костя, со мной все в порядке. Спасибо, что спросил, – обнадежила девочка своего сопровождающего. – Но эта краснота... Я ведь ее уже видела. И шум тоже слышала. Так всегда бывает перед выбросом. И когда у нас в таймботе взорвался этерналий, тоже так было.

– Выброс? – недоверчиво пробормотал Кальтер. На базе «Долга» его проинформировали, что очередной выброс прогнозируется лишь через неделю. Точное время интродеру требовалось выяснить в сети – информация о дежурном катаклизме должна была появиться там за пару дней до намеченной даты. Вот только не стоило забывать, что все прогнозы в Зоне делаются людьми и начинаются со слова «возможно». Отсюда следует, что, возможно, ожидаемый выброс и впрямь случится через неделю, но не исключено, что и раньше.

Кальтер снова посмотрел на небо и попытался получше прислушаться к *чужому* ветру, дующему сейчас с обычной скоростью, не предвещающей вроде бы никаких катаклизмов. Нет, ничего подозрительного. Если у Верданди не галлюцинации, тогда либо она действительно обладает завидным чутьем на «предгрозовую» аномальную активность, либо после пережитых майором за минувшие дни ударов по голове его инстинкты изрядно притупились. Оба этих варианта были одинаково возможны.

И словно в подтверждение слов Верданди, над районом Военных Складов яростно взревела воздушная сирена. Это оккупировавший бывшую базу «Свободы» отряд «Монолита» извещал находящихся за пределами форпоста сектантов о грядущем внезапном выбросе. А через несколько секунд в унисон близкой сирене ударила еще одна – та, что долетела сюда за несколько километров из Бара. Миг, и без того наэлектризованная атмосфера Зоны наполнилась еще большей тревогой, которая разлилась в атмосфере, подобно едкому удушающему газу.

Первый с начала совместного путешествия Кальтера и Верданди долгий привал они

совершили в обед, неподалеку от того места, откуда двое с половиной суток назад девочка отправилась в свой вынужденный трагическими обстоятельствами рейд по Зоне. Начиная от тоннеля под железнодорожной насыпью и заканчивая этой ничем не примечательной точкой на ПДА-карте, майор и его спутница двигались практически наугад. Если детали предыдущего участка маршрута то и дело всплывали у Веры в памяти, то эту пару километров своего самостоятельного пути девочка совершенно не помнила. Впрочем, интродер и не просил ее что-либо вспомнить. Объятая диким ужасом Верданди бежала тогда одна, в кромешной тьме, и сейчас, возвращаясь назад прежней дорогой, мучилась рецидивом, без сомнения, самых тяжких переживаний в ее пока еще короткой жизни. Поэтому Кальтер и не сыпал ребенку соль на раны, донимая его лишними вопросами.

В общем, мало-помалу, где-то перебежками, где-то ползком, швыряя болты и прячась в кустах при первых же признаках опасности, к обеду скитальцы добрались до маячившей на горизонте гряды холмов. С них открывался отличный вид на место падения гравикоптера и расположенный восточнее поселок. Убегая от сектантов, Верданди обогнула эту возвышенность с запада, по широкой ложбине. Двигаясь по ней, интродер и девочка вышли бы аккуратно к разбившемуся летательному аппарату. Однако насколько ни было велико желание Кальтера взглянуть на останки удивительной техники, он осознавал, что опаснее того места в округе, пожалуй, не сыскать. Даже если в настоящий момент там не околачивались монолитовцы, это отнюдь не означало, что возле разбитого гравикоптера не притаилась засада, а сам он не настигнут взрывными устройствами.

Нутром чуя подобные сюрпризы, майор предпочел взглянуть на интересующий его объект с безопасного расстояния, поэтому отказался идти по ложбине и свернул в холмы, откуда заодно можно было понаблюдать и за вражеской базой. Она находилась в полутора километрах западнее холмов и должна была просматриваться с любой из крайних возвышенностей. Равно как и те – с высоких бетонных вышек форпоста. Так что Кальтеру следовало подходить к выбору наблюдательной позиции с особой тщательностью, жертвуя удобством в угоду полнейшей скрытности.

Прикинув так и этак, майор все же решил повременить с базой и сосредоточиться на главном доказательстве правдивости рассказа Веры. Тем более что прежде чем отправляться на поиск «Пурги-Д», девочку нужно было укрыть в каком-нибудь надежном подвале. Таковые поблизости имелись лишь в полуразрушенной деревеньке, раскинувшейся у подножия холмов. Исходя из приоритетной задачи, Кальтер выбрал для наблюдения (и одновременно обеденного привала) отнюдь не самый высокий, зато близкий к заброшенному поселку, заросший непроходимым кустарником холм. Форпост «Монолита» был с него, понятное дело, не виден, но для осуществления прочих замыслов высота вполне годилась. Единственный недостаток – передвигаться на ее вершине приходилось исключительно по-пластунски. Идущий через кусты в полный рост человек был бы отчетливо замечен с соседних, более высоких холмов, на которых сектанты вполне могли обустроить себе огневые позиции.

Измотанная двенадцатичасовым путешествием Верданди с честью выдержала финальную полуторачасовую игру «в черепашек» (так Вера окрестила скрытный выход Кальтера на наблюдательный пост) и была вознаграждена щедрой порцией трофейного обеда, реквизированного майором у убитых им на станции монолитовцев. Пока проголодавшаяся девочка уплетала за обе щеки импортный армейский сухпак и запивала его апельсиновым соком, интродер произвел предварительный осмотр местности. После чего понял, что придется категорически отклонить просьбу спутницы разрешить ей тоже посмотреть в бинокль.

Причина отказа была простой. Помимо заметного отсюда даже невооруженным глазом гравикоптера, Кальтер также обнаружил погибших членов его экипажа. Вот только Вере глядеть на это зрелище явно не стоило. Издали – еще куда ни шло. Но только не в мощную цифровую оптику, посредством которой трагическая картина открывала наблюдателю все свои ужасающие подробности.

Сегодня трудно было определить, на что именно походил лежащий посреди поля разбитый гравикоптер: на летающую тарелку или на вилку, с которой сравнила его вчера Верданди. Кальтер мог лишь предполагать, насколько пострадал летательный аппарат при аварии. Но если его экипаж без проблем пережил падение, значит, надо думать, машина

развалилась на части и воспламенилась не от удара о землю. А стало быть, окончательно разрушили гравикоптер уже монолитовцы.

Его обгорелые обломки были разбросаны по всему полю, а пропаханную при посадке канаву венчала широкая, метровой глубины воронка. На крупных обломках виднелись многочисленные пулевые отверстия. Но Кальтер решил, что летательный аппарат уничтожили все-таки не пули, повредившие энергетическую систему, – слишком уж на мелкие куски он был разорван. Больше походило на то, что сектанты целенаправленно разнесли гравикоптер несколькими заложенными в него зарядами взрывчатки. Только таким образом можно было придать взрыву максимально разрушительную форму.

Не было ничего странного в том, что «Монолит» не пожелал ознакомиться поближе с техникой из будущего и перевезти гравикоптер в более удобное для дальнейшего изучения место. Секта всегда и везде преследовала лишь свои цели и уничтожала все, что не укладывалось в ее представление о Зоне или нарушало привычный «Монолиту» порядок вещей. Однако монолитовцы все же не погнушались обыскать тела расстрелянных членов экипажа «летающей тарелки». Два валявшихся у края поля человеческих скелета были извлечены из гравикоптера до взрыва, а иначе их тоже разорвало бы на мелкие куски. На мертвецах еще остались обрывки комбинезонов, очень похожих на тот, который носила Верданди. После сектантов изучением трупов занялись мутанты-падальщики, которые провели свою работу с такой дотошностью, что теперь обглоданные ими тела не привлекали к себе даже мелких хищников.

Кальтер, естественно, не планировал заниматься похоронами родителей своей спутницы, так что теперь костям погибших путешественников во времени предстояло лежать на этой поляне неупокоенными. Но, с другой стороны, находили ли мертвые покой в земле Зоны, которая порой исторгала из недр своих кладбищ полчища истлевших зомби?

Кальтеру пришлось солгать Вере, что он не обнаружил ни ее мертвых родителей, ни вообще каких-либо следов, указывающих, куда могли деться их тела. Девочка лишь тяжело вздохнула и не стала больше просить у майора бинокль. Интродер уже понял: она не тешит себя надеждой, что ее папа и мама живы, или по крайней мере не признается в этом. Даже сейчас, когда Кальтер соврал насчет якобы не замеченных им трупов, Верданди не высказала предположение, что, возможно, ее родителей и не убили, а всего лишь увезли в Припять или еще куда-нибудь. Просто приняла информацию к сведению, трезво взвесив свои надежды и суровую реальность.

Станный ребенок... Хотя откуда Кальтеру на самом деле знать, какими глазами станут смотреть на мир дети конца двадцать второго века? Возможно, их видение реальности будет куда более рациональным, чем у нынешних взрослых. Того же дяди Кости, к примеру...

Когда майор в очередной раз оторвался от бинокля и взглянул на покончившую с обедом спутницу, она уже спала, уронив голову на сложенные перед собой руки. Да, хоть в этом дети будущего еще оставались обычными детьми. Горе не горе, страх не страх, но если усталость берет-таки свое, ребенок засыпает быстро и независимо от того, где он в данный момент находится. Кальтер кивнул, соглашаясь с собственными мыслями, и приступил к наблюдению за поселком.

Впрочем, сон Верданди продлился недолго. Не прошло и четверти часа, как девочка проснулась резко, словно по команде, и сразу же заявила дяде Косте, что видит окружающий мир в багровых тонах. А расшифровали это странное видение девочки тревожные сирены, что грянули над Зоной пару минут спустя...

Заслышав общую тревогу, Кальтер тут же настроил ПДА на новостной портал и стал свидетелем того, как сеть на глазах наводняют сплошные предупреждения о грядущем спонтанном выбросе. Традиционная сетевая корректность уступила место грязной брани, за которую сейчас никого не изгоняли из чата, ибо в нем бранились все без исключения. Сталкеры выплескивали недовольство вероломством Зоны в том числе и таким, виртуальным образом. Кто-то паниковал, потому что находился слишком далеко от надежных убежищ, и умолял указать короткий путь до ближайшего из них. Кто-то спокойным тоном сообщал о своем местонахождении товарищам, предлагая им пересидеть катаклизм под одной крышей. Майора же интересовало лишь одно: сколько у них с Верой осталось в запасе времени, так как

спутникам нужно было не только добежать до поселка, но и подыскать себе для укрытия подходящий подвал.

Чуть больше часа... Что ж, придется опять нарушить местную заповедь и поспешать, не осматриваясь. Но сейчас весь сталкерский мир отринул привычные принципы и походил на объятый пожаром лес, чьи звери забывали до поры до времени об извечной вражде и спасались бегством от надвигающейся общей угрозы. Что, однако, не мешало многим беспринципным сталкерам устраивать грызню из-за убежищ и стрелять по бегущим с ними бок о бок членам конкурирующих кланов. Увы, но здешнее «зверье» готово было рвать друг другу глотки денно и ночью, невзирая ни на какие глобальные перипетии.

Именно по этой причине, перед тем как выдвинуться к поселку, Кальтер осмотрел в бинокль соседние холмы. Интродер пытался обнаружить снимающихся с огневых позиций снайперов «Монолита», которые, по идее, также должны были уносить ноги в сторону деревеньки. Вряд ли сектанты проявили бы благородство, позволив укрыться на их территории майору и девочке. Поэтому не менее коварный «мизантроп» решил сначала перестрелять врага из засады в спину, едва тот начнет спускаться с холма, а уже потом самому сниматься с наблюдательного поста и вести в поселок Верданди.

Если противник и дежурил на тех высотах, он, очевидно, предпочел отступить в противоположном направлении – на форпост, – поскольку Кальтер так и не обнаружил поблизости никакой активности. Он потратил целых пять минут, чтобы засечь стягивающихся к поселку сектантов, но не выявил ни одного. Конечно, это вовсе не означало, что в течение тревожного часа там больше никто не объявится, но, по крайней мере, сейчас вражеских групп в окрестностях не наблюдалось. Как, похоже, не было их и в самой деревне, выглядевшей отсюда совершенно безжизненной.

Кальтер заранее отметил несколько добротных кирпичных строений, в которых при советской власти, очевидно, проживало правление здешнего колхоза. В этих зданиях наверняка наличествовали крепкостенные подвалы, в то время как дома обычных крестьян имели разве что тесные сырые погреба. Двухэтажное административное здание с уцелевшей крышей, что стояло в центре поселка, майор отмел сразу. Слишком привлекательно выглядело оно для хозяев этого района, чтобы они устроили себе полевой штаб где-то еще. Приглянувшиеся интродеру постройки тоже не давали уверенности, что он не наткнется в них на сектантов. Но в случае с обычными домами вероятность такой встречи была, безусловно, ниже, чем надумай майор обосноваться в поселковой конторе.

Пока Кальтер и Верданди спускались с холма, атмосферные возмущения усилились и наконец стали заметны и майору. Льющийся с небес багровый свет видоизменял – а точнее, обесцвечивал – и без того мрачный облик Зоны до состояния старой фотографии, где выцветшая желтая основа была заменена на еще более неприглядную, красную. Фоновый шум, наполнявший при этом воздух и, словно вата, заглушавший собой вой далеких сирен, походил на те голоса, что звучали в голове у Кальтера и напоминали ему о давно забытом прошлом. Находиться в такой атмосфере было тяжело и морально, и физически, тем более что с каждой минутой аномальные волнения лишь усугублялись.

Спутники вошли в ненаселенный пункт (так, видимо, следовало именовать в Зоне все заброшенные деревни) через заросший полынью огород ближайшего к холмам кирпичного дома. Прodelанные у него над фундаментом узкие окошки свидетельствовали о наличии нужного скитальцам подвала. Но доносившаяся из этих окон нестерпимая вонь гниющей плоти вынудила Кальтера, не задерживаясь, отправиться к следующему строению, обозначенному в его мысленном списке.

Ко второму интересующему Кальтера зданию он не стал даже приближаться, поскольку еще издали слышал раздающиеся оттуда возню и рычание. Не иначе, там устроили драку кровососы или снорки, не поделившие какую-то добычу. Пока мутанты выясняли отношения, майор не мешкая увел девочку подальше от опасного места. После чего спутники, пригнувшись, направились по полынным зарослям на противоположную окраину поселка – туда, где находился последний из объектов для исследования.

Еще на подходе к этому дому интродер наткнулся на весьма любопытную деталь: квадрат вырубленного за огородом дерна приблизительно три на три метра. Судя по четкому, еще не

размытому дождями срезу почвы и рассыпанной в траве земле, дерн рубили не далее как полмесяца назад, а потом нарубленные пласты стаскивались через огород к зданию. Садоводов и огородников среди сталкеров не встречалось, а значит, грунтовые работы велись неизвестными землекопами с иной целью. Перекрытие землянки? В лесу – еще вполне возможно, но на кой черт кому-то рыть землянку рядом с таким добротным строением? Следовательно, дерн использовался для маскировки какого-то достаточно крупного объекта, находящегося на земле возле дома.

Кальтер глянул на часы – до выброса оставалось двадцать минут. Если и здесь спутников постигнет неудача, придется проверять подряд все дома и забиваться в первый попавшийся затхлый погреб. Что будет крайне неприятно для девочки, растянишь катаклизм более чем на пару часов. По сравнению с погребом, в подвале имеется хоть какой-то простор и уют.

Подойдя к дому, майор обратил внимание на кучу всевозможного хлама, сваленного возле задней стены. Казалось, будто кто-то нарочно ходил по округе и стаскивал сюда все, что попадалось под руку. Кальтер наострил слух и, не расслышав ничего подозрительного, обошел строение по периметру, заглядывая в каждое окно.

Поначалу интродер подумал, что в доме вообще нет подвала, поскольку не обнаружил ни одного подвального окошка. Потом выяснил, что подвал все-таки есть и ведущая в него крутая лестница расположена на кухне. Вот только спуститься по ней вниз нельзя, так как вход в подвал завален рухнувшей с потолка неподъемной железобетонной плитой. В принципе на этом можно было прекращать разведку и переходить к резервному плану поисков, но два смутных подозрения все еще не давали Кальтеру покоя. А именно: не найденный до сих пор маскировочный слой дерна и гора мусора во дворе, что выглядела слишком уж эклектично даже для избилующей таким «богатством» Зоны.

Два смутных подозрения моментально слились в одно уверенное, как только интродер обнаружил, что искомые им дерновые пласты тщательно имитируют травяной покров именно под странной мусорной грудой. Оставшейся до выброса четверти часа как раз хватило бы на то, чтобы отыскать в соседних домах погреб, но Кальтер дерзнул положиться на свои догадки и потратить драгоценное время на разбор завала. Передав девочке винтовку, майор принялся, как ошалелый, расшвыривать по сторонам хлам, благо стаскавшие его сюда сталкеры предпочли не напрягаться и соорудили баррикаду из легких подручных материалов. Зато навалено здесь этого добра было столько, что для его перевозки потребовался бы целый грузовик.

Десять минут майор остервенело боролся с завалом и когда победил-таки его, небо над Зоной уже полыхало огнем, а багровый свет был настолько ярок, что воздух вокруг практически превратится в кровавый туман. Шумовой фон не смолкал ни на миг, и когда Кальтер начал оттаскивать пласты дерна – тоже не особо тяжелые, – он едва мог расслышать из-за шума собственное напряженное дыхание.

Риск оказался оправданным: под дерном обнаружили створчатые ворота угольного погреба, который и вел в заваленный изнутри дома подвал. Хитро придумано, ничего не скажешь. Если бы устроители схрона не переусердствовали с маскировкой, а майор не нашел за огородами следы недавних земляных работ, он и впрямь ни за что не рассекретил бы это убежище.

Чтобы проникнуть в него, достаточно было очистить от дерна лишь одну половину ворот. Замка на них не было, да и какой смысл вешать в Зоне замки, если все сталкеры носят при себе универсальные огнестрельные «отмычки»? Однако прежде чем распахнуть створку, интродер сначала лишь чуть приподнял ее, дабы нащупать и перерезать проволоку гранатной растяжки. Зная сталкерские повадки, Кальтер не испытывал ни малейшего сомнения, что вход в секретное убежище будет заминирован.

Так оно и вышло. Разобравшись со взрывным устройством, майор осветил подвал фонариком и, не выявив внизу других сюрпризов, подозвал Верданди.

– Давай в укрытие! – приказал Кальтер взволнованной девочке, после чего придержал ее за руку, пока она карабкалась вниз по покатой погребной стенке. И только потом сиганул в подвал сам.

К счастью, ржавый засов на обратной поверхности ворот функционировал. Заперев его, майор почувствовал себя в относительной безопасности – ощущение, которое не посещало

Кальтера с того момента, как он покинул базу «Долга». Выброс должен был произойти с минуты на минуту, но теперь ни его сила, ни продолжительность не имели для спутников принципиального значения. Оккупированное ими укрытие неизвестных сталкеров позволяло пересидеть в нем не то что часы, а даже несколько суток.

Подвальное помещение площадью в два десятка квадратных метров раньше служило котельной, но ныне от стоявшей в углу печи остались лишь фундамент и дымоход. Кто и с какой целью ее разобрал, неизвестно, но даже не случись этого, вряд ли когда-нибудь сталкеры воспользовались бы печью по прямому назначению. Глупейшей демаскировки, чем идущий из печной трубы дым, в Зоне придумать было нельзя.

Все убранство подвала состояло из трех панцирных коек, стола и тумбочки. Запасов воды и пищи майор не нашел, но это его не огорчило. И первого, и второго у них с Верой пока имелось в достатке. Зато в тумбочке обнаружилась старинная керосиновая лампа и в придачу к ней пятилитровая канистра керосина. Именно освещения и не хватало в подвале для полного комфорта. Но при наличии лампы Кальтер быстро решил эту досадную проблему, подвесив светильник на потолочный крюк, специально для этого там и приделанный.

Завидев кровати, Верданди шагнула к ближайшей из них и плюхнулась на нее ничком, даже не сняв ранца. Застеленные поверх коек толстые войлочные одеяла служили прежним обитателям подвала еще и подушками – для этого следовало лишь свернуть пару таких одеял вчетверо. Но вымотанной до предела Вере было явно наплевать на такие мелочи. Все, что ей требовалось сейчас для полного счастья, она только что обрела.

Кальтер не успел пообедать на холме вместе со спутницей и потому решил перво-наперво перекусить, затем немного вздремнуть и уже потом взяться за обдумывание дальнейших планов. Все равно раньше вечера в Зоне не «распогодится», а покидать убежище сразу после аномального катаклизма опасно. Надо переждать хотя бы пару часов, дабы удостовериться, что за первым выбросом не последует еще один. Когда «зонотрясения» шли чередой, чересчур взбудораженная атмосфера не позволяла предсказать второй и последующие выбросы.

Сегодня прогнозисты слегка ошиблись в расчетах: выброс случился на четверть часа позже предполагаемого времени. Что явилось воистину божьим даром для тех сталкеров, кто не поспевал к назначенному сроку убраться с открытого пространства, но благодаря ошибке предсказателей сумел-таки достичь ближайшего убежища. Да уж, везение... Могло случиться и наоборот, и тогда Кальтер крупно пожалел бы, что начал рыскать по поселку в поисках комфортного подвала, а не нырнул в погреб первого же попавшегося дома. Конечно, если бы Зона вообще дала майору время пожалеть об этом...

Интрудер как раз закончил обед и приступил к приготовлению «десерта» – напитка из сока и витаминных пилюль, – когда стены подвала заходили ходуном, а с потолка посыпалась пыль и бетонные крошки. Лампа закачалась на крюке, и майор, испугавшись, что расплещется керосин, снял ее и поставил на стол. В отличие от стен и потолка, пол оставался по-прежнему незыблемым. Значит, стихия, что буйствовала на поверхности и сотрясала дом, по своей природе была ближе к урагану, нежели к землетрясению.

Какие-то непонятные звуки доносились снаружи. Кальтеру периодически мерещился то несущийся рядом с домом поезд, то табун лошадей, то кружащая в воздухе огромная стая саранчи, а то и вовсе омывающие поселок океанские валы. Гадать, что творится наверху, было неблагоприятным делом. Главное, в подвале у майора и Верданди относительно спокойно и безопасно. А большего им сейчас в Зоне и не требовалось.

Разыгравшийся катаклизм разбудил Веру, успевшую к этому времени уснуть. Она уселась на кровати и спросонок захлопала глазами. Потом вспомнила о том, где находится и что надо бы все-таки снять ранец (Кальтер пару раз порывался сделать это за нее, но побоялся разбудить сладко спящего ребенка). Майор молча указал спутнице на стоящий перед ним еще один пакет с соком. Сбросив ранец на тумбочку, девочка не отказалась утолить жажду и, взяв напиток, вернулась с ним на свою койку. После чего с ногами забралась на нее, прислонилась к кроватной спинке и взялась неторопливо потягивать сок через идущую в комплекте с пакетом соломинку. О том, что происходит снаружи, Верданди не спрашивала. В отличие от Кальтера, ей довелось пережить в Зоне гораздо больше выбросов, чем ему.

– У тебя есть семья, дядя Костя? – спросила девочка, первой нарушив царившее в бункере

молчание.

Набравшись кое-какого опыта в общении со спутницей, майор ждал, когда она заговорит, – как и всем девочкам, Вере нравилось поболтать. И хоть Кальтер приучил ее делать это лишь в подходящее для такого занятия время, сейчас он не видел повода затыкать любознательному ребенку рот, пусть даже сам интродер не был расположен к разговору. К тому же сегодня для Верданди любая беседа была сродни психотерапевтической нервной разгрузке. Что в итоге шло на пользу не только девочке, но и ее провожатому, не имеющему ни малейшего понятия, как еще можно проводить в полевых условиях профилактику детских психических расстройств.

– Нету, – ответил майор на вопрос Верданди, после чего спросил в свою очередь: – Ты думаешь, будь у меня семья, я вот так, запросто, бросил бы ее и ушел в Зону?

– Конечно, не думаю, – помотала головой Вера. – Я, если честно, даже не могу представить, чтобы ты взял и бросил близкого тебе человека... А почему у тебя нет семьи, дядя Костя?

– Так уж получилось, – пожал плечами Кальтер, потягивая витаминный коктейль. Майору не нравилась дотошность спутницы, но глупо было ждать от ребенка понимания того, какие темы можно затрагивать в беседе со взрослыми, а какие лучше обходить стороной. – Кто-то в жизни успевает обзавестись семьей, а кто-то нет. Я не успел. А может, просто не захотел брать на себя такую большую ответственность – ведь это помешало бы моей работе. Трудно сказать...

– И тебе не скучно одному? – продолжала допытываться Верданди.

– Если у тебя много работы, скучать попросту некогда, – почти искренне ответил майор.

– Значит, тебе нравится быть тем, кто ты есть, – резюмировала девочка, свято верившая, что дядя Костя – прожженный до мозга костей сталкер, и никто иной. Кальтера такое положение дел, разумеется, устраивало, и он не собирался разубеждать спутницу в ее мнении. – Ты и пришел в Дикую Зону только потому, что тебе было скучно без семьи, а здесь для таких, как ты, всегда работы хватает.

– Ты абсолютно права, – согласился майор, желая побыстрее закончить этот пустопорожний разговор.

– Жаль, что мы не встретили тебя раньше, – печально вздохнула Верданди. – Папа говорил, что вот была бы удача, если бы для поиска «Обруча Медузы» нам удалось нанять настоящего опытного сталкера. Уж он-то быстро нашел бы для нас этерналий. В обмен на гравикоптер или еще какую-нибудь ценную технику с таймбота. Просто у нас не было ваших денег и потому...

Девочка не договорила и притихла. Однако долго отмалчиваться тоже не стала и озадачила Кальтера новым вопросом:

– Дядя Костя, а ты смог бы найти для меня «Обруч Медузы»? Не бесплатно, конечно. Я бы хорошо заплатила тебе за эту работу.

– И чем же, если не секрет? – осведомился интродер.

– Ну, у меня на таймботе есть много вещей, которые наверняка тебе бы понравились, – и глазом не моргнув, ответила Вера. – Например, компактный водогенератор. Очень нужная сталкеру вещь: умещается в кармане и при этом может за пять минут нацедить ведро чистой воды прямо из воздуха. Ты только проводи меня туда и сам увидишь, что я не вру.

– У тебя на таймботе? – переспросил майор, оставив в недоумении недопитый пакет с соком. – И как, скажи на милость, мы туда попадем?

– Очень просто. Подойдем к таймботу, я вызову гравифт, и мы поднимемся наверх. Потом ты выберешь себе все, что хочешь, – кроме темпорального оборудования, естественно, – и мы пойдем с тобой в Чернобыль искать этерналий. А когда найдем, вернемся на таймбот, починим его, и я смогу *темпортнироваться* обратно домой.

– Ишь ты, какая шустрая, – хмыкнул Кальтер. – Ладно, допустим, что мы с тобой дошли до Рыжего Леса, а дальше? Как быть с охранной системой таймбота, о которой ты рассказывала? Насколько мне известно, «Цитадель» расстреливает все, что попадает в ее зону поражения.

– Ну ты даешь, дядя Костя! Такой взрослый и умный, а спрашиваешь всякие глупости! –

пожурила девочка своего дремучего провожатого. – Ведь это *моя* «Цитадель», понимаешь? Как может она не пропустить меня на таймбот?

– Хм... И верно, – оторопел интродер, которому в безумной кутерьме последних суток подобная мысль совершенно не приходила в голову. После чего вновь поинтересовался, но уже не столь уверенно, поскольку опасался нарваться на очередную критику от технически продвинутой гимназистки: – А как же я пройду идентификацию? Меня-то «Цитадель» точно не опознает.

– Без меня – конечно, не опознает, – согласилась Верданди. – Но со мной тебе нечего бояться. Я скажу «Цитадели», что ты мой друг, и она тебя пропустит.

– Что, вот так просто? – вновь усомнился Кальтер.

– А почему это должно быть сложно? – непонимающе округлила глаза девочка.

– Как это почему? А если, предположим, враг возьмет тебя в плен и вынудит насильно представить его «Цитадели» как твоего друга? Что тогда?

– Нет, ты меня удивляешь, дядя Костя! – всплеснула руками Вера. – «Цитадель» – это искусственный интеллект последнего поколения. Прежде чем папа, мама и я получили право доступа к охранной системе тайм-бота, «Цитадель» полчаса испытывала нас сотнями разных вопросов. Так что если я соведу ей и назову своего врага другом, она моментально это поймет и не пропустит в таймбот чужого.

– Враг тоже может оказаться очень коварным, – заметил майор. – Намного коварнее твоей «Цитадели»... Вот только ты извини, но пойти с тобой в Рыжий Лес я не смогу. И помочь тебе найти «Обруч Медузы» тоже не сумею. Мне очень жаль.

– Почему? – Большие синие глаза Верданди уставились на Кальтера с изумлением и наполнились влагой.

– Видишь ли, все гораздо сложнее, чем ты думаешь, – взялся неловко оправдываться интродер, уставившись на стоящий перед ним пакет с соком. Выдержать взор Веры оказалось выше сил майора. – Как ты правильно заметила, дядя Костя не совсем обычный сталкер, и это сущая правда. Точнее сказать, я вообще не сталкер. Я не занимаюсь поисками артефактов и не исследую Зону. Я пришел сюда недавно, чтобы выполнить одну очень важную работу, и уйду навсегда, как только сделаю то, что должен. Но я знаком с хорошими людьми, которые сумеют тебе помочь. Они – настоящие сталкеры и знают Зону как свои пять пальцев. Уверен, когда ты познакомишься с этими сталкерами, то тоже сможешь назвать их своими друзьями. Завтра или послезавтра я отведу тебя к ним, и вместе вы обязательно доберетесь до таймбота, а потом разыщете этерналий.

– Нет, дядя Костя, – категорично помотала головой Вера. По щекам у нее потекли слезы, но выглядела она настолько спокойной и уверенной, что Кальтер даже заволновался, все ли с ней в порядке. – Как же я могу назвать тех сталкеров друзьями, если, кроме тебя, в Дикой Зоне я больше никому не доверяю? И еще ты же поклялся не бросать меня...

– Раз ты действительно хочешь вернуться домой, значит, тебе придется довериться не только мне! – грубо перебил ее майор. – Повторяю: я не умею искать артефакты. Абсолютно. А в тех опасных краях, где водится «Обруч Медузы», мне и подавно не сориентироваться. В Чернобыле и просто выжить – серьезная проблема, не говоря уже про поиск там артефактов. Я предложил единственный подходящий для тебя выход. Другого не существует, и это больше не обсуждается. Такова правда, и тебе придется с ней смириться.

– Да, конечно... – еле слышно произнесла Вера, шмыгнув носом и утерев слезы. И, помолчав немного, добавила: – Теперь я понимаю, почему у тебя нет семьи, дядя Костя. Да и друзей, наверное, тоже очень мало. Ты боишься привязываться к людям не потому, что тогда они войдут в твою жизнь и будут отвлекать тебя от любимой работы. Это всего-навсего отговорка. На самом деле ты просто ненавидишь слабость и думаешь, что слабые люди – паразиты, которые только затем и набиваются в друзья таким, как ты, чтобы кто-то постоянно их защищал. Тебе кажется, что сильные люди созданы лишь для великих дел, вроде спасения своей страны и мира, а слабые липнут к ним и мешают достижению цели. Поэтому тебе совсем не жаль, когда гибнет слабый человек, ведь выживать должен сильнейший, да?.. Такая у тебя жизнь. И раз ты ее любишь, значит, я ошиблась в тебе, дядя Костя. Нет, ты не злой. Но и не добрый. Ты – равнодушный. А это почти что злой. Самую чуточку не хватает. Одного

малюсенького шажка... Ладно, прости, больше не буду так говорить. Все равно спасибо тебе, ведь ты мне очень помог и продолжаешь помогать.

Сказав это, Верданди свернула одно из одеял, подложила его под голову и улеглась, демонстративно отвернувшись лицом к стене. Плечи девочки несколько раз нервно вздрогнули, но, кажется, она больше не плакала. А затем, посопев немного, снова уснула, вот только фигурка ее так и осталась напряженной, словно у Веры что-то болело.

Майор прислушался: буйство аномальной стихии вроде бы стало потише, но говорить о прекращении катаклизма было еще рановато. Что ж, самое время вздремнуть, как и планировалось. Последовав примеру спутницы, Кальтер соорудил из лишнего одеяла подушку и, растянувшись на койке, закрыл глаза. Разговоры, разговоры... Какая от них польза? Интродера прислали сюда не разговаривать, а делать свою работу. Ту самую, великую, необходимую для страны и посильную лишь единицам – таким, как Кальтер. И сейчас ему надо немного отдохнуть, чтобы через пару часов снова быть в надлежащей форме. И не забыть перед уходом научить Веру запирать и отпирать засов – вдруг сама не разберется?..

С этой мыслью майор и заснул. Но проснулся не через два часа, как намеревался, а гораздо раньше. Виноваты в этом были сломанные ребра, прострелившие бок резкой болью, когда Кальтер неловко повернулся во сне на скрипучей коечной сетке. Стараясь экономно расходовать обезболивающее, он не стал делать себе инъекцию во время отдыха, отложив лечебную процедуру до выхода из убежища. Однако в итоге прагматичность майора обернулась тем, что болезненная травма помешала ему как следует выспаться.

Кальтер посмотрел на Верданди. Она так и продолжала спать, отвернувшись к стене, разве что переменила позу: подтянула колени к груди и зябко обхватила себя за плечи. В подвале было довольно прохладно и наверняка гуляли сквозняки. Поначалу разгоряченные спутники этого не ощущали, но теперь холодок начал давать о себе знать. Глядя на озябшую девочку, майор подумал о вредном для нее переохлаждении, поднялся с кровати и, критически оценив санитарное состояние здешних спальных принадлежностей, вытащил из ранца Веры одеяло, позаимствованное сутки назад у мертвого сектанта. После чего тщательно укрыл трофеем спутницу, раз уж она спала настолько крепко, что была не в состоянии почувствовать мучивший ее холод.

Интродер приложился к недопитому пакету с соком, промочил пересохшее горло и вернулся на кровать. Но не улегся досыпать отведенный самому себе срок, а так и остался сидеть на краешке койки, глядя на свернувшуюся калачиком под одеялом Веру.

Да, дела... Метко же эта девчонка его приложила, если вдуматься. Почти что злой... И впрямь, точнее не придумаешь. Интересно, что сказала бы Верданди, проведая она о своем спутнике всю правду. Наверное, в ужасе убежала бы от него, как от тех сектантов, что гнались за ней без малого трое суток назад. «Дяденька сталкер, а вы меня убьете?» А ведь действительно мог. Всего самую чуточку не хватило. Одного малюсенького шажка... Того самого «почти что».

Кальтер помассировал виски, пытаясь изгнать провокационные мысли. Не помогло. Странно, почему сказанные обиженным ребенком слова вообще втемяшились майору в голову. Такое впечатление, будто интродеру и впрямь небезразлично, что думает о нем Верданди – малознакомая девочка, между которой и Кальтером пролегает пропасть длиной более чем в полтора века. Вот сядет эта пигалица в свой таймбот, нажмет на кнопку и – прощай, дядя Костя, человек из далекого прошлого. Или, правильнее сказать, «человек без прошлого», как называл интродера тот призрачный голос, знающий о Хабибе Ибн Зухайре.

Человек без прошлого, о котором могла бы чудом сохраниться светлая память в далеком будущем, но, очевидно, рассчитывать на это уже не стоит. Чудес не бывает. Шансы Кальтера выжить при нападении на хорошо укрепленную базу «Монолита» не слишком высоки. Значит, у Верданди столько же шансов добраться до генерала Воронина. А скорее всего, еще меньше. Даже увенчайся атака интродера победой и вернись он за девочкой в поселок, сектанты в этих краях озвереют настолько, что короткий путь до Бара будет для майора перекрыт намертво. Велика вероятность, что им с Верой вообще не удастся покинуть район Военных Складов. Не говоря уже о бегстве окружной дорогой – гарантированном самоубийстве для измотанного вконец ребенка и его преследуемого «Монолитом» спутника. Так что не видать больше

Верданди ни своего таймбота, ни светлого будущего. Если только...

...Если только майор действительно не возьмет это дело в свои руки и лично не отправит девчонку назад в будущее. Вряд ли при этом ее шансы вернуться домой окажутся выше, однако в любом случае целенаправленная работа в данном направлении будет гораздо эффективнее, нежели перекалывание ее на чужие плечи, да и то лишь в перспективе.

Идея эта родилась в голове Кальтера не как гипотеза, а как практически готовый к исполнению план, словно майор не сам пришел к подобному умозаключению, а получил инструкции непосредственно от Стратега. Это обстоятельство повергло интродера в кратковременную растерянность и вызвало подозрение, не навязана ли посетившая его мысль откуда-то извне. Слишком нехарактерна была для майора столь радикальная перемена стратегии, да еще не в пользу ведомственного варианта... Но так или иначе, время на раздумья у Кальтера пока было, и за час-полтора он успеет досконально взвесить все «за» и «против»...

Выброс снаружи явно прекратился, что также подтверждала восстановившаяся связь. В сети бурно обсуждался отгремевший катаклизм, а в отдельном «окне» циклически прокручивался список погибших при выбросе сталкеров, сведения о смерти которых были окончательно подтверждены. Количество пунктов в этом списке с каждой минутой неуклонно прибывало на один-два, а то и больше. Кальтер даже обнаружил в траурном перечне одно знакомое имя: Леха Шпала. Согласно пояснительному комментарию, парень погиб где-то в Темной Долине. Как и пророчествовал Сидорович, Леха действительно не успел дожить до покупки вожаемого мотоцикла и канул сегодня в небытие наряду с парой десятков таких же, как Шпала, искателей артефактов.

Зона продолжала вести свою нескончаемую кровавую жатву...

Впрочем, сейчас Кальтера интересовал не список погибших, а имеющаяся в сети справочная база всех здешних артефактов – подробная, с постоянно обновляющимся курсом цен, категориями спроса и ссылками на продавцов и покупателей. За пару минут перед глазами майора пробежали все артефакты, что когда-либо были обнаружены в Зоне, от редчайших единичных экземпляров до бросовых – таких, на которые сегодня не всякий сталкер позарится. Никакого «Обруча Медузы» в сетевом справочнике не фигурировало. Кальтер попытался задействовать программу-поисковик – сначала местную, а затем и общую, охватывающую всю сеть, – но и тут интродера ожидало разочарование. Он попробовал забить в поисковую строку даже термин «этерналий», что, разумеется, ни на йоту не приблизило его к цели. Сетевое сообщество понятия не имело ни об «Обруче Медузы», ни об этерналии.

Кальтер озадаченно почесал макушку. Обнаружить в Зоне нужный Верданди артефакт самым легким способом оказалось невозможно. Но это отнюдь не означало, что «Обруч Медузы» не существует в природе. Отец девочки утверждал, что этерналий «растет» лишь в окрестностях ЧАЭС, куда еще месяц назад никому, кроме сектантов «Монолита», не удавалось проникнуть. Да и ныне, при отключенном «Выжигателе Мозгов», сталкерам по-прежнему не пробиться в те края – слишком рьяно оберегают монолитовцы своего идола – «Исполнителя Желаний». Поэтому у кого майору и искать правды по интересующей его проблеме, так только у самих сектантов. Вопрос лишь в том, как это сделать.

У интродера еще сохранился электронный адрес, по которому «псевдосводники» из «Долга» договаривались с сектой насчет якобы пойманного ими «серого» сталкера. Конечно, не исключено, что по прошествии тех коротких переговоров адрес этот был аннулирован, но Кальтер все равно ничем не рисковал, отправляя по нему запрос. Если имеющийся у майора единственный контакт для связи с «Монолитом» перекрыт, значит, послание попросту не пройдет по сетевому каналу. Ну а если пройдет, вычислить конкретного отправителя сектанты все равно не смогут – в прошлый раз переговоры велись с другого ПДА.

«Куплю уникальный обруч. Цена значения не имеет», – набил интродер на мини-клавиатуре ПДА текст послания и, не став подписываться, нажал кнопку «Отправить».

Электронный почтовый ящик «Монолита» продолжал функционировать. Никакого предупреждения от сетевого оператора о том, что указанный в письме адрес не существует, так и не поступило. И более того, не прошло и пяти минут, как на высланный Кальтером запрос пришел ответ. Короткий, зато вполне конкретный.

«Мы не торгуем хула-хупами, наемник», – говорилось в ответном послании сектантов.

Интрuder хмыкнул... «Монолит» не посылал шутника куда подальше с его идиотскими предложениями, а явно намекал, что хорошо бы конкретизировать, о чем идет речь. Не горячо, но уже тепло. Ну а адресок, кажется, служит исключительно для ведения сетевых переговоров с наемниками. Что ж, пусть так и будет.

«Интересуюсь другим обручем, – продолжил переписку Кальтер. – Украшением, что носят на голове».

На сей раз ответ пришел практически без задержки.

«Примерно такое украшение, которое носили древние греки?» – любопытствовал неизвестный монолитовец.

Горячо. Похоже, вот-вот начнет припекать.

«Я бы сказал, гречанки», – поправил майор.

«Не у всех гречанок волосы подходили для ношения обруча, – заметили на том конце сетевого канала. – У некоторых из них были весьма уникальные прически».

«Верно, – согласился Кальтер. – Эти прически только мутантам Зоны и подошли бы. Чтобы снять обруч с головы такой женщины, мне пришлось бы надеть железные рукавицы. Или поступить проще: отсечь ей голову мечом, как сделал один умный грек».

«И как же звали того храбреца?» – осведомился аноним.

«Персей, – ответил интрuder и уточнил: – Но он совершил это грязное дело не ради обруча. А вот я бы не отказался купить то, что было не нужно Персею».

В переговорах, которые показались бы несведущему человеку чересчур экстравагантными, вновь возникла пауза. Она продлилась уже не пять минут, а вдвое дольше. Все это время Кальтер просидел в ожидании, откинувшись на спинку койки и скрестив руки на груди. Теперь у него не было сомнений, что секте известно о существовании «Обруча Медузы», что, впрочем, еще не гарантировало наличие, так сказать, товара на складе. Но хоть мало-мальски что-то прояснилось – и то хлеб.

«Мы поняли, какой артефакт тебя интересует, наемник, – говорилось в очередном послании «Монолита». – И у нас действительно есть то, что ты ищешь. Но мы сомневаемся, имеются ли у тебя деньги, чтобы оплатить полную стоимость этого артефакта. Попробуй убедить нас в своей кредитоспособности, и тогда обещаем: твоё предложение будет рассмотрено в самый короткий срок. В противном случае можешь сказать своему нанимателю, что дело не выгорело – мы не станем поставлять тебе товар без твердой гарантии его оплаты».

Утверждение Кальтера о том, что цена для него – не проблема, – было лишь затравкой, обязанной разжечь в продавце алчность и откликнуться на предложение. Майор отправлял запрос практически наугад, и не надеясь, что получит на него ответ. Но все задалось на удивление гладко: товар на складе имелся и был выставлен на продажу. И теперь все зависело лишь от интрудера. Ему предстояло решить, выкупать этерналий или выходить из переговоров несолоно хлебавши.

Кальтер даже не спрашивал, сколько просит секта за «Обруч Медузы», потому что был абсолютно уверен: таких денег у него при себе нет. Зато в кармане «разгрузки» у майора лежала вещица, которая в торговле с «Монолитом» могла с успехом заменить не только деньги, но и выступить гарантией того, что мнительный продавец согласится на встречу. Единственное, что заставляло Кальтера колебаться с отправкой гарантийного письма, это вновь накатившая на интрудера неуверенность в том, а разумно ли он поступает.

Майор Константин Куприянов стоял сейчас на распутье, как тот сказочный витязь, и не мог выбрать, какая потеря станет для него тягостней. Вытащив из пенала плату ЦМТ, которую интрuder демонтировал с ракетной установки прежде, чем она была захвачена сектантами, Кальтер положил стратегически важную и безмерно дорогую электронную деталь перед собой на стол и уставился на нее, словно она могла подсказать майору, как разрешить его сомнения.

Первая уходящая с этого распутья дорога была правильной, и слегка размякший в моральном плане интрuder все еще не сошел с нее. Ему надо было лишь отринуть сомнения и продолжать двигаться по привычному пути, как и два десятка лет до этого.

Вторая дорога вела в противоположную сторону и уже нигде не пересекалась с первой, поэтому, ступив на нее, Кальтер никогда не сумеет вернуться назад. Однако, стоя на правильном пути, майор тем не менее упорно глядел не на него, а на альтернативный. И знал,

что, даже если отправится привычной дорогой, будет продолжать глядеть в том направлении. А так недолго споткнуться и сломать себе шею, не пройдя и нескольких шагов.

Третья дорога на распустье майора отсутствовала, и в этом плане ему было, безусловно, легче, нежели приснопамятному витязю. Но только на первый взгляд. Любой из выборов витязя не лишал его самого главного – веры в самого себя. А Кальтер в обоих случаях утрачивал эту веру, поскольку там и там потеря вырывала у него из души непоколебимый стержень, за счет коего майор стойко держался в седле все годы службы.

Но даже имея представление, какая незавидная участь его ждет, Кальтер все равно оставался хладнокровным прагматиком, поэтому и выбрал тот путь, который видел сейчас отчетливее всего...

«Летающему индейцу. Ты заказывал ветер, но он не дует. Возможно, ты купил неполный бурдюк. Предлагаю наполнить его доверху в обмен на обруч. Эол»...

Написав сообщение, Кальтер нажал кнопку «Отправить» и подумал, насколько же просто оказалось сойти с прежней дороги и напрочь перечеркнуть прошлую жизнь. Осталось лишь узнать, пришлось ли продавцам по душе предложение покупателя.

«Эолу. Передо мной четыре бурдюка. Какой из них мне следует наполнить? Индеец».

«Индейцу. Пятый. Не наполнив его, остальные четыре тебе не открыть».

«Эолу. Предложение принимается. Каковы будут дополнительные условия?»

«Индейцу. Встреча один на один. Время и место сообщу дополнительно. Готовьте товар. Отбой».

Майор закончил переписку и сложил плату ЦМТ обратно в пенал. После чего посмотрел на спящую Верданди. Девочка согрелась и теперь посапывала под одеялом, лишь изредка вздрагивая, очевидно тревожимая дурными снами. Кальтер взглянул на часы: если он хочет нанести удар по форпосту «Монолита» этой ночью, самое время вколоть себе обезболивающее и выдвигаться в путь, пока окончательно не стусились сумерки. Новых выбросов вроде бы не предвиделось: снаружи не слышать ни шума, ни воя далеких сирен. Сектанты на базе только-только повылезали из нор и проводят переключку, выявляя, кому не подфартило вовремя добраться до убежища. Вражеская бдительность в данный момент явно понижена, что здорово играет интрудеру на руку.

Но вместо того, чтобы нацепить снаряжение и отправиться на восток, майор снова улегся на кровать и вскоре уже спал. Как всегда, вполглаза и держа ухо востро, но тем не менее спокойно и без сновидений. А через шесть часов, когда над Зоной начал заниматься рассвет, Кальтер открыл глаза, поднялся и разбудил спутницу.

В отличие от взбодрившегося длительным сном майора, девочка выглядела хмурой и невыспавшейся. Не проронив ни слова, она свесила ноги с кровати и, насупившись, стала наблюдать, как дядя Костя разрывает упаковку на очередном комплекте сухого пайка, собираясь устроить короткий завтрак.

– Спасибо, не хочу, – буркнула Вера, когда Кальтер жестом пригласил ее к столу.

– Не хочешь, как хочешь, – пожал плечами интрудер, приступая к еде. – Твое право. Но учти, если по пути к таймботу ты упадешь в голодный обморок, я тебя на руках не понесу.

– Мы что, правда туда идем? – напрягшись, недоверчиво переспросила Верданди. – Или ты шутишь?

– Может, я и впрямь злодей, но не до такой же степени, – ответил майор. – Раз сказал «идем к таймботу», значит, туда и идем.

– И... этерналий тоже будем... искать? – едва слышно, будто боясь разрушить зыбкую надежду, поинтересовалась Вера.

– Ночью мне в голову пришла одна неплохая идея, как нам раздобыть этот артефакт, – отведя взгляд, ответил Кальтер. – Не знаю, получится или нет, но попробовать не мешает. В таком опасном деле нельзя делать точные прогнозы.

Миг, и угрюмое лицо Верданди засияло так, что, кажется, в озаренную керосиновой лампой и лишенную окон комнату откуда ни возьмись заглянул солнечный лучик. Девочка без лишних уговоров подошла к столу, уселась на тумбочку, как на табуретку, и начала завтракать.

– Спасибо, дядя Костя, – сказала она, намазывая джем на кусок хлеба. – Ты это, извини, если я тебя вчера обидела.

Кальтер молча махнул рукой: дескать, забудем. В настоящий момент голова у него была забита совсем другими мыслями, а те, какие тревожили его вечером, отошли на задний план. Жребий был брошен, и распутье, на котором не так давно стоял майор, теперь осталось позади. А под ногами у него снова лежала твердая дорога, и хоть конец ее был скрыт густым туманом, интродер смотрел вперед с уверенностью. Потому что путь, который избрал себе вчера майор Константин Куприянов, даровал ему невиданную ранее свободу и надежду на будущее. Иных надежд у человека без прошлого сегодня не было.

Глава 14

Путь до Небесного Паука отнял у Кальтера и Верданди весь день и часть ночи, хотя если бы спутники поторопились, они могли добраться до таймбота раза в два быстрее. Но как бы ни стремился майор доставить Веру в безопасное место, он сознательно чуть ли не поминутно одергивал себя от желания прибавить шаг. И даже когда к полудню на горизонте замаячила гигантская четвероногая конструкция, интродер не изменил собственной тактике неторопливого, предельно осторожного передвижения.

Кальтер отлично знал, как бывает коварна близость заветной цели, и помнил о собратях-интродерах, которые сходили с дистанции на финишной прямой – после выполнения задания, на пути к точке эвакуации. Майор не намеревался повторять судьбу тех несчастных, кто утратил бдительность из-за ощущения мнимой безопасности вблизи от спасительного выхода. Поэтому Кальтер вел Верданди к Небесному Пауку, чуть ли не по шагу выверяя маршрут и осматривая в бинокль каждый встречный куст. Спутники чаще отсиживались в укрытиях, нежели непосредственно двигались, но зато избежали множества вероятных неприятностей и лишь однажды за все это время угодили в переделку.

Осмотрев очередные подвернувшиеся на пути руины, майор обнаружил в них только похожий на иссохшую мумию труп сталкера, который, судя по всему, стал жертвой выпившего из него все соки кровососа. Верданди мертвецов не боялась, что доказала еще позавчера, охраняя бесчувственного дядю Костю рядом с трупами трех убитых им сектантов. Кальтер, разумеется, загодя предупредил Веру, что их ждет в очередном убежище, дабы соседство с мертвецом не стало для нее неприятным сюрпризом, и, приказав ей следовать за собой, двинул в том направлении.

Поначалу истлевший, покрытый синюшными пятнами покойник и впрямь не напугал Верданди. Однако когда при появлении людей он внезапно открыл глаза, зашевелился и, зарывав, начал подниматься с земли, тут уж девочка не сумела удержаться от крика. Но все же не запаниковала и не рванулась прочь, а сразу шмыгнула за спину вскинувшего винтовку майора. Опростоволосившийся Кальтер (это ж надо – купиться на примитивную уловку безмозглого зомби!) всадил в ожившего и довольно шустрого мертвяка дюжину пуль и утомил его лишь тогда, когда полностью разнес ему голову и перебил конечности. Но даже после этого обезглавленное тело продолжало елозить по полу, тщетно пытаясь поползти до спутников, пока те не покинули коварные руины.

Однако чем ближе подходили Кальтер и Верданди к таймботу, тем реже им стали попадаться на глаза мутанты и мелкие группы сектантов, замеченные сегодня несколько раз издалека. Кальтер не исключал, что неподалеку от Небесного Паука затаились наблюдатели из армейской разведки, рассекретить позицию которых удалось бы лишь с помощью тепловизора, да и то без особой уверенности. Впрочем, вероятность столкнуться с военными сталкерами была невелика – примерно как выпадение нужного сектора в игре «Колесо Фортуны». Радиус поражения «Цитадели» держался в пределах полутора километров, и вояки могли залечь напротив любого из секторов этой обширной окружности. Равно как и монолитовцы, но их дозорные вряд ли станут слишком маскироваться в этих краях.

Ближе к вечеру искатели этерналия вышли на подступы к охраняемой «Цитаделью» территории, и Кальтер наконец-то взглянул на самое удивительное со времен штурма Саркофага чудо Зоны во всей красе. Оно и впрямь соответствовало данному ему сталкерами прозвищу и напоминало циклопического длинноногого паука: четыре одинаковых, согнутых под неравными углами (конструкции приходилось стоять на изрядно пересеченной местности)

длинных ноги и приплюснутое, похожее на детскую юлу, тело.

Размеры таймбота в самой широкой его части раза в полтора превышали цирковую арену, а расстояние между верхним и нижним полюсами «юлы» достигало примерно двадцати метров. Опоясывающее ее по центру огромное панорамное окно занимало около четверти всей поверхности корпуса Паука. Остальная его площадь была увешана оборудованием, количество и разнообразие которого не уступало оснащению современного глубоководного батискафа. Но сколько Кальтер ни разглядывал в бинокль Небесного Паука, майор так и не вычислил, что из оборудования является научно-исследовательской аппаратурой, а что – теми самыми пушками, что отпугивали от Рыжего Леса сталкеров, ученых и военных. Или бортовые орудия таймбота скрывались у него в корпусных отсеках и появлялись лишь при сигнале тревоги, или их вид был настолько футуристическим, что уже и близко не напоминал оружие начала двадцать первого века.

Массивные устойчивые ноги Паука удерживали его достаточно внушительное тело на высоте около сотни метров от земли. Кальтер подумал, что, если бы не «Цитадель», статичная конструкция была бы очень уязвима. Концентрированный артиллерийский огонь по любой из паучьих конечностей – и громадина завалится набок, после чего превратится в колоссальную груды высокотехнологичного хлама, ничем не отличающегося от тех гор мусора, какие в изобилии попадались на Свалке. Но, с другой стороны, что интродер вообще знал о материале, из которого был сделан таймбот? Вполне вероятно, что этот матово-серебристый металл мог выдержать прямое попадание ядерной ракеты; как-никак, а грядущие сто семьдесят лет мировая металлургия определенно не топталась на месте. Кальтер затруднялся и приблизительно оценить вес Небесного Паука. В нынешнюю эпоху подобная конструкция даже из самого легкого металла тянула бы не на одну тысячу тонн. В будущем же она могла весить на несколько порядков легче.

Западнее таймбота возвышался тот самый холм, на котором находилась мрачно знаменитая на всю Зону радарная станция – стратегический объект, который чаяли заполучить назад монолитовцы, чтобы восстановить «Выжигатель мозга» и вернуть прежний, выгодный секте порядок вещей. Одна из паучьих ног вонзилась в склон холма, а верхушки антенн излучателя маячили почти вровень с корпусом таймбота. Орудия «Цитадели» превосходно простреливали эту высоту, как и внушительную часть Рыжего Леса.

Определить границу опасной зоны можно было уже издалека. Особенно четко «полоса смерти» просматривалась на лесной поляне, видимой Кальтеру с его наблюдательной позиции. Десятки сожженных до костей людей и мутантов устилали центральную часть поляны, в то время как ее северный и южный края были в этом плане практически чисты. Столь неравномерное распределение нетронутых падальщиками мертвых тел объяснялось просто. Пушки Небесного Паука не достигали отдаленного края этого открытого пространства и не позволяли своим жертвам добраться до противоположной опушки леса. Самонаводящиеся орудия «Цитадели» в считанные секунды захватывали цели и уничтожали их, не пропуская нарушителей в глубь охраняемой территории и на двадцать шагов.

Чем именно стреляли пушки таймбота, выяснилось, когда, наблюдая за ним, Кальтер заметил свору слепых псов, выбежавшую из леса на поляну и резво двинувшуюся по ней в сторону холма. Сверни мутанты чуть левее, и они промчались бы вдоль груды обугленных трупов – отчетливой границы между опасной и безопасной территорией. Однако безглазые псы постепенно приближались к контролируемому «Цитаделью» району, пока наконец не активировали ее чуткую сигнализацию.

Завидев это, Кальтер сразу же переключил внимание на охотника, чей искусственный интеллект, со слов Верданди, считался весьма продвинутым даже для ее времени. Было трудно уследить за молниеносными действиями «Цитадели», оперативно среагировавшей на вторжение нарушителей. Но от взора интродера не ускользнуло, как на увешанной оборудованием верхней половине корпуса Небесного Паука открылся небольшой люк и оттуда высунулась не то направленная высокочастотная антенна, не то еще какой излучатель. Смертоносное устройство показалось всего на секунду, а затем столь же быстро исчезло обратно в бойнице, но за это мгновение восемь слепых псов обратились в дымящиеся угли, не успев даже взвизгнуть. Не вспыхнули, не заметались, объятые пламенем, а рухнули прямо на

бегу, изжаренные до костей убийственным импульсом неизвестной энергии.

Майор засомневался: Верданди была убеждена, что сумеет провести его к таймботу, вот только можно ли полагаться в таком вопросе на заверения подростка? «Скажу «Цитадели», что ты – мой друг, и она тебя пропустит»... Не слишком ли самоуверенна девочка насчет охранной системы Небесного Паука, уничтожающего всех без разбора: сталкеров, мутантов, бандитов, миротворцев... Что ж, если Вера все-таки ошибается, придется ей, горемычной, поплакать над обугленным телом дяди Кости и добираться до таймбота в одиночку...

Примеченная Кальтером поляна превосходно подходила для задуманной им операции «Эол» (интродер полагал, что писать о ней отчет ему уже наверняка не придется, но все равно по привычке обозначил для себя кодовым именем стратегический план добычи этерналия). И потому, желая досконально изучить место грядущих переговоров с «летающим индейцем», майор решил войти на запретную территорию именно в том секторе.

Спутники достигли нужной Кальтеру поляны вечером, за час до наступления сумерек. При виде груды обгорелых останков Вера нахмурилась, сморщилась и зажала пальцами носик. Импульсная пушка «Цитадели» прожаривала жертвы до такого состояния, что они не разлагались, даже пролежав под открытым небом месяц. Но запах жареной плоти витал над полем нескончаемой бойни довольно ощутимо, тем более что не так давно здесь состоялась очередная массовая экзекуция.

Едва Кальтер и Верданди ступили на поляну, как в нагрудном кармане комбинезона девочки раздался негромкий, но настойчивый сигнал, похожий на пиликанье мобильного телефона. Осматривающий в этот момент близлежащие заросли майор опустил бинокль и недовольно обернулся на спутницу, которая не удосужилась поставить его в известность об имеющемся у нее источнике потенциально опасного шума. Верданди проигнорировала сердитый взгляд дяди Кости и достала из кармана маленькое, похожее на авторучку устройство. Очутившись в руке у ребенка, оно моментально выпустило из себя тонкую раскладную рамку, внутри которой тут же засветилось плоское проекционное изображение. Вместе с экраном прибор Веры стал напоминать по форме квадратное ручное зеркальце. Майор мог лишь предполагать, для чего оно на самом деле предназначено, но вряд ли запиликавшее устройство известило девочку о том, что ей пришла весточка по каналу мобильной связи. Да и Верданди не обрадовалась и не удивилась тому, что прибор заработал, а с деловым видом извлекла его, будто давно ожидала этот сигнал.

– Что это такое? – не вытерпел Кальтер, глядя, как спутница производит на интерактивном экране устройства какие-то манипуляции, касаясь пальчиком тех или иных участков проекционного изображения. Посвящать дядю Костю в смысл своих действий девчонка, похоже, пока не собиралась.

– Ключ от «Цитадели», – наконец пояснила Верданди, не отрываясь от своего занятия. – Она нас заметила и сообщила об этом, а я пытаюсь вспомнить, как папа учил меня пользоваться ключом. Это недолго, дядя Костя. Я уже почти закончила. Еще секундочку... Вот и все.

– Здравствуй, Верданди, – вдруг заговорил ключ, с экрана которого сразу исчезли все значки и символы, а вместо них появилось лицо сурового седобородого человека в остроконечном стальном шлеме – таком, какие венчали головы древнерусских богатырей на картинах Васнецова. – Рад тебя снова видеть. А где же твои родители?

– Здравствуй, Святогор, – ответила Вера. – Я тебе потом расскажу, что случилось, ладно? Впусти нас в таймбот, пожалуйста.

– Мне незнаком человек, который пришел с тобой, – заметила «Цитадель». – Кто он?

– Это мой друг, дядя Костя, – представила Вера спутника, повернув к нему экран ключа. Бородач в старинном шлеме пристально уставился на Кальтера, и тот отметил, что без помощи Верданди никогда не определил бы, кто с ним разговаривает: виртуальный или живой человек.

– Здравствуй, дядя Костя, – невозмутимым тоном пробасил Святогор. Майор заgrimком чувствовал, что орудия таймбота уже зафиксировали его в качестве цели, а «Цитадель» только и ждет, чтобы обратить незнакомца в дымящиеся угли.

– Здравствуй, Святогор, – по примеру спутницы поприветствовал Кальтер нынешнего властелина Рыжего Леса.

– Верданди назвала тебя своим другом. Это действительно так? – поинтересовался

седобородый витязь.

– Да, – коротко подтвердил интродер, полагая, что отвечает не на праздный вопрос, а проходит обязательную проверку на детекторе лжи. Кальтер понятия не имел, насколько совершенными стали эти устройства в будущем и способен ли «мизантроп» обмануть их, как ему удавалось проделывать это с их нынешними аналогами. Поэтому он говорил лишь то, что думал. А насколько искренними сочтет его слова искусственный интеллект Святогора, это уже его дело. Вполне может статься, что он не услышит в ответах дяди Кости должную искренность, и тогда первый же шаг Кальтера по запретной территории станет одновременно последним шагом в его жизни.

– Хорошо, – изрек Святогор и продолжил дознание: – А ты, дядя Костя, можешь назвать Верданди своим другом?

Кальтер перевел взгляд с экрана на маленькую спутницу, прикусившую губку в ожидании, когда «Цитадель» закончит проверку интродера на благонадежность. Большие грустные глаза Веры смотрели на него с нескрываемым волнением – она явно переживала, опасаясь, что майор может ляпнуть что-нибудь не то.

– Да, могу, – ответил Кальтер. Он не стал разочаровывать девочку, тут же наградившую его благодарной и отчасти победоносной улыбкой.

– Хорошо, – повторил Святогор после короткой паузы, в ходе которой, очевидно, и решилась участь спутника Веры. – Ты можешь сопровождать Верданди, дядя Костя. Но помните, что сначала вы оба в обязательном порядке пройдете комплекс санитарных процедур в карантинном шлюзе.

Лицо на экране исчезло, уступив место прежним, непонятым Кальтеру интерактивным символам. Девочка выключила прибор и, сунув его назад в карман, с многозначительной улыбкой резюмировала:

– Ну вот и порядок, дядя Костя. Как видишь, ничего сложного. Ты ответил совершенно правильно на все вопросы.

– А ты точно уверена, что «Цитадель» не станет в меня стрелять? – усомнился интродер, которого чрезмерная простота проверки отнюдь не успокоила, а, наоборот, вогнала в подозрения.

– Конечно, – кивнула Вера. – Ведь ты же не обманул Святогора, да?

Вместо ответа Кальтер жестом приказал девочке оставаться на месте и осторожной походкой направился к скоплению обугленных тел. Только таким способом можно было выяснить, говорил Святогор правду или лгал, заманивая дядю Костю в сектор обстрела...

Майор дошел до центра поляны, затем неторопливо пересек судьбоносный рубеж, удостоверился, что не покрывается жареной корочкой, и лишь потом поманил к себе Верданди. Похоже, интродер и впрямь верил в то, что сказал Святогору. Вот только был ли дядя Костя действительно искренен или просто крепко внушил себе это убеждение, пытаясь обмануть детектор лжи? Поди теперь проведай... При желании «мизантроп» мог заставить себя поверить даже в Деда Мороза и с жаром отстаивать это перед любым оппонентом, который надумал бы разубедить Кальтера в его мнении. Вполне вероятно, что искусственный интеллект будущего тоже оказался неподготовлен к столь изощренному притворству.

Но как бы то ни было, теперь Кальтер и Верданди шли по территории, где, кроме аномалий, иных опасностей можно было не опасаться. Грязно-рыжие кроны мутировавших сосен скрывали скитальцев от глаз расположившихся окрест таймбота наблюдателей, хотя майор и не уповал на то, что ему и девочке удалось остаться незамеченными. Возможно, на подходе их и не засекли, но нацеленные на Небесного Паука армейские приборы слежения наверняка держали под неусыпным контролем весь оккупированный таймботом район. Да и плевать! Прежде чем поднять тревогу, военным в любом случае потребуется время, дабы выяснить, что именно они видят: живых людей или очередных призраков, коих в Зоне могла зафиксировать любая электронно-разведывательная аппаратура. Кальтер рассчитывал, что, если удача им улыбнется, Вера отправится домой до того, как здесь начнется серьезная заваруха. А в том, что она непременно скоро разразится, интродер был полностью уверен.

Верданди сказала, что им с дядей Костей надо идти до тех пор, пока они не окажутся под маячившим в вышине корпусом таймбота, после чего девочка попросит Святогора прислать

гравелифт. Кальтер распорядился, чтобы она заранее узнала, как долго продлится обещанный им санитарный карантин. На что «Цитадель» дала расплывчатый ответ: как только окончательно выяснится, что на борт Небесного Паука не будет занесена из Зоны никакая зараза. Майора такое положение дел не устроило, ибо принудительная диспансеризация могла растянуться и на час, и на неделю. Это грозило сорвать планы интродера, не собирающегося испытывать терпение «Монолита» слишком долгой отсрочкой сделки. К тому же не следовало исключать и такой фактор, как вероломство Зоны, способной вмешаться в ход любых событий и свести на нет даже безупречный стратегический замысел.

– Сумеешь отключить санитарный контроль? – поинтересовался Кальтер у Веры. В случае удачной сделки с «Монолитом» попадание в карантин майору и подавно не требовалось. Он рассчитывал, что перед таймвояжем родители напичкали Верданди всеми необходимыми прививками и потому для нее медицинское обследование не затянется надолго. Наверняка к тому времени, как интродер разыщет этерналий, девочка уже покинет карантинный бокс и будет допущена к пульта управления таймботом.

– Попробую, – ответила Вера. – Папа показывал мне, как работает операционная система таймбота. Она не очень сложная. Думаю, я разберусь.

– Займешься этим сразу же, как только выйдешь из карантина, – наказал Кальтер. – Когда я вернусь с «Обручем Медузы», Святогор должен пропустить меня внутрь без единой задержки. Задача ясна?

– Но я думала, мы пойдем за этерналием вместе, – обиженно нахмурилась Верданди.

За время знакомства с Верой Кальтер достаточно поднаторел в искусстве общения с ребенком и вместо того, чтобы просто приказать ей делать то, что говорят, остановился, повернулся к спутнице, сел перед ней на корточки и ответил:

– Ты очень храбрая девочка, и при иных обстоятельствах я обязательно взял бы тебя в помощники. Но когда я разыщу этерналий, сюда сбежится много плохих сталкеров, и у них будет оружие для разрушения «Цитадели». У нас в запасе останется очень мало времени, поэтому ты обязана позаботиться о том, чтобы к моему возвращению все нужное оборудование было готово к работе. На самом деле твоя задача еще важнее, чем моя, – ведь если ты с ней не справишься, получится, что я рисковал напрасно. Но я верю: тебе все удастся. А ты должна верить в меня. Так что давай возьмем и просто сделаем нашу работу. Ты – свою, а я – свою. Договорились?

– Ты говоришь прямо как папа, когда мы вылетали на гравикоптере, – угрюмо заметила Верданди. – Он тоже сказал, что верит в меня и что у нас все получится. А потом в нас попали ракетой, и мы разбились.

– Что поделаться? Такие здесь несправедливые законы, – развел руками майор. – В Зоне ничего нельзя добиться без борьбы, и если тебе хочется починить тайм-бот, значит, надо снова рискнуть и побороться за свою цель. Поэтому возьми себя в руки и попробуй до тех пор, пока мы не запустим темпоральный генератор, пожить по моим принципам.

– Выживает сильнейший?

– Совершенно верно. И если ты решишь сдаться без борьбы, значит, дядя Костя тебе уже ничем не поможет.

– Я не сдамся, – заверила Кальтера девочка. – Когда ты вернешься, все будет готово, обещаю. Только ты возвращайся, ладно? Даже если не найдешь этерналий, все равно возвращайся.

– Непременно, – заверил ее в свою очередь интродер. – Разве друзья бросают друг друга в беде?..

Если путешествие Кальтера и Верданди по запретному для прочих обитателей Зоны району еще могло остаться незамеченным, то вызванный девочкой гравелифт наверняка привлек к себе чье-нибудь внимание. Достигнув намеченной точки, Вера снова взялась за пульт управления «Цитаделью» и при помощи интерактивной панели отправила Святогору соответствующую команду. Не прошло и пяти секунд, как из паучьего брюха в землю ударили два ярких, похожих на лазерные луча, каждый толщиной с человеческую руку. Затем от корпуса таймбота отделилась и направилась вниз странная конструкция, напомнившая майору большой двулопастной винт. В каждой из лопастей наличествовало отверстие, сквозь которое

проходил один из вышеупомянутых лучей, а в центре «винта» – там, где у него должна была располагаться ступица, – имелась непрозрачная цилиндрическая кабина размером с обычный грузовой лифт. Гравилифт отличался от него лишь тем, что вместо подъемных тросов использовал энергию неизвестных Кальтеру лучей, пропущенных через направляющие панели. В остальном же принцип работы этих устройств был одинаков.

Пока гравилифт опускался, девочка прослушала доклад Святогора о том, что с момента отбытия семьи Веры на поиски этерналия в таймботе все осталось по-прежнему. Майор на всякий случай проконсультировался, удастся ли ему покинуть, а затем беспрепятственно вернуться на контролируемую «Цитаделью» территорию. Святогор ответил, что друг Верданди может всецело располагать его защитой в любое время дня и ночи. После этого обнадеженный Кальтер совершил очередную несусветную ересь: помимо уже ненужных ему продуктов и вещей вручил маленькой повелительнице Небесного Паука свою винтовку.

– Доверяю тебе присмотреть за ней, – сделал интродер поручение удивленно хлопающей глазами Вере. Потом все же объяснил ей причину своего престранного поступка: – Так и так обе руки у меня будут постоянно заняты, поэтому винтовка мне не пригодится. К тому же я не собираюсь отходить далеко от таймбота, а значит, в случае чего, за мной присмотрит Святогор.

– Я обязательно прикажу ему, чтобы он с тебя глаз не спускал, – пообещала Верданди.

– Спасибо, – поблагодарил ее Кальтер, закидывая в открывшуюся кабину гравилифта оставленный балластный груз. Потом отряхнул руки и подытожил: – Что ж, если у тебя нет ко мне вопросов, тогда давай прощаться.

Вера, которая уже пристроила на спине доверенную ей «ВМК», подошла к интродеру и, совершенно неожиданно для него, обняла его за талию и прижалась щекой к груди майора. Оторопевший Кальтер так и замер с поднятыми, как при капитуляции, руками, словно боясь, что, прикоснувшись к Верданди, он совершит нечто предосудительное. Потом все же преодолел неловкость и легонько, по-дружески, похлопал девочку по плечу.

– Ну все, все, – пробубнил майор. – Хватит, а то... перед Святогором неудобно.

– Когда ты вернешься? – спросила Вера, отстраняясь от Кальтера.

– Если все срастется как задумано, значит, где-то после обеда, – ответил он. – В крайнем случае вечером. Но лифт держи наготове – всегда может возникнуть какая-нибудь нестыковка, и мне придется срочно ретироваться в убежище.

Вера кивнула и, помахав Кальтеру на прощание, шагнула в гравилифт, который уже без ее участия закрыл двери и повез пассажирку вверх. Кальтер помахал Верданди в ответ, дождался, когда лифт доберется до таймбота, а потом уселся под деревом и достал ПДА.

«Эол – Индейцу. Готов выполнить обещанное завтра в полдень. Место встречи обозначено на прилагающейся карте. Условие прежнее: один на один. Замечу на небе хотя бы облачко, сделка будет расторгнута».

«Индеец – Эолу. Информация принята к сведению. Товар подготовлен. Жди меня завтра на месте встречи в указанное время. Отбой».

Глава 15

В шестом часу утра над Рыжим Лесом зарядил дождь, мелкий и противный. За пределами Зоны такие дожди обычно превращаются в затяжные и, бывает, моросят по несколько суток кряду. Но здесь угадывать непогоду по народным приметам было бы столь же бесперспективно, как и прогнозировать аномальные выбросы. Иногда эти приметы и впрямь сбывались. Но с тем же успехом они могли обернуться самым непредсказуемым образом, и затянувшие небосклон, беспросветные тучи развеивались буквально в считанные секунды, словно дым от костра.

Сегодня, как назло, Зона решила уважить внешние порядки и пролила на голову Кальтера классический затяжной дождь – проклятье хлеборобов и кровельщиков. Вот только майора это почитание традиций не слишком радовало. Туманная изморось искушала врага подобраться незамеченным достаточно близко к облюбованной интродером поляне, напасть на Эола и насильно завладеть содержимым его карманов. Кальтер был готов к подобному повороту событий, однако монолитовцы могли предугадать возможные ходы майора и лишить его всех гарантий. Примерно так, как сектанты сделали это в «Агропроме», не позволив интродеру

взорвать заминированный ПРК посредством радиодетонатора. Нынче Кальтер был застрахован от такой неприятности, но кто скажет, что секта не побьет его козырь еще более сильной картой. В этой игре почти вся козырная масть находилась на руках противника, но кое-что все же имелось и у интродера. Только это и вселяло в него жизненно необходимую ему сейчас уверенность.

Единственный плюс разразившейся на рассвете непогоды состоял в том, что, оросив землю, дождь уничтожил смрад горелой плоти, источаемый валявшимися в центре поляны жертвами Небесного Паука. Майор сидел на траве спиной к таймботу, в десяти шагах от скопления обугленных трупов, и практически не чувствовал исходящую от них вонь. А может, просто привык к ней, как привыкал к любым неудобствам, в каких частенько доводилось работать посланному в командировку «мизантропу».

Вонь, дождь, грязь, вероломные враги... Все это и впрямь казалось Кальтеру настолько привычным, что едва не заставляло его зевать от скуки. А вот надеющаяся на помощь интродера девочка из будущего, к которой он, вопреки всем своим служебным и жизненным принципам, успел привязаться, – это действительно нечто совершенно уникальное. Сидя на траве в ожидании поставщика этерналия, Кальтер столько всего успел передумать, что у него опять разболелась ушибленная намерзшей голова. Это было плохим подспорьем в грядущей операции, и потому майор постарался абстрагироваться от навязчивых мыслей и вновь сосредоточиться на деталях предстоящей операции.

Левая рука Кальтера покоилась на перевязи, но не потому, что он успел повредить ее во время ночных хождений по Рыжему Лесу. С нею все было в норме. А перевязь он надел лишь для того, чтобы конечность не затекла от усталости, ведь к запястью как-никак была привязана тяжелая шестерня, найденная майором на опушке леса, возле старой сеялки. Чтобы понять, зачем Кальтер это сделал, следовало присмотреться к указательному пальцу его утяжеленной руки, на коем было надето кольцо с привязанным к нему обрезком тонкой стальной проволоки. Второй конец обрезка цеплялся за другое кольцо, вставленное в детонатор «Кракатау» – кумулятивной ведомственной мины, предназначенной для выжигания замков в бронированных дверях. А она, в свою очередь, крепилась поверх расставленных по нагрудным карманам жилета брускам «Си-4», выданных интродеру генералом Ворониным взамен утраченных майором мин, дезактивированных сектантами в «Агропроме».

Чтобы привести в действие собранное майором взрывное устройство, Кальтеру было достаточно всего лишь распрямить руку и выдернуть таким образом предохранительное кольцо «Кракатау». Детонатор мины обладал регулируемой задержкой, которая в данный момент была выставлена на ноль. Если левая рука майора разогнется или же, отягощенная шестерней, безвольно упадет вследствие его внезапной гибели, мина мгновенно сработает и вызовет детонацию трехкилограммового заряда пластиковой взрывчатки. После чего поляна и прилегающие к ней участки леса исчезнут, превратившись на уродливом лице Зоны в еще одну большую оспину. И пока интродер был в состоянии удерживать руку с грузом согнутой, представитель «Монолита» мог быть спокоен, что он получит обещанный товар согласно договору. В случае же непредвиденных эксцессов Кальтер разрывал сделку, а вместе с ней – на сей раз уже в буквальном смысле – себя, вражеского переговорщика и драгоценную электронную плату.

Еще вчера вечером, по пути к таймботу, майор установил на подходах к поляне парочку миниатюрных индикаторов движения, фиксирующих не излучение вражеских ПДА, а все движущиеся объекты размером с псевдособаку и крупнее. Поступающие от датчиков сигналы отражались на ПДА интродера. Несколько раз за утро они предупреждали о том, что в их зону действия попали достойные внимания цели. Но по быстрому и хаотичному перемещению меток на экране радара Кальтер понимал, что неподалеку рыщут не люди, а мутанты.

Сталкеры появились в пределах видимости датчиков за час до намеченного срока: восемь человек, идущих с востока обычным для путешествия по Зоне порядком – друг за другом. Майор и не надеялся, что делегат «Монолита» явится в одиночку. Кальтер даже намеревался закрыть глаза на то, что в ближайшем лесу займут позиции вражеские снайперы. Глянув в прицелы на увешанного взрывчаткой интродера, они быстро поймут, что случится, если кто-нибудь из них нажмет на спусковой крючок. Такое отступление от протокола встречи будет

простительно, но лишь при условии, что сам обмен пройдет один на один. Впрочем, «мизантроп» имел основание полагать, что до откровенной провокации секта все-таки не опустится – слишком дорогой и хрупкий товар был выставлен Кальтером на продажу.

Майор перестал сомневаться, что видит на экране ПДА сектантов, а не какую-либо другую, забредшую сюда группу сталкеров, когда семь из восьми радарных меток остановились, а одна продолжила движение через перелесок, разделявший интродера и прибывших за товаром гостей. Кальтер поднялся с камня, а потом снял и выбросил тряпичную перевязь с руки, которая тут же приняла на себя вес тяжелой шестерни и напряглась. Не желая растрачивать силы, интродер придержал взрывоопасную конечность другой рукой и вышел на середину поляны, дабы гость заметил его издалека.

Одетый в традиционный для секты комбинезон асфальтового цвета, делегат волочил в руке металлический кейс – не особо вместительный, но, согласно информации Верданди, этерналий мог без труда поместиться в таком малогабаритном контейнере. Лицо монолитовца, как и лицо майора, было скрыто под защитной полумаской, но Кальтер не собирался настаивать на встрече «с открытыми забралами». Прибудь на сделку хоть сам Гурон, интродера это обстоятельство совершенно не беспокоило. Сейчас он помогал Верданди, а не «Долгу», и интересы должников майора больше не волновали.

Монолитовец вышел на опушку, остановился и приветственно поднял ладонь. Кальтер ответил ему тем же и махнул рукой, приглашая вражеского посланника проследовать к нему. Потом глянул на ПДА и убедился, что семеро приятелей сектанта продолжают оставаться по ту сторону перелеска. Что, однако, не прибавило майору ни капли уверенности. Репутация «Монолита» была настолько вероломной, что даже когда сектанты и соблюдали дипломатический этикет, это выглядело еще подозрительнее, чем переиди они с ходу к не оговоренным протоколом действиям.

Сектант с кейсом приблизился и встал напротив Кальтера. Их разделяло всего несколько шагов, поэтому надетые на лица переговорщиков маски не мешали им общаться.

– Эол? – осведомился монолитовец, опуская ношу на траву.

Интродер подтвердил и поинтересовался в ответ:

– Индеец?

– Нет, – помотал головой вражеский делегат. – Если хочешь, можешь называть меня Радистом. Индеец не разбирается в радиоэлектронике, а нам, сам понимаешь, хотелось бы проверить товар, прежде чем ударить с тобой по рукам.

– Товар в порядке, – заверил его Кальтер, но против проверки, естественно, не возражал, ибо выдвинутое сектой условие было справедливым. – Но сначала дай мне взглянуть на «Обруч».

Радист развел руками – мол, не вижу, в чем проблема, – и присел возле чемоданчика, дабы открыть его и удовлетворить любопытство Эола.

– А ты, я смотрю, неплохо подготовился к встрече, – с усмешкой заметил монолитовец, копаясь с замками кейса. – Взрывчаткой обвязался, что не только меня, а пол-Припяти при необходимости разнести можно. Кто ты вообще такой и откуда взялся, бродяга? То чужой хабар потрошишь, то в паре с гнилыми сводниками подставы устраиваешь, то вдруг решаешь сбавить нам наши запчасти в обмен на наши же артефакты... Не по правилам играешь, сталкер. Такие, как ты, долго в Зоне не живут. Чего ты добиваешься, хотелось бы знать?

– Хватит трепаться, – огрызнулся Кальтер. – Лучше достань и покажи мне «Обруч».

Радист открыл крышку набитого противоударным наполнителем кейса и извлек из его утробы кольцо, похожее на маленький автомобильный руль. Артефакт испускал синий матовый свет, но не равномерный, а такой, словно его источник был точечным и постоянно перемещался внутри кольца то в одну, то в другую сторону. Доставленный Радистом «Обруч Медузы» один в один подпадал под описание, данное майору Верой, так что вероятность подлога была незначительной. Говоря начистоту, в этой сделке «Монолит» рисковал больше Эола, потому что даже рабочая электронная плата еще не гарантировала, что она является компонентом «Пурги-Д». Проверить их совместимость можно было лишь практическим путем и никаким больше.

Майор решил, что пора проявить ответную вежливость и продемонстрировать Радисту

плату ЦМТ. Но едва Кальтер потянулся к торчащему из кармана «разгрузки» пеналу, как в этот миг стряслось нечто непредвиденное. Все вроде бы шло замечательно: стороны не выдвигали друг другу никаких ультиматумов, не бранились и не размахивали оружием, и вдруг – на тебе! – все оборачивается самым невыгодным для Кальтера образом и летит в тартарары...

Не делая резких движений, Радист опустил крышку чемоданчика, а потом положил на нее «Обруч Медузы». Больше – ничего. Однако именно это, казалось бы, безобидное действие сектанта и стало той хитрой уловкой, на которую по незнанию попался интродер.

Едва артефакт коснулся металлической поверхности кейса, как струящийся из этерналия свет сверкнул, подобно мощной фотовспышке. Ослепший ненадолго майор живо сообразил, что произошедшее – отнюдь не случайность и вслед за шоковой вспышкой явно последует вражеская атака. Взрывать себя в первые же мгновения инцидента Кальтер, естественно, не стал – всегда успеется. Наоборот, постарался придержать «взрывоопасную» руку, чтобы ненароком не махнуть ею и не активировать «Кракатау». Все ж таки нельзя полностью отменить и возможность досадного недоразумения. Мало ли какие сюрпризы таит в себе «Обруч Медузы» – раз светится, стало быть, вполне может периодически и сверкать.

Впрочем, майору так и не удалось осуществить ни свое первоочередное желание, ни последующие. Рука, тянувшаяся до этого к карману «разгрузки», не сдвинулась ни на миллиметр. Равно как и остальное тело, оказавшееся полностью парализованным. Кальтер не сумел пошевелить даже глазными яблоками, продолжая стоять в абсолютно неподвижной позе, словно чересчур старательный натурщик.

Единственное, чем еще мог шевелить майор, это мозгами, но проку от их усиленной работы не было никакого. Он осознавал, что, охваченный параличом, непременно должен упасть на землю, но тем не менее этого не происходило. Зрение в застывших глазах понемногу восстанавливалось, а вместе с ним проявлялась и ситуация. И хоть до окончательного прояснения ей было еще далеко, многое стало понятно практически сразу же.

Кальтер и Радист словно очутились в большом полусферическом пузыре, чей прозрачный синеватый купол возвышался вверх метра на три. В самом центре очерченной пузырем окружности находился «Обруч Медузы», за который все еще держался склонившийся над ним сектант. Тотальный паралич охватил не только интродера, но и его. А также заставил замереть без движения траву и – что самое удивительное – дыхание обоих участников переговоров. Последние облачка морозного пара вылетели из респираторных полумасок майора и монолитовца и на том окончательно иссякли. Однако дождь и ветер продолжали проникать под купол как ни в чем не бывало.

Происшествие навело обращенного в живой истукан майора на весьма неприятные выводы, которые вскоре полностью подтвердились. Выяснилось, что локальный аномальный паралич поразили лишь живые объекты и, что было гораздо хуже, распространяется лишь на те из них, что оказались под синим куполом в момент его образования. Изначально добротная задумка Кальтера с шантажом сектантов взрывчаткой в мгновение ока обесценилась до дешевой ужимки, неспособной напугать даже самого недалекого и трусливого сталкера. А жизнь самого интродера перестала стоять и ломаного гроша...

Не прошло и десяти минут, как на поляне появились остальные семеро сектантов, топтавшихся до сей поры по ту сторону перелеска. Недвижимый, как памятник, Кальтер обреченно наблюдал за шагающими к ним с Радистом его приятелями. Значит, вот чем объяснялась их покладистость. Монолитовцы смекнули, что Эолу известно далеко не о всех свойствах «Обруча», и изловили покупателя артефакта на эту уловку – примитивную для них, но неведомую майору. Радисту нужно было лишь улучшить момент, чтобы обезвредить стоящую перед сектантом живую бомбу. Что ему с успехом и удалось.

Сталкеры «Монолита» неспешно окружили рукотворную аномалию, а один из них без опаски шагнул под прозрачную синюю полусферу. После чего отстегнул с лица полумаску и встал напротив уставившегося в одну точку интродера – так, чтобы его глаза смотрели точно на сектанта.

А он оказался довольно рискован типом. Другой бы на его месте сначала перекусил проволоку на предохранительном кольце мины, стянул с майора напичканный взрывчаткой жилет и лишь потом начал изгаляться над угодившим впросак беспомощным Эолом. Но

монолитовец, похоже, был хорошо знаком со свойствами этерналия, раз всецело доверял его парализующему эффекту. Окажись на месте этого храбреца Кальтер, вряд ли у него хватило бы выдержки расхаживать как ни в чем не бывало возле заряженной бомбы и готового взорвать ее подрывника, даром что парализованного.

– Знаешь, кто я такой? – поинтересовался сектант, хладнокровно касаясь пальцем привязанной к руке майора проволоки, словно проверяя натяжение струны на арфе или контрабасе. И, разумеется, не получив ответа, продолжил: – Я – Гурон. Тот, кого ты называешь Индейцем. А ты, стало быть, Эол – сталкер, который по неизвестной мне причине решил объявить нам войну. Что ж, надо признать, воевать ты умеешь. Но сегодня твоя война закончилась. И вовсе не твоей победой...

Кальтеру было сложно сосредоточиться на лице заговорившего с ним сектанта. Но вроде бы по описанию должовцев и имеющимся у них нечетким фотографиям Гурона перед майором действительно стоял он. Неизвестно, кто и когда приклеил к нему это прозвище, но он и впрямь был похож на индейца. В лице Гурона причудливо смешались кавказские и восточные черты: смуглость и ярко выраженный орлиный профиль соседствовали с типично азиатским разрезом глаз и прямыми черными волосами – тем самым скальпом, за которым уже не первый год вел охоту генерал Воронин. Рослый, крепко сложенный командир монолитовцев был почти на голову выше Кальтера. Это позволяло ему в прямом смысле взирать свысока на побежденного Эола. Интродер не сомневался, что с минуты на минуту ему просто-напросто приставят к башке ствол и вышибут мозги. Ну а перед этим ради потехи прострелят коленные суставы. Или поглумятся еще как-нибудь, но, так или иначе, с этой поляны майору уже не уйти.

– Я бы мог пристрелить тебя прямо сейчас, – продолжал Индеец, будто прочитав мрачные мысли Эола, – но, к сожалению, твоя последняя выходка поставила меня в весьма щекотливое положение. Мы можем выйти из него двумя хрестоматийными путями. Первый: ты правдиво отвечаешь на все наши вопросы и в награду получаешь быструю и легкую смерть. Или второй: ты упрямисься, мы тебя пытаем, ты все равно отвечаешь на наши вопросы, но умираешь уже не так быстро и легко. Как видишь, третьего пути нет, а выбор из двух имеющихся очевиден, как и твой скорый конец. В общем, пока мы разбираемся с твоими опасными игрушками, у тебя есть время подумать и принять трезвое решение. Разоружить его!

Последний приказ Гурона предназначался подручным, которые тут же налетели на Кальтера, разрядили бомбу, разрезали на части и сорвали с него жилет, защитную полумаску, обыскали с ног до головы и даже оказали услугу, отвязав майору от запястья тяжелую шестерню. И только по окончании этой суеты интродер был оставлен в покое, а «Обруч Медузы» – вытащен из рук недвижимого Радиста и брошен на траву.

Как только это случилось и синий пузырь исчез, обезоруженный Кальтер вновь ощутил себя полноценным человеком, свободным от аномальных пут. Правда, наслаждаться свободой, в отличие от Радиста, ему пришлось недолго. Не успел майор осознать, что он вновь обрел контроль над телом, как в лицо ему прилетел тяжелый кулак Гурона. Эол растянулся на земле, а когда пришел в себя, то был уже связан по рукам и ногам. Стреножившие его сектанты взялись тут же охаживать пленника ботинками по ребрам, закончив короткую вступительную экзекуцию лишь по приказу командира.

Впрочем, Кальтер все это время тоже провел с толком. Отринув бессмысленные сокрушения насчет предрешенной кончины, он использовал отпущенный ему срок, думая, как разумнее всего выбросить единственный оставшийся у него козырь. И даже когда на интродера сыпался град пинков, он, крепко стиснув зубы (хвала введенной полчаса назад ударной дозе обезболивающего!), старался сосредоточиться на поиске спасительной стратегии. В отличие от врагов, майор верил, что его дела еще отнюдь не безнадежны. Надо было лишь не дать сектантам усомниться в правдивости своих ответов. Но для этого требовалось сначала ненавязчиво выяснить, что вообще известно «Монолиту» о «сером сталкере».

– Достаточно, – прервал Гурон разошедшихся бойцов, и те, отвесив Кальтеру по последнему пинку, отступили в сторону. А их командир с наигранным участием поинтересовался у скорчившегося на земле майора: – Ну что, Эол, какое решение ты принял? Надеюсь, правильное?

– Твоя взяла, Гурон, тут и спорить нечего, – молвил Кальтер после того, как откашлялся и

немного унял сбитое вражьими ударами дыхание. – Ловко ты меня провел, слов нет. Но не переживай: я умею проигрывать. За какие такие убеждения, скажи на милость, мне терпеть твои пытки? Я и так дезертировал из армии, нарушил присягу и напрашиваюсь на трибунал. Поэтому задавай свои вопросы – расскажу все, что знаю. Даже военные тайны, если они тебя интересуют.

– Кто ты такой? – первым делом любопытствовал Гурон, усаживаясь на траву рядом со связанным пленником.

– Военный наблюдатель особого отдела Шестого миротворческого батальона капитан Игнат Галаган, – «сознался» Кальтер. – Проверь – вон мои документы, у твоего бойца. Только там малость не то написано. Но все равно весьма ценные корочки, поверь. Переделаешь под себя – сможешь проходить по ним через любые армейские посты, как на внутреннем кольце периметра, так и на внешнем.

Гурон взял протянутые ему фиктивные документы интродера, внимательно изучил их, после чего сунул и впрямь довольно ценный трофей в нагрудный карман комбинезона.

– Особист, значит, – презрительно скривился командир монолитовцев. – А почему в документах об этом ни слова? И с каких пор особисты на рожах татуировки делают?

– Правильные вопросы, – кисло усмехнулся Эол. – Неужели думаешь, моему непосредственному командованию было нужно, чтобы первый проверивший мои документы патруль раструбил потом на всю Зону о шляющемся по ней агенте особого отдела?.. А татуировку эту мне в Индонезии насильно нанесли, когда я там год в плену у повстанцев сидел. Я ведь раньше во внешней разведке служил, ну вот однажды и прокололся. Выкупило меня командование, на родину переправило и предложило: или в отставку, или на вакантное место – дослуживать в особом отделе при Шестом батальоне агентом по спецпоручениям, с солидной прибавкой к пенсии и все такое. Опыт работы есть, и это главное, а татуированная рожа – только в плюс. «Гражданку» надену, и хрен кто подумает, что я – кадровый армейский офицер... В смысле раньше им был.

– А чего ты рожу-то не отбелил? Денег на операцию пожалел?

– Ты вообще догадываешься, почему мне сепаратисты Восточного Тимора лицо изуродовали? Надо полагать, не ради шутки. Как узнали, что я – шпион и предатель, опустили меня по полной программе, вот и все дела... Ты хоть имеешь представление, как опускают в индонезийских тюрьмах?.. То-то и оно. Такие позорные клейма, Гурон, не за тем наносятся, чтобы их можно было легко свести. Вот только кому это здесь известно? А раз так, на кой черт на операцию тратиться? Это ж сколько «зеленых» надо вбухать, чтобы полностью лицо обновить! У меня столько «бабок» отродясь не водилось, а от командования такой щедрой подачки вообще хрен дождешься.

– Ладно, крыса особистская, хватит скулить про то, как тебя опускали и клеймили, – махнул рукой Индеец. – Лучше спой мне про «Агропром», где я с тобой в последний раз виделся.

– И спою! А чего мне юлить? – не стал ерепениться Кальтер. – Я ваш оружейный канал давно вычислил, вот только командованию о нем не докладывал. Все думал, каким макаром на этом самому навариться можно. Представляешь, как было тошно видеть, когда «прапора» и сержанты зашибают бешеные деньги, а у тебя самого при этом на банковском счету – шиш с маслом. Короче говоря, думал, думал и придумал. Выведал через «крота» про сделку, подпряг банду отмороженных местных наймитов, ну и накрыли колонну вместе с продавцом. Надеялись, что вы увидите дым и испугаетесь, но все получилось как раз наоборот. Только сели электронику снимать, как бац! – армейский вертолет летит. Наймиты, гады, перетрусил и сразу в кусты. Ну а я осерчал и решил, что если мне куш не перепал, то и никому он не обломится. Но вы и там меня перехитрили... Правда, кое-что я все-таки сумел с вашей ракетной установки скрутить. Мелочь, конечно, по сравнению с профуканной прибылью, но и то радость. Хрен, думаю, я эту железку наймитам покажу, раз те меня в «Агропроме» бросили. Тем более что назад Игнату Галагану все равно не вернуться, а значит, деньги ему теперь позарез нужны.

– Почему тебе нельзя вернуться? – спросил Гурон. – Ты что, засветился?

– Разумеется, причем по-крупному, – подтвердил «псевдоособист». – Оружие, то, которым наймиты колонну громили, я им приволок. Вытребовал у командования под

предлогом наживки, на которую якобы можно в Зоне крупную рыбу поймать. Патроны, мины, гранаты, несколько стволов – все «крапленое»... Да и миротворцы меня заметить успели. Они ж не все в «Агропроме» полегли, кое-кто и спасся...

Пока Гурон выслушивал «исповедь» Эола, Радист уселся на камень, вынул из пенала отобранную у пленника плату ЦМТ, пристроил ее на коленях и разложил возле себя комплект электроизмерительных инструментов. А затем взялся дотошно «прозванивать» на плате каждую деталь и схемы, касаясь их игольчатыми щупами и регулярно сверяясь с показаниями индикаторов. Закончив свой короткий, но всеобъемлющий тест, Радист упаковал инструменты и трофей, поднялся с камня, подошел к командиру, тронул его за плечо и показал большой палец: дескать, все в порядке – компонент исправен. Гурон довольно кивнул и снова обратился к пленнику:

– Дальше что было?

– Дальше-то?.. – Кальтер потер ушибленную скулу, после чего охотно поведал о последующих приключениях продажного особиста Галагана: – Потом меня нелегкая опять с теми наймитами свела. Недовольны они были сильно, что дело не выгорело, ну да кто ж виноват – форсмажор... Благо хоть обыскивать не стали, а поверили, что я эту электронную хренотень открутить не успел и тоже порожняком удрал. А тут как раз ваше объявление о поимке «серого» сталкера подвернулось. Наймиты меня за грудки и к стенке: мол, или помогаешь нам компенсацию за «Агропром» добывать, или прямо сейчас башку отрежем... Пришлось согласиться – а куда деваться? Но вы и там не лыком шиты оказались и положили моих подельников одного за другим. Я едва ноги унес, да потом еще раз с вашими на границе Диких Земель схлестнулся. Ну из-за этой заварухи, Гурон, я перед тобой извиняться не буду! Если бы я твоих «броненосцев» не угрохал, они бы меня на лоскуты порвали. Здесь все по законам Зоны было, без подстав.

– Ладно, предположим, тут я тебе верю, – сказал Гурон, довольный тем, что извлек из задницы «Монолита» сидящую там больше недели занозу и вернул исправный модуль «Пурги-Д». Что и сказывалось на великодушии Индейца к пленнику. – Вот только те вопросы, какие меня больше всего интересуют, я еще не задавал. И если ты решишь соврать хотя бы на один из них, я тебе очень не позавидую... Итак, откуда ты узнал о существовании «Обруча Медузы» и почему решил обменять на него украденную электронику?

– Даже не знаю, Гурон, что тебе и сказать, – изобразил растерянность Кальтер. – Лгать я вам, как и обещал, не собираюсь. Но вот предъявить доказательства своей правоты мне, наверное, не удастся, ведь все они, очевидно, уже уничтожены.

– Каким образом?

– Потому что мой «крот», который у вас работал, наверняка позавчера погиб. Не хотел я тебе поначалу признаваться, но, чую, нет у меня выбора... Информация о покупке вами ракетного комплекса пришла ко мне не от армейцев, а от вашего человека. Он же два дня назад сдал мне и сведения об «Обруче Медузы». Прямо перед тем проклятым выбросом.

– Ложь! – Индеец вскочил с земли, выхватил из кобуры «беретту» и нацелил ее Кальтеру в промежность. – Среди тех, кто служит «Монолиту», нет и никогда не было стукачей! Это невозможно в принципе! «Исполнитель Желаний» читает помыслы своих слуг, словно открытую книгу! Даже если у кого-то из нас и возникнет мысль о предательстве!..

– погоди, Гурон, не стреляй! – перебил его майор. – Да, у меня не осталось тех доказательств, которые предоставил мне «крот»! Но доказать, что он действительно существовал – а возможно, и до сих пор существует, – я могу! Четверо с половиной суток назад ваши люди сбили над Военными Складами НЛО, правильно? Правильно я говорю?

– Об этом сегодня в Зоне знает каждый сталкер, – хмыкнул монолитовец, продолжая держать Кальтера на мушке пистолета. – Ты выведал эту информацию из сети, а не от стукача. Но да, признаюсь: подобная катастрофа действительно имела место. Чем еще ты хочешь меня удивить?

– Верно, я читал новостные сводки, – подтвердил интродер. – Однако мне известно еще кое-что, о чем сетевые источники не сообщали. Например, то, что на самом деле НЛО был сбит не над Военными Складами, а над Припятью. После того как в него попали ракетой, он сумел еще несколько минут продержаться в воздухе. И вообще, никакой это был не НЛО, а похожий

на вилку летательный аппарат, стартовавший с Небесного Паука. В кабине этого аппарата находилось трое человек в серебристых комбинезонах: мужчина, женщина и девочка лет тринадцати. Когда вы приблизились, мужчина стал стрелять в вас из парализующего пистолета, после чего вы открыли ответный огонь на поражение. Мужчина и женщина погибли сразу, а девчонка пыталась бежать, но вскоре ее, по всей видимости, задрал обитающий возле железной дороги псевдогигант. По крайней мере, это он помешал вам догнать шустрю пигалицу. А затем вы вытащили трупы из летательного аппарата, обыскали его и уничтожили все улики: покойников сожгли, а их машину взорвали.

– Ты мог случайно засечь все это с холма в мощный прибор ночного видения! – заявил Гурон. Было заметно, что его так и тянет отстрелить пленнику яйца, однако озвученные тем подробности недавнего инцидента обескуражили сектанта и вынудили повременить с расправой. – Ты мне лучше ответь, что находилось в кабине летательного аппарата, и тогда я тебе поверю. Если твой стукач действительно существует и был на месте крушения НЛО, значит, он участвовал в обыске и видел, что везла с собой в грузовом отсеке семейка этих кретинов!

– Там было оборудование, – уверенно ответил Кальтер, припомнив нужные детали из рассказа Верданди. – Нечто вроде дистанционно управляемого механического манипулятора для сбора образцов, похожего на тот, что мы посылали на Марс, только гораздо меньше. Как сказал мой осведомитель, такой штукой очень удобно доставать не только каштаны из огня, но и артефакты из некоторых аномальных очагов. А еще там имелся контейнер с инструкцией насчет эксплуатации «Обруча Медузы». Судя по всему, приконченная вами семейка летела в Припять или Чернобыль именно за этим артефактом.

– Врешь, не было там никакой инструкции! Контейнер и оборудование были, а инструкции – нет! – заскрипел зубами Индеец. Кальтер мысленно поблагодарил себя за то, что не поленился хорошенько расспросить на эту тему Веру, пусть даже в тот раз майор не слишком доверял сбивчивому рассказу девочки.

– Разумеется, ты не мог видеть на контейнере памятку, Гурон, – ничуть не смутился интродер. – Мой «крот» свистнул эту пластиковую табличку до того, как ее заметил кто-то еще. Весьма занятный документ, между прочим. Если бы я к тому времени не дезертировал, меня бы за такую находку точно повысили или наградили – ведь в ней содержалась подсказка, как можно проникнуть в Небесного Паука.

– Кто?! – взревел командир сектантов, теряя выдержку и потрясая пистолетом. – Кто эта мразь, которая стучит на нас военным?! Дай мне его имя, особистская крыса, или я тебя наизнанку выверну!

– Настоящего имени «крота» я тебе не скажу, так как мы его сами не знали, – ответил майор. – Он фигурировал у нас лишь под псевдонимом Холерик. Лицо тоже не опишу – он никогда не снимал капюшон и маску. А вот глаза я запомнил – голубые. Как небо. Очень редкий для Зоны цвет. Ну и рост у Холерика чуть пониже моего, зато комплекция поплотнее и в плечах пошире будет. Когда мы с ним позавчера на Военных Складах расстались, он собирался на базу возвращаться, хотя времени до выброса уже совсем мало оставалось. Я был уверен, что он не доберется. По крайней мере, я бы точно то расстояние за сорок минут не одолел. Но кто этого Холерика знает...

Кальтер не договорил, поскольку заработал очередной увесистый пинок в живот, на сей раз непосредственно от вражеского командира. Теперь обезболивающее помогло слабо. Боль прострелила сломанные ребра, и интродер едва сдержал стон. А пока он приходил в себя – благо второго удара не последовало, – Гурон обошел по очереди всех своих бойцов, срывая с них полумаски и пристально вглядываясь в глаза. Корчась от боли, майор искоса поглядывал на Индейца и понимал, что настала пора наносить по врагу главный удар, который Кальтер, примерив на себя чужую личину, так кропотливо подготавливал.

– Где табличка, которую передал тебе Холерик? – грозно спросил Гурон у пленника, когда закончил с проверкой своих бойцов на «вшивость». Если среди них были голубоглазые, они наверняка пережили сейчас несколько весьма тревожных минут.

– Ничего он мне не передавал, – возразил Кальтер. – Когда Холерик узнал, что сегодня ему не заплатят за информацию, он вообще пожалел, что показал мне эту табличку. Он ведь

был еще не в курсе, что я дезертировал, и рассчитывал, как обычно, получить при встрече гонорар за услуги. Пришлось его огорчить. Вот он и решил оставить табличку себе – вероятно, чтобы подыскать другого покупателя. Но я-то все равно ее прочитал и запомнил – профессиональная привычка у меня такая, понимаешь ли.

– И почему же в инструкции умалчивалось о том, что «Обручу Медузы» запрещено вступать в контакт с любыми металлами? – поинтересовался Индеец. – Не написать такое в памятке по применению этого артефакта – все равно что забыть повесить на нефтебазе плакат «Не курить!».

– А хрен его знает почему. Этот вопрос, Гурон, уже не ко мне, – ответил интродер. – Зато я вычитал там кое-что гораздо более любопытное. Понятия не имею, откуда в Рыжий Лес прилетел Небесный Паук, но, оказывается, в том мире артефакт «Обруч Медузы» – нечто вроде универсального аварийного пульта управления любой техникой. То есть, если я правильно догадался, техника в том мире управляется силой мысли. Но когда вдруг происходит форсмажор и теряется ментальный контакт с нужным оборудованием, ты можешь взять в руки «Обруч» и путем простых устных приказов переключиться на резервное управление. Что, вероятно, не удалось сделать тем мертвецам из вашего НЛЮ. Либо у них не было такого пульта, либо он тоже вышел из строя. Иначе зачем бы им соваться в Зону, искать «Обруч»? Но меня интересовали не эти бестолковые догадки, а список основных голосовых команд, который наличествовал в той инструкции. Небольшой такой список, но очень уж заманчивый.

Гурон задумчиво склонил голову, посмотрел на торчащий из-за леса купол Небесного Паука и поскреб щетину. Кальтер подбросил сектанту достаточно информации, чтобы тот смекнул, какие цели преследовал Игнат Галаган, выторговывая себе редкий артефакт и устраивая встречу именно здесь, а не где бы то ни было еще.

– Хитрая тварь, – наконец заговорил просветленный Индеец. – Значит, ты решил сбавить нам электронику в обмен на этот... пульт. А пока мы будем заняты монтажом, ты хотел проникнуть на Небесного Паука и посмотреть, чем там можно поживиться!

– Истинно так, – тяжело вздохнул майор, старательно инсценируя безысходность и сожаление по поводу краха всех надежд. – Да на одной высокотехнологичной паучьей безделушке можно сколотить целое состояние! Микропроцессоры хрен знает какого поколения – это ж миллионы баксов! Будь у меня при себе куча «бабок», я бы, конечно, не стал возвращать вам эту железяку, а попробовал сторговаться на иных условиях. Но вот ведь гримаса судьбы: мне пришлось выменивать ключ от пещеры Алладина на главную деталь от бомбы, которой вы собрались взорвать эту пещеру. И молиться, чтобы успеть удрать из сокровищницы до того, как та взлетит на воздух. Нарочно не придумаешь.

Гурон подобрал с земли «Обруч Медузы», повертел его в руке, затем прицелился из него в Небесного Паука, как из пистолета, после чего указал подручным на Эола и распорядился:

– Распутайте ему ноги. А руки свяжите впереди так, чтобы он мог держать это кольцо.

Трое сектантов надели на Кальтера и, волоча его по траве, будто тюк сена, исполнили приказание командира.

– Что ты задумал, Гурон? – с опаской поинтересовался майор, стараясь, чтобы его испуг звучал как можно более естественно.

– Помочь тебе осуществить твою мечту, идиот! – хохотнул Индеец, жестом приказывая бойцам поставить пленника на ноги. – Проверим, лгал ты нам или действительно говорил правду. Вот сейчас пойдешь и опробуешь на практике выученные голосовые команды. А чтобы ты не выкинул никаких фокусов, тебя будет сопровождать... Есть добровольцы?..

Кальтер ненавидел монолитовцев, однако не мог не признать, насколько крепка их самоотверженность, когда командиру потребовался боец, готовый пожертвовать собой ради установления истины. Семь рук почти синхронно взметнулись вверх. Каждый из сектантов не задумываясь предлагал себя в сопровождающие человеку, обязанному испытать им же выдвинутую гипотезу. В случае неудачи испытателя ждала неминуемая гибель, поскольку не факт, что ему повезет отключить систему защиты Паука. А каким образом получить этому подтверждение, особист Галаган не имел ни малейшего понятия. Разве что сам Паук известит его о том, что путь свободен...

Кальтер добился, чего хотел. Но враг вовсе не собирался выпускать хитрого Эола из-под

контроля – мало ли что он там натворит со своим пультом? Во избежание эксцессов один из сектантов должен был идти за спиной майора на расстоянии вытянутой руки. Гурон нарочно отобрал для этой работы самого низкорослого бойца, дабы тот мог укрыться за испытателем, как за живым щитом, на случай если Небесный Паук не подчинится приказу и откроет по ним огонь.

Интрудеру завязали на шее петлю из поясного ремня, другой конец которого намотал на руку сектант, упирающий автоматный ствол между лопаток подконвойного. Доведенная до майора короткая инструкция гласила, что, если его поводок ослабнет или, наоборот, натянется чересчур сильно, конвоир пристрелит «особистскую крысу» без предупреждения. Потом Кальтеру всучили то, за чем он, собственно говоря, сюда и явился, и процессия неторопливо тронулась в путь.

Держа этерналий в вытянутых перед собой руках, словно дрессировщик, обучающий собак прыжкам через обруч, майор добрал до очерченного «Цитаделью» рубежа. После чего понял, что настало время подыграть собственной легенде, и громогласно, во всеуслышание, провозгласил:

– Не стрелять!

Затем продолжил движение прежним неспешным темпом, огибая разбросанные повсюду обугленные останки тел.

– И это все? – с недоверием крикнул ему вслед Гурон. Кальтер не отозвался. Он уже шагал по «своей» территории, и командир сектантов был ему отныне не указ.

Монолитовец позади интрудера напряженно сопел и давил стволом автомата в спину майора так, словно вознамерился пробуравить там дырку. А майор делал все возможное, чтобы не спровоцировать конвоира на выстрел. Помимо нервного напряжения и страха Кальтера терзало жгучее любопытство, чем же в итоге завершится этот спектакль. Даже обладая дядя Костя властью над Святогором, страж таймбота вмиг раскусил бы, что отданный ему приказ не имеет, так сказать, юридической силы. Да и прячущийся за Кальтером враг явно не остался незамеченным зоркой «Цитаделью». Поэтому интрудер был совершенно уверен, что она не подчинится распоряжениям «какого-то там» друга Верданди.

Однако расстояние между испытателями и пройденной ими «полосой смерти» медленно увеличивалось, а Святогор безмолвствовал. Кальтер полагал, что искусственный интеллект таймбота даст хотя бы предупредительный выстрел по ближайшим деревьям, но те как стояли, так и продолжали стоять и, кажется, не собирались превращаться в угли. Наилучший вариант подыграть Святогору – это был, конечно, резкий бросок ничком на землю. Вот тогда «Цитадель» точно перестанет сомневаться, как поступить с проникшим на ее территорию злоумышленником. Но каким бы шустрым прыгуном ни являлся майор, сектант все равно выстрелит раньше, чем изжарится вместе со своим автоматом.

Зато Гурон и прочие оставшиеся по ту сторону незримого рубежа монолитовцы были явно довольны происходящим. Никаких восторженных криков и улюлюканья эта суровая публика, само собой, издавать не стала, но лаконичный обмен удивленными комментариями отчетливо доносился до Кальтера. Интрудер ненароком подумал, что было бы здорово, сунься обнадеженные Индеец со товарищи следом за «первопроходцами» на запретную территорию... Но рассчитывать на такое везение, увы, не приходилось. Мнительные сектанты не настолько самонадеянны, чтобы, даже убедившись в правдивости врага, начать безоговорочно ему доверять.

Шаг за шагом конвоир и подконвойный понемногу добрались до края поляны. Еще дюжина метров, и они ступят под сень деревьев, а потом скроются с глаз наблюдающих за ними зрителей...

– Веди его назад, Чибя! – скомандовал наконец Индеец. – Только будь осторожен и не упусти особиста! Он нам еще понадобится!

– Послушай, Чибя, – вполголоса заговорил Кальтер, стараясь, чтобы его услышал лишь конвоир, – в километре от тебя находится столько богатства, сколько ты в жизни не видел и вряд ли когда-нибудь увидишь. Помоги мне добраться до него, и клянусь: ты получишь половину всего, что мы с тобой найдем. Ты видел, какие внутри Паука находятся летательные аппараты? Да за один такой нам отвалят пару миллиардов долларов! Подумай, Чибя, я

предлагаю тебе стать миллиардером только за то, что ты проводишь меня к Пауку!

Разумеется, интродер не намеревался заключать с монолитовцем никаких договоров. А разговор этот Кальтер завел лишь потому, что нужно было срочно повлиять на ситуацию, которая вновь оборачивалась в невыгодную для него сторону. Если коротышка-сектант при попустительстве Святогора отконвоирует майора обратно к Гурону – пиши пропало. Монолитовцы уверовали в легенду особиста Галагана и теперь однозначно прикончат его, выпытав сначала все известные ему команды для «пульта». Какая разница, что ничего у Индейца не выйдет, а липовая легенда Кальтера пойдет прахом, как только первый же сектант сунется сюда без его прикрытия? Сам-то майор будет уже покойником, а Верданди так и не дожидется жизненно необходимого ей этерналия.

– Заткнись, крыса! – рявкнул Чиба, больно ткнув «особиста» стволом автомата, и дернул за поводок, словно осаживая строптивного пса. – Двигай назад, тебе сказали!

Ремень сильно врезался Кальтеру в гортань, и он закашлялся, но попытки договориться с врагом не прекратил.

– Ты болван, Чиба! – покачал головой интродер, покорно пятясь обратно. – Да ты хоть соображаешь, от каких денег отказываешься?! Миллиарды баксов! У тебя будет свой остров в тропическом море! С дворцом, пляжами, яхтой и служанками-фотомоделями! Все, что от тебя нужно, это...

– Я сказал: захлопни пасть и шевели ногами, гнида! – Пребывающий на взводе Чиба снова рванул поводок, но теперь с удвоенной силой. Плетущийся задним ходом Кальтер не удержал равновесия и споткнулся, повалившись спиной назад...

Этот нервный срыв Чибу и погубил. Надежно укрытый до сего момента за спиной интродера, психанувший конвоир ненароком сбил его с ног, чего, как выяснилось, сам не ожидал. Поводок от такого рывка, естественно, ослабел, но вместо того, чтобы спустить курок, сектант лишь инстинктивно отпрянул назад, не желая быть придавленным падающим пленником. А в следующий миг рухнул на землю сам, сраженный бдительным Святогором. Или, точнее, развалился на части, подобно пережатой глиняной статуэтке.

Майор едва успел откатиться вбок, а иначе его засыпало бы обугленными фрагментами человеческого тела. Патроны в автомате разом взорвались, но взрыв разнес во все стороны лишь брызги расплавленного свинца, металла и пластика, поскольку импульс «Цитадели» уничтожил заодно и оружие сектанта. Как и в случае со вчерашними псевдособаками, Кальтер вновь не увидел ни дыма, ни огня. Всего мгновение назад Чиба орал на пленника и дергал поводок, и вот уже вместо нервного монолитовца возле майора лежит источающая горелый смрад гряда углей, лишь отдаленно напоминающих останки человека.

Кальтер судорожно сглотнул: когда в полуметре от тебя человек за секунду сгорает дотла, словно лист бумаги в струе автогена, это производит впечатление даже на готового к такой экзекуции свидетеля. Интродер понимал, что, если бы беспристрастный компьютерный мозг таймбота оценил степень угрозы выше, ради спасения Верданди Святогор без колебаний пожертвовал бы ее сомнительным товарищем «из местных» и сжег бы дядю Костю на пару с его врагом. Неизвестно, что спасло сейчас майора: статус друга хозяйки или этерналий, который он нес для ее спасения и который побоялась уничтожить «Цитадель».

Интродер стоял на голой поляне с «Обручем Медузы» в руках, неподалеку от спасительного леса, и глядел, как семеро сектантов ведут по нему плотный огонь из автоматов с дистанции в полсотни шагов. Ситуацию можно было бы назвать патовой, если бы между майором и монолитовцами не находился незримый заслон из той же энергии, которая только что обратила Чибу в кучку органических удобрений.

Наблюдаемая Кальтером картина выглядела воистину завораживающей. Десятки пуль влетали в запретную для стрелков зону, натыкались на встречные импульсы «Цитадели» и сгорали без остатка, будто метеоры, в какой-то паре метров от лица майора. Однажды в горах Памира ему уже доводилось наблюдать метеорный дождь. Красивейшее атмосферное явление, оно и рядом не стояло с тем беспрецедентным зрелищем, что развернулось сейчас перед глазами интродера. Адреналин колотил его крупной дрожью, но Кальтер был настолько ошарашен и – чего уж там – восхищен увиденным, что даже не поддавался естественному желанию броситься под прикрытия деревьев. Неподчинение этому вполне здравому инстинкту

выглядело чересчур неуместным бравированием. Пробейся через заслон Святогора хотя бы одна пуля, и она точно не пролетела бы мимо интродера – промахнуться с такой дистанции из автомата по неподвижной цели не сумел бы и школьник. Но даже осознавая это, майор продолжал смотреть, как сторала одна за одной каждая из его несостоявшихся смертей, прочерчивая в воздухе короткий огненный росчерк и исчезая бесследно.

Прежде чем сектанты поняли всю бесплодность своего ураганного огня, они истратили на Кальтера по магазину патронов каждый. Когда же стрельба, а вместе с ней и огненная феерия прекратились, майор и семеро его врагов стояли друг напротив друга одновременно и на близком, и на недостижимом расстоянии, с трудом веря в то, что здесь сейчас произошло. Гурон, Радист и прочие сверлили пройдоху Эола лютыми глазами, а сбросивший с себя чужую личину Кальтер взирал на врагов своим обычным бесстрастным взглядом, который и близко не напоминал потухший взор обреченного на смерть продажного особиста Галагана.

– Повезло тебе, клейменная крыса! – злобно выкрикнул Индеец, указав на Кальтера пальцем. – Но не радуйся: это еще не конец! Настоящее веселье только начинается! Поэтому беги со всех ног, потому что через пару часов от твоего Паука останется лишь жалкая куча металлолома!

И, достав ПДА, начал что-то поспешно набирать на его клавиатуре – надо полагать, объявлял общую тревогу и подымал в воздух оснащенный «Пургой-Д» вертолет.

Не проронив в ответ ни слова, майор развернулся и, не придумав ничего лучше, как воспользоваться советом врага, припустил без оглядки в сторону таймбота. Уложится Гурон в назначенный им самому себе срок или нет, неизвестно, но монолитовец знал хотя бы примерное время до осуществления своих планов. А новая цель Кальтера хоть и стала значительно ближе, все равно продолжала оставаться для него чем-то из разряда фантастики. Невозможно было предсказать, какие еще трудности могут возникнуть на пути у майора. Но так или иначе, а главную преграду он преодолел. Теперь все зависело от того, на чьей стороне окажется сегодня госпожа Фортуна: Гурона или Верданди. Для Кальтера в этой игре исход был уже предрешен...

Глава 16

С момента, как майор расстался со своей спутницей, миновало почти двенадцать часов. Отправив Веру под опеку «Цитадели», интродер был уверен в одном: внутри таймбота девочка будет пусть не в абсолютной, но все-таки в достаточной безопасности. По крайней мере, рядом с нынешней защитой Верданди та защита, какую мог дать ей дядя Костя, и в подметки не годилась. Кальтер торопился в таймбот с едва не обернувшейся фиаско сделки, зная, что по крайней мере от главных превратностей Зоны Вера застрахована и мутанты, аномалии и кровожадные сталкеры ей точно не грозят.

И потому майор был немало огорошен, когда, возвратившись на место расставания с Верданди, обнаружил ее сидящей на траве у гравелифта, чья кабина стояла неподалеку. Решив поначалу, что девочка спустилась, дабы встретить его с победой – пусть промежуточной, но все равно весьма значительной, – Кальтер, однако, вскоре смекнул, что на дружескую встречу это совсем не похоже. Заметив его, Вера как-то неловко поднялась с земли, но не побежала к дяде Косте, а осталась стоять на месте, да к тому же разревелась в голос.

Кальтер давно уяснил, что Верданди – не истеричка и не плакса. И потому, увидев ее в таком беспросветном отчаянии, сразу понял: пока он отсутствовал, случилось нечто ужасное. Или того хуже – непоправимое. Но едва майор бросился к девочке, она тут же окриком заставила его остановиться:

– Стой, дядя Костя! Не подходи! Тут... тут опасно!

– Что случилось? – спросил не на шутку обеспокоенный Кальтер. Но предостережению Веры внимая и застыл на месте как вкопанный.

– Ано... ано... аномалия! – захлебываясь плачем, кое-как проговорила Вера.

– Где, черт подери?! – Интродер присмотрелся, но никаких аномалий поблизости не обнаружил. Хотя детектор сигнализировал о них не переставая. Но в Рыжем Лесу он вообще редко умолкал, и майор думал, что радар фиксирует те аномальные очаги, что находились в

сотне метров севернее.

– Я на ней стою! – призналась Верданди, указав пальчиком себе под ноги.

– Ты уверена? – недоверчиво переспросил Кальтер, присмотревшись и вроде бы не обнаружив возле девочки ничего подозрительного.

– Да, – хлюпая носом, закивала она.

– Замри на месте и не шевелись! – приказал майор. – Сейчас подойду и тебя вытащу.

– Да я и так... не шевелюсь! – прохныкала Вера. – Эта штука меня схватила и... и не отпускает! Совсем!

– Ладно, замолкни! – бросил Кальтер. – Разберемся, что там у тебя за штука.

Верданди послушно замолчала, правда, плакать так и не прекратила. Интродер аккуратно, по полшага, начал приближаться к маленькой заложнице непонятно чего. Если девочка действительно угодила в аномалию, а не провалилась ногой в какую-нибудь нору или щель, значит, Кальтеру такие аномалии в Зоне еще не попадались.

За время, пока спасатель подбирался к жертве, он успел рассмотреть, что левая нога Веры и впрямь утоплена по середину голени в какой-то кочке, а не находится за ней, как это казалось издали. Кочка была покрыта сухой травой и сосновыми иголками, но сама являлась не земляным наростом, а шарообразным студнем величиной с добрую тыкву. Любопытно, что трава не прилипала к бокам этого студня, как прочий подножный мусор, а росла прямо из него, будто иглы у дикобраза. Пленившая Верданди аномалия не выглядела грозно, как, например, «Электра» или «Жарка», но недооценивать ее коварство было бы очень и очень глупо.

Кальтер приблизился к девочке и обнаружил валяющуюся рядом с ней на траве «ВМК». Если бы не отсутствие других оставленных майором вещей и тот факт, что он лично проследил, как прошлой ночью лифт увез спутницу наверх, можно было бы подумать, что она вообще не покидала это место. Хотя нет, комбинезон на ней определенно новый, а значит, Вера успела пройти санитарный карантин и переодеться. Тогда какого черта она опять явилась сюда, да еще с оружием?..

– Прости меня, дядя Костя! – всхлипывая, взялась оправдываться Верданди, после того как майор озвучил свой вопрос и, опустившись на колени, взялся изучать студенистый шар со всех сторон. – Я просто хотела тебе помочь! Святогор все время следил за тобой и когда увидел, что те сталкеры захватили тебя в плен, я... я...

– Ты решила меня освободить! – закончил за нее Кальтер, едва не схватившись за голову от святой простоты этого ребенка. И сам тоже хорош: казалось, предусмотрел все, что только возможно, а такой элементарный вариант упустил из виду.

– Ага, – ничуть не смутившись, подтвердила Вера. – Мы же друзья! Святогор сказал, что не может достать тех сталкеров из пушек, вот я и подумала, что спрячусь в лесу и перестреляю твоих врагов из засады. Я попробовала стрелять из твоей винтовки, и у меня получилось! Видишь дырку вон в том дереве? Туда я и целилась. Меткий выстрел, правда?

– Стрелять-то ты быстро научилась, а вот под ноги смотреть – нет, – сокрушенно покачал головой Кальтер, заканчивая осмотр аномалии и усаживаясь перед Верой на траву. – Глупая, глупая девчонка!

– Я знаю, что глупая... – потупившись, согласилась Верданди. – Ведь я совсем забыла тебе сказать, что этерналий нельзя класть на железо и вообще... трогать его металлическими предметами, потому что... от этого возникает темпоральный био-коллапс! Папа несколько раз предупреждал меня об этом, а я, дура, забыла. Прости, дядя Костя.

– Ладно, проехали мы твой коллапс. Давай теперь с тобой разбираться. Нога болит?

– Нет, мне не больно. Честно. Ни капельки. Только... Только... Откуда мне было знать, что прямо на выходе из лифта окажется эта «Колодка»? Раньше ее вроде бы здесь не было.

– «Раньше не было», – незлобиво передразнил интродер наивную девчонку. – Забыла, где мы с тобой находимся? Чего тут нет, может через секунду уже быть. Особенно когда дело касается всякой аномальной заразы... Погоди-ка, ты сказала «Колодка»? Тебе что, известно, как называется эта аномалия?

– Ну да, – подтвердила девочка обреченным тоном безнадежного больного. – Ее в фильмах про Хемуля показывали. И папа про нее тоже читал.

– Слава богу, – немного воспрянул духом Кальтер. – Название – это уже кое-что. Значит,

информация о «Колодке» обязательно найдется в сети. Сейчас поищем способ, как тебя освободить. Главное, не переживай. Видишь, я достал твой этерналий. Это ведь этерналий? Меня не обманули?

– Да, это он, – не то чтобы радостно, но уже не так мрачно пробубнила Вера. – Ты молодец, дядя Костя. Я верила, что у тебя обязательно все получится. Как ты меня и учил.

– Ты тоже молодец. Думаю, ты непременно показала бы этим мерзавцам, как стреляют гимназистки из будущего, – похвалил Кальтер в ответ несостоявшуюся карательницу сектантов. После чего глянул на часы, обнадеживающе подмигнул спутнице и приступил к поиску нужной информации.

Результаты поиска свели на нет весь оптимизм майора, чего он, разумеется, не выказал даже полунеадекватно. Сведений о «Колодке» было кот наплакал. Возможно, историки будущего о ней и знали, но сегодня эта аномалия считалась достаточно редкой – официально зарегистрированных встреч с ней набралось всего полдесятка. Но хуже всего было то, что способа безболезненного освобождения от липучей заразы не существовало. Всем угодившим в нее сталкерам пришлось в итоге ампутировать ногу. Как только ни пробовали уничтожить «Колодку» товарищи пойманных ею сталкеров: пытались выдрать студень из земли, рубили его топором, жгли огнем, поливали жидким азотом, травили всяческими химикатами – все без толку. К тому же по прошествии недели захваченная аномалией нога начинала гнить заживо, а у одной жертвы «Колодки» даже началось заражение крови, и запоздалая ампутация того бедолагу уже не спасла...

Вера немного успокоилась, перестала плакать и теперь смотрела на занятого сетевым поиском майора с огоньком робкой надежды в глазах. А Кальтер ощущал себя с каждой минутой все отвратительнее и отвратительнее – так, словно это он загнал несчастного ребенка в жуткую ловушку. Что, если вдуматься, было недалеко от истины. Но у интродера не оставалось времени корить себя за чудовищную халатность. Он еще не опробовал последний вариант поиска выхода из практически безвыходного положения. И если уж это не поможет, значит, придется расспрашивать Верданди о принципе запуска темпорального генератора, тщательно запоминать технологию этого процесса, а потом делать девочке общий наркоз, обкалывать обезболивающим, накладывать жгут и...

– Вот, нашел несколько способов, – не моргнув, солгал Кальтер в глаза ребенку. И даже ценой невероятных усилий выдавил из себя ободряющую улыбку. – Не поможет один – попробуем другой, авось какой-нибудь да сработает... А в твоём кино Хемуль как от «Колодки» избавился?

– Никак. Он в нее ни разу не попадал, – вновь помрачнела Вера, и майор с ужасом подумал, что ребенок раскусил его наглую ложь. К счастью для интродера, ему это лишь почудилось. – Это друг Хемуля, сталкер по имени Хе-Хе, однажды в «Колодку» вляпался. А потом на него вдобавок напал снарк. Сначала я думала, что мутант его сожрет, потому что Хе-Хе не был главным героем, а обычно режиссеры только таких и убивают... Но когда сталкер и монстр начали бороться, снарк случайно тоже вступил в «Колодку». Хе-Хе же в этот момент взял и выпрыгнул. А снарк застрял. Ну ты понимаешь: они вроде как поменялись местами, потому что «Колодка» – она только одну жертву держать может, а двух уже не умеет. Или размягчается от этого, или еще чего с ней происходит... Не знаю. Папа мне тогда сказал, что это все сказки и так не бывает.

– Бывает, не бывает... – задумчиво пробормотал Кальтер, опускаясь на колени перед аномалией. – Откуда твой папа вообще мог знать такие подробности? А вот мы с тобой сейчас это точно выясним.

И, ничтоже сумняшеся, вонзил левый мизинец в студенистый бок «Колодки».

– Дядя Костя, ты с ума сошел?! – ужаснулась Верданди и даже отпрянула от явно рехнувшегося, по ее мнению, майора. Однако аномалия крепко держала девочку за ногу, и Вера, забыв в испуге об этом, растянулась на траве рядом с коленопреклоненным интродером. А он сделал из маленького происшествия соответствующий вывод и погрузил в колодку вдобавок к мизинцу безымянный палец. Ощущение при этом было таким, словно Кальтер вонзил руку в банку теплого солидола.

– Дядя Костя!.. – опять захныкала было Вера, но майор грубо оборвал ее:

– Если хочешь избавиться из этой заразы, молчи и делай, как я говорю! А ну, дерни ногой! Верданди подергала: никакого результата.

– Сильнее! – приказал Кальтер. – Тяни до тех пор, пока не станет больно! Терпи, но тяни! Давай, я в тебя верю!

Девочка испуганно покосилась на дядю Костю – дескать, точно сбрендил, – но послушно ухватила себя за лодыжку и, скривив от напряжения личико, начала усердно вырывать ногу из ловушки.

– Что чувствуешь? – полюбопытствовал майор спустя четверть минуты. – Поддается?

– Не-а, – помотала головой пыhtящая Верданди. – Вообще никак... Даже-даже нет.

– А теперь? – снова осведомился интродер, утопив в «Колодке» руку сразу до половины кисти. «Срань господня, неужто я и впрямь это делаю?» – возникла в голове у Кальтера и была моментом изгнана паническая мысль.

– Ой, вроде бы шевельнулась! – обрадованно воскликнула Вера. – Нет, серьезно, дядя Костя: я правда почувствовала, как нога шевелится!

– Не отвлекаться! – прикрикнул на спутницу Кальтер, и та, засопев, снова взялась за пока что безрезультатную работу. Личико Веры покраснелось и покрылось потом, но теперь, когда у нее появился первый ощутимый результат, она принялась за дело с еще большим воодушевлением.

– Двигается! Двигается! Дядя Костя, она движется! – взхлеб затараторила Верданди. Увлеченная собственным спасением, она не замечала, что левая кисть интродера уже целиком погружена в аномальный студень.

– Давай, давай! – подбодрил ее Кальтер и, заметив, как упершийся в землю правый башмак Веры скребет дерн в опасной близости от «Колодки», предостерег: – Осторожнее! Следи за другой ногой! Не попадись опять!

– Пошла! Дядя Костя! Нога пошла! Вот это да! – Войдя в раж, девочка пропустила предупреждение мимо ушей, и ее свободная нога уже почти касалась склизкого бока желеобразного шара. Еще немного, и Вера не только аннулирует свой достигнутый тяжким трудом результат, но и увязнет в «Колодке» обеими ступнями.

Завидев это, майор отринул сомнения, задрал повыше рукав комбинезона и, совершив короткий мобилизующий вдох, вонзил в аномалию руку сразу до середины предплечья. Только такая радикальная мера и оградила Верданди от неминуемой ошибки. А также ослабила хватку аномалии настолько, что позволила девочке одним рывком окончательно высвободить лодыжку из капкана. Ее победный крик разнесся по поляне финальным аккордом этой короткой, но напряженной битвы. Сама же Вера вскочила на ноги, запрыгала и зааплодировала, будто только что завоевала главный приз в ответственных спортивных соревнованиях.

Кальтер подергал левую руку в надежде, что «Колодка» смилуется и пощадит пожертвовавшего рукой человека. Тщетно. Как и в том фильме, о котором рассказывала Вера, герой освободился из ловушки ценой того, что в ней пришлось увязнуть монстру... Значит, кино все-таки не врало и снимавший его режиссер опирался на достоверные исторические факты. А вот папа Верданди ошибался: то, во что он отказывался верить, сейчас спасло жизнь его отважной дочери.

– Дядя Костя! – Победную радость девочки как ветром сдуло, когда она наконец-то поняла, почему ее спутник все еще стоит на коленях перед аномалией. – Как же так, дядя Костя?.. Но ведь теперь ты сам... там...

– Ты разобралась с карантинной системой таймбота, как я тебя просил? – поинтересовался Кальтер.

– Да, я ее отключила, но...

– Молодец. Теперь возьми этерналий! – не терпящим возражения тоном приказал майор.

Не сводя вытаращенных глаз с погруженной в «Колодку» руки интродера, девочка, точно сомнамбула, подобрала светящееся кольцо, вцепилась в него обеими руками и растерянно встала возле Кальтера.

– Хорошо, – похвалил он Веру и отдал ей следующее распоряжение: – А теперь ты сядешь в лифт, поедешь наверх, выйдешь и пришьешь лифт назад за мной. А я пока вытащу руку из «Колодки».

– Как ты ее вытацишь, дядя Костя? – ошарашенно любопытствовала Верданди. – Кто тебе в этом поможет?

– Разве я не говорил, что нашел в сети несколько способов, как выбраться из этой аномалии? – изобразил удивление майор.

– Говорил, – едва слышно согласилась Вера.

– И почему тогда ты задаешь мне такие дурацкие вопросы? Я обещал, что добуду «Обруч Медузы», и я его добыл. Сейчас я обещаю, что выберусь из «Колодки» и приеду к тебе на лифте, как только ты прилетишь его за мной. Хочешь поспорить, что у меня ничего не получится?

– Нет, не хочу, – замотала головой девочка и робко попросила: – А можно, я останусь и посмотрю, как ты это сделаешь? Я не буду мешать, честное слово!

– Я бы с удовольствием, но, к сожалению, это исключено, – отрезал Кальтер и уточнил: – Видишь ли, тот способ, который я буду использовать, требует, чтобы вблизи ста метров от «Колодки» не было ни одного артефакта. Поэтому, если ты не отвезешь «Обруч Медузы» наверх, мне придется воспользоваться другим способом, а он очень болезненный. Ты же не хочешь, чтобы мне было больно, так ведь?

– Я увезу этерналий, дядя Костя, – пообещала Вера. – И сразу же пришлю тебе лифт. Только ты постарайся побыстрее, ладно?

– Не волнуйся, – ответил Кальтер. – Времени у нас в обрез, поэтому буду спешить, как могу. И ты тоже поторопись. Как поднимешься и отправишь лифт, сразу же приступай к монтажу. И чтобы к моему приезду все работало, ясно?..

Хвала профессиональной предусмотрительности «мизантропа»: перед тем как выйти на ту злополучную поляну для сделки с сектой, он оставил неподалеку под деревом маленькую заначку. На случай, если вдруг сектанты сочтут трюк Эола со взрывчаткой блефом, начнут стрельбу и майору придется убежать от них под защиту «Цитадели». При таком агрессивном исходе переговоров Кальтер мог шутя нарваться на пулю. И дабы не бежать, истекая кровью, через лес к таймботу, интродер припрятал на опушке аптечку и нож. Которые, разумеется, на обратном пути не забыл подобрать.

Майору посчастливилось отделаться от сектантов малой кровью, и аптечка ему не понадобилась. Поэтому он решил, что и дальше она ему не пригодится – по крайней мере, в ближайшие часы. В таймботе наверняка можно запастись более современными лекарствами и протянуть на них столько времени, сколько отмерит интродеру судьба. Загадывать наперед Кальтер и раньше не любил, а сегодня и подавно избегал прогнозов на будущее. Двадцать лет он вальсировал со смертью и потому привык быть ее кавалером на каждом кровавом балу, куда ангажировало «мизантропа» Ведомство. Вот и теперь Кальтер и его неизменная партнерша вновь танцевали свой извечный танец, и если на сей раз Костлявой вдруг захочется поцеловать старого приятеля, значит, так тому и быть...

Намертво схваченный «Колодкой» майор открыл аптечку и разложил возле себя ее содержимое, добавив к нему нож и «ВМК». Да, лихой пируэт вознамерилась крутануть с ним смерть, прежде чем поцеловать кавалера взасос... Ну да ладно, время уходит, Гурон готовится к атаке на Небесного Паука, а дядя Костя нужен сейчас Вере там, наверху... Пока интродер в состоянии держать винтовку, он будет защищать Верданди от монолитовцев. «Пурга-Д» не уничтожит таймбот – «умная» ПРК всего лишь выведет из строя его оружейную батарею. После чего сектантам придется проникнуть внутрь Паука, чтобы поступить с ним так, как поступили они с гравикоптером и его пассажирами. Иной политики «Монолит» в Зоне не исповедовал.

Кальтер знал, что как минимум одному из его братьев-интродеров доводилось заниматься в полевых условиях тем, чем намеревался заняться он сейчас в ожидании лифта. Не важно, что тот бедолага зажег кисть упавшей на нее бетонной плитой, а майор добровольно сунул руку в аномалию. Главное, кто-то до него уже сумел осуществить подобное, а значит, сможет и Кальтер. По крайней мере, в данный момент вокруг него не свистят пули, а в аптечке имеются мощные обезболивающие и кровоостанавливающие препараты. Главное, действовать быстро, выверенно и сохранить рассудок, чтобы успеть вколоть себе противошоковую сыворотку, перебинтовать конечность и доплестись до лифта. Ну а дальше как карта ляжет.

Проводив взглядом увозящий Верданди лифт, Кальтер всадил себе в руку лошадиную

дозу обезболивающего и, чувствуя, как немеет предплечье, крепко-накрепко затянул у локтя жгут. Первоочередная проблема, стоявшая перед ампутатором, – а точнее, сразу две таковых, – представляла собой локтевую и лучевую кости, которые было невозможно перерезать ножом, а тем паче самостоятельно. Оставался один выход – перебить их точными выстрелами из «ВМК». Стрелять предстояло в упор, что было чревато рваными ранами и избытком костяных осколков плюс осложнялось ожогом тканей пороховыми газами. Но об этом Кальтер переживал в последнюю очередь. Выстрелить себе в руку он тоже сумеет; невелика проблема – приставить к предплечью ствол и два, максимум три раза спустить курок. Больше всего майора волновало то, хватит ли у него затем выдержки перерезать ножом остатки мягких тканей и завершить ампутацию. Даже при тройной инъекции обезболивающего проделать такое над самим собой было сродни нечеловеческому подвигу.

Что ж, пора... Кальтер дал Верданди обещание поторопиться, да и вообще, мешкать в подобном деле – все равно что озадачиваться дилеммой «Быть или не быть» в самый разгар жаркого боя. Интродер всадил в предплечье шприц с кровеостанавливающей сывороткой, заодно проверив этим уколом, насколько оно онемело, потом уселся поудобнее, взял «ВМК» в правую руку, нащупал стволом под кожей локтевую кость – начинать, так с самой крепкой из двух, – и процедил:

– Ну что, доволен Хабиб Ибн Зухайр? Наорался? Теперь моя очередь!

После чего совершил резкий выдох, стиснул зубами ворот комбинезона и нажал на спусковой крючок...

Затем сместил ствол чуть правее и выстрелил еще раз.

Обезболивающее здорово помогло майору. Но, поскольку он не дал лекарству подействовать в полную силу, боль в перебитой руке вспыхнула такая, что в глазах Кальтера потемнело, а из груди вырвался дикий вопль. И хоть из-за крепко прикушенного воротника вопль этот являл собой лишь яростное мычание, интродеру все равно казалось, будто он орет во всю глотку и бедная Вера наверняка слышит его душераздирающий крик.

Но не мешкать, не мешкать!.. Секунда промедления, и он, обезумевший от боли, не только не сумеет закончить операцию, но и вообще не отыщет лежащий рядом нож.

Отшвырнув винтовку, орущий майор вцепился ходящей ходуном рукой в рукоять кинжала и занес его над простреленным предплечьем. Удачно или нет угодили пули, определить не удавалось. Две рваные сквозные раны, торчащие из них осколки костей и льющаяся из перебитых сосудов кровь – вот и все, что видел майор замутненным взором. Уперев лезвие в кожу между этими ранами – или, говоря языком геометрии, соединив прямой две нужные для решения задачи точки, – Кальтер надавил на кинжал изо всех сил и, благодаря отработанным до автоматизма навыкам владения ножом, отсек-таки собственную руку.

Лишь в самом конце ампутации, за миг до того, как майор избавился от «Колодки», что-то крепкое – или не до конца перебитая кость, или сухожилие – помешало лезвию идеально пройти через мягкие ткани руки. Не останавливаясь, Кальтер взмахнул кинжалом, будто саблей, и двумя рубящими ударами разделался с этой проблемой.

Свой голос майор уже не слышал. Казалось, крик изливался из него не через глотку, а прямо из вибрирующих легких передавался всему телу и таким образом заставлял его трястись, как под воздействием электротока. Глаза застила багровая пелена, но каким-то чудом заостреннейшие пальцы интродера выпустили кинжал, схватили шприц с противошоковой сывороткой и вонзили его в изувеченное, но теперь уже свободное от «Колодки» предплечье.

Инъекция адреналина оказалась крайне своевременной. Сыворотка встряхнула уже с трудом соображающего майора, и хоть при этом она добавила ему новой боли, зато худо-бедно прояснила мозги и позволила довести до конца начатую процедуру. Майор отер салфеткой кровь, щедро сыпнув на культю бактерицидного порошка, после чего, придерживав непослушный конец бинта зубами, взялся туго бинтовать изуродованную конечность. Эта достаточно простая при обычных условиях работа стоила сейчас интродеру нечеловеческих усилий – так, словно он наматывал на руку не бинт, а жесть или толстую стальную проволоку.

В ходе этого энергоемкого мучительного занятия Кальтера дважды стошнило, и один раз он чуть было не лишился сознания. Но когда позади него послышался звук открываемых дверей вернувшегося гравелифта, бинтование было почти завершено. Майор больше не кричал,

а лишь глухо стонал, перекосив лицо и скрипя зубами. Кровь быстро пропитывала бинт, и по прибытии наверх интродеру требовалась новая перевязка. Но он рассчитывал, что при помощи медицинского оборудования таймбота справиться с этой тяжелой задачей будет гораздо проще.

Подобрав «ВМК» и нож, Кальтер прижал культю к груди, кое-как поднялся и, еле волоча ноги, поплелся в гравелифт. Майора мутило и шатало из стороны в сторону, отчего ему приходилось опираться на винтовку, как на трость. Но тем не менее интродер стоически прошел весь этот короткий, но безмерно мучительный путь, ни разу не упав. И только ввалившись в лифтовую кабину, Кальтер позволил ногам подкоситься и в изнеможении рухнул на пол.

– Я здесь, Вера! – прохрипел он сорванным голосом, полагая, что девочка непременно его услышит. – Я пришел! Вытаскивай меня отсюда!

Двери гравелифта закрылись, а вместе с ними закрылись и глаза Кальтера, впавшего в забытие от шока и потери крови. Поэтому первое близкое знакомство майора с техникой будущего выдалось для него отнюдь не торжественным. Вернее, он его вообще не запомнил. А когда Кальтер пришел-таки в себя, он уже находился на высоте птичьего полета от земли – там, где до него не бывал еще ни один сталкер...

– Дядя Костя! Ну очнись же, дядя Костя! – умоляла Верданди, настойчиво тормоша Кальтера за плечо.

– Отойди, а то испачкаешься, – кое-как разлепив веки, пробормотал майор, после чего собрался с силами и, нащупав на стене лифта поручень, начал подниматься.

– Что с тобой случилось?! – взволнованно спросила Вера, только теперь заметив, во что превратилась левая рука спутника.

– Все в порядке, – ответил Кальтер, подбирая с пола винтовку и принимая вертикальное положение. – Просто твоя «Колодка» меня немного укусила. Но я с ней быстро разобрался.

– Тебе надо срочно в лазарет! – категорично заявила девочка. – Пойдем, я отведу тебя туда.

И подлезла интродеру под руку, словно и впрямь могла утащить на себе его восьмидесятикилограммовое тело.

– Да, в лазарет не помешало бы, – согласился майор, ковыляя к выходу из лифта и стараясь опираться не на хрупкие плечики Веры, а на винтовку. – Но только ненадолго – сделать пару уколов, руку перевязать, и баста. Покажи дорогу – я сам дойду... А ты – живо марш чинить свой генератор! Нечего тратить время на всякую ерунду... Большой дядька может сам о себе позаботиться.

– «Колодка», она что, откусила тебе руку?! – Выйдя на свет из полутемного лифта, Вера окончательно разглядела, какая беда постигла Кальтера. При виде крови, сочащейся на пол из неряшливо забинтованной культи, глаза девочки округлились от ужаса, а челюсть отвисла. Казалось, еще немного, и она грохнется в обморок, добавив лишних проблем и без того погрязшему в них майору.

– Подумаешь, незадача, – нарочито невозмутимо отозвался интродер, едва сдерживаясь, чтобы не стонать от боли. – Новая отрастет. Я разве тебе не рассказывал, что в Зоне на одном болоте живет настоящий доктор Айболит, который может вылечить все, что угодно? Вот отправлю тебя домой и сразу пойду к нему лечиться. Говорят, его болото где-то здесь, недалеко... Ладно, хватит мне зубы заговаривать! Показывай, где лазарет, и бегом марш работать!..

От ведущего к лифту маленького коридорчика можно было направиться прямо или наверх по движущейся наклонной дорожке-транспортёру. Бегло осмотревшись, Кальтер понял, что изнутри таймбот поделен на два яруса. Нижний – судя по всему, жилой и технический – был разбит на отсеки множеством перегородок и освещен светом маленьких, но ярких ламп. Верхний ярус являл собой единый просторный зал с опоясывающим его по окружности гигантским панорамным окном. В центре зала находился массивный агрегат, чья вычурная обтекаемая форма не вызвала у майора никаких ассоциаций. Возле панорамы располагались различные интерактивные экраны, похожие на увеличенные копии карманного пульта Верданди, посредством которого она общалась со Святогором. Напротив каждой панели управления имелось по три мягких кресла, показавшихся интродеру чересчур роскошными для

служебной мебели. Очевидно, из этих кресел Вера и ее погибшие родители созерцали злополучный Великий Штурм, обернувшийся трагедией не только для десятков сталкеров, но и для этого мирного семейства из далекого будущего.

Верданди повела Кальтера вперед, а не наверх. Ступив на решетчатый пол проходящего через весь ярус коридора, майор глянул под ноги и рассмотрел сквозь мелкие ячейки решетки, что внизу – там, где у «юлы» располагается конусообразный кончик, – находится еще один маленький ярус. На нем были установлены в круг три большие – в рост человека – прозрачные капсулы, а между ними – похожий на алтарь столик. Впрочем, терзаемый болью, Кальтер не стал спрашивать, что это там, внизу. Все, на чем были зациклены его мысли, – это приведение себя в боеспособную форму. Если сектанты успеют-таки нанести удар до того, как Вера восстановит темпоральный генератор, майор намеревался встретить их во всеоружии.

Лазарет был оборудован в одном из отсеков, расположенных в центральной части круглого уровня. Майор ожидал встретить типичную больничную палату, уставленную разнообразным «футуристическим» оборудованием. Но вместо этого увидел лишь стоящее посередине совершенно пустой, стерильно белой комнаты кресло, похожее на те, что обычно устанавливались в стоматологических кабинетах. К нему и повела интродера девочка.

– погоди, – воспротивился он, когда Вера попыталась усадить его в кресло. – Что ты собираешься делать?

– Буду тебя лечить, – по-деловому ответила Верданди. – «Колодка» откусила тебе руку. Ты что, хочешь ее так и оставить?

– Сколько времени займет твое лечение? – забеспокоился Кальтер.

– Сколько надо, столько и займет, – отрезала девочка. – Если как следует не обработать рану, через час ты истечешь кровью и умрешь. Я этого не допущу! Садись, кому говорят! Не бойся, в нашем веке уколы уже больно не ставят и иглками раны не штопают.

«Кто бы боялся!» – глянув на изуродованную руку, хотел проворчать майор, но Вера не дала ему и рта раскрыть. Ловко подтолкнув обессиленного интродера к креслу, она практически вынудила Кальтера плюхнуться в него, а иначе пациент попросту грохнулся бы на пол.

– Общий наркоз! – громко скомандовала девочка неизвестно кому. – Анализ травмы и программа первой помощи!

– Эй-эй! Постой! – вновь запротестовал майор. – Ты что творишь?! Какой еще наркоз!..

Больше он ничего сказать не успел, потому что в этот миг что-то мягкое и влажное коснулось его шеи – ни дать ни взять собака языком лизнула, – и сознание опять оставило Кальтера. Последнее, что он успел заметить, это пришедшие в движение стены лазарета, будто какой-то великан вдруг начал мять их снаружи, как алебастр. Хотя, возможно, это была галлюцинация – мало ли что пригрезится напичканному обезболивающими препаратами, потерявшему много крови человеку?..

Глава 17

Очнулся Кальтер в той же пустой комнате с белыми стенами, только теперь Верданди рядом не было, а кресло превратилось в узкую, но удобную кровать. Майор практически сразу вспомнил, где он находится и что с ним происходило до того, как он попал в лазарет таймбота. Благодарить за ясность рассудка, очевидно, следовало наркоз двадцать второго века, не имеющий побочных эффектов, характерных для анестезии века нынешнего. Что ни говори, а будущее есть будущее. Жаль только, жить в эту пору прекрасную Кальтеру уж не придется...

Интродеру так и не удалось увидеть, каким образом функционировала медицинская программа таймбота. Самое удивительное, что он продолжал лежать, облаченный в комбинезон и ботинки, хотя, оказавшись майор в обычной больнице, с него первым делом сняли бы всю одежду и нарядили в пижаму. Кальтер присмотрелся. Да нет, похоже, в этом лазарете его тоже подвергли кое-какой санитарной обработке. Причем вместе с комбинезоном, который пусть и не блестел, как новенький, но был тщательно очищен от грязи. И в теле ощущалась свежесть – стало быть, по нему тоже как минимум прошли влажной губкой.

А вот за что действительно следовало поклониться Верданди в пояс, так это за ухоженную левую руку, которая хоть и продолжала болеть, но больше не кровоточила. Повязка на ней

сияла белизной и была наложена с такой аккуратностью, на какую способен разве что высококлассный санитар. Надо полагать, что под повязкой все вычищено и заштопано на совесть. В довершение майор расстегнул комбинезон и убедился, что на ребрах тоже красуется новенький удобный бандаж. И сделан он был не из эластичного бинта, а из чего-то цельного и более мягкого; из чего именно, Кальтер не определил, поскольку никогда раньше не сталкивался с таким медицинским материалом.

Неплохо его подлечили, что ни говори. Небось пару часов на это точно ушло...

Вот дьявол! Время! Трижды проклятое время! Сколько его еще у него осталось?..

Майор соскочил с кровати, которая тут же приняла прежнюю форму кресла, и обнаружил в углу комнаты весь свой арсенал. Схватив ПДА, Кальтер первым делом глянул на таймер в углу экрана и выяснил, что с момента, когда он в последний раз сверялся с часами – а было это аккуратно перед его решающей битвой с «Колодкой», – и впрямь миновало почти два часа. А если вести отсчет времени от расставания с Гуроном, то и все три! Плохо! Очень плохо, учитывая то, что Верданди до сих пор находится здесь...

Интрuder подобрал оружие и направился к двери лазарета. Едва пациент приблизился, дверь тут же услужливо распахнулась, выпуская Кальтера в коридор. Получив свободу, майор осмотрелся, гадая, куда запропастилась Верданди, и решил начать ее поиски с верхнего яруса. Где еще может находиться капитан корабля перед стартом, если не на капитанском мостике?

Именно там Вера и была. Дорожка-транспортёр доставила гостя в самое просторное помещение таймбота, которое майор успел мельком осмотреть при выходе из гравифлита. Девочка неторопливо прохаживалась вокруг той самой громоздкой конструкции, чей вид не навёл Кальтера ни на какие ассоциации, и снимала показания с мониторов. Очевидно, это и был темпоральный генератор, из-за которого разгорелся столь грандиозный сыр-бор в Зоне и за ее пределами. В руке Верданди держала свой карманный пульт с развернутым экраном, что-то периодически нажимала на нем пальчиком, затем внимательно глядела на окружающие генератор большие экраны, качала головой и снова возвращалась к пульта. По озадаченному виду хозяйки Кальтер понял, что у нее возникли какие-то затруднения.

– Проблемы? – поинтересовался интрuder, приближаясь к увлеченной работой девочке.

– Ой, дядя Костя! – встрепенулась она, только сейчас заметив появившегося на «мостике» Кальтера. – Быстро ты проснулся! Как твоя рука?

– Рука в порядке, – отмахнулся майор. – Спасибо тебе большое за помощь – наверное, ты спасла мне жизнь. А теперь забудь о моей руке и расскажи, что здесь происходит.

– Пока все хорошо, вот только... – Девочка осеклась, словно побоялась сказать нечто такое, что обидит гостя.

– Что «только»? – поторопил ее с ответом интрuder.

– Только это немножко не тот этерналий, который нам нужен, – виновато проговорила Вера и тут же поспешила уточнить: – Нет-нет, дядя Костя, ты не пугайся – он не поврежден и вполне годится для темпортирования. Просто этот «Обруч Медузы» излучает слишком мало энергии для того, чтобы быстро наполнить его пусковые конденсаторы и запустить генератор. Наверное, те плохие сталкеры хотели тебя обмануть и подсунули «недозрелый» артефакт. А может, у них просто не было другого «Обруча».

– Все ясно, – кивнул майор, вникая в суть проблемы. – Сколько тебе еще нужно времени, чтобы зарядить конденсаторы для темпортирования?

– Часов восемь-девять, – неуверенно ответила Вера. – Раньше никак не получится. При старте темпоральный генератор расходует много энергии, а сейчас его конденсаторы почти пусты.

– У нас нет в запасе столько времени, – уточнил Кальтер. И, мгновение помешкав, решил-таки довести до ребенка всю страшную правду: – Я боюсь, что у нас с тобой даже и часа лишнего не осталось. Таймбот в опасности – у тех плохих сталкеров имеется оружие, которым они могут победить Святогора.

– В двадцать первом веке нет такого оружия, – помотала головой Верданди.

– Хотелось бы надеяться, что у наших врагов ничего не выйдет. Но я бы не стал на это рассчитывать, – возразил интрuder. – Их оружие весьма и весьма коварно. Поэтому ты должна срочно придумать, как нам ускорить процесс зарядки конденсаторов. Или использовать

какой-то резервный вариант твоего темпортирования.

– Такой вариант есть, – с неохотой призналась девочка. – Но он нам не подходит.

– Извини, не понял? – наморщил лоб майор. Он и впрямь был озадачен ее странным ответом. – Что значит «не подходит»? А ну-ка растолкуй!

– Внизу, под жилой палубой, есть еще три минибота для экстренного темпортирования, – пояснила Вера. – Но они работают по другой системе. И нам с тобой она не подходит, понятно?

– Почему?

– Потому что тогда я не могу забрать тебя с собой, дядя Костя, – нахмурилась Верданди. – Чтобы воспользоваться системой экстренного темпортирования, надо вынуть этерналий из генератора и положить его на специальный стартер, который за пять минут выкачает из «Обруча Медузы» всю его энергию. После этого артефакт полностью разрушится. Обычный этерналий способен темпортировать зараз три минибота. Но наш слабенький «Обруч» вытянет только один – я уже провела тесты. Поэтому нам с тобой такой вариант не подходит. Мы отправимся в будущее на таймботе – только так я и ты сможем очутиться там вместе.

– О господи! – прозревший Кальтер стукнул себя по лбу. – Неужели ты и впрямь решила, что дядя Костя тоже хочет темпортироваться в твой век?

– А разве нет? – округлила глаза Вера. – Ведь у меня там, кроме бабушки, больше никого не осталось. А ты мог бы... Ну, в общем...

Верданди не договорила и, обиженно насупившись, примолкла.

– И чем бы я занимался в твоём будущем? – горько усмехнулся Кальтер. – Рекламиривал сигареты и прочие товары для взрослых?

– Я бы нашла тебе у нас хорошую работу, – заверила его девочка. – И татуировку бы твою свела, конечно, если она тебе надоела.

– И как бы на это посмотрели ваши власти? Ведь я буду для них нелегальным эмигрантом во времени, а по закону таких принято депортировать обратно.

– Ты бы меня удочерил! – прямо в лоб, без обиняков, оглоушила майора Верданди. – И тогда ни один темпоральный инспектор не посмел бы выгнать в прошлое моего отца!

У поперхнувшегося от такого безапелляционного заявления майора отвисла челюсть.

– Внимание, Верданди! – разнесся по залу из невидимых динамиков голос Святогора, а на одном из ближайших мониторов возникло его суровое бородатое лицо. – С юго-востока в нашем направлении движется военный вертолет! Радарная система, которой он сканирует таймбот, мне неизвестна. Характер вероятной атаки определить не могу. «Цитадель» приведена в состояние повышенной боеготовности! Советую всем находящимся на борту пассажирам и членам экипажа спуститься в убежище!

– Святогор, ты можешь организовать визуальное наблюдение за вертолетом? – спросил встрепёнувшийся Кальтер, не сводя глаз с ошарашившей его в очередной раз девочки. Причём ошарашившей так, что интродер едва сумел вникнуть в смысл того, о чем сообщил им Святогор.

– Виноват, дядя Костя, – отозвался страж таймбота, – но для выполнения твоей просьбы мне необходима санкция Верданди.

– Выполняй все просьбы дяди Кости, Святогор, – тяжело вздохнув, ответила Вера, явно раздражённая тем, что их разговор с майором был прерван в самый нежелательный момент.

– Приказ понял, Верданди, – подтвердил искусственный интеллект «Цитадели». – Организую визуальное наблюдение за вероятным противником. Дядя Костя, подойди к пятому пульту.

Интродер вопросительно взглянул на девочку, и она, потупив очи, указала ему на интерактивную панель, располагавшуюся у панорамного окна с той стороны, откуда приближалась угроза. Кальтер тоже был не в восторге от того, что их беседа закончилась на такой неопределённой и одновременно ошеломляющей ноте. Но как ни хотелось майору подвести этот разговор к какому-нибудь финалу, увь, время выяснения отношений закончилось. На горизонте появился Гурон, и раз уж он уверенно вел вертолет к Небесному Пауку, значит, «Пурга-Д» готова нанести по нему свой высокотехнологичный удар.

Дальномер таймбота показывал, как стремительно сокращается расстояние до вражеского «Ми-24». Он взлетел с форпоста сектантов на Военных Складах и, совершив промежуточную

посадку, судя по всему, где-то в районе известного Кальтеру и Вере поселка, теперь заходил на цель, оснащенный четырьмя противозенитными ракетами и неся в утробе десантную группу.

Майор предполагал, что, как и прежде, в десантный отсек вертолета набилось восемь монолитовцев, включая Индейца. Большое количество десантников «Ми-24» был нести не в состоянии. Но что мешало пилотам высадить одну штурмовую команду и тут же подобрать с земли следующую? Семеро сектантов поджидали вертолет с платой ЦМТ, еще восемь бойцов он мог доставить с базы. С такими силами придется вести бой Кальтеру, конечно, если «Цитадель» не отобьет атаку секретного ПРК. Интродер надеялся на лучшее, но готовился только к самому худшему. Впрочем, как и всегда...

Гурон имел представление о дальнбойности орудий Небесного Паука, но все равно предпочел не приближаться к опасной зоне, а начал круговой облет цели на недосягаемом для «Цитадели» расстоянии. Изучая таймбот со всех сторон, сектанты загружали электронный мозг «Пурги-Д» всей доступной информацией о противнике, дабы провести атаку с максимальной эффективностью. Кровожадная акула, кружащая возле плавающих в воде жертв кораблекрушения, иного сравнения не подобрать. Камеры таймбота неотрывно следили за вертолетом, хотя он был уже различим и невооруженным глазом – черное пятнышко в серых небесах, все маневры которого были хорошо заметны через панорамное окно.

– Что ты стоишь?! – рассерженно бросил через плечо Кальтер топчущейся позади него Вере. – Быстро снимай этерналий и беги запускать минибот!

– А как же?..

– Без разговоров! Время дорого, поэтому делай, что говорят!

Верданди хотела сказать что-то еще, но поняла, что у нее не получится переспорить несговорчивого дядю Костю, и направилась к темпоральному генератору. Кальтер обернулся, проконтролировал, что девочка приступила к работе, и снова вернулся к наблюдению за противником.

Вертолет облетел Небесного Паука по периметру, затем пошел на второй круг, но вскоре сбавил скорость до нуля и, развернувшись носом к цели, завис в воздухе. Почему враг избрал именно эту позицию, Кальтер пока не догадывался. И для него, и для Гурона наступал кульминационный момент. Если замысел сектанта провалится, он может разворачиваться и улетать восвояси. А интродер – в спокойной обстановке решить, каким образом отправить Веру домой, поскольку вряд ли в ближайшие восемь-девять часов у «Монолита» созреет другой план прорыва обороны таймбота.

Однако замешательство Святогора в идентификации «Пурги-Д» напрямую указывало, что создатели «Цитадели» слыхом не слыхивали о существовании в начале двадцать первого века этого уникального ПРК. И стало быть, программа противодействия ему в защитной системе таймбота отсутствовала. Конечно, не стоило исключать, что имеющиеся у него в арсенале средства тоже окажутся вполне действенными, но тут уж как повезет. Обычная катапульта и катапульта, заряженная греческим огнем, – разные вещи. И если ты обезопасил себя от обстрела булыжниками, не факт, что твоя оборона устоит, когда на нее посыплются бочки с зажигательной смесью. Прогнозировать исход столкновения технологий прошлого и будущего можно лишь на бумаге. История мировых войн пестрела примерами, когда стрелы оказывались эффективнее пуль, а пули старинных винтовок выводили из строя напичканную электроникой ультрасовременную боевую технику.

Издав было не разобрать, когда Гурон выстрелил из ПРК, но на экране монитора этот момент был виден довольно отчетливо. Подвешенная на левой оружейной консоли вертолета, «Пурга-Д» залпом выплюнула сразу все ракеты, которые тут же разлетелись в разные стороны и помчались на цель широким фронтом.

– Враг атакует! – мгновенно оживился Святогор. – Четыре ракеты по курсу северо-восток. Фиксирую цели! Десять секунд до вхождения ракет в зону поражения! Семь! Шесть! Пять!..

Ситуацию осложняло то, что, обучая Кальтера извлечению из ракетной установки стратегических деталей, ее создатели, соблюдая секретность, сочли ненужным разъяснить интродеру принцип действия уникального комплекса. Кальтер обратил внимание на то, что ракетные микрочипы-сателлиты разительно отличаются от вполне обычной на вид электроники самого ПРК. А если быть точным, начинка каждой из четырех ракет не имела ничего общего с

электронными компонентами подобного рода оружия. Не знай майор, с чем имеет дело, он и вовсе не догадался бы, что перед ним – ракетный блок управления. Кальтер вообще затруднялся, пытаясь сравнить это оборудование с каким бы то ни было другим. В ракетах «Пурги-Д» отсутствовали привычные микросхемы, провода и полупроводниковые детали, а нужный майору микрочип напоминал скорее свернутую в рулончик сетку из тонкой проволоки, пусть и обозначался стандартным для таких компонентов термином.

«Мизантроп» подозревал, что уникальность этого оружия кроется не только в его неординарном техническом устройстве. Уничтожить натовский зенитный комплекс «Тайтан Скай», в пику которому была изобретена «Пурга-Д», обычными противозенитными средствами было бы столь же трудно, как и охранную систему тайм-бота. Кальтер лишь знал, что ракеты секретного ПРК поражают цели не обычным взрывным зарядом, а чем-то таким, что невозможно сбить на подлете даже шквальной огневой завесой. Предсказать, насколько окажутся «сообразительны» в этом плане импульсные пушки Небесного Паука, было нереально.

– ...Четыре! Три! Два!.. – продолжал Святогор считать секунды до входа ракет в зону досягаемости его орудий. Однако, вместо того чтобы завершить отсчет и открыть огонь по целям, внезапно доложил: – Цели самоуничтожились! Повторяю: цели самоуничтожились!

– Не может быть! – встрепнулся Кальтер, напряженно следивший за радарным монитором. Майор и без помощи наблюдательных приборов засек четыре синхронные вспышки и в первый миг решил, что «Цитадель» сделала-таки свое дело. Но сообщение Святогора о самоуничтожении ракет повергло интродера в замешательство. – Произвести детальный анализ взрывов! – скомандовал Кальтер, который, в отличие от искусственного интеллекта таймбота, отказывался признавать факт исчезновения целей.

На обработку запроса у Святогора ушло несколько секунд, после чего последовал отчет, подкрепленный замедленной видеозаписью процесса самоликвидации одной из ракет:

– Причиной уничтожения цели явился взрыв реактивного двигателя, расколовшегося при этом на шесть крупных обломков. Остальные части ракеты разлетелись в пыль. Ее облако растворилось в атмосфере до такой концентрации, что в данный момент его невозможно засечь радаром «Цитадели». Процесс разрушения идентичен для всех четырех ракет и, судя по всему, был инициирован оператором ракетного комплекса.

– Пыль! – сообразил майор, уцепившись за самую странную деталь озвученного ему отчета. – Срочно определить фронт ее распространения и химический состав!

– Задействую высокочувствительный атмосферный анализатор, – отозвался Святогор и вскоре доложил: – Концентрация исследуемой пыли в воздухе по-прежнему незначительна. Двигается вместе с ветряным фронтом с северо-востока в нашем направлении. Анализ химического состава будет проведен через пять секунд. Четыре! Три!.. Внимание, концентрация пылевого облака резко усиливается! Частицы пыли движутся автономно от потока ветра! Спектральный анализ невозможен! Внимание, визуальный анализ показывает, что исследуемое пылевое облако состоит из микродеструкторов первого поколения! Сбой темпоральной программы! Тревога! Угроза первой степени!

– Огонь по облаку из всех орудий! Сжечь его! – приказал Кальтер, даже не став выяснять, что за штуковина – эти микродеструкторы. Зато мигом сообразил, почему Гурон развернул вертолет носом в подветренную сторону.

Наверняка Святогор приступил бы к устранению опасности и без приказа дяди Кости. Расслышать стрельбу импульсных пушек было невозможно, но, согласно выведенной на монитор информации, батарея Небесного Паука начала шквальный обстрел надвигающегося на таймбот смертоносного облака. Орудия, способные сжигать на лету даже пули, выставили на пути миллиардов микродеструкторов плотный энергетический заслон. Однако уже через несколько секунд выяснилось, что предпринятые «Цитаделью» контрмеры безнадежно запоздали.

– Микродеструкторы прорвали заградительный щит! – все тем же бесстрастным тоном доложил Святогор. – Их количество сократилось на сорок четыре процента, но степень угрозы остается прежней. Неуничтоженные боевые единицы противника закрепились на обшивке и движутся к орудиям.

Кальтер наблюдал по монитору, как на схематическом изображении таймбота формируются красные бесформенные кляксы, которые затем начинают перемещаться и концентрироваться у оружейных позиций. «Цитадель» уже спрятала пушки в корпусе и задраила бойницы, но микродеструкторы продолжали быстро подтягиваться к ним, явно не намереваясь отказываться от своих намерений.

– Что происходит? – в нетерпении спросил Кальтер у стража таймбота. – Доложи о характере угрозы!

– Микродеструкторы – колония самоконирующихся биоконбернетических организмов с предельно ограниченным сроком жизни, – выдал справку Святогор. – Они запрограммированы на одну цель: поиск и разрушение конкретного объекта с последующим самоуничтожением. В данном случае объектами являются оружейные установки, координаты которых были заранее введены в блок централизованного управления пребывающих в анабиозе биоконбернетических организмов. Согласно моей темпоральной программе, первые микродеструкторы должны встать на вооружение военных структур лишь через восемнадцать лет. Заложенная в мою память информация не соответствует действительности. Из-за этого программного сбоя я не сумел вовремя выявить угрозу и принять необходимые меры к ее предотвращению. Количество прорвавших оборону микродеструкторов достаточно для того, чтобы полностью вывести из строя «Цитадель». Святогор рекомендует Верданди воспользоваться миниботом экстренного темпортирования, а дяде Косте – немедленно покинуть таймбот и удалиться от него на безопасное расстояние.

Майор обернулся и посмотрел на Веру, которая все еще крутилась возле темпорального генератора.

– Что ты там копаешься?! – окликнул ее интродер. – Не слышишь, что тебе сказано: пора проваливаться отсюда!

– Да слышу, слышу! – обиженно прокричала в ответ Верданди. – Думаешь, это так легко: прервать зарядку и вытащить этерналий из генератора?

– Поторопись! – на всякий случай наказал ей Кальтер и опять уставился на виртуальную схему Небесного Паука, где красные кляксы уже завершили движение и теперь отмечали собой каждое оружейное гнездо на корпусе. Майора, однако, интересовало не это, а люк, проделанный у самой верхушки купола и накрытый похожим на шляпку гриба защитным навесом. Согласно схеме под ним располагались не импульсные пушки, а камеры кругового наблюдения, поэтому микродеструкторы туда и не сунулись.

Пока интродер изучал верхнюю часть обшивки, расползшиеся по Небесному Пауку незримые биоконбернетические террористы нанесли свой фатальный удар. Грохот сотряс таймбот, словно на него откуда ни возьмись обрушился камнепад. Мимо окон пронесся дождь из мелких обломков неизвестно чего: не то задраивающих бойницы люков, не то разорванных на части пушек. Вслед за этим красные кляксы на мониторе разом исчезли, а вместо них засверкали опять-таки красные предупредительные отметки. Они извещали о каждом вышедшем из строя оружии и множественных мелких пробоинах корпуса. Суммировала эти предупреждения большая пульсирующая надпись внизу экрана, которая сообщала о полном отказе охранной системы «Цитадели». Надо полагать, нацеленный на Небесного Паука радар «Пурги-Д» вот-вот известит Гурона о том же самом.

Святогор взялся было докладывать о повреждениях, но Кальтер его перебил.

– Срочно убрать оттуда видеокамеры и доставить меня на эту позицию! – распорядился он, ткнув пальцем в верхушку купола на интерактивной схеме обшивки.

– Приказ понял. Высылаю подъемник, – с готовностью отозвался искусственный интеллект таймбота.

– Две минутки, дядя Костя! Еще две минутки, и я закончу! – Верданди явно предугадала, что нарвется на очередное замечание, и потому, поймав устремленный на нее взгляд Кальтера, не дала ему и рта раскрыть.

Две минутки... Майор глянул в окно: маячивший до этого в отдалении вертолет задрал хвост и стремительно приближался к Небесному Пауку. Маленький безопасный анклав, который создали в Рыжем Лесу пропавшие путешественники во времени, только что прекратил свое существование. И теперь «Монолит» собирался окончательно вернуть себе то, что было

завоевано им по праву сильного – главенствующему праву для обитателей Зоны...

Высланный Святогором Кальтеру подъемник оказался уменьшенной копией гравифлифта и работал по тому же принципу. Сначала из-под купола ударили вниз два параллельных луча, а уже по ним, как по направляющим, спустилась маленькая двухместная платформа, похожая на те, что используют мойщики окон высотных зданий, только летающая. Майор повесил на плечо валявшийся у генератора доверенный Вере на хранение подсумок с остатками боеприпасов, запрыгнул в подъемник, и тот без дополнительных указаний помчал пассажира к месту назначения. А пока интродер возносился под своды зала, Святогор убрал с пути дяди Кости все, что мешало ему воспользоваться выбранной огневой позицией: измерительные приборы, камеры и удерживающие их на верхотуре консоли.

Кальтер извлек из подсумка магазин с последними, припасенными им на черный день, десятью бронебойно-зажигательными патронами и перезарядил винтовку. Да уж, денек – чернее не бывает. Жаль, не осталось кумулятивных ракет, которыми интродер подрывал бронетехнику Чупренко в «Агропроме». Вот они бы сегодня действительно пригодились. А может, и нет – чтобы метко стрелять из подствольной ракетницы одной рукой, нужно иметь кое-какую сноровку. Увы, майор сомневался, сумеет ли он вообще в таком состоянии вести результативный огонь из «ВМК», не говоря об иных действиях, требующих хорошей координации. Ампутировать себе руку, а через два часа снова рваться в бой – не самая удачная мысль. Но, за неимением выбора, Кальтеру приходилось уповать на свой многолетний опыт приспособления к разного рода непредвиденным ситуациям, что случались с «мизантропом» почти в каждой командировке.

Благодаря тому, что винтовка Кальтера была сделана по современной системе «Буллпап», крепление у «ВМК» магазина с патронами осуществлялось позади спускового крючка. А впереди него располагалась упорная рукоятка, за которую интродер прежде держался левой рукой при стрельбе. Сейчас, когда держаться за эту рукоятку ему было нечем, тем не менее лишней она не оказалась. Поменяв магазин, майор примерился и, отжав регулировочный стопор, перецепил подвижную рукоять так, чтобы ее было удобно зажимать сгибом левого локтя. Затем опробовал новую изготовку для «однорукой» стрельбы, направив ствол «ВМК» в окно и взяв на прицел приближающийся вертолет. Нельзя сказать, что целиться было удобно, как раньше, но все равно гораздо эргономичнее, нежели удерживая оружие одной рукой...

Вертолет! Проклятье, кажется, Гурон опять действовал вопреки прогнозам майора! Вместо того чтобы взлетать над Небесным Пауком и высаживать ему на купол десантную группу, «Ми-24» шел прямо на панорамное окно и замедлял ход. Кальтер предположил, что, перед тем как взорвать таймбот, сектанты захотят исследовать его на предмет поиска уникальных технологий, а стало быть, постараются на первых порах воздержаться от вандализма. Как бы не так! Похоже, Гурон с поделщиками собирался произвести десантирование по наименее рискованному варианту и расчистить перед высадкой плацдарм при помощи бортового орудия вертолета.

– Вера, бросай все и беги вниз! – закричал Кальтер, добравшийся на подъемнике почти под самый купол зала. – Быстро уходи! Ну же!..

– Еще немного, дядя Костя! Всего минутку! – крикнула в ответ Верданди. Она тоже видела вертолет, но явно не понимала, с какими намерениями враги приближаются к панорамному окну.

– Оставь «Обруч» и дуй вниз, кому говорят! – рявкнул Кальтер, благо отменная звукоизоляция таймбота не мешала майору и девочке расслышать друг друга из-за нарастающего снаружи шума.

Вера вздрогнула – не так уж часто она видела дядю Костю в гневе, – испуганно глянула на летящую с северо-востока винтокрылую машину и только после этого бросила работу и припустила к ведущей на нижнюю палубу транспортной дорожке. Подъемник тем временем доставил интродера под свод купола и остановился. Последние метры до люка интродеру предстояло добираться по приделанной к потолку железной стремянке. Но прежде чем заняться этой трудоемкой для калеки работой, Кальтер повесил винтовку на плечо, извлек из подсумка альпинистскую мини-лебедку и прицепил ее к поясу. Какой бы надежной ни выглядела техника будущего, подстраховаться все равно не помешает. А тем более накануне грядущей бури...

Кальтер и не надеялся, что панорамное окно переживет залп 23-миллиметрового вертолетного орудия, произведенный с дистанции в дюжину метров. Даже стены Небесного Паука вряд ли выдержали бы подобную атаку, но стрелять наобум по корпусу таймбота сектанты, пожалуй, не станут. А вот пройти из скорострельной пушки по верхней палубе, чтобы очистить ее от противника и заодно выбить перед вторжением крепкие оконные стекла, – это Гурону раз плюнуть. За себя интродер не переживал, поскольку сомнительно, чтобы пилот «Ми-24» обнаружил под куполом огромного зала засевшего в потолочных конструкциях человека. Впрочем, Вера тоже вовремя смекнула, что разгневанному Кальтеру лучше не перечить, и улизнула с линии огня до того, как вертолетная пушка шарахнула по тому месту, где только что находилась девочка.

Едва не цепляя Небесного Паука винтом, «Ми-24» завис напротив панорамного окна и, открыв огонь, стал неторопливо смещаться влево, двигаясь боком вокруг цели и при этом все время удерживая нос наведенным на нее. Надо отдать должное создателям таймбота: первые попадания крупнокалиберных пуль панорама все-таки выдержала. Но так как те сыпались на нее нескончаемым шквалом и с небольшого расстояния, выдержки этой стеклам хватило ненадолго. Северо-восточный сектор окна сначала покрылся трещинами, а потом взорвался шрапнелью мелких осколков, брызнувших в зал вкупе со свинцовым градом. После чего облетающий Паука противник взялся методично, пролет за пролетом, уничтожать панораму, а вместе с ней и все, что находилось на верхней палубе.

Обломки мониторов, пультов, кресел, а также детали корпуса – все это сплеталось в стеклянно-свинцовую мешанину, носившуюся по залу сокрушительным вихрем. Особенно досталось возвышающемуся в центре палубы генератору. Из-за круговой траектории движения вертолета большая часть его пуль непременно ударяла в генераторный кожух. Он же оказался на поверку единственной пуленепробиваемой целью в зоне поражения вертолетного орудия. Свинец молотил по генератору безостановочной дробью, но в защитных панелях темпорального оборудования не появилось ни одной пробоины. Оно покрывалось вмятинами и деформировалось, постепенно становясь похожим на скомканную в кулаке фигурку оригами, и все-таки продолжало стойко выдерживать десятки пулевых попаданий. Впрочем, это еще не означало, что монолитовцам было не по зубам уничтожить генератор. Просто сейчас Гурон не ставил перед собой такой задачи и очищал верхнюю палубу от противника, а не старался произвести на ней максимум разрушений. Хотя на самом деле выходило иначе.

Кальтер убедился, что Верданди убежала достаточно далеко, и, не дожидаясь окончания канонады, начал карабкаться по лесенке к люку. Преодолев половину пути, майор глянул вниз и понял, что поступил мудро, прихватив с собой свою верную лебедку. Летаящая платформа, которая без особых усилий вознесла его под своды зала, вдруг напрочь утратила подъемную силу и рухнула вниз с головокружительной высоты. Интродер заметил, что направляющие подъемник лучи погасли. Очевидно, это и послужило причиной аварии. А причиной исчезновения лучей, безусловно, стали вражеские пули, повредившие соответствующий технический узел.

Кальтер не стал звать Святогора и проверять, функционирует ли искусственный интеллект таймбота. Все равно из-за ворвавшегося в выбитое окно вертолетного шума и усилившего его пулеметного грохота майор ничего не расслышал бы. Вместо этого интродер закончил восхождение и высунулся из люка. Сделать это удалось лишь по грудь – мешал полусферический навес, защищающий видеокамеры от непогоды и прямых солнечных лучей. Теперь в предназначенном для них проеме обосновался Кальтер с винтовкой, пристегнутый для удобства и безопасности лебедочным карабином к верхней перекладине лестницы. Позиция была далека от идеальной и не позволяла вести огонь по зависшему над головой вертолету. Поэтому майору требовалось ловить момент и стрелять по «Ми-24», как только тот покажется над куполом.

Доносившаяся снизу канонада стихла. Судя по всему, Гурон распорядился прекратить огонь, не дожидаясь, когда «Ми-24» совершит полный облет Небесного Паука. Далее сектантам предстояло провести короткую визуальную проверку результативности обстрела. А затем – десантироваться на купол и спуститься с него по фалам через выбитое панорамное окно на верхнюю палубу. Кальтер полагал, что здесь он точно предугадает ход мысли командира

монолитовцев. Разве только того не осенит идея взорвать пару паучьих ног и уронить циклопическую конструкцию на Рыжий Лес. Но в этом случае все упиралось в экономическую сторону вопроса. Чтобы подломить даже одну могучую подпорку таймбота (и то лишь в теории), «Монолиту» пришлось бы истратить на порядок больше взрывчатки, чем если бы Гурон просто заложил точечные заряды внутри Паука и превратил его в огромную выжженную консервную банку. Как бы ни была богата секта, тратить такое количество взрывчатых веществ лишь на то, чтобы полюбоваться падением стального колосса, она явно не станет. В отличие от живого, мертвый Небесный Паук никому не мешал, и, значит, о нем можно было благополучно забыть.

Возможность кругового обзора позволила Кальтеру быть готовым к вторжению врага с любого направления. Но вести неусыпное наблюдение за всеми секторами купола не пришлось – шум вертолета отчетливо раздавался с юга. Определив, откуда прибудет десант, майор расположился поудобнее, пристроил на изувеченной руке винтовку и навел ее в сторону летающей цели.

С момента появления «Ми-24» и до того, как он оказался вне досягаемости засевшего под навесом стрелка, прошло от силы пять секунд. Уповающему на фактор внезапности Кальтеру пришлось стрелять быстро и как можно более метко. Но, если насчет первого условия он не переживал, то выполнение второго стояло под вопросом до последней секунды. Боль в ампутированной руке и неустойчивая позиция не позволяли майору рассчитывать на прежнюю меткость, и он компенсировал ее скоростью нажатия на спусковой крючок.

Из десяти выпущенных Кальтером бронебойно-зажигательных пуль только половина угодила в цель. Майор сразу отказался от попыток прикончить пилота. Огонь велся под невыгодным для стрелка углом, и все пули в таком случае неминуемо срикошетили бы от бронированных стекол кабины. Пробить их наверняка с позиции интродера было попросту нереально. Ось несущего винта, трансмиссия и турбина – именно их выбрал Кальтер в качестве мишеней. Он открыл стрельбу, едва вертолетный винт показался над краем купола, а истратил последний патрон, когда «Ми-24» уже практически вышел из сектора обстрела.

Насколько удачной получилась атака майора, выяснилось, как только вертолет завис над куполом и снизился для выброски десанта. Мерный вой вертолетной турбины внезапно прервал оглушительный хлопок, после чего двигатель «Ми-24» выбросил облако черного дыма и пошел вразнос, наполнив атмосферу резким стрекочущим лязганьем. Видимый Кальтеру из-под навеса вертолетный хвост опасно закачался вправо-влево – вероятно, пилоты пытались совладать с управлением подбитой машины. Ценой героических усилий им это пока удавалось, хотя вырывающийся из турбины дым и несмолкаемый лязг указывали на то, что долго удерживать ситуацию под контролем экипажу явно не удастся.

Гуруну и семерым его подручным пришлось десантироваться на таймбот в экстремально сжатый срок, да еще и рискуя угодить под удар винта болтающегося из стороны в сторону «Ми-24». Спрыгнув на купол, монолитовцы тут же попадали ниц, дабы не подставить голову под винтовые лопасти, но вместо них нарвались на пули интродера, поджидающего врагов в своем невидимом с воздуха укрытии. Остаток на треть израсходованного магазина «ВМК» был заполнен обычными патронами, которыми Кальтер не преминул обстрелять вражеский десант, пока тот не рассредоточился по куполу.

Впрочем, сектанты уже догадались, кто подбил вертолет. Произведя высадку, они с ходу открыли ответный огонь по вероятным укрытиям противника, коих на вершине купола было не так уж и много. Майор успел прикончить выстрелом в голову лишь одного врага и двух легко ранить. Хотя, пребывая Кальтер в прежней форме, он наверняка уложил бы еще парочку мерзавцев до того, как те его вычислили.

Едва последний десантник спрыгнул на купол, как теряющий управление вертолет в очередной раз опасно накренился, и его неумолимо поволокло в сторону, прочь от таймбота. В турбине снова что-то взорвалось, и на сей раз вместе с дымом наружу вырвалось пламя. Похоже, экипаж стремительно проигрывал борьбу с поврежденной машиной. Она еще удерживала в воздухе равновесие, но качало ее так, словно вертолет угодил в ураганный ветер. Если пилотам повезет дотянуть до опушки Рыжего Леса и посадить «Ми-24», значит, эти ребята могут по праву считать, что родились в рубашке.

На месте высадки десанта остался лежать лишь один подстреленный интродером враг. Прочие моментально рванули врассыпную, поливая неприцельными очередями расскреченную позицию Кальтера. Пули зазвенели по металлическому навесу и начали ricochetить от поверхности купола вокруг люка, будто намекая майору, что пора ретироваться туда, где имелось больше места для маневров. Интродер намек понял и, оттолкнувшись ногами от лестницы, заскользил по лебедочному тросу вниз.

Однако, памятуя о хитрой тактике сектантов, жертвой которой Кальтер едва не стал в подземелье «Агропрома», майор повременил спускаться напрямик на разгромленную палубу. Съехав на пару метров, «мизантроп» застопорил трос, качнулся на нем и, уцепившись за потолочные консоли, остался висеть под куполом зала. Наученный прошлым опытом, Кальтер не собирался дать изловить себя на одну и ту же уловку.

Не прошло и пяти секунд, как мимо задержавшегося под сводами майора пролетели две гранаты. Обе они упали аккуратно туда, куда только что должна была приземлиться их несостоявшаяся жертва. Шарахнув почти одновременно, взрывы разметали устилавшие пол обломки оборудования, добавили несколько новых вмятин на кожухе генератора, но иного вреда не причинили. Правда, парочка осколков чиркнула по потолку в опасной близости от верхолаза, но на такой высоте их разлет был достаточно большим и укладывался в стандарт допустимого для «мизантропа» риска.

За окном, оставляя за собой густой дымовой след, пронеслась бронированная туша «Ми-24». Болтающемуся под куполом Кальтеру было отчетливо видно, как совершенно неуправляемый вертолет задел брюхом верхушки сосен и камнем рухнул на восточную окраину Рыжего Леса. Обломки винта и перерубленных им деревьев взметнулись вверх и скрылись в огненном облаке ударившего им вслед пламени. Подобно гигантскому бумерангу, оторванный вертолетный хвост описал в воздухе дугу и, по злой причуде судьбы, долетел-таки до лесной опушки, куда, видимо, и хотели приземлиться пилоты на своей горящей машине. Сама же она развалилась на части и, объятая огнем, осталась лежать в окружении поваленных деревьев, того и гляди норовя стать причиной лесного пожара.

Поняв, что бомбардировка гранатами прекратилась, Кальтер завершил спуск, отцепил от лестницы карабин и, смотав по привычке трос, поспешил к искореженному генератору. Подсумочный ремень оттягивал плечо искалеченной руки, и майор, воспользовавшись спокойной минуткой, рассовал на ходу содержимое подсумка по карманам комбинезона. Затем отшвырнул ненужный груз и заглянул в технический отсек, где до обстрела копалась Верданди.

Три из четырех удерживающих «Обруч Медузы» крепежных фиксаторов были раскручены, а на последнем отсутствовала лишь половина шпилек. Кажется, Вера лукавила, когда заверяла дядю Костю, что до окончания демонтажа у нее оставалась всего минутка. Благодаря сверхпрочному кожуху камера, в которую был заряжен этерналий, не пострадала. Но звать девочку обратно, чтобы она завершила работу, интродер, само собой, не намеревался. Очень скоро на верхнюю палубу должны были пожаловать монолитовцы. Майор заметил на плече каждого из них смотанный фал, а значит, в настоящую минуту противник подготавливается к спуску. На куполе полно выступов, за которые можно зацепить тросы, поэтому предугадать, откуда последует вражеская атака, было возможно лишь приблизительно.

Майор не недооценивал боевой опыт Гурона и потому мог представить, как тот организует штурм верхней палубы. Оптимальный вариант вторжения выглядел следующим образом: враг обязательно разделится на две-три группы, синхронизирует их спуск и появится в зале, соответственно, с двух-трех направлений, так, чтобы с ходу открыть кинжальный огонь по противнику, в какой бы части зала он ни прятался. После ураганного вертолетного обстрела в панораме уцелел лишь один фрагмент – северный, – до которого так и не добрался отныне вышедший из игры «Ми-24». Стекло на этом фрагменте покрылось трещинами от шальных пуль, но тем не менее еще могло стать преградой на пути спускающихся с купола верхолазов «Монолита». Что, впрочем, Кальтера не особо утешало. Контролировать остальной разгромленный участок панорамы было ненамного проще, чем в одиночку держать круговую оборону.

– Дядя Костя! – окликнула майора Верданди, поднимаясь с нижней палубы по транспортеру, что вышел из строя наряду с остальной техникой. Девочка в нерешительности

топталась на входе: не осмеливалась войти в разгромленный зал или опасалась снова прогневать интродера. – Ты цел, дядя Костя? Я так за тебя боялась! Мне можно выходить?

– Я в порядке! – отозвался Кальтер. – И этерналий вроде бы тоже! А ты беги вниз, к миниботам, и спрячься там получше! И смотри, не выходи из укрытия, пока я не разберусь с проблемами и сам не приду к тебе!

– Я хочу тебе помочь, дядя Костя!

– Ты мне здорово поможешь, если будешь сидеть внизу, как мышка, и не мешать дяде Косте работать! Не волнуйся, я сумею извлечь артефакт из генератора.

– Хорошо! – не стала перечить Вера, но перед уходом добавила: – Только ты не забудь о том, о чем мы с тобой говорили, ладно? Это очень важно. Очень-очень.

– Не забуду, клянусь, – пообещал майор и, проводив глазами убегающего ребенка, пробормотал: – Папа Костя... Надо ж было дожить до такого!.. И ради чего, спрашивается, нарушил устав?..

Положив винтовку на стиб изувеченной руки, Кальтер попробовал вынуть шпильки фиксатора «Обруча» пальцами. Не получилось. Очевидно, Вера использовала для этого какой-то инструмент, который она второпях унесла с собой или бросила где-то возле технического отсека, но во время обстрела он попросту затерялся среди обломков. Интродер ухватился за артефакт и подергал его. Кажется, можно попытаться расшатать и сломать фиксатор, тем более что сделан он, по всей видимости, из обычного пластика... Ладно, разберемся. Не время отвлекаться на демонтаж. Если Гурон и его бандиты по какой-либо причине не замешкались, сейчас они должны спускаться по скатам купола к выбитому панорамному окну.

Пуленепробиваемая обшивка генератора служила для интродера единственным надежным убежищем на верхней палубе. Больше скрыться на ней было негде, а отступить на нижнюю – означало подвергнуть Веру излишнему риску и оставить этерналий врагу. Майор прикрыл раскученную заслонку технического отсека (жаль, запереть ее от греха подальше было уже нельзя) и устроился так, чтобы уцелевший оконный пролет располагался у него за спиной. Затем положил винтовку на измятую генераторную панель, прибавил к ней одну из оставшихся гранат, а из запала второй вытащил предохранительное кольцо. Делать это пришлось прямо как в низкопробных кинофильмах – зубами. Но Кальтер поступил так не от избытка куража, а по вполне объективной причине. Из-за нее же пришлось перед этим разогнуть стопорные «усики» на чеке первой гранаты. Интродер был готов к смерти, но сломать себе перед этим зубы ему, один черт, не хотелось.

Зажав готовую к взрыву гранату в кулаке, интродер замер, прислушиваясь к доносившимся снаружи звукам. Гурон и компания не намеревались переть напролом и действовали предельно осторожно. Отчего, сами того не желая, позволили майору насладиться потрясающими мгновениями затишья перед бурей. Сколько майор ни сетовал на судьбу, подкидывающую ему испытание за испытанием, а все-таки следовало признать, что она не лишена чувства гармонии. Это ж надо: в круговороте всех этих передрыг подарить Кальтеру секунды такой неестественно глубокой тишины, в которой наполовину оглохшие от канонады уши интродера даже расслышали, как шумит ветер в кронах Рыжего Леса.

Ни дать ни взять сама Зона затаила дыхание в ожидании развязки этой странной истории...

В умиротворенном безмолвии звяканье выплунутого майором и упавшего на пол кольца гранаты показалось Кальтеру натуральным ударом боксерского гонга. Занятно, но сектанты тоже будто бы расслышали этот гонг и восприняли его как сигнал к началу атаки. Семь фалов – три с юго-восточного сектора купола и четыре – с юго-западного – дружно влетели в оконный проем, сброшенные монолитовцами за миг до начала вторжения. Не успели еще скрученные в бухты тросы распутаться и упасть на пол, а по ним уже скользили вниз сектанты. Каждый из семи штурмовиков палил при этом из автомата, прикрывая тем самым себя и приятелей. Стрельба, понятное дело, велась не прицельно, поскольку вряд ли сектанты так быстро заметили бы спрятавшегося за генератором Кальтера. Но даже слепой огонь из семи стволов мог обеспечить штурмовым группам вполне сносную защиту, столь необходимую им в момент освобождения от фалов.

Как и предполагалось, враги отказались вышибать стекло, потому что это наверняка помешало бы им скоординировать атаку сразу с двух направлений. Гурон понадеялся на более практичную тактику, компенсировав ее предсказуемость плотным заградительным огнем. Пули монолитовцев ворошили рассыпанные на полу обломки и стеклянное крошево, звенели по обшивке генератора и с хрустом лупили по растрескавшемуся оконному пролету за спиной Кальтера. Что ни говори, а убившая тишину прелюдия грандиозного концерта выдалась на славу.

Чуть высунувшись из-за генератора, майор выгадывал подходящий момент. Бросить гранату можно было и сразу, как только противник показался на глаза, но для более эффективного броска следовало прицелиться поточнее. Сделать это было лучше тогда, когда плотность вражеского огня уменьшится.

Ожидание интродуктора продлилось недолго. Бойцы обеих штурмовых групп ступили на верхнюю палубу почти одновременно, и «юго-западные» на короткое время прекратили стрельбу, чтобы избавиться от фалов. «Юго-восточным» требовалось то же самое, однако они повременили отцеплять карабины, дабы не оставлять товарищей без прикрытия. Затем группы поменялись бы ролями, после чего их бойцы рассыпались бы по залу и, ведя непрерывный огонь, начали продвигаться вперед короткими перебежками...

Безусловно, так оно и случилось бы, не вмешайся в планы штурмовиков Кальтер. Едва четыре автомата из семи смолкли, он тут же высунулся из-за укрытия и швырнул гранату прямо под ноги отстегивающимся от спусковых устройств «юго-западным». Потом юркнул обратно, схватил последнюю гранату и зубами вырвал чеку.

«Юго-западным» потребовалась всего пара секунд на то, чтобы отцепиться от фалов, и когда взрывоопасный презент майора достиг цели, четверка монолитовцев уже вновь похватила оружие, готовясь прикрыть «юго-восточных». Но вместо этого прикрывающим пришлось срочно искать спасение отбрякнувшей возле них гранаты. Отрадно, что никто из них не страдал замедленной реакцией, но, увы, им довелось нарваться не на обычную гранату, а на ее ведомственный экспресс-вариант.

Спасти от взрыва удалось лишь двум из четверых сектантов – тем, кто вдобавок к отменной реакции обладал хорошей прыгучестью. Завидев опасность, парочка счастливицев что было сил сиганула подальше от окна, как будто нырнула в бассейн с бортика. Их не волновало, что прыгать пришлось не в воду, а на стеклянные осколки и обломки аппаратуры. Похоже, эти отчаянные сектанты были готовы ради собственного спасения даже переломать себе руки и ноги, лишь бы очутиться вне досягаемости гранатных осколков.

Остальные «юго-западные» оказались не склонными к акробатике и решили, что им хватит времени просто отбежать от гранаты на безопасное расстояние. Мысль эта в итоге стала для них губительной. Бегунам не хватило должной прыти, поэтому самого медлительного из них тут же вышвырнуло взрывной волной в окно, а второго посеколо осколками, как только он повернулся спиной к источнику неминуемой угрозы.

Учиненный интродуктором взрыв вмиг разрушил Гурону четкий алгоритм вторжения. Троице «юго-восточных» пришлось избавляться от спусковых устройств вообще без огневого прикрытия, поэтому вторая граната Кальтера была брошена настолько метко, что даже угодила в одного из врагов. Как ни парадоксально, но именно это обстоятельство и свело к минимуму эффект от ее взрыва. Проворный громила-сектант уже отстегнул карабин от троса и успел изловить стукнувший его в грудь яйцеобразный предмет. Удерживать его в руках монолитовец, разумеется, не собирался и поступил с гранатой так, как подсказал ему инстинкт самосохранения. А именно: развернулся к окну и решил вышвырнуть ее с палубы в пропасть.

И опять-таки непривычно короткая задержка взрывателя сыграла с врагом майора злую шутку. Граната разорвалась не на пути к земле, а в руках сектанта, чье дюжее тело и приняло на себя основную силу взрыва. Лишившись рук и головы, громила тем не менее оградила напарников от осколков, хотя не исключено, что легкую контузию эти двое все же заработали. Шарахнувшись в сторону, они ничком попадали на пол, подобно тем собратьям, коим удалось спастись от первой брошенной Кальтером гранаты.

А он уже схватил «ВМК» и стрелял по распластавшейся среди обломков четверке выживших противников. Однако те не спешили вскакивать с пола и нарываться на пули

интродера, а предпочли отстреливаться из более удобного положения. Ответный огонь из четырех стволов не позволял майору высунуться и четко взять на мушку какую-либо цель, но планируемая сектантами атака захлебнулась, и теперь их перевес был уже не столь ощутимым, как при начале штурма.

Кальтер стрелял одиночными выстрелами, стараясь экономить каждую пулю. В отличие от монолитовцев, пока не страдающих от дефицита боеприпасов, майор был обязан контролировать расход патронов, поскольку поживиться ими за счет противника не представлялось возможным. Манера защиты интродера, игнорирующего стрельбу очередями, быстро навела монолитовцев на правильный вывод, после чего они рассредоточились за наиболее крупными обломками и решили взять короткий тайм-аут. Торопиться штурмовикам было некуда – уничтожение считающего каждый патрон Кальтера являлось для них вопросом времени. Сектантам нужно было лишь запастись терпением и больше не подставлять головы под пули.

– Ну что, клейменная крыса, много успел наворовать здесь высоких технологий? – издевательски полюбопытствовал Гурон. Майор понадеялся было, что тот угодил в число погибших, однако, к огорчению Кальтера, командир сектантов оказался одним из тех шустриков, которые избежали взрыва первой гранаты. – Эй, особист, я к тебе обращаюсь! Черт, ну и везучий же ты, сукин сын! Удрал от нас с одним «Обручем», а сейчас опять при оружии! И на Паука проник, пронирующая татуированная морда! Вот только почему ты не сбежал, когда увидел вертолет, а? Ведь у тебя, ублюдка, было в запасе столько времени, чтобы скрыться, а ты остался. Почему, дьявол тебя дерит? Что здесь есть такое ценное, ради чего ты готов даже сдохнуть? Сделай милость, раскрой секрет, прежде чем я отрежу тебе твои крысиные яйца!..

Кальтер молчал. Вступать в словесную перепалку с врагом было не в его принципах. Неподалеку от него залегли четыре «помехи», которые следовало устранить, – вот и все, что интересовало сейчас интродера. Его работа не терпела болтовни, ибо та отвлекала внимание, столь необходимое «мизантропу» в охоте за жертвами. И пусть сегодня жертвой был он, правила от этого нисколько не менялись. Как и всегда, Кальтер старался сделать свою работу и при этом выжить. Ничего нового под солнцем.

Попытка Гурона разговорить «везунчика-особиста» не увенчалась успехом. Поэтому вскоре монолитовец решил прекратить бесплодную болтовню и вновь перейти к активным боевым действиям. Майор видел, куда разбежались сектанты, и держал под прицелом их укромные местечки, так что стоило лишь кому-нибудь из врагов высунуться, и тот с высокой вероятностью нарвался бы на пулю. Впрочем, схоронившийся за разбитым пультом Гурон тоже имел возможность следить за обстановкой и строить на основе своих наблюдений оперативные тактические планы.

Уцелевший пролет панорамы, который здорово помог Кальтеру предугадать направление вражеской атаки, теперь вдруг неожиданно-негаданно оказал майору медвежью услугу. Не высываясь из-за укрытия, Гурон метнул гранату, с расчетом, чтобы она перелетела через торчащий посреди зала генератор. Индеец мог при этом даже не целиться. Все, что от него требовалось, это размахнуться посильнее и швырнуть повыше предназначенный для интродера сюрприз. А точность броска особой роли не играла – оконное стекло за спиной Кальтера перенаправило гранату именно туда, куда Гурону было нужно.

Отскочив от окна, граната брякнулась в паре метров от майора и завращалась на полу, словно раскрученная бутылочка в одноименной детской игре. Противник выкуривал интродера из убежища прямо под пули, но иного пути у Кальтера не было. Его только что согнали с единственного безопасного места в зале, и куда бы майор ни кинулся, везде он был досягаем для вражеских стрелков.

Взрыв шарахнул в тот момент, когда Кальтер стремительным броском выскочил из-за генератора, а потом, наплевав на сломанные ребра, нырком плюхнулся на пол и покатился по нему во фланг рассредоточившегося по залу противника. Следом за взрывом загрохотали автоматы сектантов, которые только и ждали момента, чтобы начать пальбу по отчаянно маневрирующей цели. Одна из пуль вскользь зацепила Кальтеру плечо искалеченной руки, а еще одна пропорола мягкие ткани внешней стороны правого бедра. Оставайся интродер сейчас на ногах или кинься не в ту сторону, вряд ли дело ограничилось бы двумя касательными

пулевыми ранениями. Но поскольку майор изо всех сил разыгрывал из себя трудную мишень, то и отделался минимальными в его положении потерями.

Маршрут бегства был выбран Кальтером отнюдь не наобум. Четыре вражеских укрытия располагались по палубе примерно в одну линию, и потому, забежав во фланг этого маленького фронта, майор создал ситуацию, при которой стрелки противника перекрывали друг другу сектор обстрела. Лишь правофланговый сектант мог отчетливо видеть перед собой цель (он-то в итоге и задел прыткого Кальтера двумя пулями). Но поскольку этот монолитовец был из числа тех, кого майор изловчился ранить при десантировании на крышу, он заметно проигрывал «мизантропу» в проворстве и не успел увернуться, когда идущий в контратаку Кальтер открыл по нему встречный огонь.

Интрuder тремя выстрелами пригвоздил замешкавшегося монолитовца к его укрытию – перевернутому набок столу. После чего воспользовался этим же столом и телом мертвого врага в качестве щита, дабы спокойно перезарядить опустошенный магазин. На боль в простреленных плече и бедре Кальтер не обращал внимания, да и после пережитой им недавно боли новая казалась лишь мелкой неприятностью. Истовое желание выжить заставляло майора забыть о подобных «царапинах» и броситься на врага так, как бросается кошка на зажавшую ее в угол собаку: стремительно, яростно и невзирая на оскаленные собачьи клыки.

Перезарядив магазин, Кальтер решил обстрелять соседние укрытия, держа под рукой автомат убитого сектанта, чтобы быстро поменять свое оружие на трофейное, как только в «ВМК» иссякнут патроны. Но ближайший к майору враг не желал вести позиционную войну. Смекнув, чем занимается интрuder, монолитовец решил не проморгать эту кратковременную паузу. Пригнувшись, он кинулся в атаку, намереваясь нашпиговать противника свинцом до того, как тот снова вступит в бой. При этом бесшабашный сталкер стал поливать укрытие «особиста» короткими очередями, дабы не позволить ему высунуться и одновременно самому не растратить раньше времени патроны.

Завершив перезарядку, лежащий на спине Кальтер подтянул колени к груди и с силой лягнул сидящего перед ним мертвеца в живот. Покойник отлетел назад вместе со столом, прямо под ноги бегущему с автоматом на изготовку сектанту. Тот запнулся и едва не упал, а выпущенная им очередь ушла в окно. Однако вновь обрести равновесие ему уже не довелось. Пули стреляющего навскидку Кальтера полоснули монолитовца по коленям, перебив их. Враг как бежал, так и рухнул на подкосившихся ногах, выронив оружие и придавив интрудера всей своей массой. Тот еле успел выставить перед собой локоть ампутированной руки, а иначе стальной шлем противника точно сломал бы Кальтеру нос.

Будь у майора время прицелиться, он бы, конечно, постарался сразу же прикончить врага, но, к сожалению, все сложилось отнюдь не самым удачным образом. Разъяренный дикой болью монолитовец, однако, не обезумел от ярости, а продолжал действовать вполне адекватно. Мгновенно выхватив нож, он решил всадить его в горло прижатому к полу противнику. Не имея возможности выстрелить – для стрельбы в упор из такого положения «ВМК» обладала слишком длинным стволом, – Кальтер бросил винтовку и тоже метнулся рукой в карман, до которого мог сейчас быстро дотянуться.

Лежащее в том кармане оружие совершенно не подходило для рукопашной схватки, но майору было на это начхать. Во-первых, бороться с насевшим на него врагом одной рукой он не мог. А во-вторых, к барахтающимся на битом стекле противникам уже спешили остальные монолитовцы, которые моментально сведут на нет и без того ничтожные шансы Кальтера выжить.

Кое-как сдерживая культей вооруженную ножом руку сектанта, интрuder вынул из кармана «Кракатау» – «сестрицу» той кумулятивной мины, какую отобрал у него Гурон на переговорах вместе с запасом «Си-4», – а потом, недолго думая, присобачил магнитное взрывное устройство к шлему врага и рванул предохранительное кольцо. После чего уперся обеими руками в грудь заминированного монолитовца и, насколько мог, отстранил его от себя.

Предназначенная для выжигания замков в бронированных дверях, «Кракатау» взрывалась таким образом, что вектор ее взрыва был направлен в сторону прикрепляемого к поверхности основания. Кумулятивная струя без проблем прожигала дыру размером с кулак в стальном листе дюймовой толщины, и при работе с «Кракатау» следовало непременно соблюдать

технику безопасности. В частности, она требовала, чтобы при активации устройства подрывник стоял сбоку от него на расстоянии как минимум полутора-двух метров. Пытаясь обезопасить себя, Кальтер нарочно прилепил мину к вражескому виску, а не ко лбу или затылку, но как ни крути, а полностью избежать встряски майору не удалось.

Сектант понял, что к его шлему прицепили какую-то опасную дрянь, и попытался тут же ее сорвать. Но когда вражеская рука должна была схватить «Кракатау», хватать там было уже нечего. Кумулятивная мина начисто срезала монолитовцу голову, не оставив от нее даже брызг. До окна долетели разве что капли расплавленного металла, в которые превратился крепчайший стальной шлем. А его содержимое в буквальном смысле испарилось без остатка в высокотемпературной струе направленного взрыва.

Сконцентрированный в одной точке удар вмиг сбросил с майора обезглавленное тело, но рассеянные отголоски взрывной волны слегка контузили Кальтера, вынудив его стукнуться головой об пол. Не сказать чтобы сильно – в сравнении с пережитыми интродером в Зоне аналогичными ударами и вовсе пустяки. Но на несколько секунд он все же отправился в нокдаун. А когда вышел из него, то сразу же отправился в новый, только на сей раз не от взрыва, а от захавшего Кальтеру по лицу ботинка.

Впрочем, для новой встречи Индейца и вставшего у него поперек горла Эола это можно было считать очень даже вежливым приветствием.

Наконец-то двухметровый громила Гурон получил возможность отвести душу и поквитаться с Кальтером за все понесенные от него обиды. Поставив шатающегося «особиста» на ноги, командир сектантов сразу же зарядил ему ногой с разворота в живот с такой дурью, что интродер сначала пролетел пару метров по воздуху, затем грохнулся на пол и, проехав на спине по битому стеклу, остановился неподалеку от края пропасти. Если бы не толстый бандаж, наложенный медицинской системой таймбота на ребра Кальтера, наверняка он заработал бы еще несколько переломов. Впрочем, и те, что уже были им получены, наградили его новой вспышкой боли, от которой у «мизантропа» перехватило дыхание, а перед глазами замерцали разноцветные всполохи.

– Куда это ты направился? – проревел Гурон, снимая с головы шлем. Второй оставшийся в живых монолитовец поглядел на командира и сделал то же самое. – Решил, как крыса, слить с тонущего корабля? А впрочем, почему это «как»? Ведь ты и есть самая настоящая крыса! Погоди, не прыгай – я с тобой еще не закончил!

И, ухватив приходящего в себя Кальтера за ногу, отволол его подальше от разбитой панорамы. Второй сектант в это время собрал все разбросанное на поле боя оружие, в том числе и «ВМК», и свалил его в кучу у противоположного края палубы. Не отпуская лодыжки интродера, Гурон бросил напарнику и свою винтовку, дабы она не мешала Индейцу чинить расправу над пленником тем способом, каким ему хотелось. А хотелось ему, судя по всему, не просто пустить особисту пулю в башку, а открутить эту самую башку голыми руками. В чем Гурон, без сомнения, был большим специалистом.

– Встать! – скомандовал громила, отпуская майора после того, как дотащил его до относительно чистого пятка палубы. – Встать, крыса, или будешь делать это на счет раз-два с переломанными ногами! Знаешь, как с подобными тебе крысами мы поступали в спецназе?

Кальтер не знал, но был уверен, что вряд ли эта спецназовская традиция пришлась бы ему по душе. Не желая нервировать Гурона, майор подчинился приказу и начал неторопливо подниматься, заодно делая выводы, какую школу довелось пройти в свое время командиру сектантов. Сей факт, с учетом большой разницы весовых категорий Индейца и Эола, превращал первого в довольно грозного – если не сказать вообще непобедимого – противника в рукопашном бою. А поскольку напарник Гурона убрал подальше все огнестрельное оружие, стало быть, именно эта потеха и назревала под сводами купола Небесного Паука.

– Постой-ка! – наморщил лоб монолитовец. Он уже начал пританцовывать с ноги на ногу, готовясь снова продемонстрировать Кальтеру свое отменное владение техникой ударов ногами, но вдруг спохватился: – Возможно, у меня что-то с памятью, но, кажется, в полдень у тебя было две руки!

– Аномалия откусила, – процедил майор.

– Да ну? А я подумал, что крыса попала в капкан и сама себе лапу отгрызла! – гоготнул

Индеец, даже не подозревая, насколько верна его догадка. После чего, на сей раз без «раскачки», выпрыгнул в сторону майора, собираясь нанести ему сокрушительный прямой удар ногой в корпус. Удар, которым такой свирепый боец, как Гурон, шутя мог проломить противнику грудину.

Майора все еще шатало, будто пьяного, однако силы и координация мало-помалу возвращались к нему, и эту вражескую атаку он не проворонил. Совершив резкий уклон, Кальтер вынудил Гурона пнуть воздух и проскочить мимо, а затем выхватил из обрезанного рукава на культе кинжал и собрался вонзить его врагу сзади в шею. Но не тут-то было. Не успел интродер сделать выпад, а сектант уже обрел утраченное при промахе равновесие и встречал липового особиста в боевой стойке.

– Ух ты! А это и впрямь становится интересным! – осклабился Гурон. Помимо кобуры у него на поясе тоже висел довольно внушительный нож. Однако сектант к нему даже не притронулся, лишь окликнул напарника: – Эй, Бампер, ты видел: наша крыса чуть меня не поцарапала!

– Порви его на портянки, босс! – отозвался Бампер, стоящий на страже сваленных в кучу автоматов. – Или лучше дай я с крысой потолкую! Она сегодня Чибу зажарила, а тот мне штуку баксов был должен!

– Перебьешься! – осадил Индеец жаждущего особистской крови приятеля. – Эта крыса мне больше задолжала. Гораздо больше...

Одно дело – нападать с ножом на сектанта исподтишка, и совсем другое – биться с ним на тех же условиях в открытом бою. Усиленные пуленепробиваемыми пластинами комбинезоны «Монолита» имели очень мало уязвимых мест. Попасть в одно из них клинком, особенно когда твой противник – опытный вояка, было бы крайне сложно. В рукопашных стычках с такими свирепыми бойцами Кальтер предпочитал сначала полосовать врага по рукам и ногам, и лишь потом, когда враг терял все больше и больше крови, интродер начинал проводить прицельные атаки. С облаченным в сталкерский комбинезон Гуроном такая тактика однозначно не сработает. Добраться же врагу до горла майор вряд ли сумел бы, даже находясь в прежней физической форме, а сегодня этот номер и подавно не пройдет. Тем более что, едва не заполучив удар в спину, Индеец сразу прекратил выпендриваться и вспомнил о защите. Которая, надо полагать, у него тоже была отработана на совесть.

Майор опасался, что, продолжая размахивать ножом, он рано или поздно нарвется на болевой прием и заработает перелом своей единственной боеспособной руки. И тогда громила забьет Кальтера до смерти даже без кулаков – ногами. Исключительно ради куража, дабы Бампер потом рассказывал товарищам о легендарном командире, который брезгует пачкать руки об особистских крыс и давит их только ботинками. Интродер подбросил напоследок в ладони кинжал и отшвырнул его к выходу на нижнюю палубу. Нечего искушать Индейца убивать Эола раньше времени. Пусть уж лучше еще помутузит его, как боксерский мешок, чем ломает, будто медведь – березу.

Противник, естественно, не оставил жест Кальтера без издевательского комментария.

– Какое благородство! – скривился в презрительной ухмылке Гурон. – Крыса решила перед смертью биться честно! Что ж, Игнат Галаган, я это учту. А может, даже напишу об этом твоим друзьям в Индонезию – тем самым, которые забавлялись с тобой в тюрьме. Правда, не думаю, что они мне поверят, поэтому не обессудь.

Майор сосредоточенно следил за противником, стараясь предугадать очередную атаку, но все равно едва не прозевал ее начало. Такой мордоворот, как Индеец, мог вообще не задаваться поиском выгодной наступательной стратегии, поскольку любая выбранная им техника боя отличалась высокой скоростью и убойной мощью. Искалеченный и израненный Кальтер даже не пытался изловить Гурона на контрприем. У майора едва хватало сил на маневрирование и уклоны, но и подобная энергосберегающая тактика срабатывала далеко не всегда.

Увернувшись от пудовых кулаков сектанта, майор толчком отбил нацеленное ему в солнечное сплетение вражеское колено, однако длинные руки Гурона в итоге ухватили-таки Кальтера за шею. После чего противник подтянул его к себе и саданул головой в лицо. Не успей интродер в последний момент отвернуться, этот удар точно раздробил бы ему переносицу, а так всего лишь оставил внушительный кровоподтек под левым глазом и отправил

в очередной нокдаун, который Кальтер наверняка перенес бы на ногах, если бы Индеец позволил ему это. Но поскольку теперь свирепый монолитовец взялся за дело основательно, стало быть, и поблажек от него ждать больше не приходилось.

Несмотря на свои внушительные габариты, Гурон дрался ногами легко и, если к этой ходячей молотилке было применимо такое сравнение, изящно. Пнуть противника в голову было для Индейца столь же просто, как отвесить пощечину. Кальтер только и успел прикрыться боксерским блоком, когда ему справа прилетел мощный круговой удар ногой, коим бойцы спецназа обожают на показательных выступлениях крушить доски и разбивать банки с водой.

Участвовал Гурон в свою армейскую бытность в праздничных «показухах» или нет, неизвестно, но покрасоваться на публике он любил, это факт. Даже перед одним-единственным зрителем. Сбитый с ног эффектным ударом, Кальтер отлетел в сторону, но все же сумел в последний момент сгруппироваться и смягчить падение перекатом через бок. Что, в общем-то, майору не слишком помогло. Едва он попытался встать на четвереньки, как монолитовец коршуном спикировал ему на спину, ошарашил по горбушке локтем и вновь заставил принять горизонтальное положение.

Кальтер даже сбился со счета, пробуя запомнить, сколько он предпринял попыток встать на ноги и сколько раз Гурон ему в этом мешал. И что самое любопытное, ни разу не повторился. Подсечки, подножки, броски, добивающие удары... Чего только не испытали на себе намятые бока и гудящая голова интродера, пока Индейцу не надоела эта забава и он не смилостивился над майором, позволив ему подняться. Кальтер выплюнул осколок зуба, отер с лица кровь, текущую из рассеченной брови, но собрался-таки с силами и вновь принял боевую стойку. Ему не требовалось зеркало, чтобы убедиться, насколько жалко он сейчас выглядит, – это можно было определить и по собственному дерьмовому самочувствию. Однако как бы ни гудела у майора голова и ни подгибались колени, выходить из поединка он не собирался. Потому что еще не терял надежду одержать в нем верх.

Интродер глянул под ноги и осмотрелся, словно проверяя, мягко ли ему будет падать в следующий раз. Потом сместился чуть левее и встал спиной к генератору, находившемуся в десяти шагах позади него. Гурон должен был видеть перед собой едва живого, но все еще бросающего ему вызов противника. Не особо сложная роль, но, чтобы сыграть ее на «отлично», придется все же сосредоточиться и очень постараться. Главная проблема – не угодить раньше времени в нокаут, а иначе все пойдет насмарку. Гурон хитер, силен и жесток, но он еще молод и горяч. А еще – зол на весь мир, как и все, кого за какую-либо провинность с позором турнули из элитных военных подразделений. Сколько ему лет? Явно не больше двадцати пяти. В армии в этом возрасте можно уже дослужиться до капитана, но так и не избавиться от юношеских замашек, пытаясь самоутвердиться по поводу и без, в том числе и перед самим собой. Иначе зачем вообще был затеян этот спектакль с мордобоем?

В этом и крылась ахиллесова пята непобедимого врага. Ему нравилось быть легендарным и всячески поддерживать свой харизматический имидж. То, без чего пожилой вояка вроде Кальтера мог вполне обойтись, для Гурона если и не было смыслом жизни, то, по крайней мере, являлось ее важной составной частью. Привычкой, если угодно. И, к сожалению, отнюдь не полезной...

– Кончай крысу, босс! – выкрикнул Бампер. Кажется, ему начинало надоедать это представление. – Только не забудь у нее спросить, как отсюда выбираться. «Вертушке»-то хана!

– погоди, успеешь! – отмахнулся Гурон, который только-только вошел во вкус и приплясывал, перебирая ногами, как разогревающийся перед поединком боксер. – Не видишь, что ли, крыса желает продолжить бой! А он упертый, этот особист. Я и не думал, что среди их крысиного племени водятся такие зубастые твари!

Дабы ненароком не переиграть, Кальтер не стал еще пуще раззадоривать врага обидными выкриками, а просто молча расправил плечи и встал в боевую стойку. Не в ту, какую обычно предпочитал, а нарочито вызывающую, почти как в голливудских «каратэшных» боевиках. И даже для «кинематографичности» провел себе большим пальцем по кончику носа, как делал это, куражась, один из любимых киногероев юного Кости Куприянова – Брюс Ли.

– Ты глянь, глянь! – хохотнул Индеец, указав напарнику на готового продолжать потеху Кальтера. – Во дает, однорукий бандит! Блин, Бампер, а этот тип мне даже начинает нравиться!

А ну подскажи, как ему лучше вмазать, чтоб он кривляться перестал!

– В прыжке с разворота, босс! – порекомендовал Бампер, потеряв руки в предвкушении шоу. – Как ты месяц назад тому долговицу заехал, помнишь? Ну, тому, который еще хвалился, что он – типа чемпион сталкерской Арены!

– Можно и в прыжке, – не стал возражать Гурон. – Только в неполный контакт, а то крыса уже еле на ногах стоит.

– Давай, босс, засвети ему в хлебало! – потрясая автоматом, подбодрил болельщик звезду ринга. – Да чтоб зубы вместе с кровью фонтаном вылетели! И-и-э-эх, круто!

Пришурившись, Гурон глянул на майора так и эдак – вроде как захватил цель, – а затем, словно прыгун в высоту, прикинул на глазок расстояние и пошел на разбег. Интродер пошатнулся и взмахнул руками, делая вид, будто уже плохо соображает, что вообще здесь происходит. Не добегая до майора трех шагов, громила довольно резво подпрыгнул и, взмыв в воздух, нанес перед приземлением противнику удар ногой с разворота. Неизвестно, что подразумевал Индеец под неполным контактом, но этот его сокрушительный пируэт мог бы, наверное, свалить с ног даже бегущего лося.

Не исключено, что в последний момент Гурон сдержал бы свое обещание и поумерил силу удара. Но так как направлен он был майору точно в лоб, Кальтер не стал проверять, насколько щадящей планировалась атака. За миг до того, как в него врезался вражеский ботинок, интродер отшагнул назад, и удар пришелся ему не в голову, а в грудь. Хорошего от этого, безусловно, тоже было мало, особенно с учетом сломанных ребер Кальтера. Но, по крайней мере, он не лишился сознания и, что тоже немаловажно, не вызвал у Гурона подозрений в том, что подыгрывает ему. Именно подыгрывает, потому как, зарядив «особисту» очередную плюху, монолитовец, сам того не ведая, уже играл по сценарию майора.

Насколько был хорош тот сценарий, Кальтер, естественно, мог лишь предполагать. Но следующий эпизод он инсценировал тоже достаточно убедительно. Первую пару секунд вообще не пришлось ничего играть. Даже сохранять равновесие, и то не было никакой нужды. Сила вражеского пинка влекла майора в нужную сторону, и ему следовало лишь не забыть получше сгруппироваться при падении.

Далее, когда инерция от удара начала иссякать, Кальтеру уже пришлось импровизировать и приложить некоторые усилия, чтобы добраться до генератора под видом нечаянной жертвы. Если бы интродер сначала упал на пол, а затем вскочил и побежал к генератору, Гурон, безусловно, не оставил бы это без внимания и бросился в погоню за убегающим «особистом». А когда тот двигался к цели, так сказать, с подачи врага, Индеец не мог заподозрить за Кальтером никаких коварных намерений.

Грохнувшись на спину, майор перекувыркнулся назад через голову, после чего сделал вид, будто хочет сразу же вскочить на ноги, но не удерживает равновесия, а лишь бестолково перебирает ногами и вновь валится навзничь. И только потом, стукнувшись лопатками и затылком о генератор, теряет остаток сил и утомляется. Хотя в действительности всего лишь лежит, корчит из себя невменяемого и вяло машет руками, словно все еще пытается отбиться от противника.

– Бинго! – прокричал довольный представлением Бампер. – Чистая победа, босс! Крысиный король повержен! Прямо, на хрен, как в том балете про Щелкунчика!

В качестве ответной благодарности публике Гурон издал победный рев и воздел над головой кулаки – ни дать ни взять гладиатор-чемпион на залитой кровью арене Колизея. Надо полагать, что на этой торжественной ноте показательное «избиение крыс» должно было завершиться. В конце концов, Кальтер еще должен был ответить сектантам на интересующие их вопросы и помочь отыскать выход из Небесного Паука, уж коли Гурону и Бамперу больше не приходилось рассчитывать на вертолет...

Продолжая косить под контуженого, майор протянул руку к находившемуся рядом с ним техническому отсеку генератора, открыл дверцу, а потом ухватился за «Обруч Медузы» и рванул его на себя. А затем еще и еще, пока последнее удерживающее этерналий пластиковое крепление не поддалось и не лопнуло.

– Эй, босс, глянь на крысу! – Несмотря на то что Бампер находился в стороне от арены, он первым заметил то, чем занимается побежденный «особист». – Какого хрена она творит?!

Индеец уронил триумфально воздетые руки и тоже уставился на, казалось бы, практически невменяемую жертву. В таком виде – с не до конца опущенными руками, озадаченно наморщенным лбом и недоуменным взглядом, – Гурон и застыл. А на груди у него красовался «Обруч Медузы», метко брошенный майором и прилепившийся к стальным нагрудным пластинам сектантского комбинезона. И вся эта немая сцена была заключена под полупрозрачный, мерцающий синим светом купол – такой же, в котором всего несколько часов назад довелось побывать самому Кальтеру.

Участь пораженного темпоральным био-коллапсом Гурона ничем не отличалась от участи угодившего в ловушку монолитовцев интродера. А он, будучи уже знакомым со свойствами этого аномального явления, вскочил на ноги и без колебаний кинулся прямо внутрь синего пузыря. Только таким образом Кальтер мог обезопасить себя от пуль Бампера, который быстро сообразил, что стряслось с боссом, и вскинул винтовку, намереваясь прикончить вероломного метателя синих обручей...

...Но выстрелить так и не осмелился, потому что заскочивший в аномальную зону интродер уже спрятался за широкой спиной Гурона. И не застыл столбом, прикрываясь командиром сектантов, а расстегивал вражескую кобуру.

– Сука! – проорал Бампер и ринулся вперед, намереваясь добраться до Кальтера быстрее, чем тот отнимет у Индейца пистолет. Но Гурон был из тех педантичных вояк, кто уделяет достаточно внимания таким мелочам, как удобство экипировки. Потому его «беретта» извлекалась из кобуры столь же легко и непринужденно, как меч образцового самурая – из ножен.

Единственная проблема, которая встала перед майором, это снятие пистолета с предохранителя и его взведение. Но за тот насыщенный событиями час, который Кальтер прожил в шкуре инвалида (разумеется, беря в расчет лишь время его бодрствования), он уже приноровился выполнять множество жизненно необходимых действий по-новому, с учетом своего ущербного состояния. Зажав рукоять «беретты» в сгибе левого локтя, интродер отщелкнул ей флажок предохранителя, затем передернул затворную раму, дослав патрон в патронник, и перехватил готовое к стрельбе оружие боеспособной рукой. После чего не преминул воспользоваться практичностью своего живого укрытия: присел на одно колено, оперся на окостеневшую полусогнутую руку Гурона, как на подставку, и из такого устойчивого положения открыл огонь.

Судорожный отскок в сторону Бамперу уже не помог. Шесть из девяти выпущенных Кальтером пуль угодили в сектанта, из них две – точно в голову. Не сделав ни единого выстрела, монолиловец грохнулся ниц в шаге от аномального пузыря и замер без движения. Очевидно, парализованный командир тоже засвидетельствовал краем глаза гибель своего преданного бойца, с которым заодно погибла и последняя надежда Гурона на спасение.

– Эта болезнь называется «темпоральный био-коллапс», – просветил Эол Индейца, проведя у него ладонью перед глазами и убедившись, что жертву неосторожного обращения с этерналием и впрямь нельзя отличить от мертвеца. – К сожалению, в твоём случае, Гурон, она неизлечима.

И поднес ко лбу монолитовца его же «беретту». Однако не выстрелил, а нахмурился, кое-что припомнив, и произнес:

– Ах да, ты же задал мне вопрос, почему я не удрал, когда ваша шайка показалась на горизонте. Если тебе это еще интересно, могу ответить. Интересно?..

Выяснить, интересуют ли Гурона такие подробности, можно было только одним способом. Но Кальтера он, само собой, не устраивал.

– Здесь нет никакой загадки, Гурон, – продолжил майор, не отводя пистолет от вражеского лба. – Я остался, потому что не хочу, чтобы такая тварь, как ты, плевала в мое будущее. Можешь плюнуть в мое прошлое – я не обижусь. Там и без твоего плевок грязи хватает. Но только не в будущее. Оно прекрасно. А вот тебе в нем места нет и не будет.

И, продолжая устало глядеть в безжизненные глаза врага, спустил курок...

– Ну вот и все, дядя Костя. Как видишь, эта штука работает быстрее генератора, – печально заметила Верданди, кивнув на индикатор готовности, что светился на темпоральном миниботе и только что поменял цвет с красного на зеленый. Вместе с этим лежащий на стартере «Обруч Медузы» прекратил мерцать и растаял в воздухе, словно кольцо светящегося синего дыма. Миг, и от драгоценного артефакта не осталось и следа. Как Вера и предупреждала, минибот выкачал в форсированном режиме из этерналия всю энергию до капли, и тот прекратил свое существование.

– Тебе лучше поспешить, – поторопил девочку Кальтер. – А то вдруг, не дай бог, опять какая накладка случится, и где тогда прикажешь искать тебе новый «Обруч»?

– Ты не забыл, о чем мы с тобой говорили перед тем, как появились эти злые сталкеры? – второй раз за минувший час поинтересовалась Верданди.

– Конечно нет, – ответил майор. – Пускай те злодеи и огрели меня по голове, будь уверена: я помню все, что ты мне сказала.

– И ты согласен?

– Ну, если то, что ты предложила, действительно возможно... – Кальтер замялся и посмотрел на прислоненную к стене «ВМК», словно его старинная боевая подруга могла подсказать, как ему поступить в такой непростой ситуации. – Хотя было бы неплохо сначала обдумать твоё предложение... Но поскольку на это нет времени... Наверное, я все-таки соглашусь. Предложил бы кто-то другой, тогда не знаю, а так... И впрямь, почему бы и нет?

Как и тогда, перед уходом майора на переговоры с сектантами, Вера подошла к нему и крепко обняла за талию. Только теперь интродер не ступевался и тоже обнял девочку за плечи. Даже сквозь плотный сталкерский комбинезон Кальтер ощущал, как часто колотится сердечко Верданди – самого удивительного человека, встреченного им за всю свою жизнь.

– Значит, я обязательно вернусь за тобой, – пообещала Вера, подняв лицо и улыбнувшись Кальтеру своей неповторимой и столь редкой улыбкой. – Клянусь самой страшной клятвой!.. Правда, не знаю, как скоро это получится. Когда у нас станет известно о том, что здесь произошло, институт темпоральных исследований может закрыть этот отрезок времени для путешествий. Так иногда делают, пока не выяснятся причины аварии, как, например, было после гибели динозавров... Но ты не волнуйся, дядя Костя, я обязательно что-нибудь придумаю. Если будет нужно, найду людей, которые нам помогут. Ты только жди, ладно? А я как смогу, так сразу... Ты мне веришь?

– Разумеется, верю, – подтвердил майор. – Ты же поклялась... Если вдруг не получится меня отыскать, просто оставь на поляне под таймботом какой-нибудь знак и намекни, где и когда нам лучше встретиться. А уж я твоё послание разыщу, можешь не сомневаться.

– Мы точно договорились? – переспросила Верданди.

– Точно, – кивнул Кальтер.

– Вот и хорошо, – довольно подытожила девочка. – А раз договорились, значит, мне не надо напоминать, что от тебя требуется, да?

– Мне следует быть осторожным, беречь здоровье и не ввязываться в неприятности? – на всякий случай уточнил интродер.

– Молодец, ты все правильно понял, – вновь улыбнулась Вера. После чего выпустила Кальтера из объятий, но не отстранилась от него, а сделала выразительные глаза и молча поманила его пальчиком.

– Чего еще? – буркнул майор, не сообразив, что значит эта непонятная игра в секреты. Да и от кого здесь таиться? От Святогора, который хоть и утратил большую часть своих возможностей, но кое-какие функции выполнять еще мог?

Верданди не ответила и повторила свой жест еще более настойчиво.

Кальтер нахмурился и наклонился к девочке, гадая, что же такое сокровенное она хочет шепнуть ему на ухо. Но вместо этого Вера, ни слова не говоря, встала на цыпочки и просто поцеловала майора в замызганную щеку.

– А... Вот оно что... Ну да... – неловко покашляв, вновь смутился Кальтер. До сих пор он так и не привык к неожиданным выходкам этого ребенка. – И тебе тоже спасибо за все... И за то, что было, и за то, что будет... Ты это... извини. Я не умею прощаться, так что...

– Но мы ведь и не прощаемся. Просто расстаемся ненадолго, – перебила его девочка,

после чего покачала головой и тяжело вздохнула. – Тебе еще так многому придется научиться, дядя Костя. Но не переживай, ты – способный и быстро во всем разберешься. А в чем не сумеешь, я тебя научу. Главное, не забудь о нашем договоре. Вот увидишь, будущее тебе обязательно понравится. В любом случае там тебе будет лучше, чем здесь...

Процесс возвращения Верданди домой занял меньше одной секунды. Вот девочка стоит за прозрачной дверью минибота и машет Кальтеру рукой, а через мгновение в темпорационной камере уже никого нет и освещающая ее лампочка гаснет, словно театральный софит после того, как артисты ушли со сцены и занавес опустился.

Майор еще некоторое время потоптался перед опустевшим миниботом, дотронулся на прощание до его холодного стекла, а потом подобрал «ВМК» и побрел к гравилифту. Святогор загодя предупредил Кальтера, что после того, как хозяйка таймбота темпортируется и будет получен сигнал о ее успешном прибытии на место, внутри Небесного Паука начнется полная темпоральная стерилизация. Что это означает, интродер уточнять не стал, но понял: ему намекнули на то, что его присутствие на борту во время вышеназванной процедуры крайне нежелательно. Святогор вежливо добавил, что был бы рад снова помочь дяде Косте подлечить его раны, но, к сожалению, лазарет таймбота после вертолетной атаки больше не функционирует. Поэтому единственная помощь, какую он – Святогор – может оказать другу отбывшей домой Верданди, это отправить его на гравилифте обратно в Зону. Интродер не возражал: все равно больше деваться ему было некуда.

Прежде чем войти в гравилифт, Кальтер не забыл прихватить у мертвых сектантов аптечку и пару подсумков с боеприпасами. На первое время хватит, а там будет видно. Вряд ли у Верданди получится так быстро сдержать слово, но все равно недельку-другую подождать надо. Чем будущее не шутит, авось Вере и повезет?

Единственное, что беспокоило Кальтера, это расположенный поблизости от Небесного Паука «Выжигатель Мозгов», который вновь стал доступен сектантам, не теряющим надежды восстановить свое главное стратегическое оружие. Однако как бы то ни было, «Монолит» не сможет так быстро починить наполовину уничтоженное психотропное оружие, а значит, интродеру пока нет смысла бежать без оглядки из Рыжего Леса. Ну а на худой конец, можно будет и самому наведаться на радарную станцию и попробовать повторить подвиг того неизвестного сталкера, что не так давно покушался на «Выжигатель». Правда, дядя Костя пообещал Верданди не ввязываться в неприятности, но в данном случае от клятвы можно отступить. Плохо, если девочка вернется за Кальтером в прошлое и нечаянно нарвется в Рыжем Лесу на смертельно опасный сюрприз сектантов.

Гравилифт доставил Кальтера на землю, после чего укатил назад, на прохождение темпоральной стерилизации, а майор остался стоять посреди полянки, на которой он не так давно хладнокровно лишил себя левой руки. Чертова «Колодка» притаилась на своем месте, а разбросанный вокруг нее на земле медицинский мусор и пятна крови бесследно исчезли. Неужели аномалия сожрала их на закуску к главному блюду ее сегодняшнего обеда – человеческой конечности?..

Злобно покосившись на «Колодку», как на заклятого врага, Кальтер проследовал к краю поляны и, положив винтовку вместе с трофейными подсумками на траву, устало опустился на присмотренный им еще вчера замшелый валун. Надо бы обработать раны, которые интродер наскоро перевязал сразу же после устранения своей последней «помехи» – Гурона. Но сначала попить воды, а то в горле совсем пересохло.

Открыв первый подвернувшийся под руку подсумок, Кальтер достал из него фляжку и жадно приложился к ней, выпив за один присест половину ее содержимого. Потом плеснул воды в пригоршню, умыл лицо и подставил его высохнуть дующему в лесу ветру... Хорошо! Уже ближайшей ночью здесь наверняка опять появятся мутанты, а скоро придут и сталкеры «Монолита». Но пока в окрестностях Небесного Паука все оставалось по-прежнему спокойно. Лишь треск и всполохи далекого пламени пробивались в просветы меж толстых стволов вековых сосен. Это догорал упавший на восточной опушке Рыжего Леса «Ми-24», который, вопреки ожиданиям, не учинил пожар – видимо, баки сектантского вертолета были почти пустыми. А продувающий лес теплый западный ветер сносил дым и гарь в сторону Военных Складов, позволяя Кальтеру наслаждаться чистым лесным воздухом.

Ветерок нес с собой запахи сухой травы и прелой хвои, устилающей лес сплошным мягким ковром. Но что самое удивительное – этот ветер не был *чужим*. Совершенно. Лицо майору освежало хорошо знакомое ему дыхание ранней осени, наполненное дивным и немного грустным ароматом ностальгии по безвозвратно ушедшему босоногому деревенскому детству. Сперва Кальтер даже не поверил тому, что это происходит с ним наяву. Взяв с земли горсть перемешанных со мхом сухих сосновых иголок, он недоверчиво понюхал их и только тогда убедился, что не стал жертвой очередной местной галлюцинации. Ветер и впрямь избавился от той колючей, пронизывающей чужеродности, которая нервировала интродера с первых минут его появления в Зоне. Да и сама Зона виделась ему теперь... нельзя сказать, что родной, но по крайней мере привычной – такой, какими однажды стали для «мизантропа» пески и горы Средней Азии, где ему доводилось по несколько раз в году бывать в служебных командировках.

Поначалу Кальтер недоумевал, чем вызвана эта резкая смена отталкивающей гримасы Зоны на дружелюбное выражение ее уродливой морды. Однако, посидев немного в лесной тиши и прислушавшись к собственным ощущениям, майор догадался, почему окружающий мир стал другим. И не было в этой догадке ничего сложного. Наоборот, ее очевидная простота вызвала у Кальтера улыбку, пусть даже улыбаться в его положении было, казалось бы, совершенно нечему...

Череду нахлынувших на Кальтера внезапных откровений нарушил вибросигнал ПДА, брошенного майором на траву вместе с остальными вещами. Кальтер решил было, что с ним желает потолковать кто-то из подручных ныне мертвого Индейца, и бросил недовольный взгляд на назойливо напоминающее о себе устройство. После чего с некоторым удивлением отметил, что «Монолит» здесь абсолютно ни при чем.

Рядом со стандартной иконкой визуального оповещения о вызове мигала еще одна, дополнительная. Она извещала «мизантропа» о необходимости переключиться на закрытый кодированный канал. Но опять-таки не стандартный, на каких вели между собой приватные беседы члены сталкерских кланов, а на особый – тот, по которому с Кальтером мог связаться лишь один-единственный человек.

Включать режим голосового общения с ним майору запрещалось, но теперь ему было начхать на мелкие конспиративные условности. Да и набивать на мини-клавиатуре текст одной рукой было бы крайне малоприятным занятием.

– Кальтер на связи, – отозвался интродер, включив встроенные в ПДА миниатюрные динамики и микрофон.

– Кальтер, что происходит? Почему ты вышел из режима секретности? – В пропущенном через синтезатор металлическом голосе Стратега чувствовалось нешуточное волнение.

– Говори, Стратег, – устало отмахнулся «мизантроп». – К черту секретность. Здесь поблизости нет ни души.

– Ты проигнорировал три плановых сеанса связи, Кальтер, – произнес голос из динамиков. – Это на тебя не похоже. Я крайне обеспокоен ходом операции и твоим поведением, поэтому жду твоего доклада. Что происходит?

– То же, что однажды произошло с Триксом, Ингваром и Алькавом, – ответил майор, после чего без обиняков заявил: – Я сломался. Операция провалена. Вот только в отличие от тех трех парней я провалил дело сознательно. Благодаря мне покупатель получил товар и два часа назад уничтожил объект «Небо». Рваная обертка от товара лежит в полутора километрах восточнее меня. Если хотите, можете прислать мусорщиков и подмести двор, пока здесь не появились люди покупателя. А я выхожу из игры. Вы можете смело вычеркивать Кальтера из Списка Бодрствующих.

– погоди, не спеши. К чему такая категоричность? Давай обсудим твою ситуацию, как здравые люди, – предложил Стратег и признался: – Я видел, что происходило сегодня вокруг объекта «Небо». После того как ты во второй раз не вышел на связь, мы приняли решение задействовать Перламутровое Око, чтобы отследить сигнал твоего ПДА. Око обнаружило тебя вчера на подходе к Рыжему Лесу. Я решил, что ты движешься за товаром в Припять, однако сегодняшний сеанс наблюдения за тобой, признаться, поставил меня в тупик. В чем дело, Кальтер?

– Если вы видели, что случилось с объектом «Небо», значит, Перламутровое Око и сейчас следит за ним, – догадался майор и посмотрел вверх. В серых тучах над ним как раз образовался просвет, в который был виден голубой небосвод, а где-то еще выше пролетал над Восточной Европой разведывательный спутник Ведомства.

– Совершенно верно: следит, – подтвердил Стратег. – Можешь даже помахать мне рукой, если хочешь.

Кальтер хмыкнул, после чего исполнил просьбу командования, задрал вверх забинтованную культю и поприветствовал Стратега энергичными взмахами.

– Кстати, о твоей ампутированной руке нам тоже нужно серьезно поговорить, – сказал тот, действительно взирая с небес на таймбот и рассеявшегося в его тени майора. – Но полагаю, ты сам расскажешь по порядку обо всем, что с тобой стряслось, ведь так?

– Вы наблюдаете за мной вторые сутки по шесть часов кряду, – с удивлением заметил интродер. – Неужели вам до сих пор не удалось выяснить причину, по которой я пустился во все тяжкие?

– Нет, – сознался Стратег. – Мы продолжаем теряться в догадках. Особенно после того, как ты обменял у сектантов компоненты товара на неизвестный артефакт, проник при помощи него на территорию объекта «Небо», а затем по собственной воле отстрелил себе руку. Ты можешь дать разумное объяснение хотя бы одному из этих фактов?

– Погодите, Стратег, – опешил Кальтер. – Я вас правильно понял: вы видели, как я отстрелил себе руку?

– Во всех подробностях, – уточнил механический голос. – У нас даже есть видеозапись в максимальном цифровом разрешении. На ней прекрасно видно, как ты садишься перед какой-то кочкой, суешь туда руку, а затем ампутируешь ее при помощи винтовки и ножа. Однако твой голос звучит неуверенно – похоже, ты сомневаешься, что участвуешь в этом добровольном самоистязании. Я могу выслать тебе видеозапись, чтобы ты взглянул на то, что вытворял на этой же поляне три с половиной часа назад.

– Нет, не надо – я еще не выжил из ума, чтобы забыть подобное, – отказался сильно озадаченный интродер и, собравшись с духом, поинтересовался: – А как же девочка? Разве Перламутровое Око не обнаружило маленькую девочку с фиолетовыми волосами и в серебристом комбинезоне, которая угодила в аномалию и которую я затем оттуда вытащил?

– Что? Повтори, Кальтер, я плохо тебя понимаю: ты сейчас говорил о какой-то девочке? – переспросил Стратег.

– Именно о девочке, – подтвердил майор. – Той самой девочке, с которой мы вчера шесть часов шли по Зоне под наблюдением Ока. Неужели это тоже выпало из поля вашего зрения? Девочку звали Вера, и она все время находилась в двух шагах от меня! Какого черта, Стратег! Ты что, меня разыгрываешь?!

– Ни вчера, ни сегодня Перламутровое Око не зафиксировало рядом с тобой никакой девочки, – как ни в чем не бывало отозвался Стратег, снова, будто обухом по лбу, ошарашив Кальтера. А затем добавил: – Однако любопытное совпадение: кое-какая информация о девочке действительно была нами вчера получена. И не исключено, что речь идет именно о том ребенке, которого ты описал. Изучая твой предполагаемый маршрут за истекшие три дня, мы обнаружили следы той самой катастрофы, сведения о которой наши аналитики отнесли недавно к разряду непроверенных слухов. Выяснив, что слухи насчет сбитого неопознанного летающего объекта имеют под собой основу, мы внимательно изучили окрестности и обнаружили останки трех тел, не похожих на тела мутантов или сталкеров.

– Трех? – не поверил своим ушам интродер. – Насколько мне известно, там было всего два тела. Одно принадлежало мужчине, другое – женщине.

– У тебя не совсем точная информация, Кальтер. Действительно, эта мертвая парочка находилась неподалеку от разбившегося НЛО. Третье тело, которое, судя по признакам, принадлежало подростку женского пола, лежало растерзанным в трехстах метрах южнее, в высокой траве. Очевидно, поэтому ты его не заметил. Похоже, девочка пыталась скрыться от преследования, случайно наткнулась на хищного мутанта и погибла. О других девочках мне, к сожалению, ничего не известно. Но раз ты настолько уверен, что во время рейда тебя сопровождал ребенок, могу предположить, что тебе пришлось иметь дело с призраком. В Зоне

это аномальное явление считается в порядке вещей.

– А кто же тогда провел меня на объект «Небо»? Тоже призрак? Я провел с Верой больше трех суток! По-моему, этого вполне достаточно, чтобы отличить живого человека от привидения!

– Чтобы заработать в Зоне тяжелое нервное расстройство, хватит и гораздо меньшего времени, – ответил Стратег. – Поэтому могу выдвинуть и другую версию происходящего: твой призрак не имеет отношения к аномалиям Зоны, а порожден твоим воспаленным сознанием. Ты нездоров, Кальтер, и тебе действительно пора покинуть Список Бодрствующих и уйти в отставку. Ну а насчет твоего феноменального проникновения на объект «Небо» могу сказать следующее. Проникать на подобные объекты – твоя работа. За годы службы ты научился анализировать ситуацию на уровне подсознания. Ты мог даже не обратить внимания на то, как сопоставил выведенные тобой в Зоне третьестепенные факты и сложил их в единое целое, автоматически выработав таким образом план вторжения на объект «Небо». К несчастью, вместе с этим ты пережил тяжелый нервный срыв и потому убедил себя в том, что ключ к объекту тебе подарила некая девочка. Да, Кальтер, ты сломался и провалил операцию. Так что возвращайся – будем решать вопрос о твоей отставке. Полагаю, с учетом твоего впечатляющего послужного списка этот некрасивый инцидент не слишком отразится на твоей репутации.

– Ты лжешь, Стратег! – взорвался майор, в гневе вскочив с камня. Глаза Кальтера налились лютой ненавистью, а на скулах заиграли желваки. – Намеренно лжешь, потому что сразу понял: если я решил плюнуть на задание и помочь несчастному ребенку, значит, уже никогда не вернусь в ваше проклятое Ведомство! Поэтому ты зол и всячески пытаешься запудрить мне мозги! Сумасшествие и то не побрезговал мне приписать! Ради чего даже не поленился сфальсифицировать видеозапись! Все, что угодно, лишь бы Кальтер уверовал в то, что он рехнулся и, поджав хвост, прибежал обратно. Не дожدهшься, Стратег! Я скорее поверю, что это ты – призрак, ведь за столько лет я ни разу не видел твоего лица. Только этот мерзкий дребезжащий голос из колонок, и больше ничего! А девочка Вера – реальна. И она – мой лучший и единственный друг, запомни это, ты, лживое бестелесное существо! И теперь Вера отправилась домой – назад, в свое прекрасное будущее! Возможно, когда-нибудь и я там окажусь, кто знает? Ну а нет, значит, нет – майор Константин Куприянов готов покорно принять любой приговор Зоны! Один человек сказал мне недавно, что Зона судит каждого, потому что здесь нет невиновных! А потом я его убил. В тот раз я выступил палачом, а теперь вот сам сижу на скамье подсудимых. И Зоне есть за что с меня спрашивать. Нет, не за те души, которые я погубил, – за них мне предстоит держать ответ в другом месте. Зона не судит за чужую смерть, ибо она в этом плане сама далеко не безгрешна. Зона судит за твою собственную жизнь, и судит так, как это не под силу даже самому Господу Богу. Он требует от нас покаяния, а Зона не требует ничего. Она просто открывает нам глаза на те вещи, какие мы раньше в упор не замечали. Работая на вас, я научился превосходно контролировать собственные эмоции, но совершенно разучился понимать, когда я искренен, а когда притворяюсь. Забавно: даже сейчас я не знаю, искренне ли говорю или же пытаюсь оправдаться перед тобой в том, что Кальтер – не безумец. Я лгу инстинктивно, лгу всем подряд, в том числе самому себе, убеждая себя в том, что живу и поступаю правильно. Осознавать собственную лживую натуру и одновременно продолжать лгать – хуже пытки. И если бы проблема крылась только в этом! Отнимая чужие жизни, сам я жил по принципу «сделал – забыл» – единственно верному принципу на моей специфической работе. Однако, встретив Веру, я невольно оглянулся назад и увидел, что сегодня мне попросту не о чем вспомнить. За двадцать лет – ни одного заметного воспоминания! Ни хорошего, ни плохого! Все выброшено и забыто, как ненужный балласт, а в памяти – лишь крики. Тысяча криков, и ни одного лица. Есть среди тех голосов и детские, вот только кричат они не так, как должны кричать дети. И самое отвратительное в том, что ведь это я, а не кто-то другой, заставлял кричать тех детей от боли и страха. Но сегодня все было совсем иначе. Сегодня ребенок из далекого будущего поблагодарил меня за помощь. И даже поцеловал. Теперь мне есть что отложить у себя в пустой памяти. А завтра я смогу взять оттуда эти воспоминания и сказать: черт возьми, единственный раз в жизни, но Кальтер совершил поступок, который ему нет необходимости забывать! И это был правильный выбор, Стратег, что бы ты ни думал на сей счет. По крайней мере, когда я буду подыхать, мне удастся

вспомнить хоть что-то приятное.

– Да, Кальтер, теперь твой диагноз не подлежит никакому сомнению, – мрачно проронил механический голос. – Поверь, мне искренне жаль, что такой отличный солдат, как ты, покидает поле битвы сломленным и опозоренным. Мы доверяли тебе, как никакому другому оперативнику. Родина тебе доверяла. Ты вероломно предал не только нас, но и свою страну. Полагаю, мне не надо напоминать о том, что тебя ждет, когда ты вернешься из Зоны?

– Не беспокойся, я не вернусь, – ответил майор Константин Куприянов. – Меня в вашем мире больше ничего не держит. Весь мой мир теперь со мной, в Зоне. Сегодня она приняла меня и вряд ли уже когда-нибудь отпустит. Тут все мои надежды на будущее и воспоминания о единственном человеке, который мне дорог. А в вашем мире – только пустота и кровь. Это там я находился в зоне, а здесь я абсолютно свободен. Прощай, Стратег.

И, выключив ПДА, уселся обратно на камень. Ждать Веру.